

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3 в 2023 году.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-84812. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission in 2023.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

16+

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р. филол. наук, доцент, БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный
гуманитарный университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Editorial board

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Новый номер журнала посвящен актуальным проблемам психологической науки и практики. Представленные в нем статьи продолжают развивать оформившиеся сегодня исследовательские тренды в изучении феноменов когнитивной сферы и ментального пространства, психологических факторов жизнеосуществления человека в различных социальных и географических условиях, особенностей формирования, развития и функционирования личности на различных этапах образовательной деятельности. Рассматриваемые авторами проблемы раскрываются в контексте зачастую пересекающихся исследовательских областей общей психологии и психологии личности, социальной, педагогической, клинической психологии, что расширяет спектр научных интересов для читателей журнала. Ключевыми конструктами, определяющими проблемное поле представленных исследований, выступают такие понятия, как отношение к безопасности, когнитивные дисфункции, правовые отношения, экстремальные природно-климатические условия, ценностное отношение, жизнестроительство. Актуальность рассматриваемой в публикациях проблематики обусловливается необходимостью переосмысления психологических детерминант жизнедеятельности человека в современных условиях неопределенности и нестабильности геополитической ситуации.

Номер открывает раздел о патологических особенностях функционирования когнитивной сферы при различных заболеваниях. И. А. Изюмова вывила, что содержание получаемой информации у пациентов с болезнью Паркинсона претерпевает сильные изменения на этапе ее сохранения, что является фактором нарушения процессов консолидации и реконсолидации. Е. В. Щетинина и др. показали, что пациенты первого психического эпизода с преобладанием дефицита со стороны когнитивной сферы чаще демонстрируют отсутствие критики к своему актуальному состоянию, что негативно сказывается на терапевтическом альянсе с врачом. А. В. Солодухин и др. систематизируют методологические основания разработки модели профилактики и коррекции ПККД. Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец уточняют особенности ментального представления опасности и безопасности субъектом в разных типах неопределенности. Г. А. Сидорова и М. С. Иванов выявили особенности представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями.

В разделе Онто- и социогенетические аспекты развития и жизнеосуществления личности описаны социально-психологические условия, закономерности, особенности, факторы и механизмы развития и функционирования личности на различных стадиях жизнеосуществления. Д. С. Безносков выделил четыре подхода к определению понятия *правовые отношения*. О. В. Груздева и Е. В. Улыбин выявили ключевые компоненты актуального развития самосознания детей в раннем онтогенезе. И. В. Калашникова и К. Н. Белогай, А. А. Кулик и А. В. Мазуркевич в своих статьях актуализируют проблему влияния внешних экстремальных климатографических условий на процессы личностного развития и формирования образа жизни человека.

Завершающий раздел актуализирует роль условий образовательного и воспитательного процессов в становлении личности. Н. Б. Карабушенко и др. демонстрируют необходимость развития эмоциональной сферы у студентов инженерно-технических направлений как субъектов потенциальной

научно-технической элиты России, подтверждая значимость расширения использования будущими специалистами преодолевающих стратегий в стрессовых ситуациях. П. Ю. Наумов и И. В. Холиков представили опыт внедрения в процессы обучения и воспитания военного вуза мероприятий по формированию ценностного отношения у курсантов к нормам международного гуманитарного права как фактора целостного процесса развития личности будущего офицера. Проблема способности старшеклассников общеобразовательной школы реализовывать свой потенциал (знания, умения, личностные качества и др.) для ответственного создания и реализации жизненных планов раскрывается Ю. В. Ольховой и М. В. Сафоновой через операционализацию компетентности жизнестроительства. Л. В. Скорова и Я. В. Новгородцева рассматривают феномен отцовства как компонентное образование, включающее вовлеченность отца в жизнь ребенка-подростка, идентичность его семейной роли.

Приглашаем к сотрудничеству заинтересованных авторов! Наш журнал открыт для обсуждения новых тем и актуальных проблем психологии.

Dear readers and authors!

This issue of SibScript offers some a deep insight into the most relevant matters of psychology. The articles you are going to read develop the latest research trends in cognitive studies and psychological practices. From social environment to Arctic climate, from cognitive deviations to university education, they investigate the effects of various external and internal factors on life fulfilment. The psychological determinants of human life are undergoing major changes in modern conditions of geopolitical instability. As a result, such issues as attitude to personal safety, cognitive dysfunction, legal relations, extreme natural and climatic conditions, personal value, life planning, etc., demand a syncretism of general, personality, social, educational, and clinical branches of psychology.

The opening section of Cognitive Studies and Mental Spaces: Normal vs. Pathological Conditions tells about cognitive deviations caused by various diseases. I. A. Izyumova studied information processing in patients with Parkinson's disease and reported that input data get distorted as early as at the stage of preservation, which disrupts the consolidation and reconsolidation processes in this group of patients. E. V. Shchetinina et al. wrote about patients with cognitive deficiency that suffered their first episode psychosis: they were unable of critical evaluation of their current state, which often hindered the therapy. A. V. Solodukhin et al. constructed a model for prevention and correction of post-COVID-19 cognitive dysfunction. T. M. Krasnyanskaya and V. G. Tylets performed comprehensive research on the mental representation of danger and safety in patients with different types of uncertainty. In their study, danger had

a less complex mental structure than safety, which consisted of temporal, objective, and subjective types of uncertainty. G. A. Sidorova and M. S. Ivanov described the concept of personal safety in teenagers with intellectual disabilities.

The section of Ontology and Socio-genetics of Life Fulfilment introduces original studies of age-related psychological and socio-psychological conditions, patterns, features, factors, and mechanisms. D. S. Beznosov identified different approaches to the concept of legal relations. O. V. Gruzdeva and E. V. Ulybina studied self-awareness formation during early ontogenesis. I. V. Kalashnikova, K. N. Belogai, A. A. Kulik, and A. V. Mazurkevich described the effect of extreme climatic environment on personality development and lifestyle.

The final section, Psychological and Pedagogical Issues of Personality

Development, covers some relevant issues of education and upbringing in personality formation. N. B. Karabushchenko et al. interviewed students of engineering and technical professions as Russia's future scientific and technical elite. They found out that the students often experienced emotional problems and needed to be taught stress-coping strategies. P. Yu. Naumov and I. V. Kholikov proved that a value-based attitude to the norms of international humanitarian law could help military students to develop as a wholesome personality. Yu. V. Olkhova and M. V. Safonova studied life planning skills in high school students. L. V. Skorova and Ya. V. Novgorodtseva considered the concept of fatherhood, which they defined as the father's involvement in the life of his children, the way he interacts with them, and his ability to identify himself with his family role.

We will be glad to welcome new authors and new topics in psychology!

Исследования когнитивной сферы и ментального пространства личности в норме и патологии

Особенности консолидации и реконсолидации слухоречевой памяти при болезни Паркинсона <i>Изюмова И. А.</i>	161
Вариативность неопределенности в ментальной реконструкции опасности и безопасности <i>Краснянская Т. М., Тылец В. Г.</i>	172
Особенности представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями <i>Сидорова Г. А., Иванов М. С.</i>	181
Методологические основания разработки модели профилактики и коррекции постковидной когнитивной дисфункции <i>Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А.</i>	196
Сравнительный анализ клинико-психологических характеристик пациентов первого психотического эпизода с преобладанием дефицитарности в когнитивной и эмоционально-волевой сферах <i>Щетинина Е. В., Щелкова О. Ю., Чернов Н. В., Костюк Г. П.</i>	210

Онто- и социогенетические аспекты развития и жизнеосуществления личности

Социально-психологические предпосылки определения понятия <i>правовые отношения</i> <i>Безносков Д. С.</i>	223
Содержательные характеристики развития самосознания детей в раннем онтогенезе <i>Груздева О. В., Улыбина Е. В.</i>	235
Модель эколого-психологического сопровождения формирования эмоционального благополучия дошкольников в экстремальных климатографических условиях <i>Калашикова И. В., Белогай К. Н.</i>	243
Модель образа жизни жителей регионов с экстремальными природно-климатическими условиями <i>Кулик А. А., Мазуркевич А. В.</i>	265

Психолого-педагогические проблемы личностного развития

Эмоциональный интеллект субъекта потенциальной научно-технической элиты России <i>Карабущенко Н. Б., Паришутин И. А., Бобков А. Н.</i>	277
Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера <i>Наумов П. Ю., Холиков И. В.</i>	287
Факторная модель компетентности жизнестроительства старшеклассников <i>Ольхова Ю. В., Сафонова М. В.</i>	299
Субъективная оценка характера взаимодействия отцов с детьми-подростками <i>Скорова Л. В., Новгородцева Я. В.</i>	314

Cognitive Studies and Mental Spaces: Normal vs. Pathological Conditions

Consolidation and Reconsolidation of Auditory-Verbal Memory in Parkinson's Disease <i>Izyumova I. A.</i>	161
Variability of Uncertainty in Mental Reconstruction of Danger and Safety <i>Krasnianskaya T. M., Tylets V. G.</i>	172
Age-Related Features of Perceptions about Personal Security in Adolescents with Intellectual Disabilities <i>Sidorova G. A., Ivanov M. S.</i>	181
Post-COVID-19 Cognitive Dysfunction: Methodological Foundations for Prevention and Correction Model <i>Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A.</i>	196
Clinical and Psychological Characteristics of Patients after First-Episode Psychosis with Cognitive, Emotional, and Volitional Deficiencies: Comparative Analysis <i>Shchetinina E. V., Shchelkova O. Yu., Chernov N. V., Kostyuk G. P.</i>	210

Ontology and Sociogenetics of Life Fulfilment

Theoretical Approaches to the Concept of Legal Relations <i>Beznosov D. S.</i>	223
Developing Self-Awareness in Children during Early Ontogenesis <i>Gruzdeva O. V., Ulybina E. V.</i>	235
Emotional Well-Being of Preschoolers in Extreme Climatic and Geographical Conditions by Means of Ecological and Psychological Support <i>Kalashnikova I. V., Belogai K. N.</i>	243
Lifestyle Model in Regions with Extreme Environmental and Climate Conditions <i>Kulik A. A., Mazurkevich A. V.</i>	265

Psychological and Pedagogical Issues of Personality Development

Emotional Intelligence of Russia's Potential Scientific and Technical Elite <i>Karabushchenko N. B., Parshutin I. A., Bobkov A. N.</i>	277
Value-Based Attitude Towards International Humanitarian Law as Part of Personality Development of Military Students <i>Naumov P. Yu., Kholikov I. V.</i>	287
Factor Model of Life-Planning Competence in High School Students <i>Olkhova Yu. V., Safonova M. V.</i>	299
Subjective Assessment of Father – Teenage Child Interaction <i>Skorova L. V., Novgorodtseva Ya. V.</i>	314

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wgkgjj>

Особенности консолидации и реконсолидации слухоречевой памяти при болезни Паркинсона

Изюмова Ирина Александровна

Российский Национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5751-4202

Scopus Author ID: 57503059500

anwiw@yandex.ru

Аннотация: Описаны особенности процессов консолидации и реконсолидации слухоречевой памяти у пациентов с диагнозом *болезнь Паркинсона* (G20 согласно МКБ-10) в сравнении с цереброваскулярной патологией хронического и острого характера. Цель – выявить особенности в процессах консолидации и реконсолидации слухоречевой памяти у пациентов данной нозологической группы. В качестве основного метода исследования выступал эксперимент – реконструкция схемы Ф. Бартлетта; также применены методы описательной и сравнительной статистики. Общий объем исследовательской выборки составил 104 человека (67,5 ± 4,5; 21 % – мужской пол; 79 % – женский): 30 пациентов с диагнозом *болезнь Паркинсона* (G20) (67,8 ± 4,8; 24 % – мужской пол; 76 % – женский); 34 человека с диагнозом *последствия инфаркта мозга* (I69.3) (67,4 ± 4,4; 20 % – мужской пол; 80 % – женский); 40 человек с диагнозом *другие уточненные поражения сосудов мозга* на модели хронической ишемии головного мозга (I67.8) (67,6 ± 4,4; 24 % – мужской пол; 76 % – женский). Все коды указаны по МКБ-10. В результате установлены достоверно значимые особенности процессов консолидации и реконсолидации слухоречевой памяти при болезни Паркинсона. Наибольшее количество различий отмечается при сравнении с группой пациентов с хронической ишемией головного мозга. Для данной нозологии больше свойственны ошибки искажений, незначительное количество привнесений и небольшое количество нарушений последовательности. При болезни Паркинсона уже на этапе сохранения информации отмечается трансформация ее содержания, что приводит к нарушению кратковременной и долговременной памяти. Отмечается преобладание ошибок искажения, нежели ошибок нарушения последовательности, что ставит под сомнение вопрос ведущего фактора, а именно кинетического.

Ключевые слова: память, слухоречевая память, процесс консолидации памяти, реконсолидация памяти, болезнь Паркинсона

Цитирование: Изюмова И. А. Особенности консолидации и реконсолидации слухоречевой памяти при болезни Паркинсона. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 161–171. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-161-171>

Поступила в редакцию 09.02.2024. Принята после рецензирования 01.04.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Consolidation and Reconsolidation of Auditory-Verbal Memory in Parkinson's Disease

Irina A. Izyumova

Pirogov Russian National Research Medical University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5751-4202

Scopus Author ID: 57503059500

anwiw@yandex.ru

Abstract: The paper describes the processes of consolidation and reconsolidation of auditory-verbal memory in patients diagnosed with Parkinson's disease (G20, ICD-10) in comparison with cerebrovascular pathologies of a chronic and acute nature. The research objective was to identify the specifics of consolidation and reconsolidation of auditory-verbal

memory in patients of this nosological group. The methods involved an experiment in F. Bartlett's schema reconstruction, as well as methods of descriptive and comparative statistics. The experiment involved 104 people (67.5 ± 4.5 , 21% male), including 30 patients with Parkinson's disease (G20) (67.8 ± 4.8 , 24% male), 34 patients diagnosed with sequelae of cerebral infarction (I69.3) (67.4 ± 4.4 , 20% male), and 40 patients with other specified lesions of cerebral vessels on a model of chronic cerebral ischemia (CICI) (67.6 ± 4.4 , 24% male). All codes were indicated in accordance with ICD-10. The research revealed reliably significant features of consolidation and reconsolidation of auditory-verbal memory in Parkinson's disease. The greatest number of differences belonged to the comparative analysis with the patients with chronic cerebral ischemia. This nosology was characterized by a greater number of distortion errors but few additions and sequence violations. In Parkinson's disease, information underwent transformations already at the storing stage, which led to impairment of short-term and long-term memory. Distortion errors were more numerous than consistency errors, which casts doubt on the kinetic factor as the key one.

Keywords: memory, auditory-verbal memory, process of memory consolidation, memory reconsolidation, Parkinson's disease

Citation: Izyumova I. A. Consolidation and Reconsolidation of Auditory-Verbal Memory in Parkinson's Disease. *SibScript*, 2024, 26(2): 161–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-161-171>

Received 9 Feb 2024. Accepted after peer review 1 Apr 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Актуальность исследования находится на стыке нескольких проблемных плоскостей. Обзор современной литературы позволяет обнаружить интерес научного сообщества к теме памяти в целом, которая все чаще стала реализовываться в терминах консолидации и реконсолидации [Abadie, Camos 2019; Allen et al. 2022; Forsberg et al. 2021; Friedrich et al. 2020; Fukuda, Vogel 2019; Giustino, Maren 2015; Takehara-Nishiuchi 2020; Yang et al. 2018; Yonelinas et al. 2019a; 2019b]. Длительное время болезнь Паркинсона (БП) рассматривалась исключительно в контексте моторных симптомов. В настоящее время появляются исследования немоторных проявлений данного заболевания [Han et al. 2021; Sun, Armstrong 2021; Twelves et al. 2003; Weil et al. 2018; Weintraub et al. 2022]. Исследование мнестических процессов описывается в большей степени в категориях *консолидация* / *реконсолидация*, однако работ, посвященных изучению памяти пациентов с болезнью Паркинсона, в данном категориальном поле немногочисленное количество. Выделение как общих, так и специфических особенностей процессов консолидации и реконсолидации памяти позволяет не только расширить представления о механизмах данной психической функции, но и описать предикторы когнитивных поломок на ранних этапах развития болезни, а также предложить специфичные для нозологии реабилитационные маршруты.

Под консолидацией памяти мы понимаем переход информации из кратковременной в долговременную, под реконсолидацией – переход из долговременной

памяти в кратковременную и оперативную с возможным оперированием материалом. Феноменология консолидации используется в исследованиях памяти на протяжении более ста лет, несмотря на смену представлений о структурных компонентах, которые лежат в основе этой феноменологии: ассоциациях, следах памяти, энграммах и схемах. В последнее время все больше авторов рассматривают процесс реконсолидации не как пассивный перенос имеющихся данных в оперативное хранилище, а как процесс оживления, модификации и трансформации памяти. В процессе реконсолидации происходит повторная реактивация памяти [Amorim et al. 2021].

Ядро клинической картины заболевания составляет триада симптомов – гипокинезия, тремор, мышечная ригидность. Когнитивные нарушения различной степени выраженности выявляются не менее чем у 95 % пациентов с БП. По мере прогрессирования заболевания когнитивные нарушения имеют тенденцию к нарастанию и у 80 % пациентов на поздней стадии достигают степени деменции [Aarsland et al. 2009]. Скорость нарастания когнитивных нарушений особенно высока у лиц старше 70 лет. У пациентов более молодого возраста, а также лиц с ранним началом заболевания деменция развивается реже [Williams-Gray et al. 2007]. На ранней стадии заболевания когнитивные нарушения представлены преимущественно нейродинамическими расстройствами в виде брадифрени (замедления психических процессов, своеобразного аналога гипокинезии), снижения

внимания и скорости реакций. Нарушения памяти носят негрубый характер и обусловлены нарушением запоминания нового материала при сохранности долгосрочной памяти.

В течение последнего десятилетия повышенное внимание уделялось стадиям когнитивных нарушений перед деменцией у людей с БП, в частности с УКР (умеренными когнитивными расстройствами). Снижение когнитивных функций может произойти до или во время постановки диагноза БП, а также через несколько лет или десятилетий после постановки диагноза и имеет высокую вариабельность клинической тяжести, задействованных когнитивных доменов и скорости прогрессирования. Продольные когортные исследования показали, что люди с БП имеют в 2,5–6 раз более высокий риск развития деменции, чем люди без БП того же возраста [Aarsland et al. 2001; Perez et al. 2012]. Перекрестные исследования показывают, что 25,8 % пациентов с БП без деменции имеют УКР, тогда как данные когорты заболеваемости исследования ParkWest (проспективное продольное многоцентровое исследование пациентов с БП в Норвегии) и других исследований показали, что ~20,2 % пациентов имеют УКР на момент постановки диагноза (средний возраст – $71,3 \pm 7,5$) с тенденцией к увеличению до 40–50 % через 5 лет наблюдения. Напротив, оценочная распространенность УКР среди населения старшего возраста (в возрасте 60–90 лет) колеблется от 16 % до 20 % [Aarsland et al. 2009].

Возникающая концепция субъективного когнитивного снижения также возникла в области исследований и стала новым направлением исследований БП в последние несколько лет. В одном из первых исследований, оценивавших, могут ли субъективные жалобы на память у пациентов с БП предсказать снижение когнитивных функций, 30,3 % пациентов жаловались на проблемы с памятью, и было более вероятно развитие УКР в течение 2 лет наблюдения по сравнению с пациентами, которые не жаловались на проблемы с памятью; последующие исследования подтвердили это, хотя некоторые факторы, такие как аффективные симптомы, могут способствовать прогрессированию [Aarsland et al. 2021].

В исследовании, проведенном M. França с соавторами, пациенты с БП показали значительно худшие результаты, чем пациенты из группы нормы, демонстрируя трудности в глобальном познании, зрительно-пространственном обучении, в зрительно-конструктивных и перцептивных способностях. Были обнаружены четыре предиктора (возраст, пол,

образование и эмоциональное расстройство) и определены пороговые значения [França et al. 2023].

В исследовании E.-Y. Lee изучались механизмы, лежащие в основе дефицита памяти при болезни Паркинсона, и их связь со структурными показателями мозга. Данные МРТ головного мозга были получены для оценки структурных различий (объемов и толщины коры) в областях, связанных с вниманием, объемом рабочей памяти и эпизодической памятью. У пациентов с БП была меньшая толщина коры левой верхней височной извилины, области, связанной с центральной системой внимания. Эти данные позволяют предположить, что дефицит памяти при БП может быть частично обусловлен нарушением процессов избирательности внимания и консолидации памяти, которые могут быть связаны с временной нейродегенерацией [Lee 2023].

В мнестической сфере по показателям продуктивности и устойчивости мнестических следов наиболее сниженной у больных болезнью Паркинсона оказывается двигательная, потом зрительно-вербальная, слухоречевая, логическая, затем зрительно-пространственная память. Самым распространенным симптомом нарушения мнестической деятельности у пациентов является патологическая тормозимость следов интерферирующими воздействиями. При этом невербальные стимулы более устойчивы к интерференции, чем предъявляемые на слух слова или предложения. Анализ корреляционных отношений мнестических с другими нейропсихологическими нарушениями позволяет обнаружить их тесную связь с регуляторным и кинетическим (фактор переключения, обеспечивающий плавную, последовательную смену фаз психической деятельности) факторами психической деятельности, а также с нейродинамической дисфункцией. Соответственно, отмечается вторичность нарушения памяти. Что касается изучения особенностей именно слухоречевой памяти, то данному вопросу уделено незначительное количество исследований. Например, в одной из работ отмечается ухудшение функций зрительной памяти при относительной сохранности вербальной памяти в начале терапии леводопой у пациентов с ранней и стабильной болезнью Паркинсона [Singh, Behari 2006].

Большое внимание в настоящее время в зарубежных источниках уделяется вопросу когнитивной самоэффективности. Когнитивная самоэффективность, т. е. вера человека в свою способность контролировать свою когнитивную деятельность, важна для участия в повседневной деятельности и реабилитации.

Низкий показатель у лиц с болезнью Паркинсона может привести к ограничениям участия и снижению участия в лечении [Jethani et al. 2023].

Исследование K.-i Kinoshita с соавторами было посвящено мнестическим процессам у мышей с БП. Реконсолидация мышей с БП происходила на нормативном уровне, но угасание памяти было снижено у мышей с БП по сравнению с контрольной группой. Более того, сохранение памяти у мышей с БП ослаблялось раньше, чем у контрольной группы, после повторения условных раздражителей каждый день [Kinoshita et al. 2015].

Считается, что основными причинами развития когнитивных нарушений в позднем возрасте являются цереброваскулярные, нейродегенеративные и дисметаболические. В литературе отмечаются противоречивые данные относительно феноменов нарушения памяти при болезни Паркинсона. Дизайн исследования включает сравнение с группами пациентов с цереброваскулярной патологией хронического и острого течения на предмет определения специфических мнестических паттернов.

Цель исследования – выявить особенности процессов консолидации и реконсолидации слухоречевой памяти при болезни Паркинсона.

Гипотезы:

1. Существует общая тенденция процессов консолидации и реконсолидации памяти, такая как трансформация материала по сравнению с первоначальным стимулом.

2. Существуют специфические для БП тенденции процессов консолидации и реконсолидации памяти, такие как нарушение рабочей памяти, трансформация материала уже на этапе его консолидации, преобладание ошибок последовательности ввиду нарушения кинетического фактора.

Методы и материалы

Исследование проводилось на базе Российского геронтологического научно-клинического центра и на базе федерального центра мозга и нейротехнологий ФМБА России в формате индивидуальной беседы с испытуемым. Перед прохождением исследования пациентам разъяснялась его суть, и они подписывали информированное согласие. Для решения поставленных задач был использован ряд эмпирических методов: структурированная клиническая беседа, архивный метод, включающий в себя анализ медицинской документации, психодиагностические методы.

Группа психодиагностических процедур включала в себя запоминание и последующее воспроизведение текста из эпоса индейцев Канады на русском языке, достоверно отсутствовавшего в предшествующем опыте испытуемых (реконструкция эксперимента Ф. Бартлетта [Bartlett 1932; 1959]).

Первичная обработка результатов была проведена с помощью методов описательной статистики: мода, медиана, межквартильный размах, среднее арифметическое значение, стандартное отклонение, максимальное и минимальное значения.

Вторичная обработка результатов происходила с помощью методов сравнительной статистики: сравнение групп по критерию Краскела-Уоллиса, затем проводилось сравнение двух независимых групп попарно по критерию Манна-Уитни. Обработка статистических данных осуществлялась в программе STATISTICA 13.3.0.

Общий объем исследовательской выборки составил 104 человека (67,5 ± 4,5: 21 % – мужской пол; 79 % – женский): 30 пациентов с диагнозом *болезнь Паркинсона* (G20) (67,8 ± 4,8; 24 % – мужской пол; 76 % – женский) (БП); 34 человека с диагнозом *последствия инфаркта мозга* (I69.3) (67,4 ± 4,4; 20 % – мужской пол; 80 % – женский) (ОНМК – острое нарушение мозгового кровообращения); 40 человек с диагнозом *другие уточненные поражения сосудов мозга* на модели хронической ишемии головного мозга (I67.8) (67,6 ± 4,4; 24 % – мужской пол; 76 % – женский) (ХИГМ). Все коды указаны по МКБ-10.

Критериями для включения пациентов в исследование являлись: их добровольное согласие на участие в процедуре, возраст пациентов от 60 до 74 лет (пожилой возраст по периодизации ВОЗ). Критериями уравнивания можно считать единую коморбидность заболевания. Критериями исключения были грубая неврологическая или психиатрическая патология, коморбидность заболевания, снижение слуха или зрения, не позволяющие в полном объеме провести исследование, наличие грубого когнитивного дефицита (0–23 балла по шкале MMSE).

Текст предлагался пациенту непосредственно на слух, после чего ему необходимо было пересказать его через 40 минут, 4 часа и 36 часов (рис. 1). Пересказ текста фиксировался на диктофон (с разрешения испытуемых через информированное согласие).

Текст был условно разбит на семантические единицы, где под семантической единицей мы подразумеваем сочетание *объект и признак, объект и действие,*

объект и время, объект и место. Для удобства оценивания была разработана семантическая карта (рис. 2). Экспериментатор мог фиксировать и проводить качественную оценку, используя данную разработанную авторами семантическую карту. Она учитывает общее количество предложений и семантических единиц в каждом предложении. Проводилась оценка

по параметрам предложения и семантические единицы. Каждый параметр оценивался по характеристикам: количество сохраненных элементов, количество нарушений последовательности (в % от общего количества воспроизводимого объема), количество искажений (в % от общего количества воспроизводимого объема), количество привнесений.

Рис. 1. Концептуальная модель исследования
 Fig. 1. Research concept

1 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
2 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
3 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
4 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
5 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
6 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
7 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
8 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
9 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
10 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
11 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
12 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
13 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
14 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
15 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
16 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
17 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
18 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
19 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
20 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
21 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
22 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
23 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
24 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
25 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
26 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
27 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
28 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
29 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
30 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
31 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
32 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]
33 пр.	[_____]	[_____]	[_____]	[_____]

Рис. 2. Семантическая карта оценки характеристик текста
 Fig. 2. Semantic map for assessing text characteristics

Результаты

В группе пациентов с болезнью Паркинсона отмечается тенденция к снижению количества предложений на всех этапах его воспроизведения. При этом статистически значимые различия обнаруживаются между группами пациентов с БП и ХИГМ на всех этапах эксперимента: пересказ ($p = 0,002$), через 40 минут ($p = 0,001$), через 4 часа ($p = 0,001$), через 36 часов ($p = 0,005$) (рис. 3).

При пересказе предложений во всех трех исследовательских группах не выявлено статистически значимых различий по такому параметру, как процент нарушения последовательности предложений. Однако в дальнейшем отмечаются особенности. В процессах консолидации и реконсолидации памяти отмечается достоверно меньшее количество ошибок данного типа в группе пациентов с БП по сравнению с группой с ХИГМ (40 минут; $p = 0,003$) (рис. 4).

В исследуемой группе отмечается самый большой процент искажений предложений по сравнению с другими группами. Меньше всего искажений предложений зафиксировано в группе пациентов с ХИГМ (рис. 5).

Данные различия являются статистически значимыми практически на всех этапах консолидации и реконсолидации памяти:

- при пересказе: ХИГМ / ОНМК ($p = 0,006$), ХИГМ / БП ($p < 0,01$), ОНМК / БП ($p = 0,002$);
- через 40 минут: ХИГМ / ОНМК ($p = 0,006$), ХИГМ / БП ($p < 0,01$), ОНМК / БП ($p = 0,04$);
- через 4 часа: ХИГМ / ОНМК ($p = 0,03$), ХИГМ / БП ($p < 0,01$), ОНМК / БП ($p = 0,003$);
- через 36 часов: ХИГМ / БП ($p = 0,003$), ОНМК / БП ($p = 0,008$).

При болезни Паркинсона отмечается самое минимальное среди исследуемых групп количество семантических единиц. Данные различия статистически значимы только по сравнению с группой ХИГМ: пересказ ($p = 0,011$), через 40 минут ($p = 0,006$), через 4 часа ($p = 0,006$), через 36 часов ($p = 0,015$) (рис. 6).

Отмечается более низкое количество нарушений последовательности при БП (БП / ХИГМ через 40 минут ($p = 0,001$)), однако при остальных замерах эти различия оказываются статистически незначимыми (рис. 7).

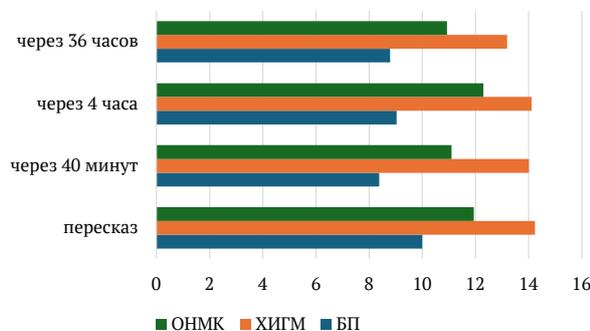

Рис. 3. Количество сохраненных предложений
Fig. 3. Intact sentences in various groups

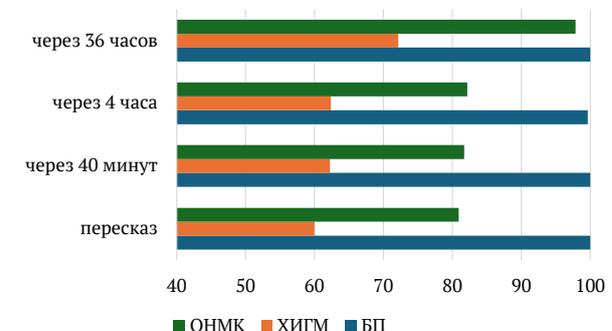

Рис. 5. Искажения предложений, %
Fig. 5. Sentence distortions, %

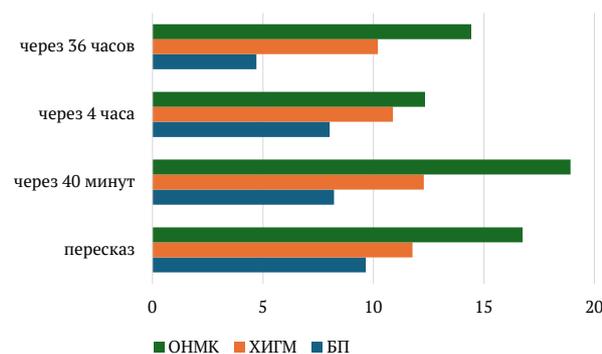

Рис. 4. Нарушения последовательности предложений, %
Fig. 4. Violations of the sequence of sentences, %

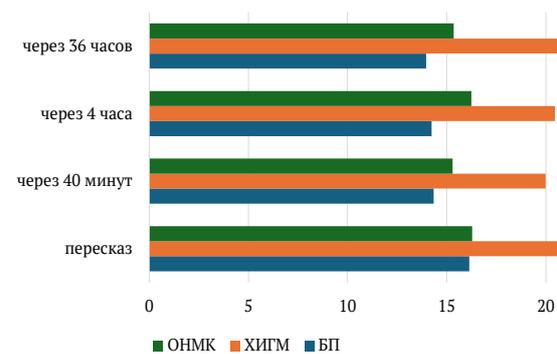

Рис. 6. Количество сохраненных семантических единиц
Fig. 6. Intact semantic units

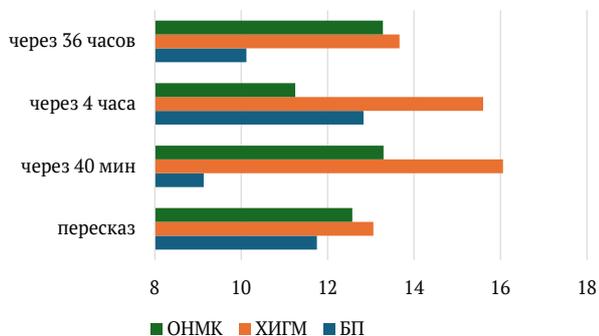

Рис. 7. Нарушения последовательности семантических единиц, %
Fig. 7. Violation of the sequence of semantic units, %

При болезни Паркинсона отмечается большее количество искажений семантических единиц, меньшее их количество при хронической ишемии головного мозга (рис. 8). Данные межгрупповые различия отмечаются во всех замерах:

- при пересказе: ХИГМ / ОНМК ($p = 0,007$), ХИГМ / БП ($p < 0,001$), ОНМК / БП ($p = 0,001$);
- через 40 минут: ХИГМ / ОНМК ($p = 0,02$), ХИГМ / БП ($p < 0,01$), ОНМК / БП ($p = 0,003$);
- через 4 часа: ХИГМ / ОНМК ($p = 0,008$), ХИГМ / БП ($p < 0,01$), ОНМК / БП ($p = 0,006$);
- через 36 часов: ХИГМ / ОНМК ($p = 0,04$), ХИГМ / БП ($p < 0,01$), ОНМК / БП ($p = 0,03$).

Важным параметром оценивания также являлось наличие привнесений. Наименьшее количество привнесений отмечается при болезни Паркинсона по сравнению с другими исследовательскими группами. Статистически значимыми эти различия являются при сравнении с группой ХИГМ: переказ ($p = 0,02$), через 40 минут ($p = 0,001$), через 4 часа ($p = 0,001$), через 36 часов (статистически незначимо) (рис. 9).

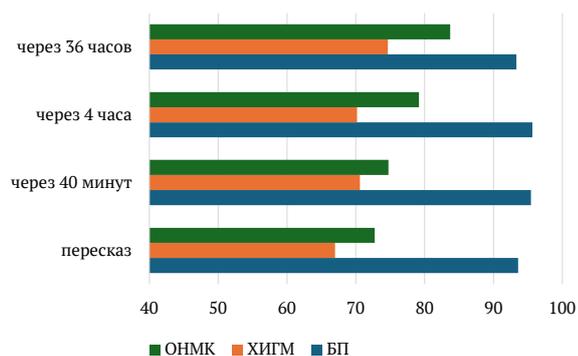

Рис. 8. Искажения семантических единиц, %
Fig. 8. Distortions of semantic units, %

На рисунках 10.1 и 10.2 приведен клинический случай пациента с болезнью Паркинсона. Приведены 4 семантические карты: переказ (а), через 40 мин (б), через 4 часа (с), через 36 часов (д). Соответственно, красным цветом на них указаны потерянные семантические единицы, оранжевым – искаженные, зеленым – верно озвученные. Стрелками обозначены нарушения последовательности.

Заключение

У пациентов с болезнью Паркинсона отмечается более низкий, чем при хронической ишемии головного мозга, объем рабочей эхоической памяти. При этом различий с группой пациентов с последствиями ОНМК обнаружено не было. Самый большой объем рабочей памяти свойственен группе пациентов с ХИГМ. Таким образом, изначально консолидируется меньший объем информации. При болезни Паркинсона отмечается большая сохранность порядка предложений и семантических единиц, даже по сравнению с группой пациентов с ХИГМ. Однако отмечается наибольший процент искажения предложений и семантических единиц на этапе консолидации памяти, что приводит к увеличению ошибок данного типа при реконсолидации памяти.

Итак, не подтверждаются имеющиеся в литературе данные относительно того, что при болезни Паркинсона ключевым является кинетический фактор (нарушение порядка). Также имеются противоречивые данные о том, действительно ли при общей сохранности долговременной памяти отмечается нарушение памяти кратковременной. В исследовании получены данные относительно того, что уже на этапе сохранения информации при болезни Паркинсона ее содержание претерпевает сильные изменения, что приводит к нарушению процессов консолидации и реконсолидации.

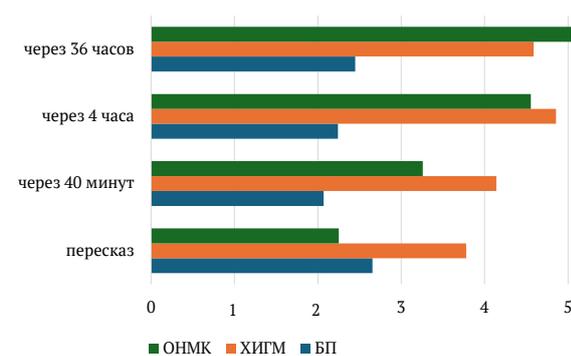
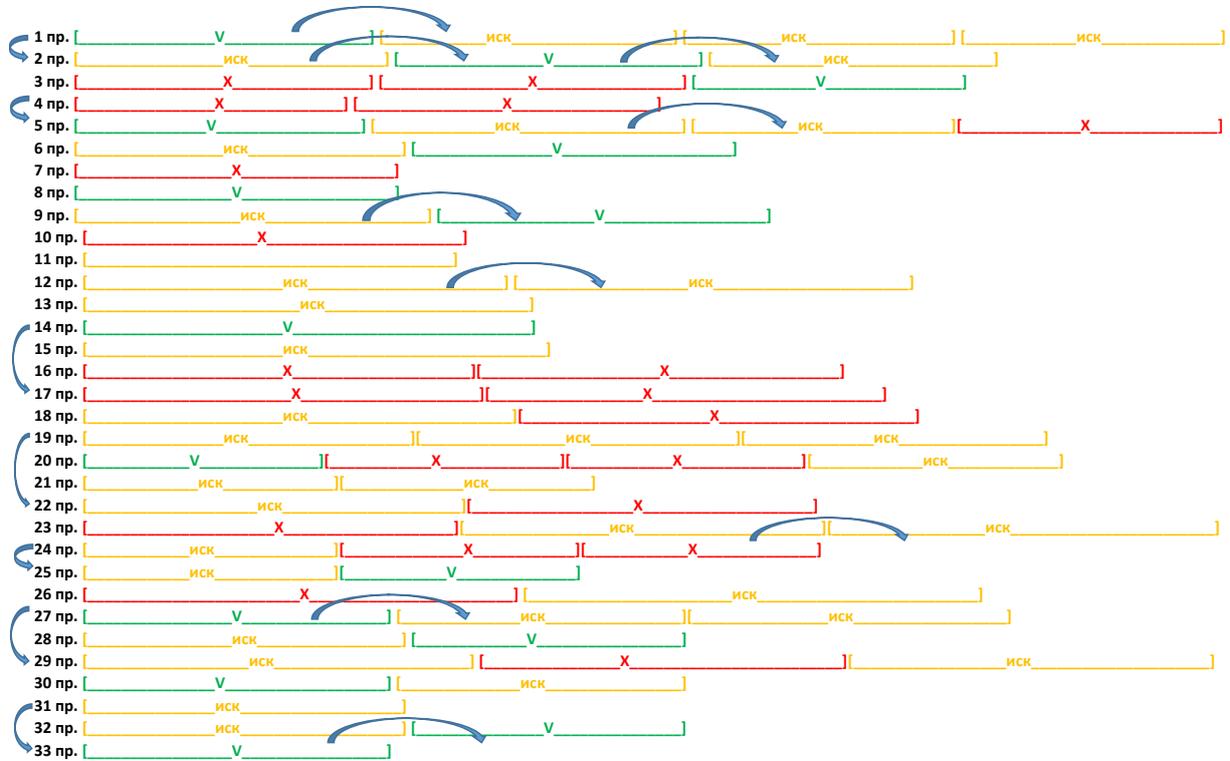
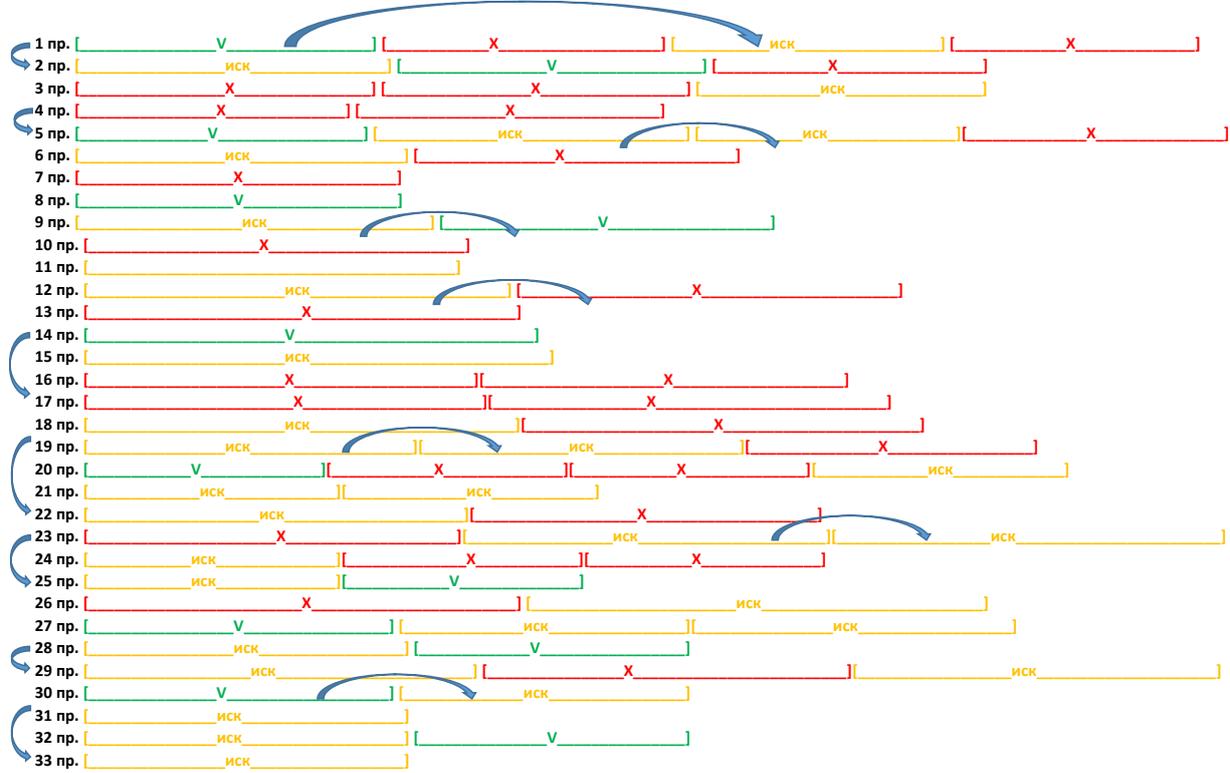

Рис. 9. Количество привнесений семантического содержания
Fig. 9. Added semantic content

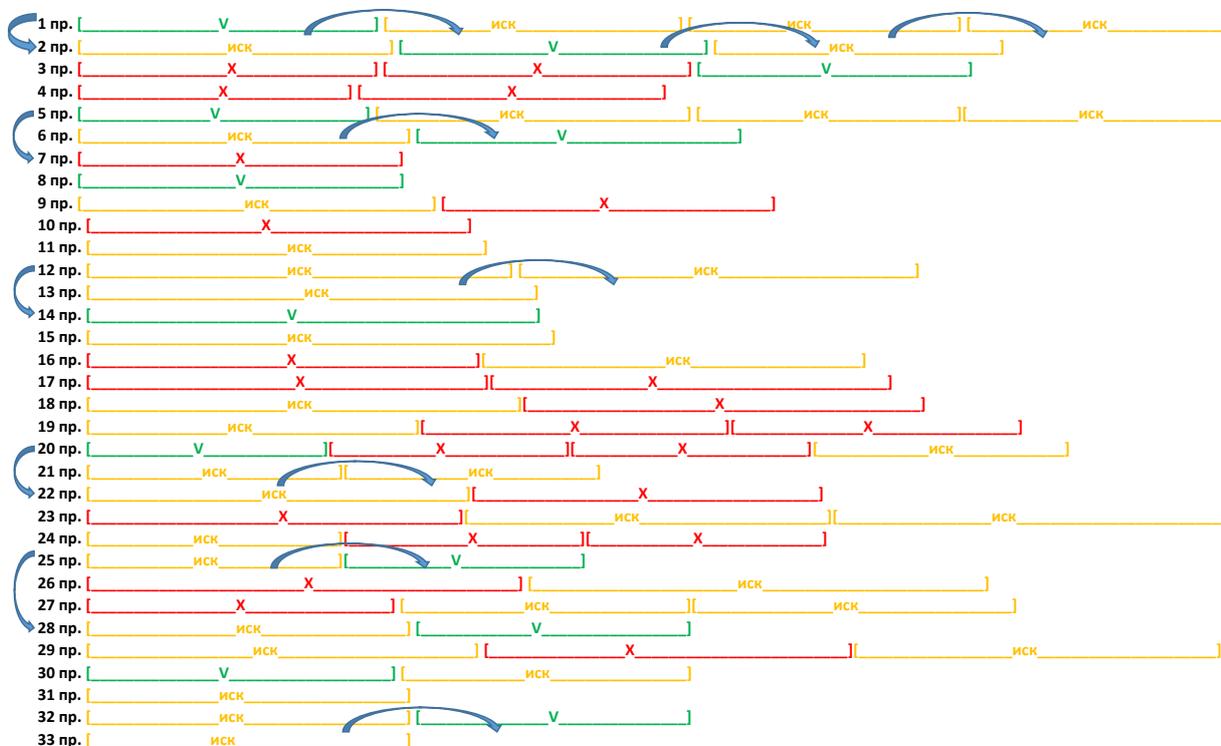

а) Семантическая карта пациента при пересказе

б) Семантическая карта пациента при пересказе через 40 минут

Рис. 10.1. Пример семантических карт пациента N
 Fig. 10.1. Semantic cards by patient N

с) Семантическая карта пациента при пересказе через 4 часа

д) Семантическая карта пациента при пересказе через 36 часов

Рис. 10.2. Пример семантических карт пациента N

Fig. 10.2. Semantic cards by patient N

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Aarsland D., Andersen K., Larsen J. P., Lolk A., Nielsen H., Kragh-Sørensen P. Risk of dementia in Parkinson's disease: A community-based, prospective study. *Neurology*, 2001, 56(6): 730–736. <https://doi.org/10.1212/wnl.56.6.730>
- Aarsland D., Batzu L., Halliday G. M., Geurtsen G. J., Ballard C., Ray Chaudhuri K., Weintraub D. Parkinson disease-associated cognitive impairment. *Nature Reviews Disease Primers*, 2021, 7(1). <https://doi.org/10.1038/s41572-021-00280-3>
- Aarsland D., Marsh L., Schrag A. Neuropsychiatric symptoms in Parkinson's disease. *Movement Disorders*, 2009, 24(15): 2175–2186. <https://doi.org/10.1002/mds.22589>
- Abadie M., Camos V. False memory at short and long term. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2019, 148(8): 1312–1334. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/xge0000526>
- Allen R. J., Atkinson A. L., Vargha-Khadem F., Baddeley A. D. Intact high-resolution working memory binding in a patient with developmental amnesia and selective hippocampal damage. *Hippocampus*, 2022, 32(8): 597–609. <https://doi.org/10.1002/hipo.23452>
- Amorim F. E., Chapot R. L., Moulin T. C., Lee J. L. C., Amaral O. B. Memory destabilization during reconsolidation: A consequence of homeostatic plasticity? *Learning & Memory*, 2021, 28(10): 371–389. <https://doi.org/10.1101/lm.053418.121>
- Bartlett F. C. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1932, 317.
- Bartlett F. C. Some problems of scientific thinking. *Ergonomics*, 1959, 2(3): 229–238. <https://doi.org/10.1080/00140135908930430>
- Forsberg A., Guitard D., Cowan N. Working memory limits severely constrain long-term retention. *Psychonomic Bulletin & Review*, 2021, 28(2): 537–547. <https://doi.org/10.3758/s13423-020-01847-z>
- França M., Parada Lima J., Oliveira A., Rosas M. J., Vicente S. G., Sousa C. Visuospatial memory profile of patients with Parkinson's disease. *Applied Neuropsychology: Adult*, 2023, 11: 1–9. <https://doi.org/10.1080/23279095.2023.2256918>
- Friedrich M., Mölle M., Friederici A. D., Born J. Sleep-dependent memory consolidation in infants protects new episodic memories from existing semantic memories. *Nature Communications*, 2020, 11(1). <https://doi.org/10.1038/s41467-020-14850-8>
- Fukuda K., Vogel E. K. Visual short-term memory capacity predicts the "bandwidth" of visual long-term memory encoding. *Memory & Cognition*, 2019, 47(8): 1481–1497. <https://doi.org/10.3758/s13421-019-00954-0>
- Giustino T. F., Maren S. The role of the medial prefrontal cortex in the conditioning and extinction of fear. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 2015, 9(9). <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2015.00298>
- Han N.-R., Kim Y.-K., Ahn S., Hwang T.-Y., Lee H., Park H.-J. A comprehensive phenotype of non-motor impairments and distribution of alpha-synuclein deposition in Parkinsonism-induced mice by a combination injection of MPTP and probenecid. *Frontiers in Aging Neuroscience*, 2021, 12. <https://doi.org/10.3389/fnagi.2020.599045>
- Jethani P. M., Togliа J., Foster E. R. Cognitive self-efficacy in Parkinson's disease. *OTJR: Occupational Therapy Journal of Research*, 2023. <https://doi.org/10.1177/15394492231206346>
- Kinoshita K.-i., Tada Y., Muroi Y., Unno T., Ishii T. Selective loss of dopaminergic neurons in the substantia nigra pars compacta after systemic administration of MPTP facilitates extinction learning. *Life Sciences*, 2015, 137: 28–36. <https://doi.org/10.1016/j.lfs.2015.07.017>
- Lee E.-Y. Memory deficits in Parkinson's disease are associated with impaired attentional filtering and memory consolidation processes. *Journal of Clinical Medicine*, 2023, 12(14). <https://doi.org/10.3390/jcm12144594>

- Perez F., Helmer C., Foubert-Samier A., Auriacombe S., Dartigues J.-F., Tison F. Risk of dementia in an elderly population of Parkinson's disease patients: A 15-year population-based study. *Alzheimer's & Dementia*, 2012, 8(6): 463–469. <https://doi.org/10.1016/j.jalz.2011.09.230>
- Singh S., Behari M. Verbal and visual memory in patients with early Parkinson's disease: Effect of levodopa. *Neurology India*, 2006, 54(1): 33–37. <https://doi.org/10.4103/0028-3886.24699>
- Sun C., Armstrong M. J. Treatment of Parkinson's disease with cognitive impairment: Current approaches and future directions. *Behavioral Sciences*, 2021, 11(4). <https://doi.org/10.3390/bs11040054>
- Takehara-Nishiuchi K. Prefrontal-hippocampal interaction during the encoding of new memories. *Brain and Neuroscience Advances*, 2020, 4. <https://doi.org/10.1177/2398212820925580>
- Twelves D., Perkins K. S. M., Counsell C. Systematic review of incidence studies of Parkinson's disease. *Movement Disorders*, 2003, 18(1):19–31. <https://doi.org/10.1002/mds.10305>
- Weil R. S., Costantini A. A., Schrag A. E. Mild cognitive impairment in Parkinson's disease – What is it? *Current Neurology and Neuroscience Reports*, 2018, 18(4). <https://doi.org/10.1007%2Fs11910-018-0823-9>
- Weintraub D., Aarsland D., Chaudhuri K. R., Dobkin R. D., Leentjens A. F., Rodriguez-Violante M., Schrag A. The neuropsychiatry of Parkinson's disease: Advances and challenges. *The Lancet Neurology*, 2022, 21(1): 89–102. [https://doi.org/10.1016/s1474-4422\(21\)00330-6](https://doi.org/10.1016/s1474-4422(21)00330-6)
- Williams-Gray C. H., Foltynie T., Brayne C. E. G., Robbins T. W., Barker R. A. Evolution of cognitive dysfunction in an incident Parkinson's disease cohort. *Brain*, 2007, 130(7): 1787–1798. <https://doi.org/10.1093/brain/awm111>
- Yang Q., Antonov I., Castillejos D., Nagaraj A., Bostwick C., Kohn A., Moroz L. L., Hawkins R. D. Intermediate-term memory in Aplysia involves neurotrophin signaling, transcription, and DNA methylation. *Learning & Memory*, 2018, 25(12): 620–628. <https://doi.org/10.1101/lm.047977.118>
- Yonelinas A. P., Ranganath C., Ekstrom A. D., Wiltgen B. J. A contextual binding theory of episodic memory: Systems consolidation reconsidered. *Nature Reviews Neuroscience*, 2019a, 20(6): 364–375. <https://doi.org/10.1038/s41583-019-0150-4>
- Yonelinas A. P., Ranganath C., Ekstrom A. D., Wiltgen B. J. Reply to 'Active and effective replay: Systems consolidation reconsidered again'. *Nature Reviews Neuroscience*, 2019b, 20(8): 507–508. <https://doi.org/10.1038/s41583-019-0192-7>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xikslq>

Вариативность неопределенности в ментальной реконструкции опасности и безопасности

Краснянская Татьяна Максимовна

Московский гуманитарный университет, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>

Scopus Author ID: 58694138800

ktm8@yandex.ru

Тылец Валерий Геннадьевич

Московский государственный лингвистический университет,

Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>

Scopus Author ID: 57201642610

Аннотация: Изучены особенности построения субъективных образов опасности и безопасности в различных контекстах неопределенности. Актуальность основана на практической востребованности уточнения особенностей ментальной реконструкции опасности и безопасности субъектом в разных типах неопределенности. Цель – выявить особенности вариативности неопределенности в ментальной реконструкции субъектами обстоятельств опасности и безопасности. Методы: ассоциативный эксперимент, субъективное ранжирование, семантический дифференциал. Обработка эмпирических данных проводилась по методам нахождения средних, ранжирования, факторного анализа и критерия Манна-Уитни. Респондентами выступили 105 студентов 19–20 лет (средний возраст – 19,4): 74 девушки и 31 юноша. Установлено, что опасность имеет в сознании респондентов более простую, чем безопасность, ментальную структуру. В ментальной реконструкции опасности и безопасности участвуют три типа неопределенности: темпоральная (неопределенность длительности, времени и частоты), объективная (неопределенность места, среды и источника) и субъективная (неопределенность управляемости, масштаба и причины). Неопределенность более значима для ментальной реконструкции опасности, чем безопасности. Субъективный уровень опасности возрастает при объективной неопределенности, особенно при неясности источника опасности, падает – при темпоральной неопределенности. Субъективный уровень безопасности возрастает при темпоральной и субъективной неопределенности, снижается – при объективной неопределенности. Возрастание субъективной значимости проявлений опасности и безопасности сопровождается нивелированием в их оценке роли дифференциации неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность, безопасность, опасность, ассоциация, ассоциативный эксперимент, субъективное ранжирование, семантический дифференциал

Цитирование: Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Вариативность неопределенности в ментальной реконструкции опасности и безопасности. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 172–180. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-172-180>

Поступила в редакцию 15.10.2023. Принята после рецензирования 14.12.2023. Принята в печать 18.12.2023.

full article

Variability of Uncertainty in Mental Reconstruction of Danger and Safety

Tatiana M. Krasnianskaya

Moscow University for the Humanities, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>

Scopus Author ID: 58694138800

ktm8@yandex.ru

Valery G. Tylets

Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>

Scopus Author ID: 57201642610

Abstract: Subjective images of danger and security depend on the context of uncertainty. This article introduces a mental reconstruction of danger and safety for different types of uncertainty. The authors used the methods of associative experiment, subjective ranking, and semantic differential. The empirical data were processed by averaging, ranking, factor analysis, and the Mann-Whitney criterion. The survey involved students from several Russian metropolitan

and provincial universities (19–20 y.o.; $n = 105$; 74 females). Danger demonstrated a less complex mental structure than safety. The mental reconstruction of danger / safety included three types of uncertainty. Temporal uncertainty included period, time, and frequency of danger / safety. Objective uncertainty was connected with the place, environment, and source of danger / safety. Subjective uncertainty covered controllability, scale, and cause of danger / safety. Uncertainty proved more important for danger than for safety. The subjective level of danger grew together with objective uncertainty, especially when the source of danger was unclear, and went down with temporal uncertainty. The subjective level of security increased with temporal and subjective uncertainty and decreased with objective uncertainty. When the subjective significance of danger and safety went up, the differentiation of uncertainty in their assessment became less significant. The study identified the effect of variability of uncertainty on the mental reconstruction made by the subjects of danger / security, as well as identified some understudied areas.

Keywords: uncertainty, safety, danger, association, associative experiment, subjective ranking, semantic differential

Citation: Krasnianskaya T. M., Tylets V. G. Variability of Uncertainty in Mental Reconstruction of Danger and Safety. *SibScript*, 2024, 26(2): 172–180. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-172-180>

Received 15 Oct 2023. Accepted after peer review 14 Dec 2023. Accepted for publication 18 Dec 2023.

Введение

Комплекс общекультурных, социально-политических и научных причин стимулировал процессы формирования и развития в исследовательском пространстве XXI в. психологии безопасности. Несмотря на относительную новизну, сформированные на сегодняшний день фактологическая база и уровень теоретического обоснования [Жангужинова 2023; Куксова, Максинаева 2023; Серых и др. 2023; Сонин 2022; Frazier et al. 2017; O'Donovan et al. 2020] позволяют отойти в данной предметной области от актуальных, но узко практических вопросов, к вопросам фундаментального характера, открывающим перспективу научного углубления проблематики. В связи с личностным характером проживания человеком феноменов опасности и безопасности одним из перспективных направлений изысканий рассматриваем выявление содержания факторов их инициации различными категориями субъектов.

Исследования, проведенные в экономике, медицине, педагогике, психологии и других дисциплинах, показали, что значительную дестабилизацию психических состояний и деятельности человека осуществляет неопределенность [Валеева и др. 2023; Козлов, Потанин 2016; Крашенинникова 2022; Сандомирский 2017].

Неопределенность в общенаучном контексте воспринимается как неполнота и неточность информации, что оказывает негативное влияние на связанные с ней явления, процессы и состояния. В зависимости от актуальной проблематики предлагаются различные классификации неопределенности, например, по основным видам, типам, времени, частоте, масштабу и среде возникновения [Мельниченко, Бурыкин 2017].

В психологии вопросы толерантности изучаются прежде всего на уровне субъектной характеристики – толерантности к неопределенности, характеризующей устойчивость человека к различным ее проявлениям [Джембек 2022]. Имеются исследования особенностей познавательных процессов в условиях неопределенности [Павлова 2018; Тихонов 2004; Шамолин 2007]. В целом данный феномен соединяется с проявлениями нестабильности окружающего мира и осложнением в связи с этим процессов антиципации, принятия решений, построения продуктивной активности в профессиональном контексте и повседневной реальности [Адиллов 2019; Жилиякова 2017; Чиркова и др. 2020]. Негативные в своем большинстве социальные последствия неопределенности делают ее привлекательной для теоретического и эмпирического рассмотрения в качестве ведущего для человека фактора трансформации безопасности в опасность.

Исследования проблем безопасности в условиях неопределенности не являются новыми для науки в целом и для психологии в частности. Так, получило методологическую разработку обеспечение безопасности объектов, находящихся в состоянии неопределенности [Селиванов 2012]. С теоретических позиций рассмотрены организационные вызовы психологии корпоративной безопасности в условиях неопределенности [Тылец, Краснянская 2021]. На эмпирическом уровне у субъектов с разным уровнем толерантности к неопределенности изучены, в частности, сценарное конструирование безопасности [Краснянская и др. 2020], корреляты времени безопасности [Тылец и др. 2020], содержание темпоральных

составляющих персональной концепции безопасности [Тылец и др. 2022] и репрезентация практик безопасности [Тылец и др. 2023]. Выявлены особенности атрибуции ситуаций неопределенности в параметрах опасности и безопасности у носителей основных хронобиотипов [Краснянская и др. 2022].

Вместе с тем неопределенность до сих пор не становилась предметом непосредственного изучения в контексте трансформации процессов безопасности и опасности. Сохранение пробела в научном знании в сочетании с практической значимостью понимания субъективной стороны данных процессов обусловили постановку проблемы нашего исследования: какова связь субъективных образов неопределенности и ментальной реконструкции опасности и безопасности?

Цель исследования – выявить особенности вариативности неопределенности при ментальной реконструкции субъектами опасности и безопасности. Предполагалось, что ментальная реконструкция опасности или безопасности изменяется в контексте разных типов неопределенности.

Методы и материалы

С учетом поискового характера исследования использовались методы из арсенала экспериментальной психосемантики, допускающие содержательное конструирование: ассоциативный эксперимент, субъективное ранжирование и семантический дифференциал. Преимуществом привлечения этих методов нам виделась заложенная в них возможность выявлять содержание субъективной реальности и индивидуально-специфические способы ее структурной организации, что приоритетно при изучении субъективной представленности феноменов опасности и безопасности.

Изначально в рамках ассоциативного эксперимента респондентам давалось задание в ответ на каждый из двух вербально предъявленных стимулов (*опасность*, *безопасность*) в течение 5 минут зафиксировать все возникшие ассоциации. Неоднократно встречающиеся по каждой из двух полученных групп ассоциации далее были предложены респондентам для субъективного ранжирования по убыванию значимости, соответственно, применительно к феноменам опасности и безопасности.

На заключительном этапе сбора материала был проведен метод семантического дифференциала, представляющий собой вариант метода множественного шкалирования. В рамках его процедуры респондентам выдавалась двухмерная матрица, строками которой выступили ассоциации опасности и безопасности,

названные неоднократно в ходе ассоциативного эксперимента, а столбцами – 9 типов неопределенности, релевантные, по нашему мнению, процессам опасности и безопасности (по источнику неопределенности, причине ее возникновения, частоте, масштабу, длительности, месту, управляемости, времени, среде). Задание состояло в соотнесении строк и столбцов таблицы по заданной оценочной шкале. Инструкция респондентам: Заполняя таблицу, вообразите ситуации, соответствующие ряду ассоциаций опасности и безопасности (строки таблицы) в условиях нескольких возможных типов неопределенности (ее столбцы) – при неопределенности источника опасности и безопасности, причины их наступления, частота, масштаб, длительность, место, управляемость, времени и среда появления. Оцените уровень опасности и безопасности этих ситуаций, используя следующую оценочную шкалу: 1 – совершенно безопасно; 2 – безопасно; 3 – скорее безопасно, чем опасно; 4 – сомневаюсь, и безопасно, и опасно; 5 – скорее опасно, чем безопасно; 6 – опасно; 7 – очень опасно.

Респондентами выступили 105 студентов нескольких столичных и региональных вузов страны. Основные характеристики выборки: возраст – 19–20 лет (средний – 19,4); 74 человека – женского пола, 31 – мужского.

Анализ результатов проводился с использованием нахождения средних по выборке, ранжирования, непараметрического сравнения по U-критерию Манна-Уитни и факторного анализа.

Результаты

Ассоциативный эксперимент. Отказов от выполнения задания не было. В обоих случаях минимальное количество ассоциаций – 1, максимальное – 5.

На стимул *опасность* по выборке получен массив ассоциаций, включающий 361 элемент: *смерть* (56), *боль* (50), *война* (49), *страх* (45), *болезнь* (31), *оружие* (29), *пожар* (26), *авария* (12), *кровь* (6), *риск* (4), *жестокость* (3), *наводнение* (3), *падать* (3), *бежать* (2), *ветер* (2), *воздух* (2), *кричать* (2), *нападение* (2), *напряжение* (2), *убийца* (2), *алкоголь*, *буря*, *вода*, *вор*, *воровство*, *вспышка*, *гореть*, *грубость*, *дикость*, *засуха*, *зверь*, *истерика*, *катастрофа*, *красный*, *крик*, *неизвестность*, *одиночество*, *осторожность*, *поезд*, *пропасть*, *самолет*, *слезы*, *собака*, *стресс*, *суицид*, *тайна*, *тревога*, *усталость*, *хищник*, *шторм*.

На стимул *безопасность* собран массив из 276 элементов: *дом* (48), *семья* (42), *спокойствие* (35), *защита* (31), *друг* (27), *тепло* (21), *родители* (19), *осторожность* (11), *внимательность* (9), *стабильность* (6), *доверие* (3),

мир (2), мягкость (2), надежность (2), охрана (2), ослабленность (2), укрытие (2), белый цвет, брат, верность, забота, зеленый цвет, комната, кровать, крыша, родственники, свет, сестра, сон.

Ранжирование. Отказов от выполнения заданий не было. Неоднократно встречающиеся по выборке ассоциации на стимул *опасность* ($n = 20$) по убыванию субъективной значимости получили следующее распределение: *смерть* (19,24¹), *болезнь* (19,11), *война* (18,64), *авария* (18,37), *боль* (17,65), *страх* (15,18), *пожар* (12,09), *кровь* (11,54), *жестокость* (10,36), *нападение* (8,62), *падать* (7,04), *риск* (6,84), *оружие* (6,32), *наводнение* (5,98), *убийца* (5,74), *напряжение* (4,66), *кричать* (2,25), *воздух* (1,68), *ветер* (1,32), *бежать* (1,18).

Неоднократно встречающиеся по выборке ассоциации на стимул *безопасность* ($n = 17$) по убыванию субъективной значимости получили следующее распределение: *дом* (16,32), *семья* (15,68), *защита* (13,26), *мир* (12,51), *спокойствие* (11,79), *родители* (10,62), *надежность* (10,18), *охрана* (8,40), *укрытие* (8,31), *осторожность* (7,48), *внимательность* (7,23), *тепло* (6,95), *стабильность* (6,06), *друг* (4,62), *доверие* (3,08), *мягкость* (1,94), *расслабленность* (1,36).

Семантический дифференциал. Отказов от выполнения заданий не было. В индивидуальных матрицах всех респондентов заполнены все позиции.

При составлении задания ассоциации на стимулы *опасность* и *безопасность* были совмещены и представлены в алфавитном порядке в качестве строк таблицы: *авария, бежать, болезнь, боль, ветер, внимательность, воздух, война, доверие, дом, друг, жестокость, защита, кричать, кровь, мир, мягкость, наводнение, надежность, нападение, напряжение, оружие, осторожность, охрана, падать, пожар, ослабленность, риск, родители, семья, смерть, спокойствие, стабильность, страх, тепло, убийца, укрытие.*

Строки были составлены из ключевых слов, определяющих тип неопределенности: *источник, причина, частота, масштаб, длительность, место, управляемость, время, среда.*

Индивидуальные матрицы оценок были объединены путем суммирования в сводную (общую) матрицу, по которой осуществлен подсчет средних значений элементов (табл. 1).

Достоверность эмпирических данных подтверждает то, что по ассоциациям на стимул *опасность* получены более высокие значения оценок, соответствующие их приближению к полюсу *опасность*, а ассоциациям

Табл. 1. Средние по выборке значения сводной матрицы оценок соответствия ассоциаций опасности и безопасности и типов неопределенности

Tab. 1. Summary matrix of assessments of compliance with danger / safety vs. types of uncertainty, mean values

Типы неопределенности	Опасность	Безопасность
Источник	4,8	4,3
Причина	4,6	4,1
Частота	4,3	3,7
Масштаб	4,6	4,1
Длительность	4,6	4,4
Место	4,5	4,3
Управляемость	4,3	4,2
Время	4,4	4,5
Среда	4,7	4,4

на стимул *безопасность* – более низкие значения оценок, соответствующие их приближению к полюсу *безопасность*.

Сравнение двух распределений средних оценок показало больший разброс оценок ассоциаций на *безопасность* (0,8 баллов), чем на *опасность* (0,5 баллов). Сопоставление распределений средних оценок ассоциаций на стимулы *опасность* и *безопасность* с помощью U-критерия Манна-Уитни дало $U_{\text{эмп}} = 10,5$ ($p < 0,01$), находящееся в зоне значимости, что указывает на существование статистически достоверных различий между двумя распределениями ассоциаций по разным типам неопределенности. Данный результат позволяет проводить дальнейшую детализацию особенностей вариативности неопределенности в ментальной реконструкции респондентами опасности и безопасности.

На основе центроидного метода факторного анализа с последующим варимакс-вращением сводной матрицы оценок соответствия ассоциаций опасности и безопасности и разных типов неопределенности последние были объединены по трем факторам. Каждый из этих факторов выступил скрытой переменной, объединяющей в себе оцениваемые шкалы – типы неопределенности по степени их корреляции между собой, и определил свой конкретный процентный вклад в общую дисперсию.

¹ Здесь и далее – средний ранг.

Первый наиболее мощный униполярный фактор (составил 24,18 % объясняемой дисперсии) включил в себя со статистически значимым весом следующие оцениваемые шкалы: неопределенность длительности периода опасности и безопасности (0,9245), неопределенность времени возникновения опасности и безопасности (0,8640) и неопределенность частоты возникновения опасности и безопасности (0,8109). Обозначение шкалами временных параметров неопределенности позволило нам присвоить данному фактору название *темпоральная неопределенность*.

Второй по мощности фактор (22,48 % объясняемой дисперсии) объединил на одном из полюсов следующие шкалы, получившие статистически значимый вес: неопределенность места возникновения опасности и безопасности (0,8957), неопределенность среды возникновения опасности и безопасности (0,8245) и неопределенность источника возникновения опасности и безопасности (0,7708). Вес, близкий к статистически значимому значению, набрала попавшая на противоположный полюс шкала *неопределенность масштаба возникшей опасности и безопасности* (–0,6834). Исходя из содержания выделенных шкал данный фактор был поименован *объективная неопределенность*.

Третий по мощности фактор (21,85 % объясняемой дисперсии) оказался образован следующими шкалами, набравшими статистически значимый вес: неопределенность управляемости проявлений опасности и безопасности (0,8627), неопределенность масштаба реализации опасности и безопасности (0,7985) и неопределенность причины возникновения опасности и безопасности (0,7636). Близкий к статистически значимому вес набрала попавшая на противоположный полюс фактора шкала *неопределенность источника возникновения опасности и безопасности* (–0,6951). По причине субъективности оценок неопределенности управляемости, масштаба, причины и отчасти источника опасности и безопасности данный фактор назван *субъективная неопределенность*.

Далее было получено распределение средних оценок суммы ассоциаций опасности и безопасности по сгруппированным по итогам факторного анализа типам неопределенности (табл. 2). Группа неопределенности темпорального типа объединяет неопределенность длительности, времени и частоты опасности и безопасности; группа неопределенности объективного типа – неопределенность места, среды и источника опасности и безопасности; группа неопределенности субъективного типа – неопределенность управляемости, масштаба и причины

Табл. 2. Распределение средних оценок суммы ассоциаций и трех наиболее значимых для респондентов ассоциаций на стимулы *опасность* и *безопасность* по группам неопределенности

Tab. 2. Association summary and three key associations to danger / safety by uncertainty groups, mean values

Ассоциации	Группы неопределенности		
	Темпоральная	Объективная	Субъективная
Опасность	4,4	4,7	4,5
Смерть	4,3	4,3	4,7
Болезнь	5,1	5,0	3,2
Война	5,2	4,8	3,1
<i>Средние</i>	<i>4,9</i>	<i>4,7</i>	<i>3,6</i>
Безопасность	4,2	4,3	4,2
Дом	3,7	4,0	4,0
Семья	5,1	5,3	4,3
Защита	3,5	3,7	3,9
<i>Средние</i>	<i>4,1</i>	<i>4,3</i>	<i>4,1</i>

опасности и безопасности. Первичный анализ полученного распределения показывает, что наибольший размах значений по группам неопределенности обнаруживает массив ассоциаций на опасность (от 4,4 до 4,7 баллов), наименьший – на безопасность (от 4,2 до 4,3 баллов). Можно предполагать, что для оценки опасности в массиве всех ее проявлений респондентам тип неопределенности более значим, чем для оценки проявлений безопасности. Сравнение двух распределений по U-критерию Манна-Уитни дало $U_{\text{эмп}} = 0$ ($p \leq 0,05$), подтверждая статистически достоверные различия между ними, ранее установленные при сравнении средних (табл. 1).

Далее проводилась проверка результатов на материале первых трех наиболее значимых по итогам субъективного ранжирования проявлений опасности и безопасности для субъектов (табл. 2). Первичный анализ полученных распределений показывает, что больший размах средних значений оценок, как и в предыдущем случае, прослеживается по ассоциациям на опасность (от 3,6 до 4,9 баллов), увеличившись с 0,3 баллов до 1,3 баллов. Размах средних значений наиболее

значимых ассоциаций на стимул *безопасность* увеличился с 0,1 до 0,2 баллов. Таким образом, субъективно значимые для респондентов ассоциации опасности и безопасности дают более яркие различия в контексте неопределенности. Сравнение средних оценок по тройкам наиболее значимых для респондентов ассоциаций опасности и безопасности по U-критерию Манна-Уитни дало $U_{\text{эмп}} = 3$ ($p > 0,05$), находящееся в зоне статистической незначимости.

Обсуждение

Ненулевые результаты ассоциативного эксперимента продемонстрировали, что стимулы *опасность* и *безопасность* для всех представителей выборки обладают достаточной субъективной значимостью. Сопоставление содержания выявленных ассоциаций с ассоциациями, ранее выявленными тем же методом на схожей выборке респондентов [Тылец, Краснянская 2020], показало высокий уровень их совпадения по обоим стимулам. Воспроизводимость элементов ассоциативного поля стимулов *опасность* и *безопасность* подтверждает не только результативность метода и достоверность исследования, но и достаточную устойчивость ассоциаций на искомые стимулы в рассматриваемой социовозрастной группе.

Следующий этап исследования, состоящий в ранжировании элементов, неоднократно появляющихся в ассоциативных полях заявленных стимулов, позволил выявить иерархию наиболее значимых ментальных реконструкций опасности и безопасности. В число наиболее значимых для респондентов реакций на стимул *опасность* вошли три категории явлений: события, предвосхищающие опасность (*война, авария, пожар, нападение*), признаки опасности (*кровь, жестокость, страх*) и предвосхищаемые последствия опасности (*смерть, болезнь, боль*). К наиболее значимым реакциям на стимул *безопасность* относятся шесть категорий явлений: объекты безопасности (*дом, укрытие*), субъекты безопасности (*семья, родители*), действия безопасности (*защита, охрана*), социальная основа безопасности (*мир, надежность*), индивидуальное основание безопасности (*осторожность*), состояние безопасности (*спокойствие*).

Таким образом, выявлена дифференциация сложности репрезентации категорий опасности и безопасности в сознании респондентов: опасность – более простая по конструкции, следовательно более очевидная, понятная, чем безопасность, субъективная реальность. Причина выявленного расхождения может заключаться в большей тренированности сознания

на выделение признаков опасности, чем безопасности, в силу их витальной ценности для человека. Опасность требует оперативной классификации, поддерживающей ускорение реагирования на нее: в первую очередь вычлняются опасные события и их признаки, предвосхищение нежелательных последствий стимулирует преодоление опасности. Безопасность же «растворяется» в достаточно привычных составляющих жизнедеятельности, не требуя к себе в обычных условиях какого-либо внимания, но в то же время она предполагает много различных составляющих, обнаруживающих сложность ее обеспечения.

Факторный анализ матрицы оценок соответствия ассоциаций опасности и безопасности и разных типов неопределенности показал, что все типы неопределенности, определяющие оценку проявлений опасности и безопасности, можно сгруппировать по темпоральным, объективным и субъективным признакам. Наиболее значимой для рассматриваемых респондентов явилась темпоральная сторона неопределенности возникновения опасности и безопасности, что вполне объяснимо в силу значимости фактора времени для субъектного реагирования на релевантные им явления. Наряду с этим требует уточнения значимость представленного в таблице 1 расхождения в оценках ассоциаций на опасность и безопасность.

Для конкретизации выявленных различий в оценках ассоциаций на опасность и безопасность по типам неопределенности было рассмотрено распределение средних оценок суммы этих ассоциаций по сгруппированным по итогам факторного анализа типам неопределенности (табл. 2). Было установлено, что более высокий уровень оценки опасности респондентами приписывается ее проявлениям в условиях объективной неопределенности, а именно, когда не известен источник соответствующих состояний. Считаем, что это связано с тем, что отсутствие информации об источнике опасности является наиболее глобальным для осмысления ситуации и влечет за собой невозможность прогнозирования длительности опасности и предпочтений по построению реагирования на нее. Снижение уровня опасности при неопределенности темпорального типа может указывать на производность фактора времени взаимодействия с опасностью при информированности о ее объективной и субъективной сторонах.

Тенденция к повышению оценки уровня безопасности обозначается в условиях неопределенности темпорального (особенно по частоте периодов безопасности) и субъективного (причина, масштаб) типов, снижение –

при неопределенности объективного типа (особенно по источнику и месту безопасности). Как и предполагалось, тип неопределенности для оценки уровня проявлений безопасности респондентами является менее определяющим, чем для оценки ими уровня проявлений опасности.

Сравнение средних оценок по тройкам наиболее значимых для респондентов ассоциаций опасности и безопасности привело к получению результатов (табл. 2), позволяющих предположить, что при оценке наиболее субъективно значимых ассоциаций опасности и безопасности происходит стирание различий в приоритетах типов неопределенности. Вероятно, высокая пристрастность к проявлениям опасности и безопасности уравнивает в ментальной реконструкции субъектов вариативность типов неопределенности условий их наступления.

Заключение

Результаты позволили сделать следующие выводы:

1. Опасность осуществляет более простую ментальную реконструкцию в сознании субъектов, чем безопасность, что отражает стремление сознания обеспечить быстроту субъектного реагирования на нее.
2. В ментальной реконструкции опасности и безопасности участвуют три типа неопределенности: темпоральная (неопределенность длительности, времени и частоты опасности и безопасности), объективная (неопределенность места, среды и источника опасности и безопасности) и субъективная (неопределенность управляемости, масштаба и причины опасности и безопасности).
3. Неопределенность обладает неоднородной субъективной значимостью для ментальной реконструкции опасности и безопасности: более значима для первой, чем для второй. Уровень опасности возрастает при объективной неопределенности, особенно при неясности источника опасности, а безопасности – при темпоральной и субъективной неопределенности.

Литература / References

- Адиллов С. Г. Способность к антиципации и феномен неопределенности. *Национальное здоровье*. 2019. № 3. С. 81–83. [Adilov S. G. The ability to anticipate and the phenomenon of uncertainty. *Natsionalnoe zdorovie*, 2019, (3): 81–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvywmz>
- Валева Г. В., Хотеева Р. И., Малиничев Д. М., Арпентьева М. Р. Сопровождение психологической безопасности личности в высшем образовании. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2023. Т. 28. № 2. С. 186–194. [Valeeva G. V., Khoteeva R. I., Malinichev D. M., Arpentieva M. R. Maintaining psychological safety of a person in higher education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2023, 28(2): 186–194. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-293-186-194>

4. Возрастание значимости в ментальном пространстве субъектов проявлений опасности и безопасности сопровождается нивелированием роли в их оценке дифференциации неопределенности.

Выдвинутая гипотеза в целом подтвердилась. Ментальная реконструкция опасности или безопасности изменяется в контексте разных типов неопределенности. Вместе с тем на материале субъективных приоритетов ментальной реконструкции опасности и безопасности выявлено изменение контекстной роли типов неопределенности. Возможно, что для более полного понимания возникших отклонений требуется проведение психолингвистического исследования особенностей семантических полей опасности и безопасности в контексте разных типов неопределенности.

Представленное исследование является собой один из возможных вариантов изучения связи вариативности неопределенности и ментальной реконструкции опасности и безопасности. Имея поисковый характер, оно может рассматриваться в качестве начального этапа разработки проблематики и требует продолжения, возможно, на других выборках и с использованием других методов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. М. Краснянская – исследование, первоначальный проект. В. Г. Тылец – концептуализация, проверка и редактирование.

Contribution: T. M. Krasnianskaya performed the research and drafted the manuscript. V. G. Tylets developed the research concept, verified the data, and proofread the manuscript.

- Джембек Ю. И. Феномен неопределенности и уровень толерантности к неопределенности у студенческой молодежи. *Информация и образование: границы коммуникаций*. 2022. № 14. С. 282–283. [Dzhembek Yu. I. The phenomenon of uncertainty and the level of tolerance to uncertainty in youth students. *Informatsiia i obrazovanie: granitsy kommunikatsii*, 2022, (14): 282–283. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hxbnar>
- Жангужинова О. Ю. Личная безопасность как междисциплинарное понятие. *Актуальные проблемы социальных и психологических наук: теория, методология, практика: симпозиум XVIII (L) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 24–29 апреля 2023 г.) Кемерово: КемГУ, 2023. С. 30–32. [Zhanguzhinova O. Yu. Personal safety as an interdisciplinary concept. *Current issues of social and psychological sciences: Theory, methodology, and practice: Proc. Symposium XVIII (L) Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 24–29 Apr 2023. Kemerovo: KemSU, 2023, 30–32. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xafsp**
- Жилякова Е. В. Неопределенность внешней среды как неотъемлемая часть формирования антикризисной стратегии. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2017. № 5–6. С. 35–40. [Zhlyiakova E. V. Uncertainty of the external environment as integral part of the formation of an anti-crisis strategy. *Aktualnye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2017, (5–6): 35–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrecmp>
- Козлов А. В., Потанин С. П. Подготовка обучающихся к действиям в условиях неопределенности профессиональной среды. *Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур*. 2016. № 1. С. 139–143. [Kozlov A. V., Potanin S. P. Students being trained to actions in the state of professional environment uncertainty. *Aktualnye problemy fizicheskoi i spetsialnoi podgotovki silovykh struktur*, 2016, (1): 139–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vodjfh>
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г., Иохвидов В. В. Атрибуция ситуаций неопределенности в параметрах опасности / безопасности носителями основных хронобиотипов. *Гуманитарные науки (Ялта)*. 2022. № 2. С. 133–141. [Krasnianskaya T. M., Tylets V. G., Iokhvidov V. V. Attribution of situations of uncertainty in hazard / safety parameters by carriers of basic chronobiotypes. *The Humanities (Yalta)*, 2022, (2): 133–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wspthyg>
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г., Ляхов А. В. Сценарное конструирование безопасности студентами с разным уровнем толерантности к неопределенности. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. Т. 8. № 4. [Krasnianskaya T. M., Tylets V. G., Lyakhov A. V. Scenario design of security by students with different levels of tolerance to uncertainty. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, 8(4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.15862/58PSMN420>
- Крашенинникова А. С. Человек в условиях неопределенности и нестабильности. *Научный вестник Омского государственного медицинского университета*. 2022. Т. 2. № 3. С. 51–54. [Krasheninnikova A. S. Man in conditions of uncertainty and instability. *Nauchnyi vestnik Omskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 2022, 2(3): 51–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ceagej>
- Куксова М. А., Максинаева М. Р. К вопросу личной безопасности субъекта как интегрального образования. *ОБЖ: Основы безопасности жизни*. 2023. № 2. С. 19–22. [Kuksova M. A., Maksinyaeva M. R. On the issue of personal security of the subject as an integral formation. *FLS. Fundamentals of Life Safety*, 2023, (2): 19–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zzspnz>
- Мельниченко Н. Ф., Бурькин А. Д. Классификация неопределенности. *Вестник научных конференций*. 2017. № 1–5. С. 116–117. [Melnichenko N. F., Burykin A. D. Uncertainty classification. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2017, (1–5): 116–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xxhkmj>
- Павлова Е. М. Модель связей самооценки креативности и интеллекта с толерантностью к неопределенности и креативностью. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 15. № 1. С. 69–78. [Pavlova E. M. Model of connections between self-esteem of creativity and intelligence, tolerance of uncertainty and creativity. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, 15(1): 69–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-1-69-78>
- Сандомирский М. Е. Неопределенность как социально-психологический феномен информационного общества. *Человеческий фактор: Социальный психолог*. 2017. № 2. С. 230–234. [Sandomirsky M. E. Uncertainty as a socio-psychological phenomenon of the information society. *Chelovecheskii faktor: Sotsialnyi psikholog*, 2017, (2): 230–234. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcxgve>
- Селиванов А. И. Методологические проблемы обеспечения безопасности объектов, находящихся в состоянии неопределенности. *Микроэкономика*. 2012. № 4. С. 140–143. [Selivanov A. I. Methodological problems

- of the protection of objects that are in a state of uncertainty. *Microeconomics*, 2012, (4): 140–143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pduaal>
- Серых А. Б., Анцута А. Н., Букша Л. Ф., Бугаева А. С. Теоретические основы влияния личностной тревожности на психологическую безопасность студента. *Глобальный научный потенциал*. 2023. № 6. С. 134–136. [Serykh A. B., Anzuta A. N., Buksha L. F., Bugaeva A. S. Theoretical foundations of the influence of personal anxiety on psychological safety of a student. *Globalnyi nauchnyi potentsial*, 2023, (6): 134–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rccogk>
- Сонин А. А. Личность как субъект информационно-психологической безопасности. *Молодежь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии*. 2022. № 7. С. 114–120. [Sonin A. A. Personality as a subject of information and psychological security. *Molodezh i nauka: aktualnye problemy pedagogiki i psikhologii*, 2022, (7): 114–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kndjkl>
- Тихонов А. А. Субъект познания и неопределенность. М.: Лабиринт, 2004. 264 с. [Tihonov A. A. *Subject of knowledge and uncertainty*. Moscow: Labirint, 2004, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwhocn>
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Организационные вызовы психологии корпоративной безопасности в условиях неопределенности. *Социальная психология: вопросы теории и практики: VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 12–13 мая 2021 г.)*. М.: МГППУ, 2021. С. 558–560. [Tylets V. G., Krasnianskaya T. M. Organizational challenges to corporate security psychology under conditions of uncertainty. *Social psychology: Issues of theory and practice: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 12–13 May 2021*. Moscow: MSUPE, 2021, 558–560. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/woetpx>
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов. *Вопросы психолингвистики*. 2020. № 1. С. 84–97. [Tylets V. G., Krasnianskaya T. M. Psycholinguistic meaning of the concepts "danger" and "safety" in the language consciousness of students. *Journal of Psycholinguistics*, 2020, (1): 84–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97>
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М., Иохвидов В. В. Темпоральные составляющие персональной концепции безопасности субъектов с разным уровнем толерантности к неопределенности. *Гуманизация образования*. 2022. № 1. С. 129–144. [Tylets V. G., Krasnianskaya T. M., Iokhvidov V. V. Temporal components of the personal security concept of subjects with different levels of tolerance to uncertainty. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2022, (1): 129–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhburl>
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М., Ляхов А. В. Корреляты времени безопасности у субъектов с разным уровнем толерантности к неопределенности. *Гуманизация образования*. 2020. № 5. С. 29–42. [Tylets V. G., Krasnianskaya T. M., Lyakhov A. V. Correlates of safety time in subjects with different levels of tolerance to uncertainty. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2020, (5): 29–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lejjo0>
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М., Ляхов А. В. Репрезентация практик безопасности молодежью с разным уровнем толерантности к неопределенности. *International journal of medicine and psychology*. 2023. Т. 6. № 1. С. 18–24. [Tylets V. G., Krasnianskaya T. M., Lyakhov A. V. Representation of safety practices by young people with different levels of tolerance to uncertainty. *International journal of medicine and psychology*, 2023, 6(1): 18–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oagutt>
- Чиркова Т. И., Кочнева Е. М., Симанова А. А. Неопределенность как предмет психологических исследований. *Нижегородский психологический альманах*. 2020. Т. 1. № 2. С. 101–114. [Chirkova T. I., Kochneva E. M., Simanova A. A. Uncertainty as a subject of psychological research. *Nizhegorodskij psikhologičeskij almanah*, 2020, 1(2): 101–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kgovse>
- Шамолин Р. В. Неопределенность и время. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*. 2007. Т. 1. № 1. С. 66–69. [Shamolin R. V. Uncertainty and time. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Psikhologija*, 2007, 1(1): 66–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iixnjx>
- Frazier M. L., Fainshmidt S., Klinger R. L., Pezeshkan A., Vracheva V. Psychological safety: A meta-analytic review and extension. *Personnel Psychology*, 2017, 70(1): 113–165. <https://doi.org/10.1111/peps.12183>
- O'Donovan R., Van Dun D., McAuliffe E. Measuring psychological safety in healthcare teams: Developing an observational measure to complement survey methods. *BMC Medical Research Methodology*, 2020, (20). <https://doi.org/10.1186/s12874-020-01066-z>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sidrqs>

Особенности представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями

Сидорова Галина Анатольевна

Общеобразовательная школа-интернат № 6, Россия, Гурьевск

<http://orcid.org/0009-0000-6265-4964>

Иванов Михаил Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

Scopus Author ID: 57196449787

ivanov.mikhail@gmail.com

Аннотация: Выявлено содержание представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями, проанализированы особенности этих представлений у младших и старших подростков. В качестве методов сбора данных применены формализованное интервью с приемами субъективного шкалирования, анализ личных дел, социальных паспортов, дневников наблюдений. Для обработки данных использованы контент-анализ, частотный анализ, статистические методы сравнительного анализа Манна-Уитни, корреляционного анализа Спирмена, анализа сопряженности хи-квадрат. В результатах описаны представления подростков о личной безопасности в возрастном разрезе, а именно представления об угрозах, о способах противодействия угрозам, о понятии *безопасность*, о себе как субъекте личной безопасности. Показаны значимые различия между младшими и старшими подростками в представленности в сознании опасностей и угроз, способов защиты, сформированности понятия безопасности, готовности брать на себя ответственность за личную безопасность. Сделан вывод, что представления о личной безопасности у детей с интеллектуальными нарушениями интенсивно формируются в подростковом возрасте; представления об угрозах и способах противодействия основаны у них в основном на жизненном опыте, определяются условиями социализации и в целом по своей категориальной структуре, согласно данным предыдущих исследований, соответствуют норме, хотя и уступают по уровню обобщения, когнитивной сложности. При интеллектуальных нарушениях представления об опасностях и защите от них часто отделены в сознании от понятия *безопасность*, которое связано преимущественно с соблюдением техники безопасности. Именно на эти проблемы рекомендовано направить теоретические и методические разработки программ коррекционного психолого-педагогического воздействия.

Ключевые слова: представления о личной безопасности, психология безопасности, коррекционная психология, возрастная психология, интеллектуальные нарушения, умственная отсталость

Цитирование: Сидорова Г. А., Иванов М. С. Особенности представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 181–195. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-181-195>

Поступила в редакцию 15.01.2024. Принята после рецензирования 28.02.2024. Принята в печать 04.03.2024.

full article

Age-Related Features of Perceptions about Personal Security in Adolescents with Intellectual Disabilities

Galina A. Sidorova

Comprehensive Boarding School No. 6, Russia, Guryevsk

<http://orcid.org/0009-0000-6265-4964>

Mikhail S. Ivanov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

Scopus Author ID: 57196449787

ivanov.mikhail@gmail.com

Abstract: The paper studies the way younger and older adolescents with intellectual disabilities perceive their personal security. The research data were collected by formalized interview, subjective scaling techniques, analysis

of personal files, observation diaries, etc. The obtained information was processed using the methods of content and frequency analyses, the Mann-Whitney U test, the Spearman's rank correlation, and the chi-square distribution. The perception of personal security included such concepts as threat, defense, security, and subjective personal security. The study revealed significant differences between younger and older adolescents in their perception of danger, threat, defense, security, and responsibility for personal security. Children with intellectual disabilities developed ideas about personal security in adolescence, their perception of threat and defense depended on life experience and socialization. Their categorical structure corresponded to the norm but was inferior in terms of generalization and cognitive complexity. They separated threat and defense from security, which they associated with safety rules. The results could be included in programs of corrective psychological and pedagogical support.

Keywords: perceptions of personal security, security psychology, correctional psychology, age psychology, intellectual disabilities, mental retardation

Citation: Sidorova G. A., Ivanov M. S. Age-Related Features of Perceptions about Personal Security in Adolescents with Intellectual Disabilities. *SibScript*, 2024, 26(2): 181–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-181-195>

Received 15 Jan 2024. Accepted after peer review 28 Feb 2024. Accepted for publication 4 Mar 2024.

Введение

Проблема отношения к личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями представляет интерес для психолого-педагогического изучения, поскольку тесно связана с вопросом адаптационных возможностей «особенных» детей. При нарушениях интеллекта имеются базовые ограничения на уровне нервной системы, препятствующие формированию всестороннего представления о действительности, которое выступает важным условием безопасности и благополучия. По некоторым данным, число детей с интеллектуальными нарушениями возрастает и составляет от 5 до 12 % от общей численности детей [Кисляков, Шмелева 2016].

Подростковый возраст является сензитивным периодом для формирования представлений о личной безопасности, когда складывается взрослая, зрелая картина мира, открывающая субъекту широкий спектр объективных опасностей и угроз, недоступных для понимания в детском возрасте, приходит осознание своей уязвимости и ответственности за обеспечение не только личной безопасности, но и безопасности близких людей. Ошибочность представлений о безопасности существенно усложняет благоприятное вхождение человека с интеллектуальными нарушениями в жизнь общества и создает проблемы его жизнеустройства, препятствует достижению значимых целей и конкретных результатов.

В числе основных исследовательских задач в этой области – выяснить, насколько система представлений об опасностях и способах их предупреждения является сформированной у подростков с интеллектуальными

нарушениями, насколько она соответствует объективной реальности, насколько такие дети разделяют в своих представлениях реальные, потенциальные и мнимые, выдуманные опасности. Известно, что даже нормальные психически здоровые взрослые люди очень субъективно и зачастую не точно оценивают объективность угроз, излишне опасаясь того, что на самом деле не столь опасно, и недооценивая реальные опасности. У людей с ограничениями возможностей здоровья картина мира изменяется, изменяются и представления о безопасности, например, у кардиобольных повышаются опасения за свое здоровье [Иванов и др. 2018], у больных болезнью Паркинсона снижается ощущение безопасности в целом [Pedrosa et al. 2023].

Результаты исследования могут позволить разработать меры психологической поддержки, способствующие более успешной социализации и адаптации, минимизации влияния ошибочных представлений и, как следствие, максимальной реализации потенциала и возможностей людей с интеллектуальными нарушениями в социуме. Исследования в данном направлении помогут найти ответ на практический вопрос педагогической психологии: как можно формировать или корректировать уже сформированные представления о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями в процессе специального образования.

Понятие *представления* в психологии используют для обозначения конкретного уровня психического отражения – уровня представлений. Как справедливо

отмечает В. П. Песков, представления – это то, что связывает человека с окружающим миром; реальная действительность и открывается нам через представления, которые выступают событиями нашей внутренней жизни, как реальность, переживаемая заново; мир для человека – это и есть представление о нем; жизнь и представление о жизни для субъекта неразделимы [Песков 2005]. Кроме того, представления о мире не являются только когнитивным явлением и не всегда полностью рефлексированы; обнаружение, открытие их субъектом происходит часто в виде особых внутренних переживаний эмоционального, чувственного характера. Как считает Е. А. Климов, это чувство внутренней определенности, самоочевидности того, что содержится в представлении, и именно это чувство позволяет нам быть уверенным в существовании этого содержания [Климов 1995].

При анализе подходов к изучению представлений о безопасности в психологии выделяются в числе основных определений этого понятия следующие: ментально выстроенные образы, посредством которых осуществляется субъективная репрезентация и категоризация отдельных параметров или всего паттерна ситуации (среды, условий) в качестве безопасных (опасных) для конкретного человека или социальной группы [Краснянская, Тылец 2013: 61; Лызь, Куповых 2015]; психический образ обстоятельств, объектов, ситуаций, воспринимаемых как субъективно значимые в контексте угроз и опасностей внешнего или внутреннего характера, которые необходимо преодолеть [Котова, Пирмагомедова 2011]; интегральный психический феномен, связанный с определением субъектом источников опасности, средств безопасности и условий повседневной действительности, связанных с обеспечением безопасности человека [Синельникова 2009]; индивидуальный психический образ жизненных условий, формирующийся на базе оценки опасности и безопасности этих условий, отношения к ним и готовности к их преодолению [Эксакусто, Дуганова 2014].

В современных исследованиях представления о безопасности все чаще понимаются выходящими за пределы только когнитивных конструкций, как имеющие интуитивно-чувственное и частично неосознаваемое содержание. Так, В. Г. Тылец и Т. М. Краснянская для изучения психологических детерминант безопасного поведения предлагают конструкт *персональная концепция безопасности*, основным свойством которого является имплицитность, что означает неявность по способу представленности, но одновременно

безусловность и неоспоримость для своего обладателя его смыслового содержания. По мнению авторов, в основе этой имплицитной концепции безопасности лежат обыденные знания человека в области безопасности, выступающие кумуляцией индивидуального опыта проживания опасных ситуаций, наблюдения за поведением людей в небезопасных условиях, обнаруживающихся в связи с подобными обстоятельствами явлений интуиции, мало осознаваемых ощущений и наивных представлений. Определенную часть концепции личной безопасности может составлять социальный опыт, представленный стереотипами, повседневными практиками, а также интегрировать научные знания в области общей безопасности, элементы которых, включаясь в ее структуру, утрачивают исходную объективность в пользу стихийности или глубоко субъективной, интуитивной, эмоционально-иррациональной логики своего построения. Авторы подчеркивают, что несмотря на неточность и некоторую иллюзорность субъективных представлений о безопасности, высокий уровень естественности процесса их формирования обеспечивает эффективность их применения носителем в условиях повседневности [Тылец, Краснянская 2022].

Представления о безопасности понимаются в еще более широком значении, когда они рассматриваются как элемент отношения к безопасности, под которым М. С. Иванов и М. С. Яницкий понимают «самостоятельное психическое явление, представленное на всех уровнях функционирования психики в виде системы избирательных, оценочных отношений личности к внешним и внутренним факторам с позиций, угрожающих или не угрожающих безопасности субъекта, определяющих поведение, связанное с обеспечением безопасности» [Иванов, Яницкий 2015: 57]. Отношение, как более широкое понятие, включает в себя представление, и в этой части, согласно идее авторов, отношение к безопасности включает в себя представления как об угрозах и опасностях, так и о способах обеспечения безопасности, которые проявляются в трех аспектах: когнитивном (знания об угрозах, мерах и возможностях противодействия им), эмоциональном (оценочное отношение, тревога, страхи) и поведенческом (стратегия и тактика обеспечения безопасности).

Изучение представлений об опасности и безопасности показывает, что при всем многообразии индивидуальных представлений могут быть выделены наиболее общие представления, присущие большинству людей. Так, по результатам наших предыдущих

исследований, наиболее распространенными представлениями об опасностях выступают: среди представлений об источниках угроз – угрозы, исходящие от незнакомых окружающих людей, природных и техногенных источников, самого человека и его организма; среди представлений о способах вредного воздействия наиболее распространены опасения физического и психологического воздействия; среди представлений о последствиях реализации угроз – опасения потери близких, потери здоровья, дееспособности и средств к существованию [Иванов и др. 2016].

О. П. Синельниковой показано, что на содержательном уровне представления о безопасности среди старшеклассников характеризуются присутствием в них следующих жизненных приоритетов: дом и родители, физические атрибуты защиты, социальные институты безопасности, собственность, здоровье, круг общения [Синельникова 2009]. Изучая представления о безопасности городских и сельских школьников, В. Я. Кикоть показал, что в ядро представлений о безопасности вошли одинаковые понятия (дом, друзья, семья, спокойствие), однако представления сельских школьников о безопасности более разнообразны: у них появляются такие ассоциации, как счастье, здоровье и комфорт, не представленные у городских школьников. Получены и различия в трактовках определений выделенных понятий, в переживаниях, связанных с ними [Кикоть 2013]. О. В. Смирнова изучила половые и гендерные различия в представлениях о безопасности в подростковом и юношеском возрасте [Смирнова 2020]; И. А. Баева с соавторами – взаимосвязь ценностных ориентаций и показателей психологической безопасности у подростков [Баева и др. 2020; 2021].

И. Б. Котова и Э. А. Пирмагомедова, анализируя научные подходы к изучению представлений о безопасности у подростков, выделяют ряд их общих характеристик, к которым относят индивидуальное своеобразие содержания представлений, отражение условий жизнедеятельности, ведущих интересов и ценностей, типичных жизненных обстоятельств, ситуаций, которые наиболее часто возникают в соответствующих условиях жизнедеятельности, а также зависимость этих представлений от личностной зрелости, общего уровня адаптации, развитой идентичности личности [Котова, Пирмагомедова 2011]. Имеется целый ряд исследований представлений у детей и подростков с интеллектуальными нарушениями: о формировании представлений о жизненном пути [Толстухенко и др. 2016], об окружающем мире

[Шишканова 2022], о безопасности жизнедеятельности [Косымова 2006].

Л. Ф. Фатихова, анализируя опыт зарубежных исследований о процессах обучения лиц с ментальными нарушениями технике безопасности, отмечает, что они могут испытывать трудности в распознавании и избегании опасных ситуаций, и у них недостаточно сформированы коммуникативные навыки для того, чтобы сообщить о совершаемых против них преступлениях. Кроме того, они могут быть слишком зависимыми от других, послушными и пассивными, что может привести к их виктимизации [Фатихова 2019; Фатихова, Сайфутдиярова 2020].

М. С. Давыдова приходит к выводу, что возможности детей и подростков с интеллектуальными нарушениями распознавать угрозы и опасности, а также последствия их реализации ограничены следующими причинами: 1) когнитивный компонент связан с недостаточным развитием познавательных процессов, снижением умственных способностей, проявляющимся в затруднении установления причинно-следственных связей между опасностью и средствами противодействия ей, между опасным поведением и его последствиями, формальными, не глубокими представлениями об окружающем мире, недостаточной освоенности и осознанности правил поведения в потенциально опасной среде; 2) потребностно-мотивационный компонент связан с недостатком интереса к информации, связанной с опасностями, рисками и способами их предотвращения, без специальной стимуляции со стороны людей, занимающихся их обучением и воспитанием; 3) поведенческо-волевой компонент связан с недостаточно сформированной направленностью личности на безопасное поведение [Давыдова 2009].

Изучая особенности социально-психологической безопасности у подростков с нарушениями интеллекта, П. А. Кисляков и Е. А. Шмелева приходят к выводу, что лишь у трети таких подростков имеется чувствительность к опасности, достаточная для ее осознания и поиска способов защиты; у большинства же представления об опасностях, которые реально могут угрожать их здоровью и благополучию, не сформированы в полной мере; таких подростков отличает рискованность в поведении. Авторы отмечают недостаточную зрелость самооценки детей и подростков с нарушениями интеллекта, что приводит к излишней самоуверенности, неадекватному отношению к опасностям, недостатку способности осознавать цели своих действий и предвидеть их последствия [Кисляков, Шмелева 2016].

Л. С. Медникова с соавторами при изучении поведения подростков с интеллектуальными нарушениями в трудных жизненных ситуациях приходят к несколько иному выводу о том, что такие подростки склонны к заниженной самооценке и высокому уровню тревожности, что также затрудняет процесс анализа ими ситуации, принятия правильного решения и преодоления жизненных трудностей [Медникова и др. 2021].

Е. А. Стебляк отмечает, что для успешного формирования представлений у умственно отсталых подростков необходима систематическая коррекционно-развивающая работа педагогического коллектива с определенными целями и задачами, определяющими способ обучающего воздействия и доступный для восприятия умственно отсталых подростков обучающий материал. При этом автор подчеркивает, что речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания, играет основополагающее значение в процессе формирования представлений умственно отсталых подростков [Стебляк 2018].

Таким образом, в вопросе изучения особенностей представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями важными для исследования являются факторы, которые оказывают непосредственное влияние на процесс формирования данных представлений, а именно своеобразие дефекта и условия социального окружения (семья, школа), т. е. первично-биологические проявления и вторичные, обусловленные процессом развития и образом жизни ребенка, по выражению С. Я. Рубинштейн. Социальное окружение подростка с интеллектуальными нарушениями влияет на формирование представлений о личной безопасности, придает специфику общей картине мира в целом и представлениям о личной безопасности в частности.

Целью исследования выступает выявление и анализ представлений подростков с интеллектуальными нарушениями о личной безопасности.

Методы и материалы

Для сбора эмпирических данных о представлениях о личной безопасности применено формализованное интервью, включающее приемы субъективного шкалирования и следующие основные вопросы:

- Назови три опасности, с которыми ты можешь столкнуться в реальной жизни.
- Что или кто может защитить тебя от названных тобой опасностей?

- Что, по твоему мнению, означает слово *безопасность*?
- Как ты считаешь, кто в первую очередь должен отвечать за твою безопасность, ты или окружающие тебя люди (родители, педагоги, пожарные, врачи, спасатели и т.д.)?

Примерное время интервьюирования каждого испытуемого – 30 минут.

Для получения дополнительных сведений об испытуемых проводилось изучение документации подростков: характеристики, личные дела, дневники наблюдений, социальные паспорта.

В качестве методов обработки данных выступили контент-анализ данных интервью, классификация и категоризация, методы математической статистики. В качестве конкретных статистических методов – сравнительный анализ с применением U-критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ Спирмена, анализ сопряженности Фишера хи-квадрат. Данные обработаны при помощи программного обеспечения StatSoft Statistica 6.0.

Испытуемыми выступили учащиеся Муниципального казенного общеобразовательного учреждения «Общеобразовательная школа-интернат № 6» г. Гурьевск Кемеровской области – Кузбасса в возрасте 11–16 лет (4–9 классы). Общее количество обследованных составляет 76 человек: 57,9 % мужского пола, 42,1 % – женского. Средний возраст испытуемых – 12,8 лет. Исследование проводилось в течение 2-го полугодия 2022–2023 учебного года. Каждый учащийся ранее перед поступлением в школу был обследован районной психолого-медико-педагогической комиссией. Обследование включало: изучение медицинского анамнеза, обследование общего психомоторного развития (в том числе речевого); особенностей развития анализаторов и познавательной деятельности, личностного развития, эмоционально-волевых особенностей.

Все испытуемые имеют подтвержденный диагноз F70.09 – Умственная отсталость легкой степени с указанием на отсутствие или слабую выраженность нарушения поведения, обусловленная неуточненными причинами. Подростки характеризуются состоянием задержанного или неполного развития психики, которое состоит в нарушении когнитивных, речевых, моторных и социальных способностей. Нарушение интеллекта в преобладающем большинстве случаев сочетается с аномальным развитием эмоциональной, мотивационной и волевой сфер, становление которых неотделимо от познания мира, овладения речью, трудовыми навыками.

Результаты

Изучив ответы подростков об опасностях, с которыми, по их мнению, они могут столкнуться в жизни, из них были выделены собственно угрозы личной безопасности, т. е. реальные опасности, которые при стечении обстоятельств могут действительно произойти и нанести вред подростку. Таких ответов оказалось 69,9 % от общего числа ответов. Остальные 30,1 % – это представления о мнимых, надуманных опасностях, с объективной точки зрения крайне маловероятных в действительности, либо иррациональных, выступающих страхами, фобиями.

В нашем исследовании это разделение выполнено на основании двух критериев: 1) выделение опасностей, выступающих основой для клинических фобий, весьма обширная классификация которых имеется в медицинской психологии и психиатрии; 2) наличие логики и практического смысла в сопоставлении представления подростка об угрозе и способах ее предотвращения, поскольку обычно иррациональные страхи (фобии) не предполагают эффективных способов предотвращения. Например, ответ *боюсь насекомых* – это страх, соответствующий инсектофобии, а *боюсь, что укусит клещ* – это опасение по поводу реальной угрозы в летний период. К тому же на вопрос *Кто или что может защитить тебя от этой опасности (укус клеща)?* подросток ответил *прививка* – это практически обоснованное средство противодействия. *Боюсь бродячих собак* – это боязнь реальной опасности, а *боюсь диких животных (тигра, крокодила и т. п.)* – это страх, соответствующий агризоофобии. На вопрос *Кто или что может защитить от бродячих собак?* подросток отвечает *главное не убежать, а позвать на помощь*. На аналогичный вопрос по отношению боязни диких животных другой подросток отвечает *покормить, подружиться*. *Боюсь темноты* – проявление никтофобии, а *боюсь в темноте ходить по нашей улице, потому что там живут алкаши* – это объективный страх, опасение в отношении вполне реальных угроз. В качестве способа защиты подросток предлагает *взять с собой хотя бы собаку*.

При дальнейшем анализе страхи были отброшены из рассмотрения, в таблице 1 представлено распределение угроз личной безопасности в процентах от общего количества ответов, отнесенных к угрозам личной безопасности.

Самые распространенные представления об угрозах личной безопасности связаны с опасностями, касающимися транспортных средств, которые были

объединены в категорию ДТП (21,2 %). Например, *авария, собьет машина, железная дорога, пьяный водитель за рулем* и т. п. Далее по уменьшению количества ответов, данных подростками на вопрос, следует категория, которую мы назвали *окружающие люди* (18,8 %). Здесь собраны опасности, которые, по словам подростков, могут исходить от окружающих, например, *могут побить старшие* и т. п.

В категории *животные (бродячие собаки, соседский бык и т. п.)* – 13,9 % ответов; *пожар* – 12,5 %. Далее, 10,4 % ответов отнесены к категории *болезнь, травма*. 5,6 % ответов касаются несчастных случаев на воде – категория *утопление (боюсь утонуть, плавать не умею, на глубине страшно* и т. д.). 3,5 % ответов касаются близких людей подростков – категория *потеря близких (потерять маму, за малышами трудно уследить* и т. д.).

Табл. 1. Угрозы личной безопасности в представлении подростков с интеллектуальными нарушениями, %
Tab. 1. Threats to personal security as perceived by adolescents with intellectual disabilities, %

Угрозы личной безопасности	Младшие подростки (n = 55)	Старшие подростки (n = 23)	По всей выборке
ДТП	23,1	18,9	21,2
Окружающие люди*	15,4	24,5	18,8
Животные	15,4	11,3	13,9
Пожар*	9,9	17	12,5
Болезнь, травма	11	9,4	10,4
Утопление	7,7	1,9	5,6
Потеря близких	2,2	5,7	3,5
Вред от ПАВ*	2,2	5,7	3,5
Электричество	2,2	3,7	2,8
Ограбление	4,4	–	2,8
Неудачи в учебе	3,3	–	2,3
Заблудиться	–	1,9	0,7
Сломается телефон	1,1	–	0,7
Укус клеща	1,1	–	0,7
Отравление	1,1	–	0,7

Прим.: * – между группами младших и старших подростков выявлены статистически значимые различия при $p < 0,05$ по критерию Манна-Уитни.

В личных беседах с подростками, давших подобного плана ответы, было выяснено, что во всех случаях присутствуют реальные проблемы в семье учащихся (онкологическое заболевание у матери, уход за младшими членами семьи и т.д.). Такое же количество (3,5 %) получено в категории *вред от употребления ПАВ* (психо-активных веществ). В данной категории мы объединили ответы, касающиеся употребления алкоголя и наркотиков, курения сигарет и т.д.

Представления о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями обычно выразительно эмоционально окрашены, формируются в переживании тех жизненных ситуаций, в которые подростки были наиболее эмоционально вовлечены. Например, 11-летний подросток, говоря, что опасается пожара, расплакался. Рассказал, что несколько лет назад в их доме случился пожар, в котором погиб его щенок. У подростка остались воспоминания о пожаре как об опасном событии. Особенности представления обусловлены яркими негативными эмоциями.

Были проанализированы различия в представлениях об угрозах безопасности между группами подростков разного возраста, которые могут указывать на возрастную динамику этих представлений. Проанализированы две возрастные группы: младшие (11–13 лет) и старшие (14–16 лет) подростки. Обнаружено статистически значимое повышение представленности угроз в категории *окружающие люди* (по критерию Манна-Уитни, $p < 0,05$). Также возрастает представленность ответов в категориях *потеря близких*, *вред от ПАВ* – рост около 4 %. Статистически значимо возрастает представленность угрозы пожара – с 9 % до 17 % ($p < 0,05$). Одновременно происходит снижение представленности угроз в категориях *животные*, *утопление*. Выявленная динамика указывает на повышение объективности, реалистичности представлений об угрозах безопасности с возрастом – на первый план выходят социальные угрозы, действительно считающиеся наиболее сложными с точки зрения их предотвращения. Меньшее значение начинают иметь угрозы, которые легче предотвратить, например, связанные с животными, и угрозы, предотвращение которых уже в достаточной степени освоено (ДТП, утопление и т.п.).

После ответа на вопрос *Назови три опасности, с которыми ты можешь столкнуться в жизни* и индивидуальной беседы (по необходимости), подростку задавался вопрос: *Что или кто может тебя защитить от названных тобой опасностей?* (табл. 2).

Большая часть ответов касается помощи и поддержки, которую, по мнению опрашиваемых, в случае опасности они могут получить от окружающих (21 % от общего числа ответов). Примеры ответов испытуемых: *дед, директор школы, хозяин быка, друзья, прохожие, завуч, родители* и т.п.

Следующая по представленности категория касается практических умений и знаний самих подростков, которые, по их словам, они могут использовать для защиты. Например, *умение плавать, быстро действовать, тихо передвигаться*; действия: *включить свет, подумать и решить, увернуться*. Примечательно, что данных ответов, которые подразумевают взятие ответственности на себя в случае критической ситуации, достаточно много – 17,8 %. Вероятно, в данных ответах присутствует определенная доля самоуверенности, свойственная умственно отсталым лицам, не подкрепленная критическим анализом собственных возможностей и характера опасной ситуации. Достаточно большая часть (14,6 %) ответов объединены в категорию *средства защиты*.

Табл. 2. Способы противодействия угрозам личной безопасности в представлении подростков с интеллектуальными нарушениями, %

Tab. 2. Defense as perceived by adolescents with intellectual disabilities, %

Способы противодействия угрозам	Младшие подростки (n = 55)	Старшие подростки (n = 25)	По всей выборке
Помощь окружающих	23,7	15,5	21
Свои знания и умения	18,2	16,9	17,8
Средства защиты	16,9	8,5	14,7
Помощь спасателей	8,1	8,5	8,2
Соблюдение правил техники безопасности	5,4	12,7	7,8
Свои личные качества*	4,1	15,5	7,8
Избегание	6,8	8,5	7,3
Предусмотрительность	5,4	9,9	6,9
Бегство	7,4	2,8	5,9
Домашние животные	2,7	1,4	2,3
Высшие силы	1,6	–	0,9

Прим.: * – между группами младших и старших подростков выявлены статистически значимые различия при $p < 0,05$ по критерию Манна-Уитни.

Это названные учащимися и специальные средства защиты: *огнетушитель, фонарик, песок, вода, ремень безопасности* и т. п., и подручные предметы: *камень, палка, светильник, мокрая тряпка, клетка, лестница*. В категорию *помощь спасателей* (8,2 %) собраны ответы, подразумевающие обращение за помощью и ожидание помощи от людей, призванных защищать и спасать, имеющих для этого соответствующие навыки и полномочия: пожарные, врачи, работники скорой помощи, полицейские.

В категориях *соблюдение правил техники безопасности* и *свои личные качества* получено одинаковое количество ответов – 7,8 %. Подростки считают, что помочь в опасной ситуации может соблюдение элементарных правил техники безопасности. В категорию *свои личные качества* попали ответы о том, что обладание определенными личными качествами поможет справиться с опасностью, защитить себя и окружающих. Были названы такие качества, как *храбрость, смелость, аккуратность, наблюдательность*.

7,3 % ответов попали в категорию *избегание*, которая принципиально отличается от категории *бегство* (5,9 %). В первом случае акцент сделан на то, чтобы не встретиться с опасной ситуацией, во втором – использовать бегство как способ защиты при столкновении с опасностью.

Не стандартны и не характерны для умственно отсталых подростков ответы в разделе *предусмотрительность* (6,9 %). Учащиеся отвечали, что нужно *заранее оформить страховку, поменять электрическую проводку, заизолировать провода, поменять замок* и т. д. Категория *домашние животные* (2,3 %) – помощь питомцев в трудной ситуации, например, *мой пес меня всегда спасает, поможет мой кот, он поймает мышь*. Неожиданно немного ответов оказались связаны с надеждой на помощь высших сил в случае опасности (0,9 %).

При анализе ответов подростков с интеллектуальными нарушениями, относящихся к разным возрастным категориям, выявлено, что старшие подростки реже рассчитывают на помощь окружающих людей, чем младшие, реже склонны полагаться на средства защиты. Одновременно старшие подростки существенно чаще, чем младшие, полагаются в вопросах обеспечения безопасности на свои личные качества, причем это различие статистически значимо. Повышается представленность предусмотрительности как способа предотвращения угроз, а также уделяется большее значение выполнению правил техники безопасности. Выявленная динамика представлений о средствах обеспечения личной безопасности

указывает на повышение с возрастом ее реалистичности и объективности, и это согласуется с возрастной динамикой представлений об угрозах безопасности.

Проанализируем ответы на вопрос *Что, по твоему мнению, означает понятие безопасность?* Распределение ответов, сгруппированных по категориям по результатам контент-анализа, представлено в таблице 3.

Большая часть ответов (36,7 %) подростков касается соблюдения правил техники безопасности. Подростки выражают мнение, что соблюдение правил безопасного поведения – важный момент при обеспечении безопасности, в том числе личной. Многие учащиеся знают правила поведения в разного рода опасных ситуациях, перечисляют их. Некоторые способны обосновать применение тех или иных правил. Ответы в категории *избегание опасности* (17,4 %): *остерегаться, не нарываться, быть внимательным*

Табл. 3. Понимание значения слова *безопасность* подростками с интеллектуальными нарушениями, %
Tab. 3. Concept of security as interpreted by adolescents with intellectual disabilities, %

Категории ответов	Младшие подростки (n = 53)	Старшие подростки (n = 23)	По всей выборке
Соблюдение правил техники безопасности	40,3	29	36,7
Избегание опасности	14,9	22,6	17,4
Защита самого себя	9	6,5	8,9
Отсутствие угрозы	9	–	6,1
Средства защиты	4,5	9,7	6,1
Защита других	6	3,2	5,1
Чувство безопасности*	1,5	9,7	4,1
Безопасное место	6	–	4,1
Обращение за помощью	6	–	4,1
Рядом те, кто защитит	1,5	6,5	3,1
Не понял вопроса	1,5	3,2	2
Не причинять себе вред	–	3,2	1
Не бояться	–	3,2	1
Опасность повсюду	–	3,2	1

Прим.: * – между группами младших и старших подростков выявлены статистически значимые различия при $p < 0,05$ по критерию Манна-Уитни.

и осторожным. При ответе в категории *защита самого себя* (8,18 %) подростки достаточно уверенно предлагают варианты действий: *защитить свою жизнь, о себе заботиться, самому надо защищаться, спасти себя, обезопасить себя, хорошо себя вести*. В категории *отсутствие угрозы* (6,1 %) представлены варианты ответов *ничего опасного* и т.д. Такой же процент (6,1 %) ответов – у подростков, которые связывают понятие *безопасность* с использованием средств защиты: *аптечка, шлем и наколенники, парашют* и т.п.

Вызывают интерес ответы в категории *защита других* (5,1 %), в которых учащиеся определяют понятие *безопасность* как заботу о безопасности окружающих: *помогать, защищать друзей и близких, заботиться о других, сберечь кого-то*. Примечательно, что взятие ответственности на себя при столкновении с опасной ситуацией не только в вопросе обеспечения собственной безопасности, но и окружающих – это проявления достаточно высокого для умственно отсталого подростка уровня личностной зрелости. В ходе изучения документации (социальные паспорта) подростков, давших подобные ответы, выяснилось, что это учащиеся из многодетных семей, которые являются старшими детьми в семье. В ходе индивидуальных бесед была получена информация, что родители часто привлекают подростков к уходу за младшими детьми (прогулки, кормление и т.п.). Такие подростки способны на проявление заботы об окружающих, у них может быть сформировано чувство ответственности и желание защищать в результате практической деятельности (уход за младшими родственниками).

Равное количество ответов (4,1 %) получено в категориях *чувство безопасности, безопасное место и обращение за помощью*. Ответы в категории *чувство безопасности: чувствовать себя в безопасности, доверие родным*. Ответы в категории *безопасное место* связаны с наличием безопасного места, где *не ругают и не бьют, не убивают, нет террористов, нет опасности*. В категории *обращение за помощью* объединены ответы, касающиеся темы обращения за помощью к окружающим, которые обеспечат безопасность. По мнению подростков, следует *попросить помощи у пожарных, полицейских, врачей, взрослых, просто прохожих*. На наш взгляд, есть принципиальная разница между типами ответов: *вызвать пожарных, позвонить в скорую / спасут пожарные, помогут врачи*. В первом случае подразумеваются действия самого подростка в вопросе организации спасения и помощи (позвать на помощь, обратиться за помощью), а во втором подразумевается, что кто-то другой совершит действие

по выходу из сложной ситуации (*помогут, спасут*). Проявленная способность либо хотя бы высказанное желание взять на себя ответственность и совершить действие по организации спасения – это более высокий уровень личностного развития, чем просто ожидание.

В категории *рядом те, кто защитит* (3,1 %) были варианты *мама, собака*. Часть подростков объясняла, что безопасность – это *беда, страх, опасные ситуации*. Подобные ответы объединены в раздел *не понял вопроса* (2 %).

На представления о личной безопасности оказывает влияние текущее эмоциональное состояние подростка. Наиболее яркий пример: 14-летний подросток на вопрос о том, с какими опасностями он может столкнуться, отвечает: *С людьми. Теоретически все могут навредить, даже вы. Например, можете мне проткнуть ладонь ручкой сейчас. Но это теоретически*. В ходе доверительной беседы ребенок делится информацией о том, что его отец в данный момент находится в зоне СВО. Рассказывает, что сильно переживает за отца. На вопрос *Что такое, по твоему мнению безопасность?* отвечает: *В безопасности нигде нельзя быть, даже дома*. Анализируя ответы о безопасности данного подростка, следует помнить, что особенности представлений при умственной отсталости определяются недоразвитием познавательной сферы, в том числе своеобразием аналитико-синтетической деятельности, что проявляется в рассуждениях, умозаключениях и выводах. А с учетом психоэмоционального состояния подростка и недостатка психологической поддержки со стороны близких (*мама сама очень сильно переживает, плачет*) причины его переживаний понятны.

Анализ ответов в зависимости от возраста умственно отсталых учащихся показал, что существуют различия между пониманием понятия *безопасность* среди подростков 11–13 лет и 14–16 лет. Например, среди ответов младших подростков нет вариантов, объединенных в категории *не причинять себе вред, не бояться, опасность повсюду*. А среди ответов старших подростков нет вариантов из категорий *отсутствие угрозы, безопасное место* и *обращение за помощью*. При этом среди младших подростков ответов из данных категорий достаточно много: 9 % (отсутствие угрозы) и 6 % (безопасное место, обращение за помощью).

Наиболее значительный разрыв в процентном соотношении (более 11 %) среди ответов старших и младших умственно отсталых подростков наблюдается в ответах категории *соблюдение правил техники безопасности*. Больше значение ответам

в данной категории придают подростки 11–13 лет. А в категории *избегание опасности* больший процент ответов принадлежит подросткам 14–16 лет. Разница между выборами в категориях – 7,6 %. В разделах *средства защиты, рядом те, кто защитит* отмечается преобладание процентов ответов у старших подростков. Значительная разница (8,2 %) в процентном соотношении в пользу выбора старших подростков отмечается и в разделе *чувство безопасности*. Как среди младших, так и среди старших учащихся есть варианты ответов *не понял вопроса*, парадоксально, но чуть больше процент подобных ответов – среди старших подростков (разница 1,7 %).

Анализ ответов в целом позволяет оценить когнитивную сложность понимания подростками значения понятия *безопасность* или, другими словами, уровень сформированности представления о понятии *безопасность*. Низкая сложность проявляется в простых, односложных ответах, состоящих из одного предложения, словосочетания, при этом упоминается лишь одна сторона значения. Например, *безопасность – это не ходить в опасные ситуации, безопасность – это, когда тебе ничего не грозит*, и т.п. Также к низкой сложности были отнесены ответы, состоящие в простом перечислении определенных правил или ситуаций, без минимального анализа и обобщения: *безопасность – это нельзя играть с огнем, с топором, с ножиком, безопасность – это соблюдение правил, не баловаться со спичками, не трогать розетки, выключать, слушать взрослых*.

К условно достаточному уровню понимания безопасности были отнесены ответы, в которых подростки пытаются рассуждать и давать более развернутые описания, отражающие несколько аспектов понятия безопасности. Например, интересен ответ 16-летнего подростка из многодетной семьи, у которого 4 младшие сестры: *безопасность – это, когда ты всегда внимательный, на чеку, боишься за других, оберегаешь своих близких, о себе заботишься, выполняешь правила*. Или ответ 12-летнего подростка, который в силу ненадлежащего семейного воспитания очень много времени проводит на улице и часто предоставлен сам себе: *безопасность – защита других, соблюдать правила безопасности, правильно себя вести, никого не обижать, не бить*.

Анализ смыслового содержания и сложности понимания значения слова *безопасность* позволил нам провести сравнение и выяснить, как соотносятся ответы с возрастом учащихся (табл. 4). Лишь 24 % подростков с интеллектуальными нарушениями из нашей

Табл. 4. Соотношение возраста подростков и когнитивной сложности понимания значения слова *безопасность*, %
Tab. 4. Age vs. cognitive complexity in understanding the concept of security, %

Уровень когнитивной сложности	Младшие подростки (n=53)	Старшие подростки (n=23)	По всей выборке
Низкий (односложные ответы, состоящие из одного предложения, затрагивающие не более одного аспекта значения понятия)	83	62	76
Достаточный (развернутые ответы, состоящие из нескольких предложений, рассматривающих два и более аспекта значения понятия)	17	38	24

выборки обладают достаточным уровнем понимания значения понятия безопасности. При этом обнаруживаются возрастные различия: среди младших подростков испытуемых с достаточным уровнем 17 %, а среди старших – уже 38 % (различия статистически значимы по критерию хи-квадрат, $p = 0,037$).

Также весьма показательной характеристикой общего уровня сформированности представлений о личной безопасности выступает готовность принимать на себя ответственность за личную безопасность. Различия в ответах об ответственности за собственную безопасность, обнаруженные в ходе обследования в представлениях умственно отсталых подростков, были дополнительно изучены с помощью вопроса *Как ты считаешь, кто в первую очередь должен отвечать за твою безопасность?* По результатам контент-анализа ответы были разделены на два типа: 1) прямо указывающие на то, что ответственность за обеспечение личной безопасности подросток берет на себя; 2) указывающие на то, что обеспечение личной безопасности подростка невозможно без окружающих его людей (табл. 5).

В целом по выборке большинство подростков с интеллектуальными нарушениями заявляют о готовности брать на себя ответственность за свою личную безопасность (55,3 %). Выявлены возрастные различия, что указывает на положительную возрастную динамику этой готовности. Наличие взаимосвязи между возрастом подростков и принятием на себя ответственности за личную безопасность подтверждается

Табл. 5. Соотношение возраста подростков и проявления готовности брать на себя ответственность за личную безопасность, %

Tab. 5. Age vs. readiness for responsibility for personal security, %

Готовность брать на себя ответственность за личную безопасность	Младшие подростки (n=53)	Старшие подростки (n=23)	По всей выборке
За свою безопасность в первую очередь отвечаю я сам(а)	51,9	69,6	55,3
За мою безопасность в первую очередь отвечают окружающие меня люди (родители, педагоги, пожарные, врачи, спасатели и т.д.)	48,1	30,4	44,7

значимой корреляцией на уровне $p < 0,05$ ($R = 0,25$). Одновременно обнаружены значимые корреляции принятия на себя ответственности за личную безопасность со снижением предпочтения помощи окружающих ($R = -0,51$) и повышением предпочтения избегания ($R = 0,24$) как способов защиты. Это указывает на то, что повышение с возрастом готовности самостоятельно отвечать за личную безопасность у подростков с нарушениями интеллекта вряд ли связано с повышением личностной зрелости в вопросах личной безопасности, а больше похоже на нарастание недоверия к окружающим.

Заключение

Результаты исследования показывают, что общая категориальная структура представлений об угрозах безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями в целом соответствует нормальной: в числе наиболее вероятных угроз представлены природные (животные), техногенные (ДТП) и социальные (окружающие люди). Сравнивая полученные результаты с данными исследований, проведенных на испытуемых с нормальным интеллектом [Иванов и др. 2016; 2018; Кикоть 2013; Синельникова 2009], необходимо отметить, что степень детализации представлений об опасностях, уровень обобщения этих представлений в сознании подростков с интеллектуальными нарушениями в целом ниже, что соответствует характеру нарушения. Однако, можно с достаточной уверенностью говорить, что в целом

их представления включают в себя основные опасности и угрозы в соответствии с их уровнем жизни, быта, социальной среды провинциального города и условий социализации, включающих образовательную среду специализированного учреждения.

Сходные выводы можно сделать и в отношении представлений о способах обеспечения личной безопасности. Здесь в равной степени представлены средства, как связанные с помощью других людей и служб, так и опирающиеся на собственные знания и личные качества, позволяющие обеспечивать безопасность. Опять же уровень понимания деталей, общий уровень обобщения ниже, чем в норме, что соответствует характеру интеллектуального нарушения.

Существенная специфика подростков с интеллектуальными нарушениями обнаруживается в понимании значения понятия *безопасность*. Очевидно, что при снижении умственных способностей понимание абстрактных понятий затруднено, в отличие от естественных представлений об опасностях и средствах защиты от них, которые формируются в повседневном жизненном опыте субъекта. По данным наших исследований, большинство людей в норме понимают безопасность как состояние защищенности [Костоусов, Иванов 2017]. Для подростков с интеллектуальными нарушениями безопасность понимается в узком значении как *техника безопасности* или простая противоположность опасности. Когнитивная сложность понимания значения слова *безопасность* оценивается на удовлетворительном уровне лишь у четверти испытуемых, у остальных это понимание не сформировано или существенно упрощено. Необходимо подчеркнуть, что представления о безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями развиты лучше, чем представления о понятии *безопасность*, и это, конечно, важнее с точки зрения функционального значения этих представлений. Этот факт имеет определенное теоретическое значение: в этом исследовании мы случайно патопсихологическим методом раскрыли некоторые существенные характеристики представлений об опасности и безопасности, а именно их первичность как элемента сознания, основанного на непосредственном опыте. Это согласуется с идеей имплицитных концепций безопасности и еще больше с идеей их изучения в рамках категории психологического отношения, которое, по мнению А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, обладает «содержанием, позволяющим признать за ним категориальное достоинство и нередуцируемость к психическим явлениям, имеющим

место в объяснительных схемах других категорий» [Петровский, Ярошевский 1998: 207].

При этом ограниченность значения понятия *безопасность*, его отделенность в сознании подростков с интеллектуальными нарушениями от реальной личной безопасности, т. е. представлений об опасностях и способах защиты, выступающих непосредственными детерминантами безопасного поведения, не может считаться удовлетворительной. Вероятно, необходимо разрабатывать методы и приемы формирования представлений об опасностях и угрозах, способах их предупреждения и противодействия им у подростков таким образом, чтобы формирование этих представлений происходило в единстве с обучением знаниям в области безопасности жизнедеятельности и техники безопасности и складывалось в единые представления о безопасности.

Заслуживает внимания обнаруженный достаточно высокий показатель готовности брать на себя ответственность за личную безопасность – такую готовность проявляют более половины испытуемых. Вероятно, отчасти это объясняется известной неадекватностью самооценки при интеллектуальной недостаточности, когда у субъекта возникают необоснованно завышенные представления о своих способностях и возможностях. При этом нельзя недооценивать действенность программ обучения знаниям и навыкам в области безопасности жизнедеятельности и прочие усилия семьи и школы, направленные на развитие у подростков с интеллектуальными нарушениями объективных представлений об окружающем мире и самих себе.

Получен ряд результатов исследования, связанных с возрастными особенностями младших и старших подростков, позволяющих говорить о возрастной динамике представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями. Результаты показывают, что с возрастом представления об основных угрозах смещаются с природных и техногенных на социальные, что означает повышение зрелости этих представлений, поскольку большинство наиболее актуальных угроз для среднестатистического человека – действительно социальные. Представления о способах защиты смещаются с внешних на внутренние, с надежды на помощь других людей у младших подростков на опору на собственные силы у старших. С одной стороны, это свидетельствует о повышении личностной зрелости, уверенности в себе. С другой – может указывать на известное приобретаемое в ходе жизни людьми с ограничениями

здоровья недоверие к незнакомым людям, не всегда толерантным и настроенным на помощь. С возрастом существенно повышается уровень понимания значения понятия *безопасность* и готовность брать на себя ответственность за обеспечение личной безопасности.

Получен ряд дополнительных результатов, согласующихся с результатами исследований других авторов, имеющейся теорией. Например, о том, что представления о личной безопасности формируются в процессе получения личного опыта, проживания жизненных ситуаций. Сопоставление ответов интервью с личной информацией и в процессе индивидуальных бесед с обследуемыми показывает, что понятие *безопасность* как защиту окружающих чаще всего определяют именно те подростки, которые вынуждены длительное время в силу обстоятельств заботиться о младших или болеющих членах семьи.

Формирование представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями и закрепление способов поведения в опасных ситуациях происходит в практической деятельности. Например, если подросток вынужден ежедневно добираться до школы и обратно пешком с окраины города, то и наиболее опасными угрозами в его представлениях будут *заблудиться, встретить собак*, а способами противодействия угрозам – *вспомнить и поискать дорогу, смело идти вперед мимо собак*. Подросток в реальных жизненных условиях формирует представления об опасностях и овладевает способами и приемами противодействия им. Представления о безопасности могут свидетельствовать о неблагополучии социального окружения: в представлениях об угрозах безопасности подростков из неблагополучных семей преобладает *ругань, драка*, а в способах защиты – *бежать из дома, разнять всех от драки* и т. п.

В целом представления о безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями характеризуются индивидуальным своеобразием содержания, которое складывается на основе как отражения типичных жизненных обстоятельств, ситуаций, условий жизни, так и педагогического воздействия, сочетающего теоретические знания и формирование практических навыков. Особенности представлений о личной безопасности характеризуют уровень познавательного, личностного, эмоционально-волевого развития подростка, что во многом определяется выраженностью интеллектуального дефекта и эффективностью коррекционной работы.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Г. А. Сидорова – поиск литературных источников, подготовка методического инструментария, сбор данных эмпирического исследования, первичный анализ данных, первичная редакция

результатов и выводов. М. С. Иванов – идея исследования, теоретический анализ, анализ данных эмпирического исследования, итоговая редакция результатов и выводов.

Contribution: G. A. Sidorova performed the review, prepared the methodological tools, collected empirical research data, conducted the primary data analysis, and developed the primary revision of results and conclusions. M. S. Ivanov developed the research concept, performed the theoretical analysis, analyzed the empirical data, and provided the final revision of results and conclusions.

Литература / References

- Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодежи в образовательной среде. *Интеграция образования*. 2021. Т. 25. № 3. С. 482–497. [Baeva I. A., Gayazova L. A., Kondakova I. V. Personality resources of adolescents in the educational environment. *Integration of Education*, 2021, 25(3): 482–497. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/1991-9468.104.025.202103.482-497>
- Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В., Лактионова Е. Б. Психологическая безопасность личности и ценности подростков и молодежи. *Психологическая наука и образование*. 2020. Т. 25. № 6. С. 5–18. [Baeva I. A., Gayazova L. A., Kondakova I. V., Laktionova E. B. Psychological security and values in adolescents and young people. *Psychological Science and Education*, 2020, 25(6): 5–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2020250601>
- Давыдова М. С. Особенности формирования социальных представлений о безопасности жизнедеятельности у детей с интеллектуальными нарушениями. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 98. С. 94–101. [Davydova M. S. Peculiarities of forming of social notions about vital safety among children with mental disturbances. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, (98): 94–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kbxztl>
- Иванов М. С., Серый А. В., Яницкий М. С. Индивидуальные представления об угрозах как фактор предпочтения стратегий личной безопасности. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2016. № 6. С. 48–56. [Ivanov M. S., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Individual perceptions of threats as a factor in preferences of strategies of personal security). *Lichnost v ekstremalnykh usloviiah i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatelnosti*, 2016, (6): 48–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkprfz>
- Иванов М. С., Солодухин А. В., Помешкина С. А., Серый А. В., Яницкий М. С., Горбунова Е. В. Опасения и страхи в системе отношения к личной безопасности у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2018. Т. 15. № 4. С. 458–472. [Ivanov M. S., Solodukhin A. V., Pomeshkina S. A., Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Gorbunova E. V. Worries and fears in the system of attitudes to personal security of patients with cardiovascular diseases. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018, 15(4): 458–472. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-458-472>
- Иванов М. С., Яницкий М. С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность. *Психология отношений в постнеклассической парадигме: Междунар. науч.-практ. конф.* (Белово, 1–7 июня 2015 г.) Белово: КузГТУ, 2015. С. 54–68. [Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Attitude to personal security: Concept, structure, value variation. *Psychology of relations in the post-non-classical paradigm: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Belovo, 1–7 Jun 2015. Belovo: KuzSTU, 2015, 54–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slsbpl>
- Кикоть В. Я. Представления о безопасности городских и сельских школьников как показатель развития правового сознания. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2013. № 161. С. 191–196. [Kikot V. Ya. Town and rural schoolchildren's ideas on safety as an indicator of law awareness development. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2013, (161): 191–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnttex>

- Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Методика диагностики социально-психологической безопасности подростков с нарушениями интеллекта. *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 11-1. С. 110–114. [Kislyakov P. A., Shmeleva E. A. Methods of diagnosis of socio-psychological safety of adolescents with intellectual disabilities. *Modern High Technologies*, 2016, (11-1): 110–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbwhgp>
- Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: МГУ, 1995. 224 с. [Klimov E. A. *Worldview in different types of professions*. Moscow: MSU, 1995, 224. (In Russ.)]
- Костоусов А. Г., Иванов М. С. Психологические факторы сформированности представлений о безопасности у курсантов военного вуза. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 2. С. 141–150. [Kostousov A. G., Ivanov M. S. Psychological factors of formation of security concepts in Military High School Cadets. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (2): 141–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-2-141-150>
- Косымова А. Н. Коррекция представлений об окружающем мире у детей с нарушениями интеллекта. *Дефектология*. 2006. № 5. С. 30–35. [Kosymova A. N. Correction of representations about world around at children with mental impairments during constructive activity. *Defektologiya*, 2006, (5): 30–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hvkhvn>
- Котова И. Б., Пирмагомедова Э. А. Эмпирическое изучение представлений подростков о безопасности жизнедеятельности. *Российский психологический журнал*. 2011. Т. 8. № 1. С. 20–27. [Kotova I. B., Pirmagomedova E. A. The empirical studying of teenagers ideas of the life activity safety. *Russian Psychological Journal*, 2011, 8(1): 20–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oimprn>
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Понятийные ориентиры развития психологической безопасности личности в предметном поле современных исследований. *Образовательные науки и психология*. 2013. № 1. С. 59–64. [Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Conceptual guidelines for the development of psychological personal security in the subject field modern research. *Education Science and Psychology*, 2013, (1): 59–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pzdlkj>
- Лызь Н. А., Куповых Ж. Г. Представления о безопасности как предмет эмпирических исследований. *Современные научные исследования и инновации*. 2015. № 8-2. С. 161–166. [Lyz N. A., Kupovykh Zh. G. Ideas about safety as a subject of empirical studies. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*, 2015, 8(2): 161–166. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uhwjpb>
- Медникова Л. С., Матасов Ю. Т., Василевская У. В. Специфика понимания трудных жизненных ситуаций подростками с умственной отсталостью. *Альманах Института коррекционной педагогики*. 2021. № 46. С. 82–97. [Mednikova L. S., Matasov Y. T., Vasilevskaia U. V. Specifics of understanding difficult life situations in teenagers with mental retardation. *The Almanac Institute of Special Education*, 2021, (46): 82–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xrwqld>
- Песков В. П. Об изучении структуры представлений. *Сибирский психологический журнал*. 2005. № 21. С. 171–174. [Peskov V. P. Study of the peculiarities of structure representatios. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2005, (21): 171–174. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kpyuuf>
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с. [Petrovskiy A. V., Yaroshevskiy M. G. *Fundamentals of theoretical psychology*. Moscow: INFRA-M, 1998, 528. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/runxbp>
- Синельникова О. П. Эмпирическое изучение представлений старших школьников о безопасности жизнедеятельности. *Российский психологический журнал*. 2009. Т. 6. № 1. С. 122–125. [Sinelnikova O. P. Empirical studying of senior schoolboys' ideas about safety of life activity). *Russian Psychological Journal*, 2009, 6(1): 122–125. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nrghmt>
- Смирнова О. В. Представления о безопасности в юношеском возрасте: половой и гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*. 2020. № 1. С. 85–100. [Smirnova O. V. Safety representations in youth: A sex and gender aspect. *Woman in Russian Society*, 2020, (1): 85–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.1.7>
- Стебляк Е. А. Когнитивно-дискурсивные аспекты формирования социальных представлений умственно отсталых подростков. *Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире*: III Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26–27 октября 2017 г.) Мн.: БГУ, 2018. Ч. 1. С. 33–40. [Steblyak E. A. Cognitive-discursive aspects of social representations formation of mentally retarded adolescents.

- Linguistic personality and effective communication in the modern multicultural world: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 26–27 Oct 2017. Minsk: BSU, 2018, pt. 1, 33–40. (In Russ.)*] <https://www.elibrary.ru/ymzhgi>
- Толстущенко К. М., Тимашкова Н. П., Гассенрик Е. А., Деникеева Е. Б. Формирование представлений умственно отсталых подростков о жизненном пути. *Молодежь, наука, творчество: XIV межвуз. науч.-практ. конф. (Омск, 23–26 мая 2016 г.)* Омск: ОмГТУ, 2016. С. 653–654. [Tolstushenko K. M., Timashkova N. P., Gassenrik E. A., Denikeeva E. B. Formation of ideas of mentally retarded adolescents about the life path. *Youth, science, and creativity: Proc. XIV Interuniversity Sci.-Prac. Conf., Omsk, 23–26 May 2016. Omsk: OmSTU, 2016, 653–654. (In Russ.)*] <https://www.elibrary.ru/xcjyxx>
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психологические подходы к пониманию концепции личной безопасности. *Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. С. 263–270.* [Tylets V. G. Krasnyanskaya T. M. Psychological approaches to understanding the concept of personal security. *Znanie. Ponimanie. Umenie, 2022, (2): 263–270. (In Russ.)*] <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.19>
- Фатихова Л. Ф. Выбор и обоснование методов психологической диагностики оценки безопасного поведения у детей и подростков с ментальными нарушениями. *Коррекционно-педагогическое образование. 2019. № 4. С. 36–49.* [Fatikhova L. F. Selection and justification of psychological diagnostic methods for assessing safe behavior in children and adolescents with mental disorders. *Korreksionno-pedagogicheskoe obrazovanie, 2019, (4): 36–49. (In Russ.)*] <https://www.elibrary.ru/tscpeu>
- Фатихова Л. Ф., Сайфутдиярова Е. Ф. Влияние интеллектуальных нарушений на способность подростков распознавать опасную ситуацию и прогнозировать ее последствия. *Специальное образование. 2020. № 4. С. 80–98.* [Fatikhova L. F., Sayfutdiyarova E. F. Influence of intellectual disabilities on the teenagers' ability to recognize a dangerous situation and predict its consequences. *Special Education, 2020, (4): 80–98. (In Russ.)*] <https://doi.org/10.26170/sp20-04-07>
- Шишканова А. В. Особенности формирования социальных представлений о безопасности жизнедеятельности у детей с интеллектуальной недостаточностью. *Мир детства в современном образовательном пространстве*, гл. ред. Е. Я. Аршанский. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. Вып. 13. С. 250–252. [Shishkanova A. V. Features of the formation of social ideas about life safety in children with intellectual disabilities. *The world of childhood in the modern educational space*, ed. Arshansky E. Ya. Vitebsk: VSU named after P. M. Masherova, 2022, iss. 13, 250–252. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/izebhu>
- Эксакусто Т. В., Дуганова Ю. К. Смысложизненные ориентации субъектов с разным представлением о психологической безопасности. *Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни: Всерос. психол. конф. с Междунар. уч. (Ростов-на-Дону, 23–26 апреля 2014 г.)* М.: Кредо, 2014. С. 103. [Eksakusto T. V., Duganova Y. K. Life-sense orientations of subjects with different conception of psychological safety. *Category of meaning in philosophy, psychology, psychotherapy and public life: Proc. All-Russian Psychol. Conf. with Intern. Participation, Rostov-on-Don, 23–26 Apr 2014. Moscow: Kredo, 2014, 103. (In Russ.)*] <https://www.elibrary.ru/sxoevt>
- Pedrosa A. J., van Munster M., Timmermann L., Pedrosa D. J. Safety perception in patients with advanced idiopathic Parkinson's disease – a qualitative study. *Frontiers in Aging Neuroscience, 2023, 15.* <https://doi.org/10.3389/fnagi.2023.1200143>

обзорная статья

<https://elibrary.ru/pkudkt>

Методологические основания разработки модели профилактики и коррекции постковидной когнитивной дисфункции

Солодухин Антон Витальевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>

Scopus Author ID: 57204921841

Mein11@mail.ru

Варич Лидия Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

Scopus Author ID: 8277028700

Серый Андрей Викторович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Scopus Author ID: 57195197139

Аннотация: Проведен комплексный анализ теоретических и экспериментальных исследований психофизиологических предикторов когнитивных нарушений у лиц, перенесших инфекцию COVID-19. На основании полученных данных разработана модель психологической коррекции и профилактики постковидной когнитивной дисфункции. Показано, что развитие постковидной когнитивной дисфункции затрагивает все сферы психической деятельности: когнитивную, поведенческую и психоэмоциональную. Функциональные изменения характеризуются ухудшением подвижности нервных процессов, снижением объема внимания, изменениями в копинг-поведении и личностных особенностях. Отмечено, что лица юношеского возраста отличаются от более старшей категории пациентов отсутствием выраженных нарушений в сердечно-сосудистой системе и большей сохранностью когнитивных функций. Среди гендерных различий обнаружено, что восстановление когнитивного функционирования у мужчин взаимобусловлено осмыслением прошлого опыта, а у женщин – повышением осмысленности своей жизни и постановкой целей на будущее. Исходя из этого, была разработана и предложена модель профилактики и психологической коррекции постковидной когнитивной дисфункции, в которой были интегрированы принципы и положения ряда таких научных подходов, как системный, информационный, когнитивный и личностно-ориентированный. Структура модели профилактики и коррекции постковидной когнитивной дисфункции представлена структурными элементами, которые позволяют осуществлять сопровождение пациентов с COVID-19 на всех этапах лечебного процесса, и включает 3 блока: 1) психодиагностический (выявление основных проблем пациента, его дезадаптивных установок и нарушений когнитивных функций); 2) психокоррекционный и психотерапевтический (приемы, направленные на оказание психологической помощи); 3) блок социально-бытовой адаптации к заболеванию (поддержание достигнутых на предыдущем этапе результатов по восстановлению когнитивной, поведенческой и психоэмоциональной сфер и повышение возможностей к социально-бытовой адаптации пациента на амбулаторном этапе).

Ключевые слова: когнитивные нарушения, постковидная когнитивная дисфункция, когнитивно-поведенческая психотерапия, коронавирусная инфекция, гендерные различия, модель профилактики и психокоррекции

Цитирование: Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А. Методологические основания разработки модели профилактики и коррекции постковидной когнитивной дисфункции. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 196–209. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-196-209>

Поступила в редакцию 10.11.2023. Принята после рецензирования 01.12.2023. Принята в печать 04.12.2023.

review article

Post-COVID-19 Cognitive Dysfunction: Methodological Foundations for Prevention and Correction Model

Anton V. Solodukhin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>

Scopus Author ID: 57204921841

Mein11@mail.ru

Lidiia A. Varich

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

Scopus Author ID: 8277028700

Andrey V. Seryy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-9518-4333>

Scopus Author ID: 57195197139

Abstract: The article introduces a comprehensive review of theoretical and experimental studies in the field of psychophysiological predictors of cognitive impairments in post-COVID-19 patients. The data obtained made it possible to design a model of psychological correction and prevention of post-COVID-19 cognitive dysfunction. This condition affects cognitive, behavioral, and psycho-emotional areas of mental activity. Functional changes involve poor mobility of nervous processes and short attention span, as well as changes in coping behavior and personality characteristics. Unlike older patients, teenagers experience fewer consequences for cardiovascular system and cognitive functions. As for gender differences, men restored their cognitive functions better when they came to grasp with their past experience. For women, recovery was associated with life meaning, planning, and goal setting. The resulting model for the prevention and psychological correction of post-COVID-19 cognitive dysfunction integrated the principles of systemic, information, cognitive, and personality-oriented approaches. It consisted of several structural elements that made it possible to support COVID-19 patients through all treatment stages, i.e., psychodiagnostics, psychocorrection, psychotherapy, and social and lifestyle adaptation.

Keywords: cognitive impairment, post-COVID-19 cognitive dysfunction, cognitive behavioral therapy, coronavirus infection, gender differences, model of prevention and psychocorrection

Citation: Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A. Post-COVID-19 Cognitive Dysfunction: Methodological Foundations for Prevention and Correction Model. *SibScript*, 2024, 26(2): 196–209. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-196-209>

Received 10 Nov 2023. Accepted after peer review 1 Dec 2023. Accepted for publication 1 Dec 2023.

Введение

Коронавирусную инфекцию COVID-19 перенесло более 22 млн россиян [Арутюнов и др. 2023]. Одним из частых осложнений COVID-19 является постковидная когнитивная дисфункция (ПККД), проявления которой крайне многообразны и зависят от множества факторов. В первую очередь степень тяжести ПККД зависит от степени поражения центральной нервной системы в результате цитокинового шторма, тромбоза сосудов головного мозга или прямого воздействия SARS-Cov2 на различные структуры головного мозга [Filatov et al. 2020; Fotuhi et al. 2020; Li T. et al. 2020; Mao et al. 2020; Nersesjan et al. 2021; Ritchie et al. 2020; Zhou et al. 2020]. Учитывая результаты последних исследований эпидемии COVID-19,

можно предположить, что когнитивная дисфункция может развиваться в течение года после перенесенной нейроинфекции и иметь различные проявления в зависимости от возраста, пола и тяжести перенесенного заболевания. Для подтверждения данной гипотезы и разработки модели профилактики и психологической коррекции ПККД проведены теоретический анализ зарубежных и отечественных работ, а также ряд экспериментальных исследований для оценки состояния когнитивной сферы у лиц, переболевших COVID-19, в 2022–2023 гг. в рамках проекта РНФ «Психофизиологические предикторы когнитивных нарушений у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): система профилактики и коррекции».

Цель – итоговый анализ результатов исследования психофизиологических предикторов когнитивных нарушений у лиц, перенесших инфекцию COVID-19, и разработка на основе полученных данных модели психологической коррекции и профилактики ПККД.

Теоретический анализ зарубежных и отечественных исследований показал, что ПККД включает в себя широкий спектр когнитивных, поведенческих и сопутствующих психических нарушений [Amanat et al. 2021; Fan et al. 2020; Filatov et al. 2020; Karadaş et al. 2020; Koh et al. 2020; Liguori et al. 2020; Liotta et al. 2020; Liyanage-Don et al. 2021; Lopez-Leon et al. 2021; Ma et al. 2021; Nguyen et al. 2022; Nochaiwong et al. 2021; Sampaio Rocha-Filho et al. 2022]. Н. В. Пизова и др. отмечают, что сопутствующим клиническим нарушением у пациентов с COVID-19 является острый респираторный дистресс-синдром, после которого спустя год могут наблюдаться нарушения памяти, внимания и скорости мыслительных процессов [Пизова и др. 2021]. Симптомы ПККД после COVID-19 могут быть связаны с воспалительными процессами, возникающими в результате вирусного воздействия, а также влияния иммунных процессов на нервную систему [Варич и др. 2022; Пизова и др. 2021].

J. P. Rogers et al. указывают на комплексное расстройство психического состояния пациентов после COVID-19, включающее ПККД и сопутствующие психические симптомы. Среди сопутствующих психоэмоциональных расстройств он выделяет депрессию в 14,9 % и тревогу – в 14,8 % случаев [Rogers et al. 2020]. J. Helms et al. отмечают у 33 % пациентов после COVID-19 лобный дизэگزективный синдром, который проявляется нарушениями навыков планирования, мотивации и самоконтроля в поведении [Helms et al. 2020]. Лобный дизэگزективный синдром, таким образом, приводит к рассогласованию между модусами субъективных прошлого, настоящего и будущего и может повлиять на общее поведение и личность пациента [Корсакова, Вологодина 2022]. При нарушении навыков планирования, снижении самоконтроля в поведении и нарастании временных диссоциаций нельзя говорить о полноценном восстановлении психики после перенесенной нейроинфекции COVID-19.

Множество авторов также указывают на усиление в результате ПККД таких патологических состояний, как расстройство аутистического спектра и деменция; среди поведенческих нарушений отмечены нарастание

расстройств пищевого поведения, чувства изоляции, бессонницы, тревоги и депрессии, суицидального поведения и посттравматического стрессового расстройства [Altman et al. 2017; Bianchetti et al. 2022; Bo et al. 2021; Cénat et al. 2021; Fernández-Aranda et al. 2020; Hampshire et al. 2021; Holmes et al. 2020; Kaseda, Levine 2020; Lee et al. 2019; Manera et al. 2022; Moreno et al. 2020; Patterson 2011; Rodgers et al. 2020; Steinman 2020; Toniolo et al. 2021].

Теоретический анализ выявил комплексный характер расстройств психической деятельности в результате нарастания ПККД даже после исчезновения основной симптоматики, связанной с COVID-19.

Результаты

Методология исследований ПККД

Для расширения представлений об особенностях развития ПККД и дальнейшей разработки модели ее психологической коррекции и профилактики авторами был проведен ряд экспериментальных исследований для оценки функционального состояния, возрастных и гендерных особенностей у лиц, перенесших COVID-19. С помощью разработанного опросника для выявления субъективных симптомов COVID-19 было обследовано 216 человек. Все испытуемые были разделены по возрасту, полу, наличию в анамнезе COVID-19 и сопутствующих заболеваний. Оценка стресс-преодолевающего (копинг-) поведения проводилась с помощью опросника «Способы совладающего поведения» (методика Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой) [Крюкова и др. 2005], для изучения смысложизненных ориентаций применялся тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, реконцептуализированный для диагностики актуальных смысловых состояний (АСС), оценка когнитивного статуса проводилась с помощью скрининговых шкал MMSE и FAB [Серый, Юпитов 2002; Яницкий и др. 2022]. Психофизиологическое состояние оценивалось с помощью автоматизированного компьютерного комплекса ПФК и включало исследование следующих показателей: простая зрительно-моторная реакция, отражающая функциональное состояние нервной системы; работоспособность головного мозга, подвижность нервных процессов, оценка реакции на движущийся объект, объем внимания, кратковременная память, оперативная память¹.

¹ Иванов В. И., Литвинова Н. А., Кувшинов Д. Ю. Психофизиологический комплекс. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2021661070, 05.07.2021. Заявка № 2021615966 от 19.04.2021. <https://www.elibrary.ru/jgulob>

Результаты исследования функционального состояния у лиц, перенесших COVID-19

Для оценки функционального состояния когнитивной, поведенческой и психоэмоциональной сфер у лиц с выявленной ПМКД с помощью факторного анализа все нарушения были разделены и систематизированы через модель структурно-функционального строения головного мозга по А. Р. Лурии [Агрис 2012]. Данная модель представлена тремя структурно-функциональными блоками:

1. Энергетический блок состоит из ствола мозга, лимбической системы, ретикулярной формации, диэнцефальных отделов, неспецифических структур среднего мозга и медиобазальных отделов лобной и височной коры.

2. Блок приема, переработки и хранения информации представлен корковыми отделами теменно-височно-затылочных областей головного мозга.

3. Блок программирования, регуляции и контроля сложных форм деятельности представлен лобными отделами коры больших полушарий головного мозга.

Для оценки динамики развития ПМКД после перенесенной нейроинфекции COVID-19 все испытуемые были разделены на 3 группы: группа 1 (1–6 месяцев после болезни), группа 2 (6–12 месяцев после болезни), группа 3 (12 и более месяцев после заболевания).

Результаты показали, что нарушения после COVID-19 наблюдаются в каждом из блоков головного мозга [Солодухин и др. 2023а]. Это позволило выделить факторы *осмысленности своего состояния, поведенческой дезадаптации и нейродинамических нарушений в структуре ПМКД*. Более подробный анализ показал, что энергетический блок характеризуется ухудшением зрительно-моторного реагирования на предъявляемые стимулы и нарастанием количества ошибок при тестировании реакции испытуемых, что указывает на ухудшение функционального состояния центральной нервной системы после перенесенного заболевания COVID-19. Блок приема, переработки и хранения информации характеризуется снижением объема внимания, и особенно сильно данный показатель ухудшается через год после болезни. Блок программирования, регуляции и контроля сложных форм деятельности характеризуется изменениями копинг-поведения и личностных особенностей испытуемых. Через полгода и год после перенесенного COVID-19 наблюдаются увеличение частоты использования копинг-стратегии *самоконтроль*, снижение осмысленности своего состояния и рассогласование темпоральных аспектов жизнедеятельности.

Показано, что время, прошедшее после заболевания, определяет особенности протекания ПМКД. Так, у лиц юношеского возраста, недавно перенесших заболевание, отмечается ухудшение показателей, отражающих функциональное состояние нервной системы, а именно снижение скорости реагирования на предъявляемые сигналы при оценке зрительно-моторной реакции [Варич и др. 2023]. По постковидным проявлениям от более старшей возрастной категории лица юношеского возраста отличаются отсутствием выраженных нарушений со стороны сердечно-сосудистой системы и сохранностью общего когнитивного состояния [Брюханов, Солодухин 2023]. Результаты проведенного исследования указывают на то, что ПМКД в динамике имеет пролонгированный характер и проявляется в более поздний период после перенесенного COVID-19 относительно соматической симптоматики, которая преобладает во время острого периода заболевания и сохраняется некоторое время после него.

По результатам корреляционного анализа был определен характер продуктивности и непродуктивности копинг-поведения в связи с показателями функционального состояния мозга у лиц, перенесших COVID-19. Был зафиксирован ряд корреляций между такими копинг-стратегиями, как *положительная переоценка, дистанцирование и бегство-избегание*, с уровнем памяти, работоспособностью головного мозга, подвижностью нервных процессов, объемом внимания, количеством неточных реакций на движущийся объект. Было обнаружено, что ухудшение памяти и функционирования нервной системы приводит к усилению копинг-стратегии *поиск социальной поддержки*, что проявляется более частым привлечением помощи от окружающих людей, обращением к ним за поддержкой и ресурсами для преодоления стрессовых или проблемных ситуаций. Таким образом, результаты корреляционного анализа указывают на взаимосвязь между ухудшением состояния нервной системы и работы головного мозга вследствие COVID-19 с перенастройкой копинг-поведения на уход от конфликтных, стрессовых ситуаций вместо их самостоятельного преодоления.

Результаты анализа гендерных различий у лиц, перенесших COVID-19

Следующим этапом стало изучение гендерных различий проявления ПМКД у лиц, перенесших COVID-19. Для более комплексной оценки различий в протекании заболевания COVID-19 был проведен

теоретический анализ и экспериментальное исследование психофизиологических показателей у мужчин и женщин, изучены особенности их личностного восприятия и поведенческой адаптации к COVID-19.

Все способы совладания со стрессом, или копинг-поведение, условно можно разделить на две большие группы: ориентированные на непосредственное решение или избегание проблемы; ориентированные на изменение эмоционального отношения к стрессовой ситуации [Балахнина и др. 2022; Човдырова, Пяткина 2021]. В научной литературе имеются данные о том, что высокий уровень психологических расстройств у женщин может быть объяснен как гормональными и психофизиологическими различиями с мужчинами, так и предпочтениями в выборе копинг-поведения в ответ на стрессовую ситуацию [Kolakowsky-Hayner et al. 2021; Novais et al. 2016]. L. Rubio et al. указывают на то, что в ситуации болезни женщины чаще ориентируются на копинги, направленные на изменение эмоционального отношения к стрессовой ситуации, в то время как мужчины стараются применять копинги, которые ориентированы на решение или избегание проблемы [Rubio et al. 2016].

Согласно общемировым статистическим данным, уровень заболеваемости COVID-19 не имеет значимых различий по полу (52 % у женщин и 48 % у мужчин). Однако у пожилых мужчин вследствие возрастного снижения уровня тестостерона наблюдается большее число осложнений и смертности от COVID-19 [Chaturvedi et al. 2022; Giudice et al. 2022].

Также имеется ряд свидетельств о гендерных различиях в поведенческой адаптации к COVID-19. V. Galasso et al. отмечают, что у женщин наблюдается более сильное психоэмоциональное переживание состояния болезни, что может быть связано как с ухудшением их функциональных возможностей, так и развитием тревожно-депрессивного состояния и бессонницы вследствие COVID-19 [Galasso et al. 2020]. Данные личностные и поведенческие изменения приводят к тому, что женщины более серьезно, чем мужчины, относятся к пандемии COVID-19 и к эпидемиологическим ограничениям (по результатам анкетирования 59 % респондентов-женщин считают пандемию COVID-19 очень серьезной угрозой для здоровья, по сравнению с 49 % мужчин).

С целью уточнения различий в психофизиологическом, поведенческом и когнитивном функционировании у женщин и мужчин после COVID-19 нами была проведена комплексная оценка состояния

когнитивных функций, копинг-поведения и смысло-жизненных ориентаций у 26 мужчин и 39 женщин [Солодухин и др. 2023b]. Гендерные различия по состоянию когнитивных функций в представленной выборке не наблюдались. И у мужчин, и у женщин показатели находились на уровне нормы по шкалам MMSE и FAB без статистически значимых различий.

При корреляционном анализе был выявлен ряд особенностей во взаимосвязях показателей когнитивных функций с копинг-поведением и смысло-жизненными ориентациями у мужчин и у женщин. В представленной выборке мужчины чаще используют копинг-стратегии, которые ориентированы на решение и на избегание проблем, что согласуется с данным аналогичных исследований [Rubio et al. 2016]. Корреляционные связи между показателями когнитивных функций и выбором копинг-стратегий в мужской выборке не наблюдались. У женщин в поведении преобладали копинг-стратегии, ориентированные на управление эмоциями, на поиск решения проблем и поиск социальной поддержки от окружающих. При корреляционном анализе у женщин выявлена отрицательная связь между когнитивной сохранностью и копинг-стратегиями, ориентированными на дистанцирование от проблемной ситуации, а также рациональным планированием решения проблем. Таким образом, можно предположить, что у женщин при восстановлении когнитивных функций идет общее снижение как продуктивных, так и непродуктивных поведенческих реакций на проблемные ситуации.

Исследование гендерных особенностей смысло-жизненных ориентаций у лиц, перенесших COVID-19, показало более осмысленное отношение к временным локусам прошлого, настоящего, будущего и к жизни в целом в женской группе, а также более высокие показатели синхронизации у них данных локусов. Выявлено, что при адаптации к привычной жизни после болезни женщины больше ориентируются на постановку целей на будущее, тогда как мужчины чаще опираются на опыт прошлого. Корреляционный анализ показателей смысло-жизненных ориентаций и когнитивных показателей после перенесенного COVID-19 показал, что у мужчин восстановление когнитивного функционирования взаимообусловлено осмыслением прошлого опыта. У лиц женского пола восстановление когнитивных функций обуславливает повышение осмысленности в постановке будущих целей и жизни в целом.

По итогам комплексного исследования функционального состояния когнитивной, поведенческой

и психоэмоциональной сфер в зависимости от возраста, пола, тяжести и длительности протекания COVID-19 отмечено:

1. Развитие ПККД продолжается в течение года даже после исчезновения соматических симптомов, связанных с COVID-19, и затрагивает все сферы психической деятельности: когнитивную, поведенческую и психоэмоциональную.

2. Функциональное состояние у лиц, перенесших COVID-19, характеризуется ухудшением подвижности нервных процессов, снижением объема внимания (особенно к концу года после болезни) и изменениями в копинг-поведении и личностных особенностях (увеличение частоты использования копинг-стратегии *самоконтроль*, снижение осмысленности своего состояния и рассогласование темпоральных аспектов жизнедеятельности).

3. Лица юношеского возраста отличаются от более старшей возрастной категории пациентов отсутствием выраженных нарушений в сердечно-сосудистой системе и сохранностью общего когнитивного состояния.

4. Наблюдается ряд гендерных различий в адаптации к заболеванию COVID-19. Мужчины чаще используют копинг-стратегии, которые ориентированы на решение и на избегание проблем, тогда как у женщин в поведении преобладают копинг-стратегии, ориентированные на управление эмоциями, на поиск решения проблем и поиск социальной поддержки. Восстановление когнитивного функционирования у мужчин взаимообусловлено осмыслением прошлого опыта, а у женщин – повышением осмысленности своей жизни и постановкой целей на будущее.

Разработка модели психологической коррекции и профилактики ПККД

При разработке модели коррекции и профилактики ПККД нами были интегрированы принципы и положения ряда научных подходов:

1. Системный подход указывает на необходимость изучения ПККД как целостного феномена с учетом выделения уровневых связей между внутренними психическими элементами и способами адаптации человека к внешней среде [Заикина 2022].

2. Информационный подход рассматривает ПККД с позиции информационных процессов и то, как данный синдром влияет на способности пациента к приобретению, преобразованию, репрезентированию, хранению и дальнейшему использованию информации [Галаганова, Мартынова 2022].

3. Когнитивный подход указывает на необходимость разработки модели психологической коррекции и профилактики ПККД с учетом изменения логики познавательной деятельности и когнитивных процессов у пациентов в зависимости от особенностей протекания COVID-19 [Антошин, Кувичкин 2022; Солодухин и др. 2017].

4. Личностно-ориентированный подход предполагает персонификацию подхода к лечению и психотерапии каждого отдельного пациента с учетом его индивидуальных мотивов, целей и жизненных ценностей [Драндров, Тумаров 2011].

Исходя из представленных положений были выделены основные структурные элементы в модели (табл.) психологической коррекции и профилактики ПККД:

1. **Психодиагностический блок** направлен на выявление основных проблем пациента, его дезадаптивных установок и нарушений когнитивных функций. Для комплексной оценки психического состояния психодиагностика включает: нейропсихологическую оценку когнитивных функций (MMSE, FAB, компьютерный психодиагностический комплекс PFK [Aiello et al. 2022]); исследование нарушений поведенческого уровня (опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкмана (WCQ), тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (СЖО), Шкала дисфункциональных отношений А. Бека (DAS), Методика диагностики наличия и выраженности иррациональных установок А. Эллиса (SPB) [Ahmed et al. 2020]; оценку повседневной активности (индекс Бартела для оценки повседневной активности жизни [dos Santos Barros et al. 2022])); изучение психоэмоциональных расстройств (Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS), Шкала тревоги Спилбергера-Ханина (STAI), Шкала депрессии А. Бека (BDI), Шкала Гамильтона для оценки депрессии (HDRS) [Ачабаева и др. 2022]).

2. **Психокоррекционный и психотерапевтический блок.** Учитывая выявленные особенности влияния COVID-19 на развитие и протекание ПККД, выбор приемов, направленных на оказание психологической помощи, должен основываться на результатах психодиагностического блока [Солодухин и др. 2022]. Среди наиболее доказанных в клинической практике методов психологической коррекции и профилактики когнитивной дисфункции можно выделить следующие: когнитивная стимуляция, тренинги с использованием компьютерных программ, выполнение двойной задачи [Громова и др. 2017; Солодухин и др. 2020; Al-Thaqib et al. 2018; Carda et al. 2020; Nguyen et al. 2022];

Табл. Модель профилактики и коррекции постковидной когнитивной дисфункции

Tab. Model of prevention and correction of post-COVID-19 cognitive dysfunction

Методологические основания: системный, информационный, когнитивный, личностно-ориентированный подходы		
Этапы и направления психологической профилактики и коррекции постковидной когнитивной дисфункции		
<i>Психодиагностический этап</i>		
Когнитивные нарушения	Поведенческие нарушения	Психоэмоциональные нарушения
<ul style="list-style-type: none"> • MMSE • FAB • PFK 	<ul style="list-style-type: none"> • WCQ • СЖО • DAS • SPB • индекс Бартела 	<ul style="list-style-type: none"> • HADS • STAI • BDI • HDRS
<i>Психокоррекционный и психотерапевтический этап</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • когнитивная стимуляция с помощью программ и мобильных приложений • тренинги с использованием компьютерных программ • выполнение «двойной» задачи 	<ul style="list-style-type: none"> • когнитивно-поведенческая терапия (рационально-эмотивная психотерапия А. Эллиса, схема-терапия и др.) 	<ul style="list-style-type: none"> • когнитивно-поведенческая терапия • мышечная релаксация • дыхательная гимнастика
<i>Социально-бытовая адаптация к заболеванию</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • поддержание достигнутых результатов • повторная диагностика когнитивных функций на амбулаторном этапе и коррекция возникающих нарушений 	<ul style="list-style-type: none"> • поддержание достигнутых результатов • повторная диагностика особенностей поведения на амбулаторном этапе и коррекция возникающих нарушений 	<ul style="list-style-type: none"> • поддержание достигнутых результатов • повторная диагностика психоэмоционального состояния на амбулаторном этапе и коррекция возникающих нарушений

среди направлений психотерапии наибольшую эффективность показала когнитивно-поведенческая терапия, которая может быть направлена на коррекцию дезадаптивных установок (в том числе копинг-поведение, повышение осмысленности жизни и постановку целей на будущее), снятие мышечного напряжения, профилактику психоэмоциональных нарушений тревожного, ипохондрического и депрессивного характера, а также на обучение психоэмоциональной саморегуляции [Brenninkmeijer et al. 2019; Carlbring et al. 2018; Cheng et al. 2021; Kopelovich, Turkington 2021; Li J. et al. 2020; Murphy et al. 2020; Song et al. 2021; Wright, Caudill 2020; Wright et al. 2019].

3. Блок социально-бытовой адаптации к заболеванию включает поддержание достигнутых на предыдущем этапе результатов по восстановлению когнитивной, поведенческой и психоэмоциональной сфер и повышение возможностей к социально-бытовой адаптации пациента на амбулаторном этапе [Yanitskiy et al. 2020].

Заключение

Результаты теоретического анализа и ряда экспериментальных исследований указывают на комплексный и динамический характер расстройств психической деятельности при наличии ПККД после перенесенного COVID-19. Развитие постковидной когнитивной дисфункции затрагивает все сферы психической деятельности: когнитивную, поведенческую и психоэмоциональную. Среди когнитивных нарушений отмечено ухудшение функционального состояния центральной нервной системы и снижение объема внимания, особенно у пожилых переболевших. Поведенческие и психоэмоциональные нарушения характеризуются социальной дезадаптацией, снижением осмысленности своего состояния и рассогласованием темпоральных аспектов жизнедеятельности, а также имеют свои особенности развития у женщин и мужчин. Разработанная модель профилактики и коррекции ПККД учитывает результаты проведенных исследований и включает систему

психодиагностических мероприятий по оценке когнитивной, поведенческой, психоэмоциональной сфер и ряд психотерапевтических мероприятий, направленных на исправление возникающих нарушений.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. В. Солодухин – теоретический анализ исследований, сбор и обработка исследовательской базы данных, курирование, написание статьи. А. В. Серый – теоретический анализ исследований, обработка исследовательской базы данных, написание статьи. Л. А. Варич – редактирование статьи.

Contribution: A. V. Solodukhin conducted the review, collected and processed the research database, curated the data, and drafted the article. A. V. Seryy conducted the review, processed the research database, and drafted the article. L. A. Varich proofread the article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и гранта Кемеровской области – Кузбасса, проект № 22-25-20173 «Психофизиологические предикторы когнитивных нарушений у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): система профилактики и коррекции». <https://rscf.ru/project/22-25-20173/>

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation and the Kuzbass Foundation, project No. 22-25-20173: Psychophysiological predictors of cognitive impairment in former COVID-19 patients: prevention and correction. <https://rscf.ru/project/22-25-20173/>

Литература / References

- Агрис А. Р. Проявления дефицита активационных компонентов деятельности у детей с трудностями обучения. *Культурно-историческая психология*. 2012. № 2. С. 29–35. [Agris A. R. Deficiency of activational components of activity in children with learning disabilities. *Cultural-Historical Psychology*, 2012, (2): 29–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pbqgtr>
- Антошин И. В., Кувичкин Н. М. Когнитивная психология и современная психолингвистика. *Актуальные проблемы интеграции науки и образования в регионе: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Бузулук, 28–29 апреля 2022 г.)* Оренбург: ОГУ, 2022. С. 106–111. [Antoshin I. V., Kuvichkin N. M. Cognitive psychology and modern psycholinguistics. *Current problems of integration of science and education in the region: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Buzuluk, 28–29 Apr 2022. Orenburg: OSU, 2022, 106–111. (In Russ.)*] <https://www.elibrary.ru/gwrmlld>
- Арутюнов Г. П., Тарловская Е. И., Арутюнов А. Г., Поляков Д. С., Беленков Ю. Н., Конради А. О., Лопатин Ю. М., Ребров А. П., Терещенко С. Н., Чесникова А. И. и др. Вновь диагностированные заболевания и частота их возникновения у пациентов после новой коронавирусной инфекции. Результаты международного регистра «Анализ динамики коморбидных заболеваний у пациентов, перенесших инфицирование SARS-CoV-2 (АКТИВ SARS-CoV-2)» (12 месяцев наблюдения). *Российский кардиологический журнал*. 2023. Т. 28. № 4. С. 102–126. [Arutyunov G. P., Tarlovskaya E. I., Arutyunov A. G., Polyakov D. S., Belenkov Y. N., Konradi A. O., Lopatin Yu. M., Rebrov A. P., Tereshchenko S. N., Chesnikova A. I. et al. Newly diagnosed diseases and the frequency of their occurrence in patients after a new coronavirus infection. Results of an International Register "Dynamics Analysis of Comorbidities in SARS-CoV-2 Survivors (ACTIV SARS-CoV-2)" (12-month follow-up). *Russian Journal of Cardiology*, 2023, 28(4): 102–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2023-5424>
- Ачабаева А. Б., Малкарова Р. Х., Дадов И. Т., Мизиев О. А., Гелястанов И. Х. Психологические аспекты реабилитации после перенесенной новой коронавирусной инфекции. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2022. Т. 5. № 2. С. 84–88. [Achabaeva A. B., Malkarova R. Kh., Dadov I. T., Miziev O. A., Gelastanov I. Kh. Psychological aspects of rehabilitation after a new coronavirus infection. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2022, 5(2): 84–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bizlrp>
- Балахнина Е. Ю., Жихарев А. Ю., Солодухин А. В. Особенности копинг-поведения у лиц юношеского возраста, перенесших COVID-19. *Психология и медицина: пути поиска оптимального взаимодействия:*

- IX Междунар. конф. (Рязань, 23–24 ноября 2022 г.) Рязань: РязГМУ, 2022. С. 8–13. [Balakhnina E. Y., Zhikharev A. Yu., Solodukhin A. V. Features of coping behavior in adolescents who have undergone COVID-19. *Psychology and medicine: Ways to optimal interaction: Proc. IX Intern. Conf., Ryazan, 23–24 Nov 2022*. Ryazan: RyazSMU, 2022, 8–13. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uskuca>
- Брюханов Я. И., Солодухин А. В. Особенности психофизиологического статуса лиц юношеского возраста, перенесших коронавирусную инфекцию. *Междисциплинарные подходы в биологии, медицине и науках о Земле: теоретические и прикладные аспекты: Симпозиум XVIII (L) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 26 апреля 2023 г.) Кемерово: КемГУ, 2023. С. 269–271.* [Bryuhanov Ya. I., Solodukhin A. V. Features of the psychophysiological status of post-COVID-19 teenage patients. *Interdisciplinary approaches in biology, medicine and geosciences: Theoretical and applied aspects: Proc. Symposium XVIII (L) Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 26 Apr 2023*. Kemerovo: KemSU, 2023, 269–271. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rafqse>
- Варич Л. А., Брюханов Я. И., Серый А. В., Солодухин А. В. Особенности проявления соматических и когнитивных нарушений у лиц юношеского возраста, перенесших COVID-19. *Вестник психофизиологии*. 2022. № 4. С. 92–99. [Varich L. A., Bryukhanov Ya. I., Seryy A. V., Solodukhin A. V. Peculiarities the somatic and cognitive disorders manifestation in young people who underwent COVID-19. *Psychophysiology News*, 2022, (4): 92–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34985/f0194-0574-8740-f>
- Варич Л. А., Чуянова А. А., Серый А. В., Солодухин А. В., Брюханов Я. И. Возрастные особенности проявления постковидных когнитивных нарушений. *Сборник тезисов XXIV съезда физиологического общества им. И. П. Павлова*. (Санкт-Петербург, 11–15 сентября 2023 г.) СПб.: ВВМ, 2023. С. 284–285. [Varich L. A., Chuyanov A. A., Seryy A. V., Solodukhin A. V., Bryukhanov Ya. I. Age-related features of post-COVID cognitive impairment. *Proceedings of the XXIV Congress of I. P. Pavlov Physiological Society, St. Petersburg, 11–15 Sep 2023*. St. Petersburg: ВВМ, 2023, 284–285. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fpxdef>
- Галаганова С. Г., Мартынова А. А. Когнитивная психология и электронный бизнес: перспективы взаимодействия. *Человеческий капитал*. 2022. № 3. С. 23–40. [Galaganova S. G., Martynova A. A. Cognitive psychology and electronic business: Prospects for interaction. *Human capital*, 2022, (3): 23–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/HC.2022.03.03>
- Громова Д. О., Науменко А. А., Преображенская И. С. Когнитивный тренинг и реабилитация пациентов с когнитивными нарушениями. *Доктор.Ру*. 2017. № 11. С. 31–38. [Naumenko A. A., Gromova D. O., Preobrazhenskaya I. S. Cognitive training and rehabilitation for patients with cognitive impairment. *Doctor.Ru*, 2017, (11): 31–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zrxnav>
- Драндров Г. Л., Тумаров К. Б. Личностно-ориентированный подход в формировании физической культуры студентов. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2011. Т. 6. № 2. С. 24–30. [Drandrov G. L., Tumarov K. B. The personality-oriented approach in students physical education formation. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, 2011, 6(2): 24–30. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mmdfvs>
- Заикина Е. С. Реализация системного подхода в области психолого-педагогических исследований. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки*. 2022. № 2. С. 103–115. [Zaikina E. S. Implementation of a systematic approach in the field of psychological and pedagogical research. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Serii № 3. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*, 2022, (2): 103–115. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uodibf>
- Корсакова Н. К., Вологодина Я. О. Варианты нейропсихологического синдрома и этапы генеза концепции А. Р. Лурии о мозговой организации психических функций. *Культурно-историческая психология*. 2022. Т. 18. № 3. С. 64–69. [Korsakova N. K., Vologdina Ya. O. Variants of neuropsychological syndrome and stages of genesis of A. R. Luria's concept of the brain organization of mental functions. *Cultural-Historical Psychology*, 2022, 18(3): 64–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/chp.2022180309>
- Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В., Замышляева М. С. Адаптация методик, изучение совладающего поведения Way of Coping Questionnaire (Опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкмана). *Психологическая диагностика*. 2005. № 3. С. 57–76. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V., Zamyshlyayeva M. S. R. Lazarus and S. Folkman's Way

- of Coping Questionnaire: Adaptation. *Psikhologicheskaja diagnostika*, 2005, (3): 57–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ygchhn>
- Пизова Н. В., Пизов Н. А., Пизов А. В. Когнитивные нарушения у лиц, перенесших COVID-19. *Медицинский совет*. 2021. № 4. С. 69–77. [Pizova N. V., Pizov N. A., Pizov A. V. Cognitive impairment in COVID-19 survivors. *Meditsinskiy Sovet*, 2021, (4): 69–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2021-4-69-77>
- Серый А. В., Юпитов А. В. Применение теста смысло-жизненных ориентаций к диагностике актуальных смысловых состояний (новая концептуализация). *Сибирская психология сегодня*, отв. ред. М. С. Яницкий. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 55–72. [Seryu A. V., Yupiterov A. V. Life-sense orientation test as a diagnose tool of the actual semantic states: A new concept. *Siberian Psychology Today*, ed. Yanitskiy M. S. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, 55–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxjmhhl>
- Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И. Факторная структура функционального состояния у лиц юношеского возраста в период пандемии COVID-19. *Сибирский психологический журнал*. 2023а. № 89. С. 152–163. [Solodukhin A. V., Seryu A. V., Varich L. A., Bryukhanov Ya. I. Factor structure of functional status in adolescents during the COVID-19 pandemic. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2023a, (89): 152–163. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/khxnhs>
- Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю. Гендерные особенности когнитивного функционирования у лиц, перенесших COVID-19. *СибСкрипт*. 2023б. Т. 25. № 5. С. 696–704. [Solodukhin A. V., Seryu A. V., Varich L. A., Bryukhanov Ya. I., Zhikharev A. Yu. Gender aspects of cognitive functioning in former COVID-19 patients. *SibScript*, 2023b, 25(5): 696–704. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-696-704>
- Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю. Применение техник когнитивно-поведенческой психотерапии для восстановления когнитивной сферы у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): возможности и перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 420–429. [Solodukhin A. V., Seryu A. V., Varich L. A., Bryukhanov Ya. I., Zhikharev A. Yu. Cognitive behavioral psychotherapy after COVID-19: Opportunities and prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 420–429. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-420-429>
- Солодухин А. В., Серый А. В., Яницкий М. С., Трубникова О. А. Возможности методов когнитивно-поведенческой психотерапии в изменении внутренней картины болезни у пациентов с ишемической болезнью сердца. *Фундаментальная и клиническая медицина*. 2017. Т. 2. № 1. С. 84–90. [Solodukhin A. V., Seryu A. V., Yanitskiy M. S., Trubnikova O. A. Cognitive behavioral therapy: An option for changing internal picture of disease in patients with coronary artery disease. *Fundamental and Clinical Medicine*, 2017, 2(1): 84–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrmvzf>
- Солодухин А. В., Яницкий М. С., Серый А. В. К проблеме выбора коррекционных компьютерных программ для восстановления когнитивных функций у пациентов кардиологического профиля. *Российский психологический журнал*. 2020. Т. 17. № 1. С. 5–14. [Solodukhin A. V., Yanitskiy M. S., Seryu A. V. Choosing correctional computer programs for cognitive rehabilitation in cardiac patients. *Russian Psychological Journal*, 2020, 17(1): 5–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.1.1>
- Човдырова Г. С., Пяткина О. А. Копинг-стратегии личности при адаптации к стрессу. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2021. Т. 26. № 1. С. 41–47. [Chovdyrova G. S., Pyatkina O. A. Coping strategies of an individual when adapting to stress. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2021, 26(1): 41–47 (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-184-41-47>
- Яницкий М. С., Солодухин А. В., Серый А. В. Когнитивные нарушения при соматических заболеваниях: этиопатогенез, методы диагностики и возможности психологической коррекции. *Новейшие достижения в области медицины, здравоохранения и здоровьесберегающих технологий*: I Междунар. конгресс. (Кемерово, 28–30 ноября 2022 г.) Кемерово: КемГУ, 2022. С. 517–519. [Yanitskiy M. S., Solodukhin A. V., Seryu A. V. Cognitive impairment in somatic diseases: Etiopathogenesis, diagnostic methods and possibilities of psychological correction. *The latest achievements of medicine, healthcare, and health-saving technologies*: Proc. I Intern. Congress, Kemerovo, 28–30 Nov 2022. Kemerovo: KemsU, 2022, 517–519. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/-I-IC-157>
- Ahmed M. Z., Ahmed O., Aibao Z., Hanbin S., Siyu L., Ahmad A. Epidemic of COVID-19 in China and associated psychological problems. *Asian Journal of Psychiatry*, 2020, 51. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102092>

- Aiello E. N., Verde F., Milone I., Giacomuzzi Grigoli E., Dubini A., Carelli L., Ferrucci R., Priori A., Ratti A., Torresani E., Ticozzi N., Silani V., Poletti B. The Frontal Assessment Battery (FAB) effectively discriminates between MCI and dementia within the clinical spectrum of neurochemically confirmed Alzheimer's disease. *Frontiers in Psychology*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1054321>
- Al-Thaqib A., Al-Sultan F., Al-Zahrani A., Al-Kahtani F., Al-Regaiey K., Iqbal M., Bashir S. Brain training games enhance cognitive function in healthy subjects. *Medical Science Monitor Basic Research*, 2018, 24: 63–69. <http://dx.doi.org/10.12659/MSMBR.909022>
- Altman M. T., Knauert M. P., Pisani M. A. Sleep disturbance after hospitalization and critical illness: A systematic review. *Annals of the American Thoracic Society*, 2017, 14(9): 1457–1468. <https://doi.org/10.1513/AnnalsATS.201702-148SR>
- Amanat M., Rezaei N., Roozbeh M., Shojaei M., Tafakhori A., Zoghi A., Darazam I. A., Salehi M., Karimialavijeh E., Lima B. S., Garakani A., Vaccaro A., Ramezani M. Neurological manifestations as the predictors of severity and mortality in hospitalized individuals with COVID-19: A multicenter prospective clinical study. *BMC neurology*, 2021, 21(1). <https://doi.org/10.1186/s12883-021-02152-5>
- Bianchetti A., Rozzini R., Bianchetti L., Coccia F., Guerini F., Trabucchi M. Dementia clinical care in relation to COVID-19. *Current Treatment Options in Neurology*, 2022, 24(1): 1–15. <https://doi.org/10.1007/s11940-022-00706-7>
- Bo H. X., Li W., Yang Y., Wang Y., Zhang Q., Cheung T., Wu X., Xiang Y.-T. Posttraumatic stress symptoms and attitude toward crisis mental health services among clinically stable patients with COVID-19 in China. *Psychological Medicine*, 2021, 51(6): 1052–1053. <https://doi.org/10.1017/S0033291720000999>
- Brenninkmeijer V., Lagerveld S. E., Blonk R. W. B., Schaufeli W. B., Wijngaards-de Meij L. D. N. V. Predicting the effectiveness of work-focused CBT for common mental disorders: The influence of baseline self-efficacy, depression and anxiety. *Journal of Occupational Rehabilitation*, 2019, 29(1): 31–41. <https://doi.org/10.1007/s10926-018-9760-3>
- Carda S., Invernizzi M., Bavikatte G., Bensmaïl D., Bianchi F., Deltombe T., Draulans N., Esquenazi A., Francisco G. E., Gross R., Jacinto L. J., Moraleda Pérez S., O'Dell M. W., Reebye R., Verduzco-Gutierrez M., Wissel J., Molteni F. The role of physical and rehabilitation medicine in the COVID-19 pandemic: The clinician's view. *Annals of Physical and Rehabilitation Medicine*, 2020, 63(6): 554–556. <https://doi.org/10.1016/j.rehab.2020.04.001>
- Carlbring P., Andersson G., Cuijpers P., Riper H., Hedman-Lagerlöf E. Internet-based vs. face-to-face cognitive behavior therapy for psychiatric and somatic disorders: An updated systematic review and meta-analysis. *Cognitive Behaviour Therapy*, 2018, 47(1): 1–18. <https://doi.org/10.1080/16506073.2017.1401115>
- Cénat J. M., Blais-Rochette C., Kokou-Kpolou C. K., Noorishad P.-G., Mukunzi J. N., McIntee S.-E., Dalexis R. D., Goulet M.-A., Labelle R. P. Prevalence of symptoms of depression, anxiety, insomnia, posttraumatic stress disorder, and psychological distress among populations affected by the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *Psychiatry Research*, 2021, 295. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113599>
- Chaturvedi R., Lui B., Aaronson J. A., White R. S., Samuels J. D. COVID-19 complications in males and females: Recent developments. *Journal of Comparative Effectiveness Research*, 2022, 11(9): 689–698. <https://doi.org/10.2217%2Fcer-2022-0027>
- Cheng P., Casement M. D., Kalmbach D. A., Castelan A. C., Drake C. L. Digital cognitive behavioral therapy for insomnia promotes later health resilience during the coronavirus disease 19 (COVID-19) pandemic. *Sleep*, 2021, 44(4). <https://doi.org/10.1093/sleep/zsaa258>
- dos Santos Barros V., Bassi-Dibai D., Guedes C. L. R., Morais D. N., Coutinho S. M., de Oliveira Simões G., Mendes L. P., da Cunha Leal P., Dibai-Filho A. V. Barthel Index is a valid and reliable tool to measure the functional independence of cancer patients in palliative care. *BMC Palliative Care*, 2022, 21(1). <https://doi.org/10.1186/s12904-022-01017-z>
- Fan S., Xiao M., Han F., Xia P., Bai X., Chen H., Zhang H., Ding X., Zhao H., Zhao J., Sun X., Jiang W., Wang C., Cao W., Guo F., Tian R., Gao P., Wu W., Ma J., Wu D., Liu Z., Zhou X., Wang J., Guan T., Qin Y., Li T., Xu Y., Zhang D., Chen Y., Xie J., Li Y., Yan X., Zhu Y., Peng B., Cui L., Zhang S., Guan H. Neurological manifestations in critically ill patients with COVID-19: A retrospective study. *Frontiers in neurology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fneur.2020.00806>
- Filatov A., Sharma P., Hindi F., Espinosa P. S. Neurological complications of coronavirus disease (COVID-19): Encephalopathy. *Cureus*, 2020, 12(3). <https://doi.org/10.7759/cureus.7352>

- Fernández-Aranda F., Casas M., Claes L., Bryan D. C., Favaro A., Granero R., Gudiol C., Jiménez-Murcia S., Karwautz A., Le Grange D., Menchón J. M., Tchanturia K., Treasure J. COVID-19 and implications for eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2020, 28(3): 239–245. <https://doi.org/10.1002/erv.2738>
- Fotuhi M., Mian A., Meysami S., Raji C. A. Neurobiology of COVID-19. *Journal of Alzheimer's Disease*, 2020, 76(1): 3–19. <https://doi.org/10.3233/JAD-200581>
- Galasso V., Pons V., Profeta P., Becher M., Brouard S., Foucault M. Gender differences in COVID-19 related attitudes and behavior: Panel evidence from eight countries. *The Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020, 117(44): 27285–27291. <https://doi.org/10.1073/pnas.2012520117>
- Giudice V., Iannaccone T., Faiella F., Ferrara F., Aversano G., Coppola S., De Chiara E., Romano M. G., Conti V., Filippelli A. Gender differences in the impact of COVID-19 pandemic on mental health of Italian academic workers. *Journal of Personalized Medicine*, 2022, 12(4). <https://doi.org/10.3390/jpm12040613>
- Hampshire A., Trender W., Chamberlain S. R., Jolly A. E., Grant J. E., Patrick F., Mazibuko N., Williams S. C. R., Barnby J. M., Hellyer P., Mehta M. A. Cognitive deficits in people who have recovered from COVID-19. *eClinicalMedicine*, 2021, 39. <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2021.101044>
- Helms J., Kremer S., Merdji H., Clere-Jehl R., Schenck M., Kummerlen C., Collange O., Boulay C., Fafi-Kremer S., Ohana M., Anheim M., Meziani F. Neurologic features in severe SARS-CoV-2 infection. *New England Journal of Medicine*, 2020, 382(23): 2268–2270. <https://doi.org/10.1056/NEJMc2008597>
- Holmes E. A., O'Connor R. C., Perry V. H., Tracey I., Wessely S., Arseneault L., Ballard C., Christensen H., Cohen Silver R., Everall I., Ford T., John A., Kabir T., King K., Madan I., Michie S., Przybylski A. K., Shafran R., Sweeney A., Worthman C. M., Yardley L., Cowan K., Cope C., Hotopf M., Bullmore E. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: A call for action for mental health science. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(6): 547–560. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30168-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30168-1)
- Karadaş Ö., Öztürk B., Sonkaya A. R. A prospective clinical study of detailed neurological manifestations in patients with COVID-19. *Neurological Sciences*, 2020, 41(8): 1991–1995. <https://doi.org/10.1007/s10072-020-04547-7>
- Kaseda E. T., Levine A. J. Post-traumatic stress disorder: A differential diagnostic consideration for COVID-19 survivors. *Clinical Neuropsychologist*, 2020, 34(7-8): 1498–1514. <https://doi.org/10.1080/13854046.2020.1811894>
- Koh J. S., De Silva D. A., Quek A. M. L., Chiew H. J., Tu T. M., Seet C. Y. H., Hoe R. H. M., Saini M., Hui A. C.-F., Angon J., Ker J. R., Yong M. H., Goh Y., Yu W.-Y., Lim T. C. C., Tan B. Y. Q., Ng K. W. P., Yeo L. L. L., Pang Y. Z., Prakash K. M., Ahmad A., Thomas T., Lye D. C. B., Tan K., Umapathi T. Neurology of COVID-19 in Singapore. *Journal of the Neurological Sciences*, 2020, 418. <https://doi.org/10.1016/j.jns.2020.117118>
- Kolakowsky-Hayner S. A., Goldin Y., Kingsley K., Alzueta E., Arango-Lasprilla J. C., Perrin P. B., Baker F. C., Ramos-Usuga D., Constantinidou F. Psychosocial impacts of the COVID-19 quarantine: A study of gender differences in 59 countries. *Medicina*, 2021, 57(8). <https://doi.org/10.3390/medicina57080789>
- Kopelovich S. L., Turkington D. Remote CBT for psychosis during the COVID-19 pandemic: Challenges and opportunities. *Community Mental Health Journal*, 2021, 57(1): 30–34. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00718-0>
- Lee S. H., Shin H.-S., Park H. Y., Kim J. L., Lee J. J., Lee H., Won S.-D., Han W. Depression as a mediator of chronic fatigue and post-traumatic stress symptoms in Middle East respiratory syndrome survivors. *Psychiatry Investigation*, 2019, 16(1): 59–64. <https://doi.org/10.30773/pi.2018.10.22.3>
- Li J., Li X., Jiang J., Xu X., Wu J., Xu Y., Lin X., Hall J., Xu H., Xu J., Xu X. The effect of cognitive behavioral therapy on depression, anxiety, and stress in patients with COVID-19: A randomized controlled trial. *Frontiers in psychiatry*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.580827>
- Li T., Lu H., Zhang W. Clinical observation and management of COVID-19 patients. *Emerging microbes & infections*, 2020, 9(1): 687–690. <https://doi.org/10.1080/22221751.2020.1741327>
- Liguori C., Pierantozzi M., Spanetta M., Sarmati L., Cesta N., Iannetta M., Ora J., Mina G. G., Puxeddu E., Balbi O., Pezzuto G., Magrini A., Rogliani P., Andreoni M., Mercuri N. B. Subjective neurological symptoms frequently occur in patients with SARS-CoV2 infection. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020, 88: 11–16. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.037>
- Liotta E. M., Batra A., Clark J. R., Shlobin N. A., Hoffman S. C., Orban Z. S., Koralnik I. J. Frequent neurologic manifestations and encephalopathy-associated morbidity in Covid-19 patients. *Annals of Clinical and Translational Neurology*, 2020, 7(11): 2221–2230. <https://doi.org/10.1002/acn3.51210>

- Liyanage-Don N. A., Cornelius T., Sanchez J. E., Trainor A., Moise N., Wainberg M., Kronish I. M. Psychological distress, persistent physical symptoms, and perceived recovery after COVID-19 illness. *Journal of General Internal Medicine*, 2021, 36(8): 2525–2527. <https://doi.org/10.1007/s11606-021-06855-w>
- Lopez-Leon S., Wegman-Ostrosky T., Perelman C., Sepulveda R., Rebolledo P., Cuapio A., Villapol S. More than 50 long-term effects of COVID-19: A systematic review and meta-analysis. *Scientific reports*, 2021, 11(1). <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-266574/v1>
- Ma M., Shi Z., Wu H., Ma X. Clinical implications of panic attack in Chinese patients with somatoform disorders. *Journal of Psychosomatic Research*, 2021, 146. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2021.110509>
- Manera M. R., Fiabane E., Pain D., Aiello E. N., Radici A., Ottonello M., Padovani M., Wilson B. A., Fish J., Pistarini C. Clinical features and cognitive sequelae in COVID-19: A retrospective study on N = 152 patients. *Neurological Sciences*, 2022, 43(1): 45–50. <https://doi.org/10.1007/s10072-021-05744-8>
- Mao L., Wang M., Chen S., He Q., Chang J., Hong C., Zhou Y., Wang D., Li Y., Jin H., Hu B. Neurological manifestations of hospitalized patients with COVID-19 in Wuhan, China: A retrospective case series study. *MedRxiv*, 2020. <https://doi.org/10.1101/2020.02.22.20026500>
- Moreno C., Wykes T., Galderisi S., Nordentoft M., Crossley N., Jones N., Cannon M., Correll C., Byrne L., Carr S., Chen E. Y. H., Gorwood P., Johnson S., Kärkkäinen H., Krystal J. H., Lee J., Lieberman J., López-Jaramillo C., Männikkö M., Phillips M. R., Uchida H., Vieta E., Vita A., Arango C. How mental health care should change as a consequence of the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(9): 813–824. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30307-2](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30307-2)
- Murphy R., Calugi S., Cooper Z., Dalle Grave R. Challenges and opportunities for enhanced cognitive behaviour therapy (CBT-E) in light of COVID-19. *Cognitive Behaviour Therapist*, 2020, 13. <https://doi.org/10.1017/S1754470X20000161>
- Nersesjan V., Amiri M., Lebech A.-M., Roed C., Mens H., Russell L., Fonsmark L., Berntsen M., Sigurdsson S. T., Carlsen J., Langkilde A. R., Martens P., Lund E. L., Hansen K., Jespersen B., Folke M., N., Meden P., Hejl A.-M., Wamberg C., Benros M. E., Kondziella D. Central and peripheral nervous system complications of COVID-19: A prospective tertiary center cohort with 3-month follow-up. *Journal of Neurology*, 2021, 268(9): 3086–3104. <https://doi.org/10.1007/s00415-020-10380-x>
- Nguyen N. N., Hoang V. T., Dao T. L., Dudouet P., Eldin C., Gautret P. Clinical patterns of somatic symptoms in patients suffering from post-acute long COVID: A systematic review. *European Journal of Clinical Microbiology & Infectious Diseases*, 2022, 41(4): 515–545. <https://doi.org/10.1007/s10096-022-04417-4>
- Nochaiwong S., Ruengorn C., Thavorn K., Hutton B., Awiphan R., Phosuya C., Ruanta Y., Wongpakaran N., Wongpakaran T. Global prevalence of mental health issues among the general population during the coronavirus disease-2019 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *Scientific Reports*, 2021, 11(1). <https://doi.org/10.1038/s41598-021-89700-8>
- Novais A., Monteiro S., Roque S., Correia-Neves M., Sousa N. How age, sex and genotype shape the stress response. *Neurobiology of Stress*, 2016, 6: 44–56. <https://doi.org/10.1016/j.ynstr.2016.11.004>
- Patterson P. H. Maternal infection and immune involvement in autism. *Trends in molecular medicine*, 2011, 17(7): 389–394. <https://doi.org/10.1016/j.molmed.2011.03.001>
- Ritchie K., Chan D., Watermeyer T. The cognitive consequences of the COVID-19 epidemic: Collateral damage? *Brain Communications*, 2020, 2(2). <https://doi.org/10.1093/braincomms/fcaa069>
- Rodgers R. F., Lombardo C., Cerolini S., Franko D. L., Omori M., Fuller-Tyszkiewicz M., Linardon J., Courtet P., Guillaume S. The impact of the COVID-19 pandemic on eating disorder risk and symptoms. *International Journal of Eating Disorders*, 2020, 53(7): 1166–1170. <https://doi.org/10.1002/eat.23318>
- Rogers J. P., Chesney E., Oliver D., Pollak T. A., McGuire P., Fusar-Poli P., Zandi M. S., Lewis G., David A. S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: A systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(7): 611–627. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0)
- Rubio L., Dumitrache C., Cordon-Pozo E., Rubio-Herrera R. Coping: Impact of gender and stressful life events in middle and in old age. *Clinical Gerontologist*, 2016, 39(5): 468–488. <https://doi.org/10.1080/07317115.2015.1132290>

- Sampaio Rocha-Filho P. A., Albuquerque P. M., Carvalho L. C. L. S., Dandara Pereira Gama M., Magalhães J. E. Headache, anosmia, ageusia and other neurological symptoms in COVID-19: A cross-sectional study. *Journal of headache and pain*, 2022, 23(1). <https://doi.org/10.1186/s10194-021-01367-8>
- Song J., Jiang R., Chen N., Qu W., Liu D., Zhang M., Fan H., Zhao Y., Tan S. Self-help cognitive behavioral therapy application for COVID-19-related mental health problems: A longitudinal trial. *Asian journal of psychiatry*, 2021, 60. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2021.102656>
- Steinman G. COVID-19 and autism. *Medical Hypotheses*, 2020, 142. <https://doi.org/10.1016/j.mehy.2020.109797>
- Toniolo S., Scarioni M., Di Lorenzo F., Hort J., Georges J., Tomic S., Nobili F., Frederiksen K. S., Bonanni L. Dementia and COVID-19, a bidirectional liaison: Risk factors, biomarkers, and optimal health care. *Journal of Alzheimer's Disease*, 2021, 82(3): 883–898. <https://doi.org/10.3233/JAD-210335>
- Wright J. H., Caudill R. Remote treatment delivery in response to the COVID-19 pandemic. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 2020, 89(3): 130–132. <https://doi.org/10.1159/000507376>
- Wright J. H., Mishkind M., Eells T. D., Chan S. R. Computer-assisted cognitive-behavior therapy and mobile apps for depression and anxiety. *Current Psychiatry Reports*, 2019, 21(7). <https://doi.org/10.1007/s11920-019-1031-2>
- Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Vasyagina N. N., Solodukhin A. V., Trubnikova O. A. Psychological rehabilitation of patients with cardiovascular diseases by correction of cognitive impairment. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2020, 13(1): 121–132. <https://doi.org/10.11621/PIR.2020.0110>
- Zhou F., Yu T., Du R., Fan G., Liu Y., Liu Z., Xiang J., Wang Y., Song B., Gu X., Guan L., Wei Y., Li H., Wu X., Xu J., Tu S., Zhang Y., Chen H., Cao B. Clinical course and risk factors for mortality of adult inpatients with COVID-19 in Wuhan, China: A retrospective cohort study. *The Lancet*, 2020, 395(10229): 1054–1062. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30566-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30566-3)

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/neqlee>

Сравнительный анализ клинико-психологических характеристик пациентов первого психотического эпизода с преобладанием дефицитарности в когнитивной и эмоционально-волевой сферах

Щетинина Евгения Владимировна

Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева
 Департамента здравоохранения г. Москвы, Россия, Москва
<https://orcid.org/0009-0007-5060-8881>
 evvladi@list.ru

Щелкова Ольга Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,
 Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0001-9444-4742>
 Scopus Author ID: 6506644008

Чернов Никита Владимирович

Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева
 Департамента здравоохранения г. Москвы, Россия, Москва
 eLibrary Author SPIN: 9649-8443
 Scopus Author ID: 57217293125

Костюк Георгий Петрович

Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева
 Департамента здравоохранения г. Москвы, Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0002-3073-6305>
 Scopus Author ID: 57200081884

Аннотация: Представлен сравнительный анализ клинических, социально-демографических, психосоциальных и индивидуально-психологических характеристик пациентов, перенесших первый психотический эпизод, с преобладанием дефицитарности в когнитивной и эмоционально-личностной сферах. Материал исследования составили данные 139 больных первого психотического эпизода: 60 мужчин и 79 женщин. На основе экспертной (клинической) оценки были выделены и сопоставлены: группа 1 – с преобладанием негативной симптоматики в когнитивной сфере (29 человек); группа 2 – с преобладанием негативной симптоматики в эмоционально-волевой сфере (46 человек); группа 3 – без выраженной дефицитарности (64 человека). Методы исследования: клинико-психологическое интервью, патопсихологические нестандартизованные методы изучения познавательной деятельности, психометрические методы «Опросник депрессивности Бэка», опросники «Способы совладающего поведения», Мини-Мульт, «Шкала оценки риска суицида». Обработка данных проведена с помощью программ SPSS v. 25.0 и Excel.2010. В результате между тремя группами испытуемых выявлены высоко статистически значимые различия по клиническим характеристикам: диагноз, наличие критики к своему состоянию и преемственность психиатрической помощи; по психосоциальным характеристикам: трудности адаптации в социуме; по аспектам познавательной деятельности: ассоциативные процессы, мотивационный компонент мышления; по эмоционально-личностной и поведенческой сферам: уровень суицидального риска. Помимо прочего между группами выявлены специфические отличия психометрических показателей методик Мини-Мульт и способов совладающего поведения от тестовой нормы. Отмечено, что выявление специфических клинико-психологических особенностей пациентов, перенесших первый психотический эпизод, и сопоставление этих данных с характером негативной остаточной симптоматики позволят сформировать корректную психореабилитационную программу с целью ранней профилактики нарастания дефицитарной симптоматики и снижения уровня социального функционирования.

Ключевые слова: первый психотический эпизод, шизофрения, негативная симптоматика, нейрокогнитивный дефицит, эмоционально-волевая сфера, психореабилитация

Цитирование: Щетинина Е. В., Щелкова О. Ю., Чернов Н. В., Костюк Г. П. Сравнительный анализ клинико-психологических характеристик пациентов первого психотического эпизода с преобладанием дефицитарности в когнитивной и эмоционально-волевой сферах. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 210–222. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-210-222>

Поступила в редакцию 31.01.2024. Принята после рецензирования 01.03.2024. Принята в печать 04.03.2024.

full article

Clinical and Psychological Characteristics of Patients after First-Episode Psychosis with Cognitive, Emotional, and Volitional Deficiencies: Comparative Analysis

Evgeniya V. Shchetinina

N. A. Alexeev Psychiatric Hospital No. 1, Moscow Healthcare
Department, Russia, Moscow
<https://orcid.org/0009-0007-5060-8881>
evvladi@list.ru

Olga Yu. Shchelkova

St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg
<https://orcid.org/0000-0001-9444-4742>
Scopus Author ID: 6506644008

Nikita V. Chernov

N. A. Alexeev Psychiatric Hospital No. 1, Moscow Healthcare
Department, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 9649-8443
Scopus Author ID: 57217293125

Georgiy P. Kostyuk

N. A. Alexeev Psychiatric Hospital No. 1, Moscow Healthcare
Department, Russia, Moscow
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3073-6305>
Scopus Author ID: 57200081884

Abstract: This research featured 139 patients (60 men, 79 women) after the first-episode psychosis. All patients demonstrated cognitive and/or emotional deficiency. The research objective was to compare clinical, socio-demographic, psychosocial, and individual characteristics. The expert clinical assessment revealed three groups. Group I included 29 patients with negative symptoms in the cognitive sphere; group II consisted of 46 people with negative symptoms in the emotional and volitional sphere; group III included 64 people with no pronounced deficiencies. The authors employed the method of clinical psychological interview and various pathopsychological non-standard methods to study the cognitive activity of the patients. The list of psychometric methods included the Beck's Depression Inventory, a coping behavior questionnaire, a short version of Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI), and the Suicide Risk Assessment Scale. The data obtained were processed using SPSS v. 25.0 and Excel 2010. The three groups demonstrated the following statistically significant differences: diagnosis, critical attitude to one's own condition, and continuity of psychiatric care (clinical characteristics); social adaptation problems (psychosocial characteristics); association and motivation (cognitive activity); suicidal risk (emotions, personality, and behavior). The MMPI and the coping behavior test also showed differences from the test norm, as well as between the groups. A comparative analysis of clinical and psychological characteristics in patients after the first-episode psychosis makes it possible to develop a correct psychorehabilitation program, prevent deficit symptoms, and improve social functioning.

Keywords: first-episode psychosis, schizophrenia, negative symptoms, neurocognitive deficit, emotional-volitional sphere, psychorehabilitation

Citation: Shchetinina E. V., Shchelkova O. Yu., Chernov N. V., Kostyuk G. P. Clinical and Psychological Characteristics of Patients after First-Episode Psychosis with Cognitive, Emotional, and Volitional Deficiencies: Comparative Analysis. *SibScript*, 2024, 26(2): 210–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-210-222>

Received 31 Jan 2023. Accepted after peer review 1 Mar 2024. Accepted for publication 4 Mar 2024.

Введение

В последние годы предметом научных исследований становится определение ранних признаков психических расстройств еще на продромальном этапе, доманифестном периоде [Шмуклер 2020; Malla et al. 2005]. Первый психотический эпизод – это впервые возникшее тяжелое психотическое расстройство с нарушением целостности и единства психических функций, неадекватным поведением

и наличием трех основных групп симптомов: позитивных, негативных и нейрокогнитивных. Поэтому особый интерес и возможности для психофармакологического и психотерапевтического воздействия представляют пациенты с первым психотическим эпизодом как еще имеющие наибольший и многообразный потенциал для последующих изменений: достижения продолжительной

ремиссии, сохранения достойного качества жизни и социального функционирования [Гурович и др. 2003: 3; Сторожакова, Холодова 2000: 74; Шашкова, Гажа 2020: 80]. Во многих исследованиях прослеживается отчетливая связь между длительным периодом нелеченного психоза и низкой эффективностью последующего лечения [Незнанов и др. 2018; Петрова, Павлова-Воинкова 2018; Тарантова и др. 2022]. Раннее выявление и лечение первого психотического состояния приводят к минимизации психосоциального стресса и негативного влияния болезни, способствуют более благоприятному течению и социальному восстановлению пациентов [Антохин и др. 2008; Воловик 1981].

В отечественной литературе существует ряд подходов к классификации шизофренических дефектов. Например, выделяют психопатоподобный, псевдоорганический, дефект по типу фершробен и простого дефицита [Мосолов, Ялтонская 2020; Смулевич и др. 2018]. В работе А. Б. Смулевича с соавторами представлена следующая классификация дефектов: псевдопсихопатический, псевдоорганический и психопатоподобный по типу новой жизни. Согласно авторам, клиническая картина при том или ином шизофреническом дефекте проявляется не в чистом виде, а напрямую связана с усугубляющимися личностными чертами, образуя общие синдромы, а сам шизофренический дефект рассматривается как модель дихотомии с преобладанием либо волевой (апатоабулической), либо эмоциональной дефицитарности [Смулевич и др. 2018].

По данным некоторых авторов, нейрокогнитивный дефицит нередко присутствует уже во время продромальных фаз болезни, наиболее прогрессирует в первые пять лет болезни, не имеет связи с длительностью нелеченного психоза и во многом определяет качество жизни, уровень социального функционирования и исход болезни [Карякина 2022; Пеккер и др. 2022; Петрова, Цыренова 2023]. Иными словами, выраженные когнитивные нарушения, имеющиеся уже в доманифестном периоде, указывают на большую злокачественность процесса. Нейрокогнитивный дефицит напрямую связан с нарушением критики пациента к своему состоянию, что в свою очередь влияет и на приверженность лечению, а это вводит пациента в своего рода замкнутый порочный круг: усугубляет его симптоматику, провоцирует рецидивы, способствует хронификации заболевания и неблагоприятному прогнозу.

Другим вариантом шизофренического дефекта является дефицитарность со стороны эмоционально-волевой сферы, так называемый апатоабулический синдром. В данном случае у больных наблюдаются выраженные нарушения волевого компонента – безволие, безынициативность, эмоциональная выхоленность, пассивность, редукция энергетического потенциала. По данным клиницистов, преобладание эмоционально-волевых нарушений в клинической картине больного нередко оказывается более губительным, нежели наличие нейрокогнитивного дефекта. Такие больные могут сохранять формальную критику к своему состоянию, страдать от постпсихотических депрессий, предъявлять стереотипные жалобы и не иметь влияния на собственную жизнь. В научной литературе существуют различные, не противоречащие друг другу классификации эмоционально-волевых дефектов при шизофрении. Например, помимо апатоабулического дефекта отдельно выделяются: астенический дефект, психопатоподобный, аутистический, диссоциативный, неврозоподобный и т. д. [Шетинина 2023].

Подобные классификации имеют не только научное, но и важное практическое значение, т. к. формирование того или иного дефицита детерминирует характерные мотивы для нарушения приема терапии, что повышает риск повторного психоза, повторной госпитализации и инвалидизации больного [Дмитриева и др. 2014; Corrigan et al. 1990]. Так, преобладание когнитивного дефицита в картине болезни зачастую предполагает нарушение критики к своему состоянию и поведению больных, отрицание своего заболевания и, как следствие, отказ от приема терапии; снижение памяти, внимания может повлечь за собой нарушение приема лекарственных препаратов. Другая группа пациентов, с преобладанием дефицитарности со стороны эмоционально-волевой сферы, может испытывать трудности с аккуратным приемом терапии в силу тяжелой апатии, абулии, редукции энергетического потенциала.

Анализ литературы показывает, что при наличии значительного количества фундаментальных и прикладных работ в обсуждаемой области, выполненных психиатрами, практически отсутствуют работы клинических психологов, выявляющие тонкие психологические различия у пациентов с небольшим стажем психотического заболевания с намечающимся преобладанием дефицитарности в той или иной сфере психической деятельности.

Это побудило авторов к разработке программы и дизайна психологического исследования, рассматривающего в комплексе клинические, психосоциальные и индивидуально-психологические характеристики пациентов первого психотического эпизода, в которых могли бы отразиться намечающиеся признаки дефицита. Для сравнения были изучены пациенты с преобладанием дефицитарности в эмоционально-волевой и когнитивной сферах, выявленным экспертным (клиническим) путем врачом-психиатром и клиническим психологом. Полученные данные, на наш взгляд, могут служить основанием для разработки индивидуализированных (с учетом характера намечающегося дефекта) программ психосоциальной реабилитации и вторичной профилактики для пациентов, перенесших первый психотический эпизод.

Целью исследования стал сравнительный анализ клинических, социально-демографических, психосоциальных и индивидуально-психологических характеристик пациентов, перенесших первый психотический эпизод, с преобладанием дефицитарности в когнитивной и эмоционально-личностной сферах.

Методы и материалы

Исследование проведено на базе Психиатрической клинической больницы № 1 имени Н. А. Алексеева Департамента здравоохранения г. Москвы. Всего исследовано 139 пациентов, соответствующих критериям первого психотического эпизода, среди них 60 (43,2 %) мужчин и 79 (56,8%) женщин; средний возраст – 25,88 + 0,53 лет. В исследование были включены пациенты первого психотического эпизода нозологии F20-29 и давностью заболевания до 5 лет; критериями исключения были: актуальное острое психотическое состояние; интеллектуальное снижение; неспособность контролировать поведение; любые органические психозы (в том числе инволюционные, интоксикационные).

На основе экспертной (клинической) оценки были выделены группы сравнения: группа 1 – с преобладанием негативной симптоматики в когнитивной сфере (29 человек); группа 2 – с преобладанием негативной симптоматики в эмоционально-волевой сфере (46 человек); группа 3 – без выраженной дефицитарности (64 человека).

В сравнительном аспекте проанализированы следующие социально-демографические и психосоциальные характеристики пациентов трех групп, полученные с помощью авторского структурированного интервью: пол, возраст, образовательный

и трудовой статус, семейное положение, характер проживания, финансовое обеспечение, социальная активность и увлечения, трудности социальной адаптации (включая своеобразие внешнего вида) и межличностного взаимодействия.

Анализировались следующие клинические характеристики, полученные из медицинской документации: клинический диагноз, количество психотических эпизодов в анамнезе и количество госпитализаций в психиатрический стационар, виды лечения, зависимость от алкоголя и прочих психоактивных веществ, критика к болезни, наличие суицидального риска, наследственная отягощенность, коморбидная соматическая патология и наличие черепно-мозговых травм в анамнезе.

Среди индивидуально-психологических характеристик анализировались особенности познавательной деятельности (активного внимания, различных видов памяти и вербально-логического мышления), эмоциональный фон, личностные характеристики и ведущие копинг-стратегии, а также суицидальный риск. Для этого использовался психодиагностический комплекс, включавший:

1) методы патофизиологической диагностики когнитивных функций: «Отсчитывание от 100 по 7», «Таблицы Шульце», проба «10 слов», «Пиктограммы», «Исключение предметов», «Сравнение понятий», «Классификация предметов» [Рубинштейн 2010: 54, 62, 99, 117, 152];

2) методы исследования эмоционально-личностной и поведенческих сфер: «Опросник депрессивности Бэка» (Beck Depression Inventory, BDI) [Тарабрина 2001: 159; Beck et al. 1961], опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) Р. Лазаруса в адаптации Л. И. Вассермана с соавторами [Вассерман и др. 2010: 112], Опросник Мини-Мульт (Mini-Mult) [Зайцев 1981], «Шкала оценки риска суицида» [Чистопольская и др. 2013].

Обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с помощью программ SPSS v. 25.0 и Excel.2010. Используются χ^2 Пирсона для сравнения социально-демографических, клинических и частотных психологических показателей пациентов, разделенных на группы по характеру дефекта, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для сравнения количественных показателей, апостериорный метод парных сравнений по Шеффе и одновыборочный Т-критерий для сравнения психодиагностических показателей пациентов с нормативными данными.

Результаты

Среди изученных *клинических характеристик* выявлены статистически значимые различия по параметрам *клинический диагноз, количество перенесенных психотических эпизодов и критика к болезни* (табл. 1).

Как можно было ожидать, наименьший процент лиц, имеющих диагноз *шизофрения* и наименьший процент перенесенных психотических эпизодов, встретился в группе 3. В этой же группе выявлен наибольший процент пациентов, имеющих полную критику к болезни, в то время как в группе 1 такие пациенты полностью отсутствовали, а в группе 2 полная критика к болезни встретилась лишь у 1 человека. Важно и то, что в группе 1 почти у $\frac{3}{4}$ пациентов полностью отсутствовала критика к болезни; в группе 2 этот показатель (отсутствие критики) встретился менее, чем у половины пациентов, и различия между группами

высоко статистически значимы. Также выявлены статистически значимые различия по параметру *преемственность психиатрической помощи*: испытуемые без выраженной дефицитарности (группа 3) имеют самую высокую степень преемственности психиатрической помощи и положительно воспринимают факт госпитализации в стационар, а при сравнении между собой групп 1 и 2 большая преемственность отмечается среди пациентов с дефицитарностью в эмоционально-волевой сфере (группа 2), однако обе группы с выраженным дефицитом чаще выражают негативное отношение к прохождению психиатрического лечения.

В ходе сравнительного анализа *социально-демографических характеристик* было установлено, что во всей группе исследованных пациентов

Табл. 1. Клинические характеристики

Tab. 1. Clinical characteristics

Характеристики	Группа 1 (n = 29)		Группа 2 (n = 46)		Группа 3 (n = 64)		Вся группа (n = 139)	
	n	%	n	%	n	%	n	%
<i>Диагноз</i> ($\chi^2 = 18,76; p = 0,005$)								
F20.0–F20.9 – Шизофрения	12	41,4	15	32,6	5	7,8	32	23,0
F21.0–F21.9 – Шизотипическое расстройство	6	20,7	12	26,1	30	46,9	48	34,5
F23.0–F23.9 – Острое и преходящее психотическое расстройство	6	20,7	9	19,6	17	26,6	32	23,0
F25.0–F25.9 – Шизоаффективное расстройство	5	17,2	10	21,7	12	18,8	27	19,4
<i>Психотические эпизоды</i> ($\chi^2 = 12,46; p = 0,014$)								
Один (первый)	14	48,3	26	56,5	41	64,1	81	58,3
Два	9	31,0	9	19,6	21	32,8	39	28,1
Три и более	6	20,7	11	23,9	2	3,1	19	13,7
<i>Критика к болезни</i> ($\chi^2 = 24,162; p = 0,001$)								
Сохранная (полная)	–	–	1	2,2	14	21,9	15	10,8
Формальная	8	27,6	25	54,3	30	46,9	63	45,3
Отсутствует	21	72,4	20	43,5	20	31	61	43,9
<i>Преемственность психиатрической помощи</i> ($\chi^2 = 14,383; p = 0,006$)								
Высокая	5	17,2	15	32,6	36	56,3	56	40,3
Средняя	17	58,6	22	47,8	19	29,7	58	41,7
Низкая	7	24,1	9	19,6	9	14,1	25	18,0

и в каждой из сравниваемых групп (с различным характером негативной симптоматики и без таковой) преобладают лица молодого возраста (до 30 лет), достаточно хорошо образованные (около или более 60 % в каждой группе имеют неоконченное или полное высшее образование), с различным трудовым статусом (26,6 % – студенты; 38,9 % – трудоустроены; 34,5% – не работают), преимущественно одинокие (не имеющие собственной семьи – 69,8 %), и по этим показателям различия между группами не значимы. Исключение составляет параметр *характер проживания*: установлено, что подавляющее большинство (80,4 %) пациентов группы 2 (с преобладанием дефицита в эмоционально-волевой сфере) проживают в родительской семье, в то время как в группе 1 (с преобладанием дефицита в когнитивной сфере) этот показатель составляет 58,6 %, в группе 3 (без признаков когнитивного и эмоционально-волевого дефицита) – 56,3 %; проживают в собственной семье 10,3 %; 8,7 %; 26,6 % пациентов соответственно, и различия между группами статистически значимы ($\chi^2 = 12,66$; $p = 0,013$).

Среди *психосоциальных характеристик* статистически значимые различия получены по параметру *трудности адаптации в социуме*. Проблемы социального функционирования в разных сферах (учеба, работа, личная жизнь) отметили 75,9 % пациентов группы 1; 78,3 % пациентов группы 2 и 56,3 % пациентов группы 3 ($\chi^2 = 7,058$; $p = 0,029$). По другим

изученным психосоциальным характеристикам – наличию / отсутствию психотравмирующего события, предшествующего обострению психического состояния, и последующей госпитализации в психиатрический стационар, особенностям психологического климата внутри семей (отношений с родственниками) и своеобразию внешнего вида (наличию татуировок, следов порезов) – статистически значимых различий между группами выявлено не было.

Результаты сравнительного исследования пациентов трех групп, полученные с помощью методов нестандартизированного патопсихологического исследования различных аспектов *познавательной деятельности*, не выявили значимых различий между группами по характеристикам произвольного внимания, кратковременной речеслуховой механической памяти, объему опосредованного запоминания. Одновременно выявлены различия между группами по наличию / отсутствию нарушений и характеру ассоциативной деятельности (табл. 2).

Диагностика ассоциативной сферы при помощи методики «Пиктограмма» выявляет статистически значимые различия между группами испытуемых. Умеренные либо выраженные нарушения ассоциативной сферы характерны для всех трех сопоставляемых групп – 79,9 %, при этом более выраженные нарушения ассоциаций встречаются чаще среди испытуемых группы 1 (с преобладанием когнитивного дефицита). По характеру ассоциативной продукции

Табл. 2. Ассоциативные процессы

Tab. 2. Associative processes

Характеристики	Группа 1 (n = 27)		Группа 2 (n = 44)		Группа 3 (n = 63)		Вся группа (n = 134)	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Ассоциативные процессы ($\chi^2 = 21,127$; $p = 0,001$)								
Нет нарушений	4	14,8	8	18,2	15	23,8	27	20,1
Умеренные нарушения	9	33,3	28	63,6	42	66,7	79	59,0
Выраженные нарушения	14	51,9	8	18,2	6	9,5	28	20,9
Характер ассоциативной продукции								
Вычурность	8	29,6	13	29,5	9	14,3	30	22,4
Абстрактность	18	66,7	19	43,2	26	41,3	63	47,0
Выхолощенность ($\chi^2 = 5,280$; $p = 0,071$)	10	37,0	6	13,6	11	17,5	27	20,1
Эмоциональная обедненность ($\chi^2 = 6,229$; $p = 0,044$)	17	63,0	31	70,5	32	50,8	80	59,7

среди сопоставляемых групп выявлены статистически значимые различия по частоте встречаемости абстрактных и выхожденных (пустая символика) образов. Оба нарушения значительно чаще встречаются в ассоциативной продукции испытуемых группы 1 (с когнитивным дефицитом).

В таблице 3 представлены результаты сравнения групп пациентов по частоте встречаемости нарушений трех основных компонентов мыслительной деятельности, выделенных в соответствии с патопсихологической классификацией нарушений мышления Б. В. Зейгарник [Зейгарник 2003: 211].

Статистически значимые различия между группами выявлены по частоте встречаемости нарушений мотивационного компонента мыслительной деятельности: среди испытуемых группы 1 (с преобладанием когнитивного дефицита), значительно чаще, чем в других группах, отмечаются такие нарушения, как разноплановость, резонерство, нецеленаправленность. Нарушение операционального компонента мышления (преимущественно в виде искажения процесса обобщения, опоры в суждениях на малозначимые, отдаленные, латентные признаки) характерно для большинства испытуемых независимо от характера намечающегося дефекта. Нарушение динамического компонента мышления практически не отмечалось у пациентов трех сравниваемых групп.

Таким образом, результаты исследования познавательной деятельности пациентов, перенесших первый психотический эпизод, с различным характером негативной остаточной симптоматики, показали, что между сравниваемыми группами отсутствуют различия в продуктивности активного внимания и отдельных видов памяти. Однако абстрактный (оторванный от реальности) и символический характер ассоциативной продукции, а также нарушения мотивационного компонента мышления значительно чаще встречались

в группе пациентов с преобладанием дефицитарности в когнитивной сфере.

В дальнейшем группы пациентов были сопоставлены по ряду **эмоционально-личностных и поведенческих параметров**.

По степени выраженности депрессии (итоговый показатель «Опросника депрессивности Бэка») статистически значимых различий между сопоставляемыми группами выявлено не было: в каждой из сравниваемых групп и в группе в целом средний количественный показатель депрессии соответствует уровню *умеренная депрессия*. Частотный анализ также не выявил различий по частоте встречаемости отдельных градаций уровня депрессии в сопоставляемых группах.

С помощью дисперсионного анализа (ANOVA) не было выявлено статистически значимых различий между показателями методики Мини-Мульт в трех сравниваемых группах. Все шкальные оценки во всех группах находятся в пределах нормативного диапазона. В каждой группе максимальные оценки получены по шкалам *шизофрения* и *психастения*. Апостериорные сравнения по методу Шеффе также не выявили различий между группами 1 и 2, 1 и 3, 2 и 3.

То же касается результатов сравнительного изучения копинг-стратегий и апостериорных сравнений. Все шкальные оценки методики «Способы совладающего поведения» в трех сравниваемых группах укладываются в нормативные значения. В каждой из групп преобладает неконструктивная копинг-стратегия *бегство-избегание*, направленная на когнитивное или поведенческое отстранение от решения проблемы, другие инфантильные формы поведения в стрессовых ситуациях: отрицание либо полное игнорирование проблемы, уклонение от ответственности и др.

Табл. 3. Нарушения мышления

Tab. 3. Cognitive disorders

Нарушения мышления	Группа 1 (n = 29)		Группа 2 (n = 46)		Группа 3 (n = 64)		Вся группа (n = 139)	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Операциональный компонент	26	96,3	41	89,1	52	82,5	119	87,5
Мотивационный компонент ($\chi^2 = 11,016$; $p = 0,004$)	22	81,5	21	45,7	29	46,0	72	52,9
Динамический компонент	1	3,7	3	6,5	2	3,2	6	4,4

Таким образом, сопоставление трех групп пациентов с преобладанием дефицитарности со стороны когнитивной сферы, либо со стороны эмоционально-волевой сферы, либо с отсутствием отчетливой дефицитарности не выявило существенных различий в эмоциональном состоянии, личностных характеристиках и стратегиях копинга.

В дополнение к сравнительному анализу особенностей личности и стратегий совладающего поведения в каждой из трех групп проведено сравнение шкальных оценок методик Мини-Мульт и «Способы совладающего поведения» с нормативными тестовыми данными, выраженными в системе стандартизованных оценок (Т-баллов).

В таблице 4 приведены статистически значимые и близкие к ним результаты сравнительного анализа психодиагностических показателей пациентов группы 1 (когнитивный дефицит) с нормативными данными. Показатели трех шкал методики Мини-Мульт в группе 1 (с преобладанием дефицитарности в когнитивной сфере) хотя и не выходят за границы условного нормативного диапазона ($T = 50+10$), но отличаются от нормативных показателей на статистически значимом уровне. Высоко значимые различия с нормой имеет показатель шкалы *шизоидность*, что показывает значительную большую представленность в структуре личности и психического состояния замкнутости, ограничения социальных контактов, своеобразия и непредсказуемости эмоций, поведения и мышления, других особенностей, составляющих ядро шизоидного типа личности, в группе пациентов по сравнению с выборкой стандартизации. Показатели шкал *ипохондри*

и *паранойяльность*, напротив, снижены по сравнению со средней нормой, что отражает невыраженность соответствующих компонентов в психологическом статусе пациентов группы 1.

В таблице 5 приведены статистически значимые и близкие к ним результаты сравнительного анализа психодиагностических показателей пациентов группы 2 (эмоционально-волевой дефицит) с нормативными данными. В группе 2 (с дефицитарностью в эмоционально-волевой сфере) значительно повышены по сравнению с тестовой нормой показатели шкал *психастения* и *шизоидность* методики Мини-Мульт. Соответствующие черты личности и психического состояния, потенцируя друг друга, определяют замкнутый, дистанцированный и одновременно тревожно-нерешительный, неуверенный рисунок поведения пациентов, переживание собственной инакости и несостоятельности. В соответствии с этим в структуре совладающего поведения по сравнению со средней нормой преобладает стратегия *бегство-избегание*, предполагающая уход от решения проблем, пассивность в преодолении трудных жизненных ситуаций; также снижен показатель стратегии *конфронтация*, предполагающий наступательную активность в разрешении трудных жизненных ситуаций; снижен показатель *положительная переоценка*, что отражает большую, чем в норме, фиксацию на неудачах, неспособность извлекать из проблемных ситуаций позитивный опыт. Показатель шкалы *самоконтроль* снижен, отражая большую эмоциональную неустойчивость и меньшую способность к волевому и интеллектуальному контролю своего поведения в стрессовых и проблемных ситуациях.

Табл. 4. Сравнение показателей методик Мини-Мульт и «Способы совладающего поведения» с нормативными данными в группе 1

Tab. 4. MMPI vs. Coping behavior test: group I

Показатели методик	М	δ	М	δ	Т-критерий	р
	Норма		Группа 1			
Мини-Мульт						
Нс – Ипохондрия	50,0	10,0	44,86	12,75	-2,135	0,042
Ра – Паранойяльность	50,0	10,0	45,89	10,15	-2,142	0,041
Sc – Шизоидность	50,0	10,0	57,68	11,88	3,419	0,002
Способы совладающего поведения						
Принятие ответственности	50,0	10,0	43,14	8,59	-2,112	0,079
Бегство-избегание	50,0	10,0	60,29	10,61	2,565	0,043

В таблице 6 приведены статистически значимые и близкие к ним результаты сравнительного анализа психодиагностических показателей пациентов группы 3 (без дефицитарности) с нормативными данными. В группе 3 (без клинически определяемой дефицитарности в когнитивной или эмоционально-волевой сферах) получено высоко статистически значимое преобладание показателей шкал *шизоидность* и *психастения* по сравнению со средней нормой, что, как и в группе 2, показывает сочетание в структуре личности выраженных шизоидных и психастенических черт, которые, усиливая друг друга, приводят к формированию своеобразного замкнутого поведения

на фоне тревожности и неуверенности в себе, склонности к фиксации на своих личностных и других недостатках; это сочетается с некоторыми депрессивными переживаниями, о чем свидетельствует повышение показателя шкалы *депрессия* по сравнению с нормой на уровне, близком к статистической значимости.

Среди стратегий копинга, как и в группах 1 и 2, в группе 3 показатель шкалы *бегство-избегание* существенно превышает нормативное значение. Полученный результат сравнения с нормой показывает, что для всей группы пациентов с расстройствами шизофренического спектра, перенесших первый психотический эпизод, наиболее выраженной

Табл. 5. Сравнение показателей методик Мини-Мульт и «Способы совладающего поведения» с нормативными данными в группе 2

Tab. 5. MMPI vs. Coping behavior test: group II

Показатели методик	М	δ	М	δ	Т-критерий	р
	Норма		Группа 2			
<i>Мини-Мульт</i>						
Pt – Психастения	50,0	10,0	55,08	13,80	2,734	0,009
Sc – Шизоидность	50,0	10,0	59,24	14,19	4,162	0,001
<i>Способы совладающего поведения</i>						
Конфронтация	50,0	10,0	42,52	14,50	-2,222	0,037
Самоконтроль	50,0	10,0	42,96	14,36	-2,061	0,052
Бегство-избегание	50,0	10,0	53,70	17,37	1,931	0,067
Положительная переоценка	50,0	10,0	43,26	15,15	-1,815	0,084

Табл. 6. Сравнение показателей методик Мини-Мульт и «Способы совладающего поведения» с нормативными данными в группе 3

Tab. 6. MMPI vs. Coping behavior test: group III

Показатели методик	М	δ	М	δ	Т-критерий	р
	Норма		Группа 3			
<i>Мини-Мульт</i>						
D – Депрессия	50,0	10,0	53,87	14,82	1,680	0,098
Pa – Паранойяльность	50,0	10,0	47,17	12,57	-1,742	0,087
Pt – Психастения	50,0	10,0	58,46	14,24	4,249	0,001
Sc – Шизоидность	50,0	10,0	58,76	12,38	5,187	0,001
<i>Способы совладающего поведения</i>						
Дистанцирование	50,0	10,0	44,41	13,25	-2,290	0,029
Бегство-избегание	50,0	10,0	58,91	12,93	4,020	0,001
Положительная переоценка	50,0	10,0	44,59	13,81	-2,208	0,035

(предпочитаемой) стратегией совладания со стрессом является именно эта неконструктивная стратегия, отражающая пассивность и уход от разрешения трудностей. Важно отметить, что у пациентов группы 3 уход осуществляется, скорее, на поведенческом, чем на когнитивном, уровне, т. е. путем физического отдаления от трудной ситуации, использования успокаивающих или снотворных средств, алкоголя и др. О поведенческом (а не когнитивном) характере ухода можно судить на основании снижения по сравнению с тестовой нормой показателя стратегии *дистанцирование*, которая, как и стратегия *бегство-избегание*, предполагает отстранение от стрессовой ситуации, но допускает использование когнитивных приемов обесценивания ситуации, снижения ее значимости; эти приемы, согласно полученным результатам, редко используются пациентами данной группы, так же как когнитивная стратегия *положительная переоценка* (показатель этой стратегии снижен по сравнению с нормативной выборкой).

Сравнительный анализ показателей эмоционально-личностной и поведенческой сфер пациентов трех групп был дополнен анализом частоты встречаемости **суицидального риска**, определенного с помощью «Шкалы оценки риска суицида». Выявлено, что высокий суицидальный риск значительно чаще встречался в группе 1 по сравнению с группами 2 и 3 (40,0 %; 8,3 %; 5,4 % соответственно; $\chi^2 = 12,138$; $p = 0,059$).

Заключение

При сопоставлении трех групп пациентов с различным характером негативной дефицитарной симптоматики обнаружен ряд статистически значимых различий клинических показателей, из которых для целей психосоциальной реабилитации, коррекции и вторичной профилактики наибольшее значение имеет наличие критики к своему актуальному состоянию и перенесенному психотическому эпизоду. Выявлено, что пациенты с преобладанием дефицита со стороны когнитивной сферы чаще демонстрируют отсутствие такой критики, что неминуемо негативно сказывается на терапевтическом альянсе с врачом (снижает преемственность лечения), выражается в негативном отношении к самому факту госпитализации в психиатрический стационар.

При анализе психосоциальных характеристик выявлено, что обе группы пациентов, как с когнитивным, так и с эмоционально-волевым дефицитом, в отличие от пациентов без выраженной дефицитарности, имеют трудности социальной адаптации, т. е. чаще не имеют

стабильной работы, удовлетворительных отношений с близкими людьми, не могут найти партнера, имеют трудности с обучением.

Сравнительное патопсихологическое исследование познавательной деятельности пациентов трех групп выявило более выраженные нарушения ассоциативных процессов и мотивационной стороны мышления у больных с когнитивным дефицитом, в отличие от исследования эмоционально-личностной и поведенческой сфер, в котором различия между группами не обнаружены, за исключением различий по частоте встречаемости риска суицидального поведения, значительно чаще встречающегося в группе пациентов с дефицитарностью в когнитивной сфере.

Получены также общие для трех групп и специфические отличия психометрических показателей пациентов от нормативных тестовых показателей, полученных на отечественных выборках. Так, общим для сопоставляемых групп является существенное преобладание по сравнению с нормой показателей *шизоидность* и *бегство-избегание*, отражающих соответствующие особенности личности и копинга. Отличия проявились в том, что в группе с преобладанием дефицитарности в когнитивной сфере *шизоидность* является единственным пиком в профиле личности, тогда как в двух других группах более выраженные (по сравнению с нормой) черты шизоидности сочетаются с преобладанием психастенических черт.

Полученные результаты исследования позволяют определить перспективы для дальнейшего углубленного изучения клинико-психологических особенностей молодых пациентов с тем или иным характером дефицитарности психической деятельности и наметить программу соответствующих психореабилитационных мероприятий, помимо уже существующих программ, основанных на выделении групп пациентов с разным уровнем реабилитационного потенциала.

К ограничениям настоящего исследования можно отнести дискуссионный характер преобладающего дефекта больных шизофренией. Как было отмечено выше, разделение пациентов на группы проведено клиническим путем, основанным на основе экспертной оценки врачей-психиатров и клинических психологов. Однако взгляды отечественных и зарубежных исследователей на характер и типологию резидуальной шизофрении значительно разнятся. Проведение в будущем аналогичного по дизайну исследования, но с применением надежных и валидных тестов для четкой дифференциации пациентов на группы сравнения по характеру негативной

симптоматики, позволило бы получить более объективную картину связи социально-демографических, клинических и психологических характеристик больных с тем или иным вариантом постпсихотической негативной симптоматики.

В целом задача предотвращения прогрессирования дефицитарной симптоматики как со стороны когнитивной, так и со стороны эмоционально-волевой сфер на ранних этапах болезни является остро актуальной, связанной с успешностью лечебно-реабилитационного процесса в клинике первого психотического эпизода, а потому требующей дальнейших исследований в этой области.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. В. Щетинина – обзор литературы, разработка дизайна исследования, сбор и анализ эмпирических данных, написание статьи и подготовка окончательной редакции текста.

О. Ю. Шелкова – разработка методологии исследования, анализ эмпирических материалов, редактирование текста статьи.

Г. П. Костюк – разработка методологии исследования, редактирование текста статьи.

Н. В. Чернов – разработка концепции, анализ эмпирических данных, формулирование выводов.

Contribution: E. V. Shchetinina performed the review, designed the research, collected and analyzed the empirical data, wrote and proofread the article.

O. Yu. Shchelkova developed the methodology, analyzed the empirical data, and proofread the text.

G. P. Kostyuk developed the methodology and proofread the text.

N. V. Chernov developed the research concept, analyzed the empirical data, and formulated the conclusions.

Литература / References

- Антохин Е. Ю., Будза В. Г., Горбунова М. В., Крюкова Е. М., Кустова Ю. А., Моисеев С. В. Копинг-поведение у больных шизофренией с первым психотическим эпизодом и его динамика в процессе психообразования. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2008. Т. 18. № 3. С. 5–12. [Antokhin E. Yu., Budza V. G., Gorbunova M. V., Kryukova E. M., Kustova Yu. A., Moiseyev S. V. Coping behavior in schizophrenic patients with the first psychotic episode and coping dynamics in the course of psychoeducation. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, 2008, 18(3): 5–12. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qadiqb>
- Вассерман Л. И., Абабков В. А., Трифонова Е. А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика. СПб.: Речь, 2010. 191 с. [Wasserman L. I., Ababkov V. A., Trifonova E. A. *Coping with stress: Theory and psychodiagnostics*. St. Petersburg: Rech, 2010, 191. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qlyclp>
- Воловик В. М. О приспособляемости больных шизофренией. *Реабилитация больных психозами*, ред. М. М. Кабанов, К. В. Корабельников, Р. А. Зачепиский. Л.: Ленингр. науч.-исслед. психоневрол. ин-т, 1981. С. 62–71. [Volovik V. M. Adaptability in patients with schizophrenia. *Rehabilitation of patients with psychosis*, eds. Kabanov M. M., Korabelnikov K. V., Zachepitsky R. A. Leningrad: Leningrad Research Psychoneurol. Institute, 1981, 62–71. (In Russ.)]
- Гурович И. Я., Шмуклер А. Б., Лобов Е. Б. Клиника первого психотического эпизода (дневной стационар или отделение с режимом дневного стационара, профилированные для помощи больным с первым психотическим эпизодом шизофрении). М., 2003. 23 с. [Gurovich I. Ya., Shmukler A. B., Lobov E. B. *First-episode psychosis: Day-care hospital, specialized for helping patients with the first-episode psychotic schizophrenia*. Moscow, 2003, 23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yumicj>
- Дмитриева Е. Г., Даниленко О. А., Корнетова Е. Г., Семке А. В., Лобачева О. А., Гуткевич Е. В., Каткова М. Н. Комплаенс и его влияние на адаптацию пациентов с шизофренией. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2014. № 3. С. 18–23. [Dmitrieva E. G., Danilenko O. A., Kornetova E. G., Semke A. V., Lobacheva O. A., Gutkevich E. V., Katkova M. N. Influence of compliance on schizophrenic patients. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2014, (3): 18–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sxkqij>
- Зайцев В. П. Русский вариант психологического теста Mini-Mult. *Психологический журнал*. 1981. Т. 2. № 3. С. 118–123. [Zaitsev V. P. Russian adaptation of the MMPI. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1981, 2(3): 118–123. (In Russ.)]

- Зейгарник Б. В. Патопсихология. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2003. 208 с. [Zeigarnik B. V. *Pathopsychology*. 2nd ed. Moscow: Academia, 2003, 208. (In Russ.)]
- Карякина М. В. Когнитивные нарушения при шизофрении: мнение группы экспертов о современном состоянии проблемы. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2022. Т. 32. № 3. С. 83–90. [Karyakina M. V. Cognitive impairment in schizophrenia: Expert group opinion on the current state of art. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, 2022, 32(3): 83–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dvniq>
- Мосолов С. Н., Ялтонская П. А. Развитие концепции, классификация и клиническая дифференциация негативных симптомов при шизофрении. *Современная терапия психических расстройств*. 2020. № 1. С. 2–14. [Mosolov S. N., Yaltonskaya P. A. Concepts, classification and clinical differentiation of negative symptoms in schizophrenia. *Modern therapy of mental disorders*, 2020, (1): 2–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21265/PSYPH.2020.15.30.001>
- Незнанов Н. Г., Шмуклер А. Б., Костюк Г. П., Софронов А. Г. Первый психотический эпизод: эпидемиологические аспекты организации помощи. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2018. Т. 28. № 3. С. 5–11. [Neznanov N. G., Shmukler A. B., Kostyuk G. P., Sofronov A. G. The first psychotic episode: Epidemiological aspects of care provision. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, 2018, 28(3): 5–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xyhkkl>
- Пеккер М. В., Гвоздецкий А. Н., Щелкова О. Ю. Экспериментально-психологическая оценка критичности больных параноидной шизофренией на основе изучения когнитивных функций. *Клиническая и специальная психология*. 2022. Т. 11. № 1. С. 164–191. [Pekker M. V., Gvozdetskiy A. N., Shchelkova O. Yu. Experimental psychological evaluation of lack of insight in paranoid schizophrenia patients: Cognitive function assessment. *Clinical Psychology and Special Education*, 2022, 11(1): 164–191. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110108>
- Петрова Н. Н., Павлова-Воинкова Е. Е. Терапевтический ответ и прогноз течения у больных с первым эпизодом шизофрении. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2018. Т. 28. № 3. С. 12–17. [Petrova N. N., Pavlova-Voinkova E. E. Therapeutic response and prognosis in first-episode schizophrenia patients. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, 2018, 28(3): 12–17. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xyhkkl>
- Петрова Н. Н., Цыренова К. А. Негативная и когнитивная симптоматика на разных этапах течения шизофрении. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2023. Т. 33. № 1. С. 5–11. [Petrova N. N., Tsyrenova K. A. Negative and cognitive symptoms at different stages of schizophrenia. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, 2023, 33(1): 5–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ehesvm>
- Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения в клинике (практическое руководство). М.: Апрель-Пресс, 2010. 224 с. [Rubinshtein S. Ya. *Experimental methods of pathopsychology and clinical experience: Guidelines*. Moscow: April-Press, 2010, 224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qlxith>
- Смулевич А. Б., Дубницкая Э. Б., Лобанова В. М., Воронова Е. И., Жилин В. О., Колюцкая Е. В., Самойлова Е. Д., Сорокина О. Ю. Расстройства личности и шизофренический дефект (проблема коморбидности). *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 2018. Т. 118. № 11. С. 4–14. [Smulevich A. B., Dubnitskaya E. B., Lobanova V. M., Voronova E. I., Zhilin V. O., Kolyutskaya E. V., Samoilova E. D., Sorokina O. Yu. Personality disorders and schizophrenic defect (problems of comorbidity). *Zhurnal Nevrologii i Psikhatrii imeni S. S. Korsakova*, 2018, 118(11): 4–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17116/jnevro20181181114>
- Сторожакова Я. А., Холодова О. Е. Первый психотический эпизод: клинико-социальные и организационные аспекты помощи больным. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2000. Т. 10. № 2. С. 74–80. [Storozhakova Ya. A., Kholodova O. E. First-episode psychosis: Clinical, social, and organizational healthcare. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, 2000, 10(2): 74–80. (In Russ.)]
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с. [Tarabrina N. V. *Practical work on the psychology of post-traumatic stress*. St. Petersburg: Piter, 2001, 272. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vojuuf>
- Тарантова К. А., Зяблов В. А., Трущелев С. А. Медико-социальная характеристика пациентов клиники первого психотического эпизода. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 2022. Т. 122. № 1-2. С. 35–40. [Tarantova K. A., Zyablov V. A., Trushchelev S. A. Medical and social characteristics of patients of the first psychotic episode clinic. *Zhurnal Nevrologii i Psikhatrii imeni S. S. Korsakova*, 2022, 122(1-2): 35–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17116/jnevro202212201235>

- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Магурдумова Л. Г. Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения. *Суицидология*. 2013. Т. 4. № 3. С. 26–36. [Chistopolskaya K. A., Enikolopov S. N., Magurdumova L. G. Medical and socio-psychological approaches to suicidal behavior. *Suicidology (Russia)*, 2013, 4(3): 26–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rcwhkl>
- Шашкова Н. Г., Гажа А. К. Первый психотический эпизод: особенности оказания психиатрической помощи больным в современных условиях. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2020. Т. 30. № 2. С. 80–90. [Shashkova N. G., Gaza A. K. The first psychotic episode: Peculiarities of providing mental health services to patients under modern conditions. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, 2020, 30(2): 80–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/irbekz>
- Шмуклер А. Б. Клинико-психопатологический подход в системе реабилитации психически больных. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2020. Т. 30. № 1. С. 8–12. [Shmukler A. B. Clinical-psychological approach in the system of rehabilitation of mental patients. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, 2020, 30(1): 8–12. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yhngnn>
- Щетинина Е. В. Когнитивный и эмоционально-волевой дефицит как мишени психосоциальной реабилитации пациентов, перенесших первый психотический эпизод. *Психология. Психофизиология*. 2023. Т. 16. № 2. С. 49–56. [Shchetinina E. V. Cognitive and emotional-volitional deficits as targets of psychosocial rehabilitation of patients after the first psychotic episode. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*, 2023, 16(2): 49–56. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/havrid>
- Beck A. T., Ward C. H., Mendelson M., Mock J., Erbaugh J. An inventory for measuring depression. *Archives of General Psychiatry*, 1961, 4: 48–61. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1961.01710120031004>
- Corrigan P. W., Liberman R. P., Engel J. D. From noncompliance to collaboration in the treatment of schizophrenia. *Hospital and Community Psychiatry*, 1990, 41(11): 1203–1211. <https://doi.org/10.1176/ps.41.11.1203>
- Malla A. K., Norman R. M. G., Joobar R. First-episode psychosis, early intervention and outcome: What have we learned? *Canadian Journal of Psychiatry*, 2005, 50(14): 881–891. <https://doi.org/10.1177/070674370505001402>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lowdea>

Социально-психологические предпосылки определения понятия *правовые отношения*

Безносов Дмитрий Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 8045-7207

Scopus Author ID: 55953947800

don_bizon@inbox.ru

Аннотация: Проведен анализ научно-теоретических подходов к определению понятия *правовые отношения*. Актуальность исследования определяется необходимостью построения правового государства, устанавливающего сбалансированные правовые отношения. Проанализировано четыре подхода: юридический, субъект-объектный, морально-нравственный и социально-психологический. С точки зрения юридического подхода правовые отношения – это отношения, регулируемые нормами права. В субъект-объектном подходе правовые отношения понимаются как взаимоотношения субъектов, обладающих правами и реализующих их по отношению друг к другу и к объектам, включенным в правовое поле. Согласно морально-нравственному подходу, основой формирования системы права в обществе являются нравственность и мораль. Новизна исследования заключается в разработке поэтапного формирования права в процессе развития общества. На первом этапе происходит образование нравственных норм в процессе непосредственной коммуникации членов сообщества. Второй этап связан с усвоением индивидом норм и формированием морали. На третьем этапе осуществляется формирование норм права. Четвертый этап завершается законодательным закреплением правовых норм. В результате теоретического анализа было выявлено четыре социально-психологических процесса образования правовых норм: а) неформальная межличностная коммуникация, направленная на формирование норм нравственности; б) интериоризация нравственных норм поведения в индивидуальном сознании, формирование морального сознания; в) экстериоризация морально-нравственных норм в общественном сознании, формирование правового сознания; г) легитимизация морально-нравственных норм и законодательное оформление правовых норм. В социально-психологическом подходе рассмотрены такие принципы правовых отношений, как чувства справедливости и равноправия.

Ключевые слова: правовые отношения, правовые нормы, субъекты права, объекты права, нравственность, мораль, право

Цитирование: Безносов Д. С. Социально-психологические предпосылки определения понятия *правовые отношения*. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 223–234. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-223-234>

Поступила в редакцию 08.03.2024. Принята после рецензирования 29.03.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Theoretical Approaches to the Concept of Legal Relations

Dmitrii S. Beznosov

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 8045-7207

Scopus Author ID: 55953947800

don_bizon@inbox.ru

Abstract: A state governed by the rule of law establishes balanced legal relations. This article describes four scientific and theoretical approaches to the concept of legal relations, i.e., legal, subject-object, moral, and socio-psychological. According to the legal approach, legal relations are regulated by law. The subject-object approach defines legal relations as those that occur between subjects who possess certain rights and exercise them in relation to each other

or to the objects in the legal field. According to the moral approach, society builds the system of law based on moral principles. This approach offers a step-by-step formation of law in the process of social development. Stage 1 shapes moral norms as a result of direct communication between community members. Stage 2 is associated with the individual assimilation of norms and the formation of morality. Stage 3 presupposes the arrival of legal norms. Stage 4 ends with the legislative consolidation of legal norms. The theoretical analysis revealed four socio-psychological processes in the development of legal norms: a) informal interpersonal communication yields moral norms, b) moral behavior patterns become internal, and moral consciousness appears; c) moral norms are exteriorized in the public consciousness, thus leading to legal consciousness; d) moral norms are legitimized, and legal norms become law. The socio-psychological approach considers such principles of legal relations as the sense of justice and equality.

Keywords: legal relations, legal norms, subjects of law, objects of law, morality, ethics, law

Citation: Beznosov D. S. Theoretical Approaches to the Concept of Legal Relations. *SibScript*, 2024, 26(2): 223–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-223-234>

Received 8 Mar 2024. Accepted after peer review 29 Mar 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Проблемы права привлекали внимание всех членов общества на протяжении истории, особенно ученых. Между правоведением и психологией исторически сложилось тесное взаимодействие. В зарубежной и отечественной науке обсуждается роль психологических явлений, составляющих основу правовых норм, правового сознания и правового поведения. В философской и юридической литературе проходила длительная дискуссия о соотношении естественного и позитивного права. Философы поставили вопросы: является ли право явлением естественным, природным; возникает ли право в ходе естественного развития человеческого сообщества; или, напротив, право – это явление социальное, которое было создано людьми в процессе межличностных коммуникаций и совместной трудовой деятельности.

Голландский юрист Г. Гроций в XVII в. рассматривал человека как социальное существо. Источником естественного права является разум человека. Г. Гроций пытался объединить представления о естественном и социальном праве на основе психического развития человека и подчеркивал, что право возникает на основе совместной деятельности людей [Гроций 2023]. Сторонниками социальной природы права выступали французские энциклопедисты. Так, Ж. Ж. Руссо описывал идеальное состояние правовых отношений в обществе, которое складывается только на основе соглашения людей, заключивших общественный договор [Морлей 2012]. Он утверждал, что народ повинен законам только в том случае, когда является их творцом [Ж.-Ж. Руссо: Pro et Contra 2005].

И. Кант настаивал на праве государственных органов формировать законодательство и влиять

на правовое сознание граждан. Совершенное право, утверждал он, приносит государству благо, а несовершенно, напротив, приводит к разрушению государства [Кант 2021; 2023]. Г. Гегель придавал огромное значение пониманию психологической и морально-этической природы права. Он считал, что право создается в результате духовной деятельности личности. Правовые отношения основываются на взаимном уважении людей [Гегель 1990]. М. Вебер понимал право как легитимный порядок, который гарантирован возможностями представителей государственных органов морального или физического принуждения. Их функциями является охрана порядка и предотвращение нарушений посредством применения силы [Вебер 1990]. Австрийский юрист О. Эрлих подчеркивал тесную связь психики и права. На основе анализа юридической социологии он обнаружил, что право создается не законодательными органами страны, не наукой юриспруденцией, не судебной практикой. Понимание необходимости правовых норм и правовых отношений возникает в общественном сознании. О. Эрлих разработал концепцию «живого» права, которое появляется в сознании людей гораздо раньше того, как оно фиксируется в законодательстве [Эрлих 2011].

В российской философии и правоведении также велась широкая дискуссия о естественной или социальной природе права. Декабристы стали основоположниками прогрессивного понимания природы права и правовых отношений. Они активно изучали историю формирования права в России и Европе. Н. М. Муравьев внес огромный вклад в развитие идеи правовых отношений, разработал три проекта Конституции, определил принципы законности, описал

гарантии неприкосновенности личности, создал демократические принципы судебного процесса. Источником верховной власти в стране, по его мнению, является народ. Поэтому надо бороться за создание конституционной монархии в России, законодательно оформить принцип разделения властей [Полищук 2005]. Е. Н. Трубецкой проанализировал различные определения понятия *право*. Он предлагал такие определения: «Право есть внешняя свобода, представленная и ограниченная нормой»; «Право есть совокупность норм, с одной стороны, представляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях» [Трубецкой 1998: 79].

В российской науке проблемы природы права активно обсуждались с середины XIX в. Позиции, декларирующей социальную природу права, придерживались И. А. Ильин [Ильин 1993а; 1993b; 2014], К. Д. Кавелин, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов [Коркунов 2010], С. А. Муромцев, И. А. Покровский, В. И. Сергеевич, П. А. Сорокин. Противоположную позицию занимали П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский, В. М. Гессен, И. В. Михайловский, Л. И. Петражицкий.

В. С. Соловьев создал учение о праве и различал право позитивное (социальное) и право естественное. Право возникает в процессе исторического развития одновременно с другими явлениями общественной жизни – языком, религией, художественным творчеством. В праве заложен поиск справедливости, равноправия во взаимоотношениях людей. Философ был не согласен с противопоставлением социального и естественного права. Он подчеркивал их единство и тесную взаимосвязь [Соловьев 1899].

Л. И. Петражицкому принадлежит идея о взаимосвязи права с психикой человека. Право, по его мнению, есть более высокое и совершенное явление, чем мораль. В своей концепции о соотношении права и психологии Л. И. Петражицкий понимал право как явление психическое. Право – это психологический фактор общественной жизни. Право представляет собой определенный механизм селекции необходимых для функционирования общества норм поведения. К функциям права он относил координацию индивидуального и массового поведения; отбор желательных для всего общества норм поведения с помощью поощрений и принуждений, наград и наказаний; воплощение в действительность этических устремлений и ценностей человечества. Право регулирует поступки людей, а не их интересы [Медушевский 1993].

Психологи также рассматривают взаимосвязь биологических и социальных основ психики человека как основную научную проблему [Халфина 1974]. Этот вопрос отразился и на понимании природы права в философии и юриспруденции. Естественная природа права отражает биологические основы психики, а позитивное право – социальные.

Цель статьи – на основе синтеза различных теоретических подходов к понятию *правовые отношения* дать его научно обоснованное определение. Задачи: 1) проанализировать основные научные подходы к понятиям *право* и *правовые отношения*; 2) на основе анализа научной литературы разработать этапы формирования права в процессе развития общества; 3) определить основные социально-психологические процессы, оказывающие влияние на формирование правовых норм и правового сознания; 4) рассмотреть принципы правовых отношений, основанные на нормах справедливости и равноправия.

Актуальность работы заключается в том, что социальная психология правовых отношений является новым научным направлением в социальной и юридической психологии. Разработка теоретических, методологических и научно-практических проблем может повысить интерес психологов к различным проблемам социально-правовой психологии.

Результаты

Анализ научной литературы позволил нам выделить четыре основных научных подхода к определению понятия *правовые отношения*: юридический подход; субъект-объектный; морально-нравственный; социально-психологический.

Юридический подход

С позиций этого подхода правовые отношения рассматриваются как отношения, регулируемые нормами права, установленными в государстве. В центре внимания юристов находится проблема правовых норм, определяющих правовые отношения.

В конце XIX в. понятие *правовые отношения* вошло в понятийный аппарат юридической науки. В отечественном правоведении это понятие стало активно использоваться после публикации в 1974 г. монографии Р. О. Халфиной «Общее учение о правоотношении». Автор подчеркивала, что правовые отношения носят общественный характер и формируются между гражданами для регуляции их жизнедеятельности на основе законодательства [Халфина 1974]. В правовых отношениях участвуют физические или юридические лица,

обладающие правовым статусом и выполняющие соответствующие обязательства.

Н. И. Полищук разработал теорию правовых отношений, учитывающую психологические и социально-психологические факторы. В понятие *правовое отношение* он логично включил мотивационные и волевые составляющие правового поведения, которые определяют динамику развития правовых отношений. Общественные и правовые отношения влияют на правовое поведение людей, что является показателем эффективности работы правовой системы. Правовые отношения формируются под воздействием норм права. Участникам правовых отношений государством гарантируются юридические права и обязанности нести ответственность за ущерб их противоправных действий [Полищук 2005].

В основные признаки правовых отношений включаются:

1. Правовые отношения представляют собой разновидность общественных отношений. Они складываются между людьми на основе юридических законов, определяющих взаимные права и обязанности. Реализация общественных отношений требует законодательного оформления взаимоотношений людей с учетом их интересов.

2. Правовые отношения регулируются правовыми нормами.

3. В психологическом плане правовым отношениям присущи волевые, осознанные свойства. Для того чтобы поведение участников взаимоотношений соответствовало нормам права, необходимы волевые усилия людей. Они должны сознательно выполнять предоставленные им права и взятые на себя обязательства. Правовые отношения не могут формироваться между людьми с психическими отклонениями, что препятствует осознанию ими своих прав и выполнению обязанностей.

4. Правовые отношения персонифицируются, т. к. их носителями являются конкретные юридические или физические лица, наделенные правами и обязанностями.

5. Правовые отношения гарантированы государственным законодательством, что составляет основу общественного правопорядка [Поздняков 2017].

Соответственно, в юридической науке правовые отношения понимаются как регулируемое нормами права общественное отношение, наделяющее участников определенными правами и обязанностями. Устойчивые, законодательно оформленные правовые отношения, по мнению зарубежных авторов,

являются основой человеческой социальности, формируют взаимное доверие людей друг к другу, обеспечивают безопасность и правовое регулирование жизнедеятельности [Claridge 2019; Dirks, de Jong 2022; Kurowski, Szymanic 2020; Legood et al. 2023; Yuldasheva et al. 2022].

В юридической науке сложилось понимание правовых отношений в широком и узком смыслах. Широкий смысл подразумевает особые формы социального взаимодействия, возникающие спонтанно. В процессе взаимодействия люди договариваются о своих правах и обязанностях и осуществляют их способом, не запрещенным законом. Узкий смысл правовых отношений означает, что они представляют собой вид общественных отношений, который регулируется юридическими нормами.

Различные социальные конфликты возникают в случаях, когда взаимоотношения участников не урегулированы нормами права. Бесправность и необязательность субъектов таких отношений создает психологическую почву для появления и разрастания конфликтных ситуаций.

П. П. Серков перечисляет различные виды правовых отношений, регулирующих взаимоотношения участников взаимодействия в самых различных ситуациях; процесс разрешения конфликтов, например судебные споры; организацию административного управления; финансовые взаимоотношения участников; налоговые обязательства; трудовые споры; брачно-семейные отношения; жилищные споры и т. д. [Серков 2018]. Структуру правовых отношений автор рассматривает с психологических позиций и включает в нее: 1) потребности субъектов взаимоотношений; 2) цели субъектов; 3) особенности объектов правоотношений; 4) обладание определенным правовым статусом, права и обязанности субъектов права [Серков 2018].

Таким образом, с юридической точки зрения правовые отношения определяются и регулируются правовыми нормами.

Субъект-объектный подход

В юридической литературе проводится широкая дискуссия об определении и согласовании понятий, описывающих феномен *правовые отношения*. Рассматривается соотношение понятий *субъект, объект, участники правовых отношений, роль и структура правовых отношений*.

С. С. Алексеев подчеркивал существование множества и разнообразие объектов правовых отношений. Он считал, что объекты могут быть материальными

и нематериальными. Субъективными правами и обязанностями может обладать только субъект как личность, как член социального сообщества. Субъект является носителем правовых отношений в чисто юридическом смысле. Объект может быть элементом правового отношения только в том случае, если правовое отношение рассматривается в широком смысле и понимается в единстве юридической формы и фактического содержания [Алексеев 1981].

Взаимосвязь объектов и субъектов правовых отношений проанализировал Н. И. Полищук и описал два основных варианта. В основу классификации вариантов понимания правовых отношений он заложил критерий определения их объектов. Первый вариант взаимосвязи объектов и субъектов Н. И. Полищук назвал монистическим, т. е. объектом правовых отношений могут выступать только поступки или действия людей. Второй вариант обозначим как плюралистический, поскольку объектами правовых отношений могут быть самые разнообразные феномены, такие как материальные ценности (движимое и недвижимое имущество, финансы); духовные ценности (жизнь человека, его здоровье, честь, достоинство); ценности духовной культуры (произведения искусства, наука, компьютерные программы); ценные бумаги и документы (акции, деньги, аттестаты, дипломы); продукты деятельности участников правоотношений [Полищук 2005]. Вариант понимания объекта правовых отношений с точки зрения плюрализма значительно расширяет поле правовых отношений. Юристы в основном изучают правовые отношения с позиций монистического варианта, т. к. они анализируют особенности поведения людей. Психологи подходят к анализу правовых отношений с позиций плюралистического варианта, т. к. они исследуют психологические составляющие – духовные ценности, отношение к праву, правовое сознание и пр.

Взаимосвязь объектов и субъектов выражается в том, что правовые отношения устанавливаются и реализуются в процессе деятельности индивидуальных и коллективных субъектов. Индивидуальными субъектами (физическими лицами) являются все граждане государства. Они обладают определенными правами, вступают в различные правовые отношения – избирательные, семейные, административные, трудовые, уголовные, судебные и т. д. Коллективными субъектами являются государственные, коммерческие и общественные организации, включенные в правовые отношения как юридические лица.

В коллективные субъекты правовых отношений входят административно-территориальные объединения (города, округа, области, районы), субъекты федерального подчинения, избирательные округа, религиозные организации. К специфическим субъектам правовых отношений можно отнести различные социальные общности (народ, нация, население региона, трудовой коллектив). Это особые случаи, которые предусмотрены в законодательстве. Самым значимым субъектом правовых отношений является такая суверенная общественно-политическая организация, как государство.

Субъектами правовых отношений являются также должностные лица: прокуроры, судьи, судебные исполнители, работники правоохранительных органов и органов государственного управления. Закон наделяет их определенным правовым статусом. Решения и действия должностных лиц в государственных органах обязаны выполнять остальные субъекты права [Поздняков 2017].

Психологические проблемы субъектов права учитываются в правоведении фрагментарно, считает В. М. Поздняков. Юристы и психологи не поддерживают постоянный диалог, уделяют недостаточное внимание повышению психологической культуры юристов. Автор считает, что необходимо создать новую междисциплинарную науку – психологическую юриспруденцию, основанную на интегративной методологии. Объект психологической юриспруденции состоит в исследовании особенностей правовой активности различных субъектов права [Поздняков 2017]. Субъектами права могут быть личность, организация, этническая, конфессиональная, профессиональная и иные общности.

Предмет психологической юриспруденции В. М. Поздняков видит в поиске психологических факторов, закономерностей и механизмов становления правового сознания, определении уровня правовой активности субъектов права, разработке психологических рекомендаций по оптимизации правовой идеологии и политики, системы творчества, профилактики правонарушений и т. д. В области психологической юриспруденции автор определил основные направления исследований:

- проведение исторического анализа закономерностей формирования правового сознания в различных социальных, этнических общностях;
- исследование психологических основ правового понимания, определение права как основного регулятора поведения;

- разработка психологических моделей творчества и правоприменения;
- использование психологического категориального аппарата в теориях права;
- изучение психологических факторов правонарушений и преступного поведения, совершенствование способов их предупреждения;
- изучение психологических особенностей юристов;
- анализ акмеологических проблем развития личности юристов и повышение ими своего профессионального мастерства [Поздняков 2017].

Таким образом, правовые отношения можно определить как отражение в сознании людей их субъект-субъектных и субъект-объектных отношений.

Морально-нравственный подход

В латинском языке слово *moralitas* означает традиции, принятые в обществе, содержащие представления о правильном или неправильном поведении, о том, что есть добро, а что – зло. Постепенно складывается система моральных, поведенческих и правовых норм.

Слово *нравственность* имеет славянские корни и происходит от слова *нрав*, обозначающего характер, образ действий человека. В словаре Российской Академии наук в 1789 г. нравственность определялась как правила поведения, стремление к добродетели, сообразность свободных деяний с законом¹.

П. П. Серков справедливо считает, что для консолидации общества правовых норм недостаточно, нужны мораль и нравственность. По его мнению, государственная власть основана на морально-нравственных нормах, которые предъявляют к человеку особые требования, например, поступать по совести, оценивать людей в соответствии с принципами справедливости. В своих исследованиях П. П. Серков обнаружил такую закономерность: нормы права усваиваются и соблюдаются людьми лучше, когда у них сформовался высокий уровень морального сознания. Утрата моральных принципов приводит к пренебрежению правовыми принципами [Серков 2018].

В классической немецкой философии проведен глубокий анализ генезиса нравственности, морали и права. И. Кант считал, что мораль необходима для четкого разделения добра и зла. Он придерживался представлений о естественном праве человека на жизнь и безопасность [Кант 2021; 2023]. И. Кант предложил принцип категорического императива, регулирующего моральные побуждения и суждения.

И. Г. Фихте придерживался мнения о том, что соотношение нравственности и морали представляет собой иерархическую систему, базу которой составляет нравственность как естественное природное побуждение человека, мораль возникает как более высокий уровень побуждений [Фихте 2014].

В книге «Философия права» Г. Гегель всесторонне проанализировал сущность морали. Различая понятия *мораль* и *нравственность*, Г. Гегель утверждал, что мораль субъективна, это нравственность конкретного индивида. Нравственность объективируется и объединяет людей конкретной общности [Гегель 1990]. Согласно Г. Гегелю, нравственность – первичное духовное образование, в ней представлена система правил и стереотипов поведения [Гегель 1990]. Философ разработал концепцию происхождения естественного права, морали и нравственности. Нравственность регулирует поведение людей в конкретной общности. Человек, усваивая правила нравственности, самостоятельно вырабатывает принципы морали. Взаимодействие людей в общности требует согласования правил нравственного поведения. У индивида на основе нравственных правил постепенно формируется моральное сознание, понимание долга и ответственности. Каждый человек самостоятельно утверждает для себя максимум поведения. Моральность субъекта автономна. Человек самостоятельно определяется в том, что есть добродетель, что такое должное поведение [Серков 2018; Сочилин 2014].

В основе нравственности и морали, по мнению Г. Гегеля, содержатся особенности взаимоотношений людей – взаимные симпатии, доверие, уважение. Это приводит к осознанию единства с другими людьми. По мнению Г. Гегеля, нравственные принципы, не усвоенные сознанием человека, приобретают качества неразумности, пассивности, бездействия. В то же время мораль, не основанная на нравственности, означает морализаторство, субъективизм и формальное, отстраненное отношение к человеку. Он подчеркивал, что нравственность формируется в сфере национальной культуры, опирается на чувства общности и взаимности. В связи с этим в человеческих сообществах существует большое количество разнообразных нравственных представлений [Серков 2020].

Г. Гегель считал, что человеку присуща способность чувствовать ответственность за свои поступки. У него возникают такие качества, как рефлексивность

¹ Нравственность. *Словарь Академии Российской*. СПб.: Имп. АН, 1979. Т. IV. М–Р. Стб. 559.

и оценка собственного поведения как морального или аморального. Посредством морали, утверждал Г. Гегель, человек обретает права. Согласно философу, развитие общественного сознания (абсолютного духа) соответствует триаде: нравственность – мораль – право. На первой стадии формируется нравственность, подчиняющая волю конкретного человека воле окружающих людей. На второй стадии, когда волей руководит внутренний автономный закон, у каждого конкретного человека формируется мораль. На третьей стадии появляется право. В этом случае волей человека руководит внешний источник, т. е. государство принимает и устанавливает единые для всех законы поведения [Гегель 1990].

Различия между понятиями *нравственность* и *мораль* в научной литературе обычно детально не анализируются. На основе изучения философской и психологической литературы по проблемам морали и права мы предлагаем рассматривать следующий генезис формирования нравственности, морали и права.

Опишем основные этапы формирования нравственности, морали и права. На **первом этапе** в результате неформальной коммуникации людей образуются нравственные нормы, определяющие правила поведения. Люди, вступая в неформальную межличностную коммуникацию, так или иначе договариваются между собой о правилах поведения, критериях оценки справедливого, честного отношения, ответственного и успешного поведения. Процесс коммуникации, таким образом, приводит к формированию нравственных норм, коллективному представлению о том, что безнравственно, а что нравственно, в чем проявляется справедливое, а в чем – несправедливое отношение [Оротов 1990]. Нравственность возникает на стадии объединения людей в единую социальную общность. Правила поведения до определенного времени формально не прописываются как нравственные нормы. Существует негласный общественный договор, элементарные формы общественного сознания, в которых фиксируются неформальные нормы, определяющие правила совместного проживания и деятельности.

На **втором этапе** формируется мораль. В процессе осознания и принятия нравственных норм у человека возникает особое внутреннее состояние сознания, состоящее из убеждений, социальных представлений о должном и справедливом. В определенном возрасте человек интериоризирует нравственные нормы, сложившиеся в его социальной общности.

Они входят в содержание его сознания и становятся моральным императивом поведения. Так человек обретает совесть, переживает чувства вины, греха, стыда, несправедливости. Развитие личности приводит к формированию морального сознания, объединяющего духовные элементы общественного и индивидуального сознания.

На **третьем этапе** определяются правовые нормы. Объединение людей в общество как формальную социальную систему требует создания официально закрепленных правовых норм. Создание государства приводит к формированию системы права. В истории различных государств легитимизация правовых норм может осуществляться двумя способами.

Первый способ применялся в историческом развитии многих государств. Правители, например, король, царь, султан, император и т. д., совместно со своими советниками разрабатывали систему правил и оповещали подвластный народ о его правах и обязанностях. Это способ авторитарного создания законодательства без учета потребностей, интересов и ценностей народа, населяющего данное государство. На протяжении истории такой способ применялся чаще всего в целях государственного управления. Например, из истории Российского государства хорошо известны «Русская правда» Ярослава Мудрого (1016), «Устав Мономаха» (1113), «Судебник» Ивана III Васильевича (1497), «Судебник» Ивана Грозного (1549–1550).

Второй способ – это формирование правовой системы на основе принципов демократии, выборности народных представителей, учет интересов и потребностей различных групп населения. При этом способе в наивысшей степени происходит экстериоризация морально-нравственных норм и их легитимизация в виде норм правовых. Люди делегируют своих представителей, формируется законодательное собрание, которое в процессе непосредственной межличностной коммуникации определяет и законодательно закрепляет права и обязанности граждан и государственных органов управления. Избранные народом представители официально определяют права и обязанности личности в данном социальном сообществе. В итоге происходит экстериоризация правовых норм, т. е. вынесение их из сферы индивидуального морального сознания в сферу общественного сознания, формируется правовое сознание. В законодательных собраниях осуществляется легитимизация морально-нравственных норм, оформление их в качестве норм правовых, зафиксированных в законодательстве страны.

Таким образом, развитие нравственности, морали и права представляется как поэтапный переход нравственного коллективного сознания членов социальной общности в индивидуальное моральное сознание личности. Затем морально-нравственное сознание проходит этап экстерииоризации, образуя общественное правовое сознание, и этап легитимизации в законодательных органах страны.

Историческая последовательность формирования системы права, проходя четыре этапа, включает четыре социально-психологических процесса. Нормы нравственности возникают на первом этапе в процессе неформальной коммуникации членов общности. Люди согласовывают свои представления о правилах поведения, о равенстве и справедливости. Интериоризация нравственных норм на втором этапе приводит к формированию морали как осознанных и принятых индивидом норм поведения, разработанных в общности. Экстерииоризация морально-нравственных норм в общественном сознании на третьем этапе способствует возникновению правовых норм. На **четвертом этапе** осуществляется их легитимизация в законодательстве страны. Итак, в психологическом плане формирование морально-нравственных и правовых норм осуществляется как переход от внешних межличностных коммуникаций людей к внутриличностному принятию, и в процессе внешнего межличностного взаимодействия формируется система права.

На рисунке представлены четыре основных социально-психологических процесса формирования правовых норм: межличностная коммуникация, внутриличностная интериоризация, общественная экстерииоризация, законодательная легитимизация.

Нравственные нормы регулируют поведение человека в соответствии с ожиданиями и требованиями

окружающих людей. В сознании человека возникает формула: *Я соответствую требованиям!* Нравственные нормы предназначены для того, чтобы человек в своем поведении приносил другим людям пользу, а не вред.

Моральные нормы направляют и стимулируют человека к выполнению своих обязанностей перед другими людьми. В процессе социализации появляется понимание долженствования. Формулировки сознания усложняются, появляется формула: *Я должен!* Моральные нормы формируют чувство ответственности перед другими людьми.

Правовые нормы требуют от человека соблюдения прав и интересов других людей, одновременно защищая его от бесправия, угнетения, дискриминации, которые могут появиться в процессе совместной деятельности. В сознании образуется еще более сложная формула: *Я реализую свои права и, соблюдая права других, защищен от бесправия!* Человек понимает, что он находится под защитой системы права, что существует законодательство, работают специальные правоохранительные органы. Только система права защищает человека.

Право формирует осознание своих прав, мораль – осознание своих обязанностей, а нравственность – осознание требований окружающих. Без понимания ожиданий и требований, которые предъявляют к индивиду другие люди, он не может осознать свои обязанности. Без осознания обязанностей нет понимания своих прав. Совокупность правовых и морально-нравственных норм приводит к зрелому правовому сознанию, реалистичному отношению к праву. Гармоничное сочетание норм нравственности, морали и права формирует здоровые и стабильные правовые отношения.

Рис. Основные социально-психологические процессы формирования правовых норм
Fig. Socio-psychological processes in the formation of legal norms

Рассмотрим два варианта соотношения моральных и правовых норм. Первый вариант предполагает отсутствие легитимизации правовых норм в обществе или их разрушение. В то же время наблюдается господство жестких моральных норм, что может привести к деформации правовых отношений, нарушаются гражданские, трудовые, жилищные и прочие права членов общества. У людей появляются чувства бесправия, покорности и смирения перед властью имущими. На протяжении истории различные религиозные конфессии, особенно религиозные секты, старались выработать стройную систему требований к поведению человека без опоры на правовые нормы.

Второй вариант, напротив, описывает нарушение морально-нравственных норм, придавая главенствующее значение правовым институтам в общественных отношениях, не учитывая роль норм морали и нравственности. Это также может привести к деформации правовых отношений, способствовать моральному разложению общества.

Формирование стройной системы правовых норм, но отрицание норм морали, которые были созданы и проверены на практике в процессе жизни многих поколений, в настоящее время можно наблюдать в современной Европе. Примерами служат: законодательное разрешение однополых браков, усыновление ими детей, часто бывают случаи лишения граждан других государств, особенно в странах Северной Европы, родительских прав на воспитание своих детей и т. п.

Таким образом, правовые отношения – это гармоничное сочетание морально-нравственных и правовых норм, что приводит к зрелым и стабильным общественным отношениям, высокому уровню развития правового сознания и правовой культуры. Правовые отношения определяются совокупностью прав и обязанностей членов общества, проявляются в их отношении друг к другу, к государственным и правоохранительным органам, к системе власти.

Социально-психологический подход

Понятие *отношение* находится в центре внимания психологической науки. Психологи изучают различные виды отношений: межличностные и общественные, межгрупповые и внутригрупповые. Правовые отношения изучаются во взаимосвязи юридической и социальной психологии.

Первым и основным психологическим компонентом правовых отношений является чувство справедливости. Люди понимают, что для того чтобы построить свои общественные отношения, необходимо

обращаться к принципу справедливости, например, при определении меры наказания за правонарушение и пр. При разработке норм права, принятии законодательства люди специально обсуждают вопрос о том, что представляют собой справедливость, а что – несправедливость. Правовая норма формируется как результат договоренности о мере справедливости. Мера справедливости – это субъективное, психологически глубоко переживаемое чувство взаимоотношений с людьми. Правовая норма – это объективация справедливости, возникшая как результат договоренности. На принятие любой правовой нормы затрачивается много времени. Правовая норма проходит длительное согласование с разными государственными инстанциями. Правовая норма – результат общественного договора.

Второй психологический компонент, воздействующий на формирование правовых отношений, это признание социального равенства, равноправного участия в общественной жизни каждого члена общества. Понимание и признание равенства является социальной нормой, которая в процессе социализации осознается и интериоризируется личностью.

Нормы равенства и справедливости усваиваются в процессе воспитания [Campbell 1976]. На их основе формируются правовые нормы и социально-психологические установки, регулирующие правовые отношения. При нарушении норм равенства и справедливости возникают серьезные психологические последствия: снижается взаимное доверие людей, доверие к органам государственной власти, особенно к органам правосудия. Результатом является деформация правовых отношений, нарушение естественных социальных отношений, сложившихся столетиями, снижение уверенности людей в будущем, в возможности отстаивать свои права и добросовестно исполнять обязанности.

При исследовании правовых отношений важно учитывать кросс-культурные различия. Процессы формирования правовых систем и правовых отношений в различных государствах отличались следующими особенностями.

Во-первых, в истории развития правовой системы практически в каждом государстве происходили культурные заимствования. Феномен культурного заимствования в теории культурологии получил название *культурная диффузия*, что означает отказ или принятие достижений одной культуры со стороны другой. Культурные заимствования происходили постоянно в течение всей истории развития человечества.

В теории государства и права утверждается, что европейское и российское право основывается на принципах римского права. Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., была выстроена в соответствии с законодательством европейских государств, что было явным культурным заимствованием. Впоследствии, 30 декабря 2008 г., 5 февраля 2014 г., 15 января 2020 г. в Конституцию РФ внесли поправки, которые были одобрены гражданами российского общества².

Во-вторых, особенностью заимствований является то, что они происходят постоянно, но всегда избирательно. В мире не существует универсальной системы права, каждая страна избирательно относится к своему праву и выбирает не просто наиболее прогрессивные правовые постулаты, а только те, которые соответствуют интересам и психологии народа, его истории и обычаям, целям развития общества, системе ценностей, социальным представлениям о справедливости и несправедливости. Если законодательство страны построить так, что оно будет противоречить ценностям, ожиданиям, социальным представлениям, народной оценке справедливости / несправедливости, то правовые отношения могут быстро деформироваться, приобрести непредсказуемый или даже преступный характер.

В-третьих, изменения некоторых правовых отношений становятся символическими и значимыми событиями в государстве и оказывают значительное влияние на его дальнейшее развитие. Примером может служить отмена крепостного права в 1861 г., что принципиально изменило правовые отношения в России в конце XIX в. и стало для всех последующих поколений россиян знаковым событием.

В-четвертых, изменение значимых правовых отношений становится в обществе необратимым. Например, невозможно вернуться к системе крепостного права или лишить женщин права голоса на выборах, ограничить их участие в общественной жизни страны, в системе управления. Однако в некоторых государствах победившие антиправительственные группировки в результате революционных переворотов пытаются вернуть прежние общественные и правовые отношения, например в Ливии в 2011 г., или в результате вывода американских войск из Афганистана в 2021 г. Но как показывает история, революционные перевороты приводят только к полному разрушению

права и правовых отношений, на восстановление которых необходимо затратить много времени и энергии народа. Изменение правовых отношений связано с динамикой политических и экономических событий, влияющих на жизнедеятельность людей.

Итак, с точки зрения социально-психологического подхода зрелые, стабильные правовые отношения образуются на основе норм права, формируются на принципах справедливости и равенства, представляют собой совокупность официальных и неофициальных прав и обязанностей членов общества. Правовые отношения имеют разнонаправленный характер. Они складываются между конкретными людьми, между людьми и государственными институтами, органами власти, правоохранительными органами.

Заключение

Правовые отношения – это отношения, включенные в особое смысловое пространство, объединяющее представления о природе права, о нравственности и морали, о правах и обязанностях субъектов правовых отношений, о справедливости и равноправии. В философской науке была поставлена и проанализирована проблема происхождения права. Право имеет и естественную, и социальную природу, являясь связующим звеном между биологической и социальной природой человека. Было логично и обоснованно доказано, что право тесно взаимосвязано с нравственностью и моралью, формируется под их влиянием. Созданные людьми морально-нравственные нормы служат основой правовых норм.

Проанализированные нами четыре теоретических подхода к определению понятия *правовые отношения* тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Юридический подход опирается исключительно на понятие *правовые нормы*, в большинстве случаев не затрагивая морально-нравственные и социально-психологические аспекты. Субъект-объектный подход, соответственно, сосредоточил свое внимание на взаимоотношениях субъектов, обладающих определенными правами и выполняющих надлежащие обязанности. Морально-нравственный подход является перспективным, поскольку раскрывает генезис происхождения права и правовых отношений. Социально-психологический подход сконцентрировал внимание на таких элементах индивидуального и правового сознания, как чувства справедливости и равенства.

² Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с. [Alekseev S. S. *General theory of law*. Moscow: Iurid. lit., 1981, vol. 1, 360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rlstqd>
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с. [Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, 804. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sguyor>
- Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с. [Hegel G. *Philosophy of Law*. Moscow: Mysl, 1990, 524. (In Russ.)]
- Гроций Г. О праве войны и мира. М.: АСТ, ОГИЗ, 2023. 909 с. [Grotius H. *On the laws of war and peace*. Moscow: AST, OUIZ, 2023, 909. (In Russ.)]
- Ж.-Ж. Руссо: Pro et Contra. СПб.: ПХГА, 2005. 832 с. [Rousseau J.-J. *Pro et Contra*. St. Petersburg: RСАН, 2005, 832. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wxzczz>
- Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Порог, 1993а. 235 с. [Ilyin I. *AEssence of legal consciousness*. Moscow: Rorog, 1993a, 235. (In Russ.)]
- Ильин И. А. Сочинения. Т. 1. Философия права. Нравственная философия. М.: Медиум, 1993б. 509 с. [Ilyin I. A. *Essays. Vol. 1. Philosophy of law. Moral philosophy*. Moscow: Medium, 1993b, 509. (In Russ.)]
- Ильин И. А. Теория права и государства. 2-е изд., доп. М.: Зерцало-М, 2014, 552 с. [Ilyin I. A. *Theory of law and state*. 2nd ed. Moscow: Zertalo-M, 2014, 552. (In Russ.)]
- Кант И. Критика практического разума. М.: Азбука, 2023. 256 с. [Kant I. *Critique of practical reason*. Moscow: Azbuka, 2023, 256. (In Russ.)]
- Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Директ-Медиа, 2021. 92 с. [Kant I. *Groundwork of the metaphysics of morals*. Moscow: Direkt-Media, 2021, 92. (In Russ.)]
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: РОССПЭН, 2010. 520 с. [Korkunov N. M. *Lectures on general theory of law*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 520. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbbngz>
- Медушевский А. Н. История русской социологии. М.: Высш. шк., 1993. 317 с. [Medushevskiy A. N. *History of Russian sociology*. Moscow: Vyscs. shk., 1993, 317 с. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyiqdn>
- Морлей Дж. Руссо. М.: Либроком, 2012. 480 с. [Morley J. *Rousseau*. Moscow: Librokom, 2012, 480. (In Russ.)]
- Поздняков В. М. Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики. *Психология и право*. 2017. Т. 7. № 1. С. 206–219. [Pozdnyakov V. M. Psychological jurisprudence as an interdisciplinary science and the area of psychological practice. *Psychology and Law*, 2017, 7(1): 206–219. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070117>
- Полищук Н. И. Эволюция идеи права и правовые отношения: вопросы теории и практики. СПб.: Юрид. ин-т, 2005. 269 с. [Polishuk N. I. *Evolution of the idea of law and legal relations: Issues of theory and practice*. St. Petersburg: Legal Institute, 2005, 269. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxfgnl>
- Серков П. П. Правоотношение: нравственность современного правового регулирования. М.: Норма, 2020, 688 с. [Serkov P. P. *Legal relationship: Morality of modern legal regulation*. Moscow: Norma, 2020, 688. (In Russ.)]
- Серков П. П. Правоотношения: теория и практика современного правового регулирования. Ч. 2. Очертания правовой универсальности. Ч. 3. Закономерность правовых закономерностей. М.: Норма, 2018. 1088 с. [Serkov P. P. *Legal relations: Theory and practice of modern legal regulation. Pt. 2. Outlines of legal universality. Pt. 3. Regularity of legal laws*. Moscow: Norma, 2018, 1088. (In Russ.)]
- Соловьев В. С. Право и нравственность: очерки из прикладной этики. СПб.: Я. Канторович, 1899. 182 с. [Solovyov V. S. *Law and morality: Essays from applied ethics*. St. Petersburg: Ia. Kantorovich, 1899, 182. (In Russ.)]
- Сочилин А. А. Этический смысл различения Гегелем «морали» и «нравственности». *Этическая мысль*. 2014. № 14. С. 160–174. [Sochilin A. A. The ethical meaning of Hegel's distinction between morality and ethics. *Ethical thought*, 2014, (14): 160–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjkkll>

- Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. 183 с. [Trubetsky E. N. *Encyclopedia of law*. St. Petersburg: Legal Institute, 1998, 183. (In Russ.)]
- Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: Канон+, 2014. 391 с. [Fichte J. G. *Foundations of natural law according to the principles of scientific teaching*. Moscow: Kanon+, 2014, 391. (In Russ.)]
- Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с. [Khalfina R. O. *General doctrine of legal relations*. Moscow: Iurid. lit., 1974, 351. (In Russ.)]
- Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: СПбУ, 2011. 704 с. [Ehrlich O. *Foundations of the sociology of law*. St. Petersburg: SPbSU, 2011, 704. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwneof>
- Campbell D. T. On the conflicts between biological and social evolution and between psychology and moral tradition. *Zygon*, 1976, 11(3): 167–208. <https://doi.org/10.1111/J.1467-9744.1976.TB00277.X>
- Claridge T. Sources of social capital. *Social Capital Research*, 2019. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8285209>
- Dirks K. T., de Jong B. Trust within the workplace: A review of two waves of research and a glimpse of the third. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 2022, 9: 247–276. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-012420-083025>
- Kurowski L., Szymanic P. Legal regulations impact on social capital. The case of Poland. *Slovak Journal of Political Sciences*, 2020, 20(2): 227–254. <https://doi.org/10.34135/sjps.200203>
- Legood A., van der Werff L., Lee A., den Hartog D., van Knippenberg D. A critical review of the conceptualization, operationalization, and empirical literature on cognition-based and affect-based trust. *Journal of Management Studies*, 2023, 60(2): 495–537. <https://doi.org/10.1111/joms.12811>
- Opatov S. Moral exclusion and injustice: An introduction. *Journal of Social Issues*, 1990, 46(1): 1–20. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1990.tb00268.x>
- Yuldasheva S. Z., Nizomov B. U., Kholova M. K. g., Eshtemirov A. N. o. Psychology of trust and security. *Journal of Academic Research and Trends in Educational Sciences*, 2022, 1(12): 153–161. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7429824>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/kqofue>

Содержательные характеристики развития самосознания детей в раннем онтогенезе

Груздева Ольга Васильевна

Красноярский государственный педагогический университет

имени В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 5989-6448

Scopus Author ID: 58320516700

olgagruzdevka@mail.ru

Улыбина Екатерина Владимировна

Красноярский государственный педагогический университет

имени В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 5301-3901

Аннотация: В настоящее время недостаточно изученными являются индивидуальные различия в сроках появления и совершенствования основных элементов самосознания детей раннего возраста. В литературе не представлены четкие механизмы руководства, апробированные программы, технологии психолого-педагогического сопровождения развития самосознания дошкольников, обеспечивающие оптимальное становление компонентов (звеньев) самосознания ребенка в раннем возрасте. Цель – определить содержательные характеристики развития компонентов (звеньев) самосознания детей раннего возраста. Исследование осуществлялось с опорой на выделенный В. С. Мухиной подход к развитию самосознания. Применены психодиагностический метод, методы количественной (статистический анализ) и качественной обработки данных. В результате определены особенности развития самосознания детей – ключевые компоненты актуального развития самосознания: идентификация со своим именем; осознание своей половой принадлежности; использование ребенком местоимения Я (как ключевое звено самосознания в раннем возрасте). Подтверждена необходимость специальных целенаправленных действий в процессе психолого-педагогического сопровождения развития самосознания детей, в том числе на этапе становления отдельных его звеньев в раннем возрасте, с использованием ресурсов семьи и образовательного учреждения. Процесс сопровождения видим как процесс социализации (с момента начала посещения ребенком образовательного учреждения и организованного коллектива сверстников) для развития последующих структурных звеньев самосознания – притязание на признание, осознание своей половой принадлежности и осознание себя во времени.

Ключевые слова: ранний онтогенез, ранний возраст, самосознание, половая идентификация

Цитирование: Груздева О. В., Улыбина Е. В. Содержательные характеристики развития самосознания детей в раннем онтогенезе. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 235–242. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-235-242>

Поступила в редакцию 23.08.2023. Принята после рецензирования 13.11.2023. Принята в печать 13.11.2023.

full article

Developing Self-Awareness in Children during Early Ontogenesis

Olga V. Gruzdeva

V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University,

Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 5989-6448

Scopus Author ID: 58320516700

olgagruzdevka@mail.ru

Ekaterina V. Ulybina

V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University,

Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 5301-3901

Abstract: Basic elements of self-awareness emerge and progress differently in different children. These timing peculiarities remain understudied in preschoolers. A comprehensive review revealed no clear guidelines, procedures, or technologies for psychological and pedagogical support of self-awareness in preschoolers. The authors studied the development of each component of self-awareness and the links between them. The research relied on the approach developed by V. S. Mukhina. The methods included psychodiagnostic testing, expert assessment, psychological

experiment, statistical analysis, and qualitative data processing. The key components of self-awareness development included the following stages: identification with one's own name; awareness of one's own gender identity; use of the pronoun "I", which is an essential self-awareness link in young children. The psychological and pedagogical support of self-awareness development requires target actions for each link, as well as conscious efforts and resources of the family and the educational institution. The process of support is a process of socialization that starts when the child joins an organized group of peers. It lays foundation for the subsequent structural links between different components of self-awareness, i.e., claim to recognition, further awareness of one's gender, and temporal self-awareness.

Keywords: early ontogeny, early age, self-consciousness, gender identity

Citation: Gruzdeva O. V., Ulybina E. V. Developing Self-Awareness in Children during Early Ontogenesis. *SibScript*, 2024, 26(2): 235–242. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-235-242>

Received 23 Aug 2023. Accepted after peer review 13 Nov 2023. Accepted for publication 13 Nov 2023.

Введение

Современный период развития российского общества характеризуется турбулентностью, нестабильностью и сложностями прогнозирования будущего [Груздева 2019; Кошель, Шкляр 2019: 622; Семедов и др. 2022; Chowbey, Barley 2022]. Новое поколение детей с самого рождения сталкивается с высокотехнологичными достижениями, растет и развивается в условиях постиндустриального информационного общества [Lee et al. 2023: 1756]. Современный ребенок – не такой, каким был его сверстник несколько десятилетий назад [Груздева 2019; Дремлюга 2020]. Происходит это ввиду того, что быстрыми темпами изменяются условия жизни, общественные устои, культура, нормы и способы социального взаимодействия, в том числе между поколениями, а также происходит модернизация процесса воспитания и образования подрастающего поколения [Буряк 2019: 60; Груздева 2018; 2019; Петруненко 2023: 225; Элибаева 2022].

Процесс глобализации, происходящий в обществе, повсеместное активное внедрение информационных технологий в различные процессы ведут к ситуации кризиса индивидуальной и коллективной идентичности [Османов, Лаврентьева 2022: 30; Семедов и др. 2022]. Изменения в микро- и макросреде приводят к наступлению индивидуальных кризисов, вызванных переменами в самосознании, изменении образа Я индивида при адаптации к новым условиям. Так, перед современным человеком возникает проблема переоценки собственных возможностей и ресурсов, изменения системы представлений о себе и формирования новых образов себя.

Быстрая смена ценностей порождает не только межпоколенный конфликт, но и внутриличностный [Груздева 2019], поэтому в настоящее время все чаще ставятся вопросы об индивидуальном пути развития

каждой личности и одновременно о ее включении, интеграции в пространство групповых социальных отношений [Pinto et al. 2015]. В рамках педагогической психологии поднимается вопрос о соотношении процессов индивидуализации и социализации при развитии детей дошкольного возраста. Решение данных вопросов напрямую зависит от компетентности педагогов и родителей, которые стоят у истоков формирования личности и самосознания детей [Болотова, Башкин 2009; Груздева 2018; 2019; Soydan, Akalin 2022].

В процессе теоретического анализа проблемы отмечено, что присутствует относительно небольшой массив современных исследований в отношении развития самосознания детей раннего возраста. Недостаток исследований содержательных характеристик самосознания определил необходимость нашего исследования.

На первом этапе нами выделены результаты научных исследований зарубежных и отечественных авторов по вопросу становления и развития самосознания в детском возрасте. Далее рассмотрены теоретические позиции в отношении социально-психологических детерминант развития самосознания детей.

Определено, что дошкольное детство является этапом первоначального фактического оформления ребенка как личности и периодом становления и развития самосознания личности [Спиридонова 2009].

Становление самосознания в онтогенезе проходит неразрывно с развитием личности ребенка. Логика развития подразумевает, что знания о себе усложняются, дифференцируются, переходят от отражения внешних сторон своей жизнедеятельности на уровень анализа внутреннего содержания – поступков, черт характера и мотивации деятельности.

Развитие самосознания личности начинается с 2-х лет. В это время ребенок уже выделяет себя как персону и носителя определенного имени (имя собственное, местоимение Я, определенный физический облик). В раннем дошкольном возрасте в самосознании ребенка заканчивается период видовой неопределенности, когда ребенок легко отождествлял себя с животными, играл в них, воспринимал действия животных как проявления человеческих свойств и т. п.

В период раннего возраста у детей под влиянием эмоционального общения со взрослыми и сверстниками начинает формироваться психологический образ Я. Его эмоциональная окраска может быть как положительной, так и отрицательной. Образ Я также формируется и путем изъявления своей воли (*Я хочу, Я сам*), которая ярко выступает как конкретная потребность ребенка около 3-х лет.

Таким образом, структурными звеньями самосознания, развивающимися в раннем возрасте (по В. С. Мухиной) и являющимися в контексте данного исследования методологическими единицами измерения параметров и показателей развития самосознания детей, являются: идентификация ребенка со своим телом, именем; половая идентификация [Мухина 2011; 2012].

Самосознание у детей формируется на основе системы представлений, получаемой в результате самовосприятия и социального взаимодействия в окружающем мире [Просекова 2016; Чеснокова 1977].

Процесс развития самосознания ребенка определяется такими условиями, как собственное позитивное самовосприятие, безусловное принятие ребенка ближайшим окружением, позитивное оценивание и поддержка, референтный статус в коллективе сверстников, бытовые условия, состав семьи ребенка и др. [Белова и др. 2014; Крылова 2015]. По окончании периода детства развитие самосознания не заканчивается. Под влиянием механизмов идентификации и обособления, а также в процессе социализации и индивидуализации продолжается развитие самосознания, самооценки и Я-концепции [Мерлин 2009; Столин 1983].

Методы и материалы

Методологической основой проведенного исследования стали положения о роли деятельности и общения в становлении самосознания личности

(Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, М. И. Лисина, Д. Б. Эльконин и др.); положение о согласованности процесса развития, обучения с реальным жизненным контекстом и использовании образовательного потенциала разных уровней кросс-культурного контекста (М. А. Болдина, А. А. Вербицкий); требования личностно-ориентированного подхода к процессу сопровождения развития ребенка и коррекционно-развивающей работе с ним (В. С. Мухина, Н. И. Непомнящая, Е. О. Смирнова).

В исследовании участвовало 160 детей раннего возраста, посещавших 1 и 2 младшие группы дошкольных учреждений г. Красноярск и Красноярского края, и их родители.

Использованы психодиагностический метод, методы количественной (статистический анализ) и качественной обработки данных. Настоящее исследование осуществлялось с опорой на выделенную В. С. Мухиной логику развития самосознания [Мухина 2011; 2012].

Составлен диагностический комплект для определения состояния развития звеньев самосознания детей раннего возраста и стратегий психолого-педагогического сопровождения развития самосознания детей в последующем.

Методики диагностического аппарата эмпирического исследования: наблюдение по Т. Хельбрюгге – выявление способности ребенка к выделению себя, своего Я [Мюнхенская... 2004]; методика изучения развития образа себя «Зеркало» (модификация О. В. Белановской) [Белановская 2004: 36–37].

Определение наличия взаимосвязи между изучаемыми параметрами самосознания детей проводили, используя статистический непараметрический корреляционный анализ методом ранговой корреляции Спирмена, с помощью интернет-сервиса stanly.statpsy.ru¹.

Результаты

Эмпирическое исследование самосознания детей раннего возраста (2–3,5 года) позволило выявить некоторые особенности становления и развития отдельных звеньев самосознания. Были констатированы уровневые характеристики параметров самосознания детей раннего возраста.

Узнавание себя в зеркале, наличие знаний и представлений о частях тела, умение выделять части тела (задания 4, 8, 9 методики по Т. Хельбрюгге) – высокий

¹ Онлайн сервис статистических расчетов. URL: <https://stanly.statpsy.ru/> (дата обращения: 20.07.2023).

уровень развития (возрастная норма) у 71,4 % детей (средний – 16,7 %; низкий – 11,9 %).

Знание своего имени (задания 1, 5) преобладает на высоком уровне (возрастная норма) у 78,6 % детей (средний – 17,9 %; низкий – 3,5 %). Отмечена большая значимость для ребенка именно той формулировки имени, которой называют ребенка родители, а также выбор родителями необычных, нетрадиционных имен (старорусские, зарубежные, носящие яркую лично-значимую нагрузку для родителя и др.).

Используют местоимение Я (задания 5, 6, 7) на высоком уровне (возрастная норма) 76,2 % детей. Средний уровень (употребляют Я не всегда) зафиксирован у 9,5 % детей. Дети, не употребляющие местоимение Я и имеющие низкий уровень сформированности показателя, составили 14,3 %.

Знание и называние своего пола, половой принадлежности (задание 10) – высокий уровень (возрастная норма) у 100 % детей.

Также фиксируем:

- преобладание у детей эгоцентрической стадии мышления, которая способствует концентрации сознания на собственном Я ребенка и его осознании;
- осознанное выделение собственного Я;
- проявление самостоятельности и владение навыками самообслуживания;
- наличие знаний и представлений о частях тела, умение выделять части тела;
- знание и называние своего пола, половой принадлежности.

Общие уровневые характеристики развития самосознания в раннем возрасте по методике Т. Хельбрюгге выглядят следующим образом: дети с высоким (нормотипичным) уровнем развития самосознания – 120 человек (75 %); со средним – 32 ребенка (20 %); с низким – 8 человек (5 %).

Изучение особенностей самосознания среди детей раннего возраста по методике «Зеркало» (модификация О. В. Белановской) позволило подтвердить выводы по методике Т. Хельбрюгге следующими результатами: у 27,2 % детей выявлены низкие показатели (дети быстро рассматривают свое отражение, трогают зеркало, имеют устойчивый взгляд, но не заинтересованы отражением); 36,4 % детей узнают себя в зеркале (рассматривают продолжительное время, имитируют движения, гримасы, обследуют зеркало); 36,4 % детей полностью идентифицируют себя с отражением в зеркале, проявляют положительные эмоции, гримасничают, обследуют зеркало. 2 ребенка,

мальчики, отказались смотреться в зеркало (вошли в число детей с низким уровнем).

Таким образом, уровень развития самосознания, предполагающий осознание собственного образа Я присутствует у большинства детей исследуемого возраста (72,8 %). Результаты свидетельствуют о соответствии развития самосознания детей раннего возраста данному возрастному периоду и о том, что компоненты самосознания детей раннего возраста находятся в активной стадии формирования, развития. Это подтверждают данные с результатами *частичная идентификация* (36,4 % детей) и *низкий уровень осознания своего Я* (27,2 %).

В интересах исследования и для построения модели психолого-педагогического сопровождения развития самосознания детей в раннем возрасте нами определялись корреляционные связи между параметрами самосознания детей раннего возраста.

Определение наличия взаимосвязи между изучаемыми параметрами: узнавание себя в зеркале, наличие знаний и представлений о частях тела, умение выделять части тела; знание своего имени; использование местоимения Я; знание и называние своего пола, половой принадлежности – проводили, используя статистический непараметрический корреляционный анализ методом ранговой корреляции Спирмена (r) с помощью интернет-сервиса stanly.statpsy.ru (табл. 1).

Расчеты показали прямую, значимую связь ($p < 0,01$, значимость на уровне 95 %) между полом детей и использованием ими местоимения Я. Девочки по сравнению с мальчиками чаще и осознаннее употребляют местоимение Я. Присутствует прямая, сильная, высокозначимая связь ($p < 0,001$, значимость на уровне 99 %) между узнаванием себя в зеркале и знанием своего имени; между узнаванием себя в зеркале и использованием местоимения Я. Дети, которые одинаково хорошо и быстро узнают себя в зеркале, определяют себя как субъекта и соотносят себя с изображением, называя себя в именительном падеже по имени. Присутствует прямая, сильная, высокозначимая связь ($p < 0,001$, значимость на уровне 99 %) между использованием детьми местоимения Я и знанием своего имени. Называя себя по имени, дети хорошо осознают свою половую принадлежность и называют свой пол интонационно и эмоционально выразительно.

Кроме корреляционного анализа связей между параметрами самосознания детей раннего возраста, определяли средние значения в уровневых характеристиках компонентов самосознания (табл. 2).

Табл. 1. Эмпирические значения корреляционного анализа, r
Tab. 1. Empirical values of correlation analysis, Spearman's rank correlation coefficient p

Параметр	Узнавание себя в зеркале	Знание своего имени	Использование местоимения Я	Называние своего пола, половой принадлежности
Называние своего пола, половой принадлежности	0,132	0,056	0,238**	-0,081
Узнавание себя в зеркале	-	0,603***	0,578***	-0,05
Знание своего имени	-	-	0,521***	-0,041
Использование местоимения Я	-	-	-	-0,044

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Данная информация позволила определить компоненты (звенья) самосознания, развивающиеся наиболее успешно, и звенья, требующие целенаправленного развития в процессе психолого-педагогического сопровождения.

Обсуждение

Путем реализации диагностических методик и анализа полученных результатов удалось определить и выделить содержательные характеристики развития самосознания детей в раннем возрасте. В раннем возрасте мы наблюдаем яркую картину становления и активного развития первых структурных звеньев самосознания детей – осознанное выделение собственного Я, частей тела, идентификацию со своим именем, полом. Большинство детей (не менее 75 % выборки) в развитии самосознания прошли период видовой неопределенности.

Характерной особенностью звена самосознания является идентификация со своим именем. Отмечена большая значимость именно той формулировки имени, которой называют ребенка родители. Имя ребенка стало дополнительным фактором подчеркивания особенности, индивидуальности ребенка. Также родители называют детей необычными, нетрадиционными именами (старорусские, зарубежные, носящие яркую личностно-значимую нагрузку для родителя и др.).

Стабильно ровные достижения наблюдаются у детей с разными уровнями самосознания по параметру *осознание половой принадлежности*. То есть дети с разными уровневыми характеристиками таких звеньев самосознания, как узнавание себя в зеркале, наличие знаний и представлений о частях тела, умение выделять части тела; знание своего имени; использование местоимения Я, все хорошо знают и называют свой пол.

Согласно данным корреляционного анализа, можем констатировать, что ключевое структурное звено самосознания в раннем возрасте – использование ребенком местоимения Я. Именно данное звено самосознания находится со всеми другими звеньями в высокосвязанной прямой связи.

То есть ключевым звеном самосознания, проявляющимся у ребенка 2–3,5 лет, является осознанное выделение собственного Я путем использования местоимения Я. Ребенок способен осознанно выделять собственное Я. Этому способствуют эгоцентрическая стадия мышления, проявление первичной самостоятельности и владение основными навыками самообслуживания, наличие знаний и представлений о частях тела, умение выделять части тела. У девочек осознанное выделение собственного Я путем использования местоимения Я выражено ярче и успешнее, чем у мальчиков.

Табл. 2. Средние значения показателей в группах детей с разным уровнем развития самосознания
Tab. 2. Mean values of indicators in groups of children with different levels of self-awareness

Уровень самосознания	Узнавание себя в зеркале	Знание своего имени	Использование местоимения Я	Называние своего пола, половой принадлежности
Высокий	2,9	2,9	2,9	2,99
Средний	1,8	2,2	1,9	3
Низкий	1,2	1,3	1	3

Заключение

Нами констатирована достаточная сформированность возрастных звеньев самосознания у детей раннего возраста. Выделены содержательные характеристики развития самосознания детей в раннем возрасте. Зафиксировано присутствие картины становления и активного развития первых структурных звеньев самосознания детей – осознанное выделение собственного Я, частей тела, идентификация со своим именем, полом.

Характерной особенностью звена самосознания является идентификация со своим именем. Отмечена большая значимость для ребенка формулировки имени, которой называют ребенка родители, а также сам выбор родителями необычного имени ребенку. Наиболее лучшие результаты у всех детей наблюдаются по показателю (звену самосознания) *осознание своей половой принадлежности*. Определено ключевое звено самосознания в раннем возрасте – использование ребенком местоимения Я. То есть основным показателем успешности развития самосознания можем считать именно использование местоимения Я.

Полученные данные позволяют говорить о необходимости целенаправленных действий в процессе психолого-педагогического сопровождения развития самосознания детей дошкольного возраста, в том числе на этапе становления отдельных его звеньев в раннем возрасте, с использованием ресурсов семьи и образовательного учреждения.

Считаем полученные сведения об особенностях развития звеньев самосознания в раннем онтогенезе

важными при проектировании и осуществлении психолого-педагогического сопровождения развития самосознания детей в раннем возрасте. Процесс сопровождения видим как процесс социализации (с момента начала посещения ребенком образовательного учреждения и организованного коллектива сверстников) для развития последующих структурных звеньев самосознания – притязание на признание, осознание своей половой принадлежности и осознания себя во времени.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. В. Груздева – теоретический обзор, реализация исследования, представление и описание результатов исследования (70 %).

Е. В. Улыбина – обработка результатов исследования, иллюстрация результатов, редактирование текста (30 %).

Contribution: O. V. Gruzdeva reviewed scientific publications, performed the research, and illustrated the results (70%).

E. V. Ulybina processed the research results, illustrated them, and proofread the text (30%).

Литература / References

- Белановская О. В. Диагностика и коррекция самосознания дошкольников. Мн.: Высш. шк., 2004. 102 с. [Belanovskaya O. V. *Diagnosis and correction of self-awareness of preschoolers*. Minsk: Vyssh. shk., 2004, 102. (In Russ.)]
- Белова И. М., Парфенов Ю. А., Сологуб Д. В., Нехвядович Э. А. Структурные и динамические характеристики компонентов самосознания: системный подход. *Фундаментальные исследования*. 2014. № 3-3. С. 620–628. [Belova I. M., Parfenov Y. A., Sologub D. V., Nekhvyadovich E. A. Structural and dynamic characteristics of the components of self-consciousness: A systematic approach. *Fundamental research*, 2014, (3-3): 620–628. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzmczx>
- Болотова А. К., Башкин Е. Б. Самосознание и развитие личности как «особый временной момент». *Культурно-историческая психология*. 2009. № 1. С. 19–27. [Bashkin E. B., Bolotova A. K. Self-consciousness and personality development as a "special temporal moment". *Cultural-Historical Psychology*, 2009, (1): 19–27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kjabhr>
- Буряк Н. Ю. Проблемы исчезновения языков малых народов в России. *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 50-10. С. 60–62. [Buryak N. Y. Endangered languages of ethnic minorities in Russia. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2019, (50-10): 60–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-209>

- Груздева О. В. Развитие детей дошкольного возраста в контексте современной образовательной и социальной ситуации развития. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2018. 274 с. [Gruzdeva O. V. *Development of preschool children in the context of the current educational and social situation*. Krasnoyarsk: V. P. Astafiev KSPU, 2018, 274. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xxxvprn>
- Груздева О. В. Социальная ситуация становления и развития самосознания детей дошкольного возраста в современных условиях. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2019. № 1. С. 80–87. [Gruzdeva O. V. Social situation for the formation and development of preschool children identity in contemporary conditions. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2019, (1): 80–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2019-47-1-106>
- Дремлюга С. В. Родителям о ребенке дошкольного возраста (психологический портрет). *Вестник науки и образования*. 2020. № 17-1. С. 63–66. [Dremlyuga S. V. Parents about a pre-school child (psychological portrait). *Vestnik nauki i obrazovaniia*, 2020, (17-1): 63–66. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ojpkok>
- Кошель В. А., Шкляр Т. Л. Информационное общество: особенности коммуникаций у разных поколений. *Креативная экономика*. 2019. Т. 13. № 4. С. 619–632. [Koshel V. A., Shklyar T. L. Information society: Features of communications in different generations. *Creative economy*, 2019, 13(4): 619–632. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.13.4.40585>
- Крылова Н. Н. Самосознание: строение и взаимодействие структурных компонентов. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2015. № 1. С. 36–40. [Krylova N. N. Self-awareness: Structure and interaction of structural components. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1): 36–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tzkamn>
- Мерлин В. С. Психология индивидуальности. 2-е изд., испр. и доп. М.: МПСИ, 2009. 544 с. [Merlin V. S. *Psychology of individuality*. 2nd ed. Moscow: MPSI, 2009, 544. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxyuzl>
- Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. 14-е изд., стер. М.: Академия, 2012. 608 с. [Mukhina V. S. *Age-related psychology. Phenomenology of development*. 14th ed. Moscow: Academia, 2012, 608. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yqfctn>
- Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности. *Развитие личности*. 2011. № 1. С. 8–18. [Mukhina V. S. Phenomenology of personality development and existence. *Development of Personality*, 2011, (1): 8–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/okdfjd>
- Мюнхенская функциональная диагностика развития. Первые три года жизни, ред. Т. Хелльбрюгге. Казань: ЦИТ, 2004. 287 с. [Munich functional development diagnostics for the first, second, and third years of life, ed. Hellbrügge T. Kazan: TsIT, 2004, 287. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlghmr>
- Османов Ю. Г., Лаврентьева М. А. Трансформация массовой культуры и массового общества в условиях глобализации и глокализации. *Современные социальные процессы в контексте глобализации: III Междунар. науч.-практ. конф.* (Краснодар, 13 мая 2022 г.) Краснодар: КубГТУ, 2022. С. 29–38. [Osmanov Y. G., Lavrentieva M. A. Transformation of mass culture and mass society in the context of globalization and glocalization. *Modern social processes in the context of globalization: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Krasnodar, 13 May 2022. Krasnodar: KubSTU, 2022, 29–37. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/irohvt>
- Петруненко Н. Ф. Возрождение генетической памяти русского народа. *Текст в языковом, историческом, культурном пространстве: Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 22 мая 2022 г.) М.: МФЮА, 2023. С. 225–237. [Petrunenko N. F. Revival of the genetic memory of the Russian people. *Text in linguistic, historical, and cultural spaces: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 22 May 2022. Moscow: MFUA, 2023, 225–237. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xgmpk>
- Просекова Е. Н. Феномен самосознания в трудах отечественных и зарубежных ученых. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2016. № 4. С. 85–88. [Prosekova E. N. The phenomenon of self-consciousness in the works of Russian and foreign scholars. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2016, (4): 85–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vvewwb>
- Семедов С. А., Штоль В. В., Мельникова О. А., Аликберов А. К., Алборова М. Б., Переход Ю. А., Нурулла-Ходжаева Н. Т., Сухарев А. И., Полякова А. А., Градосельская Г. В., Антонен Г. И., Стулова Е. В., Владиславская В. А., Никитина Д. В., Лаза В. Д., Беломыцев А. А., Авдеева Т. В., Яшенкова Н. А., Сухарева В. А. Информационные технологии и их влияние на внутреннюю политику государства и международные отношения. Материалы международной научно-практической конференции. *Обозреватель*. 2022. № 3-4. С. 39–113. [Semedov S. A.,

- Shtol V. V., Melnikova O. A., Alikberov A. K., Alborova M. B., Perekhod Yu. A., Nurulla-Khodjaeva N. T., Sukharev A. I., Polyakova A. A., Gradoselskaya G. V., Antonets G. I., Stulova E. V., Vladislavskaya V. A., Nikitina D. V., Laza V. D., Belomitsev A. A., Avdeeva T. V., Yashenkova N. A., Sukhareva V. A. Information technologies and their impact on the domestic policy of the state and international relations. Materials of the international scientific and practical conference. *Observer*, 2022, (3-4): 39–113. (In Russ.)] https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_39
- Спиридонова С. Б. Проблема развития самосознания в детском возрасте. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2009. № 10. С. 30–34. [Spiridonova S. B. Developing self-awareness in childhood. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*, 2009, (10): 30–34. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rupsyf>
- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Моск. ун-т, 1983, 288 с. [Stolin V. V. *Personal self-awareness*. Moscow: Moscow University, 1983, 288. (In Russ.)]
- Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144с. [Chesnokova I. I. *Issue of self-awareness in psychology*. Moscow: Nauka, 1977, 144. (In Russ.)]
- Элибаева Л. С. Целостное теоретическое изучение особенности педагогической деятельности. *Science and Education*. 2022. Т. 3. № 1. С. 614–619. [Elibaeva L. S. A holistic theoretical study of pedagogical activity. *Science and Education*, 2022, 3(1): 614–619. (In Russ.)]
- Chowbey P., Barley R. Building resilience: Young children from minority ethnic backgrounds starting school in a multi-ethnic society. *British Journal of Sociology of Education*, 2022, 43(3): 415–432. <https://doi.org/10.1080/01425692.2022.2030672>
- Lee A. R., Park Y. W., Oh J. Investigating the cause and effect factors of young children's smartphone overuse: Focusing on the influence of parenting factors. *Information, Communication & Society*, 2023, 26(9): 1756–1772. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2022.2027499>
- Pinto A., Veríssimo M., Gatinho A., Santos A. J., Vaughn B. E. Direct and indirect relations between parent-child attachments, peer acceptance, and self-esteem for preschool children. *Attachment & Human Development*, 2015, 17(6): 586–598. <https://doi.org/10.1080/14616734.2015.1093009>
- Soydan S. B., Akalin N. The moderating effects of a child's self-regulation skills in the relationship between a child's temperament and the behaviour of the parents. *Early Child Development and Care*, 2022, 192(2): 263–277. <https://doi.org/10.1080/03004430.2020.1755666>

обзорная статья

<https://elibrary.ru/axuxvj>

Модель эколого-психологического сопровождения формирования эмоционального благополучия дошкольников в экстремальных климатографических условиях

Калашникова Ирина Владимировна

Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н. А. Аврорина
Кольского научного центра РАН, Россия, Апатиты

eLibrary Author SPIN: 5250-1527

Scopus Author ID: 57282052300

isha81@yandex.ru

Белогай Ксения Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5289-2508

Scopus Author ID: 36620813000

Аннотация: Анализируется современное состояние проблемы формирования эмоционального благополучия детей дошкольного возраста. Эмоциональное благополучие рассматривается как фундаментальный базис психологического здоровья, проявляющийся в позитивных эмоциональных состояниях ребенка в контексте социальной среды, в его способности поддерживать стабильность эмоциональной сферы при взаимодействии с окружающим миром, обеспечивающий достаточно низкий уровень тревожности, эмоциональный комфорт и адекватную самооценку. Показано негативное влияние климатогеографических факторов, оказывающих тормозящее действие на формирование эмоционального благополучия дошкольников, проживающих за полярным кругом. Выделены специфические психолого-педагогические условия, реализация которых нивелирует отрицательное воздействие факторов среды и способствует формированию эмоционального благополучия. К числу специфических психолого-педагогических условий отнесены мониторинг психоэмоционального состояния дошкольника, гибкая настройка предметно-пространственной среды образовательной организации и применение здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе. В статье представлена авторская модель эколого-психологического сопровождения детей дошкольного возраста. Ключевым аспектом модели является активное взаимодействие с растениями и животными при использовании авторских методик, которые разрабатывались с учетом климатогеографических условий заполярных регионов. Эколого-психологическое сопровождение влияет на ребенка за счет положительных эмоций при взаимодействии с растениями и животными. Разработка модели эколого-психологического сопровождения для формирования эмоционального благополучия дошкольников, проживающих в экстремальных климатогеографических условиях, позволила создать план реализации психолого-педагогических условий, обосновать целесообразность применения здоровьесберегающей технологии в ходе активного сотрудничества дошкольного учреждения и ботанического сада.

Ключевые слова: эмоциональное благополучие, экстремальные климатогеографические характеристики, психолого-педагогические условия, эколого-психологическое сопровождение, дошкольники, ботанический сад

Цитирование: Калашникова И. В., Белогай К. Н. Модель эколого-психологического сопровождения формирования эмоционального благополучия дошкольников в экстремальных климатографических условиях. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 243–264. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-243-264>

Поступила в редакцию 07.02.2024. Принята после рецензирования 04.03.2024. Принята в печать 04.05.2024.

review article

Emotional Well-Being of Preschoolers in Extreme Climatic and Geographical Conditions by Means of Ecological and Psychological Support

Irina V. Kalashnikova

Polar-Alpine Botanical Garden-Institute, Kola Science Centre,
Russian Academy of Sciences, Russia, Apatity
eLibrary Author SPIN: 5250-1527
Scopus Author ID: 57282052300
isha81@yandex.ru

Ksenia N. Belogai

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
eLibrary Author SPIN: 5289-2508
Scopus Author ID: 36620813000

Abstract: Emotional well-being of preschool children that live in extreme climatic conditions is difficult to maintain. Emotional well-being is a basis of psychological health that manifests itself as positive emotional states in social environment. It presupposes a stable emotional sphere when interacting with the world, low anxiety, emotional comfort, and adequate self-esteem. Climatic and geographical factors of the Russian Arctic may inhibit the development of the emotional well-being in preschool children. However, some psychological and pedagogical conditions may neutralize the negative impact of environmental factors. They include psycho-emotional monitoring, flexible school interior, and health-saving technologies in the academic process. The authors developed a model of ecological and psychological support for preschool children living in polar regions. It is based on interaction with plants and animals as a source of positive emotions. The model of environmental and psychological support for emotional well-being of preschoolers living in the Russian Arctic justifies the feasibility of health-saving technologies as part of an active cooperation between a preschool institution and a botanical garden.

Keywords: emotional well-being, extreme climatic and geographical characteristics, psychological and pedagogical conditions, ecological and psychological support, preschoolers, botanical garden

Citation: Kalashnikova I. V., Belogai K. N. Emotional Well-Being of Preschoolers in Extreme Climatic and Geographical Conditions by Means of Ecological and Psychological Support. *SibScript*, 2024, 26(2): 243–264. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-243-264>

Received 7 Feb 2024. Accepted after peer review 4 Mar 2024. Accepted for publication 4 Mar 2024.

Введение

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к проблеме эмоционального благополучия. Наличие большого количества различных подходов свидетельствует о том, что настоящий феномен является сложной многофакторной комплексной динамической системой, связанной со всеми характеристиками эмоциональной сферы личности. Эмоциональное здоровье и благополучие, которые неразрывно связаны с эмоциональной регуляцией, у взрослого человека не будут успешно развиваться, если не начинать их формирование с детства. Именно дошкольное детство является важнейшим этапом становления личности, приобщения ее к многомерному миру человеческой культуры. Процесс развития индивидуума в раннем возрасте представляет собой сложную и целостную динамику, включающую в себя многоуровневую систему регуляции поведения

и характеризующуюся иерархическим управлением мотивационных структур. Развитие системы мотиваций связано с эволюцией эмоциональной сферы, которая играет ключевую роль как в реализации уже сформированных мотивационных компонентов, так и в формировании новых, более высокоуровневых мотивационных установок. Эмоциональная сфера в существенной мере детерминирует как когнитивную, так и креативную успешность ребенка [Кошелева и др. 2003]. Дошкольный возраст можно назвать периодом наиболее интенсивного освоения смыслов и целей человеческой деятельности, периодом интенсивной ориентации в них. Наличие у ребенка эмоционального благополучия в этом возрасте определяет его полноценное личностное развитие.

Эмоциональное благополучие в дошкольном возрасте представляет собой фундаментальную основу

для обеспечения психологического здоровья, проявляющуюся в позитивных эмоциональных состояниях ребенка в контексте социальной среды, в его способности поддерживать стабильность эмоциональной сферы при взаимодействии с окружающим миром, обеспечивающую достаточно низкий уровень тревожности, эмоциональный комфорт и адекватную самооценку. Формирование эмоционального благополучия ребенка дошкольного возраста является важнейшей общественной задачей, решение которой связано не только с семьей, но и с образовательным учреждением.

Повышенный интерес к указанной проблеме связан с вопросами, которые относятся к обеспечению эмоционального благополучия детей в дошкольной организации, потому что в этих условиях появляются возможности для увеличения вариативности деятельности и развития важных социальных навыков [Практическая психология образования 2000].

Легкость построения ребенком доброжелательных отношений в обществе зависит от эмоционального комфорта в образовательном учреждении, определения путей гармонизации его эмоционально-волевой сферы, успешности применения различных психолого-педагогических форм, методов, технологий, обеспечивающих эмоциональное благополучие. Мы выделяем следующие факторы, оказывающие непосредственное влияние на формирование эмоционального благополучия ребенка:

- индивидуально-личностные (характер, темперамент, отклонения в развитии, адаптационные ресурсы и т. д.);
- социокультурные (особенности сообществ, в которые включен ребенок: семья, группа сверстников, образовательное учреждение и т. д.);
- средовые (наличие непредвиденной экстремальной ситуации, воздействие негативных факторов среды).

Если первые две группы факторов в психологической литературе широко освещены, то влияние средовых характеристик на формирование эмоционального благополучия детей дошкольного возраста изучено недостаточно.

Психолого-педагогические условия формирования эмоционального благополучия

Природные факторы, среди которых ведущим служит климат, сами по себе, без какого-либо участия человека, создают проблемы для его проживания. Эти факторы влияют на все стороны жизнедеятельности

населения, в том числе на трудовую деятельность, работоспособность, здоровье и благополучие [Бокучава и др. 2018]. Экстремальные природно-климатические условия – это совокупность факторов, которые оказывают продолжительное негативное воздействие на личность. Они требуют особых качеств и адаптационных способностей от индивида, ставят перед ним объективные и психологические препятствия, представляют значительную угрозу для важнейших жизненных ценностей. В таких условиях человек вынужден максимально использовать свои адаптационные возможности и ресурсы для обеспечения безопасности своей жизнедеятельности [Весна, Ширяева 2009; Ширяева и др. 2012]. Исходя из особенностей климатических условий северных широт и их воздействия на организм, а также учитывая сочетание и степень выраженности этих факторов, территорию Мурманской области в целом можно отнести к зоне неблагоприятного проживания с элементами экстремальности по некоторым параметрам. Эти условия предъявляют повышенные требования к основным функциональным системам, обеспечивающим жизнедеятельность человека [Попова, Щербина 2012]. Многочисленные исследования показывают, что климатогеографическая среда Кольского Севера оказывает выраженное негативное влияние на формирование здоровья в первую очередь детей.

В условиях аномальной фотопериодичности происходит изменение биологических ритмов организма. Полярная ночь – сложный экстремальный период, во время которого у человека возникают резкие дезадаптационные реакции, такие как чувство необоснованной тревоги, напряженность, депрессия и сонливость. У детей в этот период отмечается ухудшение многих важных показателей, включая умственную и физическую работоспособность, которые поддерживаются за счет повышенного напряжения адаптационных механизмов [Другова 2007]. Во время длительного снежного периода бедность цветовой гаммы является неотъемлемой частью окружающей среды, которая оказывает негативное воздействие на психику ребенка. Таким образом, можно говорить о сенсорной депривации детей в зимнее время в условиях Заполярья [Калашникова 2023b]. В экстремальных условиях Севера проявляются и обостряются многочисленные психопатологические особенности. Следовательно, одним из ведущих факторов риска формирования дезадаптивных нарушений является высокий уровень психоэмоционального напряжения, который в дальнейшем может приводить

к развитию патологических состояний со стороны сердечно-сосудистой, иммунной и нервной систем [Чухрова и др. 2009].

Жители Крайнего Севера более чувствительны к магнитным бурям по сравнению с людьми, проживающими в средней полосе. Геомагнитная активность оказывает влияние не только на нейроэндокринную регуляцию, но и на различные психофизиологические процессы, обостряя их патологическое проявление [Попова и др. 2014].

Климатогеографические условия значительно влияют на процессы роста у детей, способствуют возникновению у них различных дезадаптивных реакций, приводят к снижению резервных гомеостатических механизмов и, следовательно, увеличению общей заболеваемости [Дьячкова, Беляков 2005].

Экстремальные климатогеографические условия оказывают в основном негативное влияние на растущий организм, снижая эмоциональное благополучие детей. Повысить его можно, используя ресурсы таких систем, как образовательная организация, учреждения дополнительного образования и семья. Однако ресурсы вышеперечисленных систем при неправильной организации соответствующих условий могут оказать как стимулирующее, так и тормозящее действие на формирование эмоционального благополучия дошкольников.

Сравнительный анализ показывает, что большая часть авторов выделяют следующие психолого-педагогические условия формирования эмоционального благополучия дошкольников:

- взаимоотношения *взрослый – ребенок*, здесь следует отметить личностно-ориентированный подход, поддержание инициативы и самостоятельности, равенство и уважение, обеспечение психологической защиты и т. д.;
- взаимоотношения *родитель – ребенок*, сюда относятся поддержка родителей, их просвещение, помощь в улучшении отношений, совместная деятельность;
- взаимоотношения *ребенок – сверстники*, сюда входят разрешение конфликтных ситуаций, общение, совместные игры; содержание и методы работы, общий уклад группы; создание среды, образовательного, игрового пространства, зонирование, предметная база [Асмус 2016; Бадулина 1998; Бойко 2018; Николаева, Ядрихинская 2014; Семенова 2019; Фаустова 2011].

Эти психолого-педагогические условия четко соответствуют Федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования (ФГОС ДО), являются основными и очень важными, но, по нашему мнению, недостаточными для формирования эмоционального благополучия дошкольников, проживающих в регионах с определенной климатогеографической спецификой. В литературе не определены психолого-педагогические условия, формирующие эмоциональное благополучие детей при воздействии экстремальных природно-климатических характеристик. При этом климатогеографические условия, как было показано выше, оказывают очень сильное влияние на растущий детский организм. Причем это воздействие никак не зависит от человека, убрать или ослабить его практически невозможно. Дошкольник, приходя утром в детский сад, зачастую просто не может объяснить свое внутреннее напряжение, плохой аппетит или бессонницу, которые, возможно, связаны с солнечными вспышками или магнитными бурями. Следовательно, встает вопрос об уточнении психолого-педагогических условий формирования эмоционального благополучия дошкольников, проживающих в регионах с разными климатогеографическими характеристиками.

Все психолого-педагогические условия формирования эмоционального благополучия ребенка целесообразно разделить на общие (характерные для дошкольных организаций независимо от территории нахождения, определяемые ФГОС ДО) и специальные (характерные для районов с какими-либо специфическими условиями: климатическими, этнографическими, религиозными, культурными и пр.). Рассмотрим специальные психолого-педагогические условия формирования эмоционального благополучия дошкольников, проживающих за полярным кругом. Специальные условия связаны с действием особых характеристик заполярных регионов: наличие полярного дня и полярной ночи, низкая абсолютная влажность воздуха, дефицит солнечной радиации, слабая минерализация воды и др.

К числу специальных условий нами отнесены мониторинг психоэмоционального состояния дошкольника, гибкая настройка предметно-пространственной среды образовательной организации и применение здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе. Реализация специфических психолого-педагогических условий, по нашему мнению, предполагает:

1) научно-методическое обеспечение процесса формирования эмоционального благополучия на основе интеграции современных психологических, педагогических и экологических подходов;

2) общую организацию воспитательно-образовательного процесса: подбор форм, методов и технологий обучения и воспитания, соответствующих методологическим основаниям и принципам формирования эмоционального благополучия личности с учетом характеристик района проживания;

3) учет индивидуального уровня сформированности и метеочувствительности эмоциональной сферы детей-северян, эмоциональную вовлеченность дошкольников в различные виды деятельности с максимальным задействованием сенсомоторной сферы, направленные на развитие и укрепление психологического здоровья;

4) реализацию эффективных в плане формирования эмоциональной сферы личности технологий обучения, обеспечивающих нивелирование негативного влияния внешних факторов, создание насыщенной сенсорной экологизированной воспитательно-образовательной среды;

5) поливариантность образовательно-воспитательного процесса (своевременную замену методов и технологий обучения и воспитания) в соответствии с динамикой геогелиофизических факторов и состоянием детей;

6) вариативность образовательной среды (быструю трансформацию согласно конкретным требованиям образовательно-воспитательного процесса);

7) повышение компетентности работников дошкольных учреждений, просвещение родителей относительно психофизиологических особенностей детей-северян и негативного влияния факторов окружающей среды.

При негативном воздействии климатогеографических факторов на детский организм необходимо создание специальных психолого-педагогических условий в образовательной организации, системе дополнительного образования и семье, которые будут способствовать формированию эмоционального благополучия детей-северян. Только правильно организованная система психолого-педагогических условий поможет нивелировать отрицательное воздействие факторов среды.

Исследования в области психологии и педагогики, которые связаны с улучшением работы педагогических систем и повышением эффективности образовательного процесса, ключевыми аспектами

определяют выявление, обоснование и проверку психолого-педагогических условий, способствующих успешному развитию образовательной системы [Ипполитова, Стерхова 2012].

Система психолого-педагогических условий применительно к детям старшего дошкольного возраста представляет собой взаимосвязанную совокупность мер в образовательно-воспитательном процессе, которая должна помочь дошкольникам адаптироваться к определенным условиям (в нашем случае к воздействию экстремальных климатогеографических факторов). При этом создаваемые условия должны обеспечивать изменение тех показателей, которые связаны с компонентами психологической адаптации [Фадеева, Минияров 2011].

Психологическое сопровождение

Отдельным важным вопросом является психологическое сопровождение организованных детей (посещающих дошкольные учреждения) дошкольного возраста, на котором мы остановимся более подробно и выделим ключевые моменты.

В процессе развития личности дошкольники часто сталкиваются с кризисными ситуациями, которые оказывают сильное влияние на их психику и обусловлены социальными условиями. Поэтому очень важно знать, как помочь детям справиться с негативными воздействиями социальной среды, научить их преодолевать стрессовые ситуации, справляться с негативными эмоциональными переживаниями, а следовательно, сохранять свое эмоциональное благополучие [Герасимова, Фаустова 2009]. Вопросы, связанные с эмоциональным благополучием детей старшего дошкольного возраста, в последнее время становятся особенно актуальными. Это объясняется появлением в данном возрасте у детей следующих личностных новообразований: эмоциональной децентрации, сознательного соподчинения желаний, потребности в социальном соответствии. Однако в этом возрасте у ребенка часто возникают корни будущих проблем, т.к. именно тогда начинают формироваться устойчивые особенности личностного реагирования, происходит построение иерархии мотивов и ценностей, закрепляются некоторые характерологические особенности.

Т. В. Гребенщикова показала, что смещение переживаемых эмоций к положительному или отрицательному полюсу приводит к эмоциональному благополучию или неблагополучию соответственно. В данном случае речь идет не просто о позитивных или негативных

переживаниях, которые испытывает каждый ребенок, а о положительном (отрицательном) самочувствии, а также устойчивых, наиболее острых переживаниях, вызванных важными для дошкольника жизненными ситуациями. Такие события в жизни ребенка связаны с удовлетворением его основных жизненных потребностей [Гребенщикова 2018]. Таким образом, в силу особенностей эмоциональной сферы дошкольника, которая проявляется в нестабильности эмоциональных состояний и недостаточной сформированности умений самостоятельно регулировать свои аффективные реакции, становится очевидной необходимость психологического сопровождения ребенка для обеспечения его эмоционального благополучия.

Психологическое сопровождение детей дошкольного возраста включает в себя следующие составляющие: коррекцию эмоциональной сферы, ее гармонизацию, направленную на преодоление негативных эмоциональных состояний, нарушений в функционировании или отставании в развитии тех или иных компонентов, компенсацию негативных особенностей личности, которые формируются на основе этих процессов [Герасимова, Фаустова 2009]. Т. В. Гребенщикова рассматривает психологическое сопровождение эмоционального благополучия ребенка в дошкольном учреждении как процесс создания образовательного пространства, которое ориентировано на удовлетворение личностно значимых потребностей дошкольника, развитие у него способности регулировать свои эмоциональные проявления и обеспечивает преимущественное переживание им эмоционального комфорта [Гребенщикова 2018].

В интерпретации Ю. А. Лаптевой понятие психологического сопровождения эмоционального благополучия включает в себя согласованную деятельность специалистов дошкольной образовательной организации, направленную на создание условий для появления новообразований в эмоциональной сфере ребенка, усвоения им способов эмоционального самовыражения в различных видах деятельности. Целью психологического сопровождения является создание в образовательной организации условий для полноценного развития ребенка с учетом его возрастных особенностей. В рамках психологического сопровождения предполагается оказание помощи в преодолении возможных трудностей, которые могут возникнуть в связи с развитием новообразований эмоциональной сферы ребенка-дошкольника. Сопровождение эмоционального благополучия дошкольников представляет собой

сложную содержательно-организационную систему, которая включает в себя следующий комплекс: набор задач, совокупность взаимосвязанных направлений и условий реализации, содержательных и технологических аспектов, предполагающих целенаправленное применение различных методов, средств, использование разнообразных форм [Лаптева 2018]. Данное определение, по нашему мнению, является наиболее общим, позволяющим выделить основные структурные элементы психологического сопровождения, которые можно конкретизировать согласно условиям психолого-педагогического исследования.

Опираясь на определение Ю. А. Лаптевой, нами выделены основные компоненты сопровождения, определяющие сложную содержательно-организационную систему:

- 1) цель;
- 2) комплекс задач;
- 3) условия реализации;
- 4) технологические аспекты.
- 5) анализ промежуточных и конечных результатов.

Последний пункт, по нашему мнению, является неотъемлемым и обязательным, т. к. дает возможность корректировать ход работы и вносить своевременные правки в технологические аспекты, учитывая как личностные особенности детей, так и непредсказуемые климатогеографические условия, оказывающие выраженное негативное влияние.

Учитывая физиологические и психологические особенности детей, рожденных и проживающих в экстремальных условиях Крайнего Севера, а также непосредственное негативное влияние этих климатогеографических характеристик (короткого и пролонгированного действия), следует отметить специфику психологического сопровождения дошкольников.

Результаты

С целью формирования эмоционального благополучия дошкольников, проживающих в экстремальных климатогеографических условиях, нами была построена модель эколого-психологического сопровождения (рис.), представленная 4 блоками: целевым (цель сопровождения, задачи, основные подходы и принципы); организационно-деятельностным (условия реализации, основные технологические аспекты и субъекты деятельности); оценочным (диагностические методы, критерии оценивания и главные компоненты); результативным (основные компоненты воздействия).

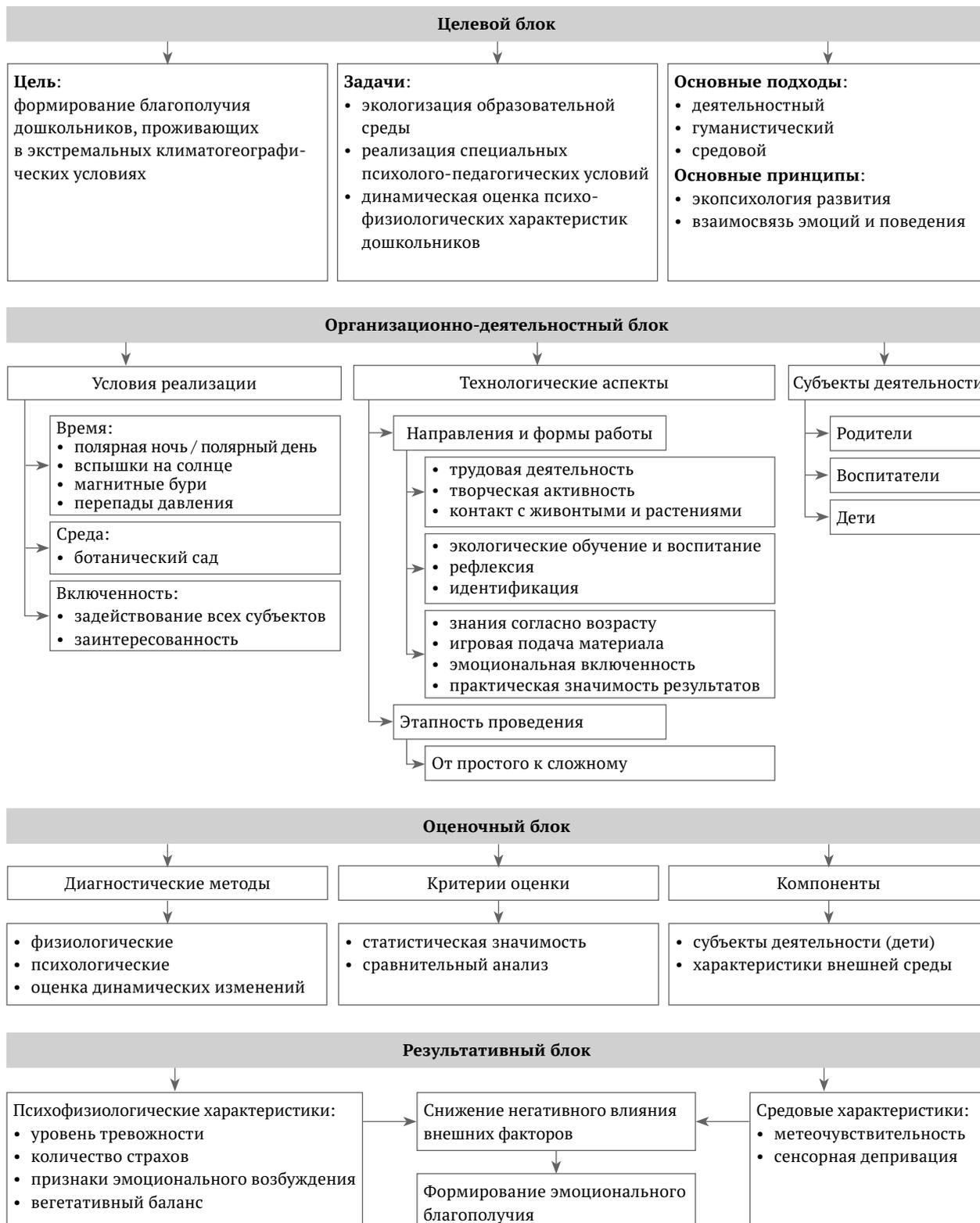

Рис. Модель эколого-психологического сопровождения формирования эмоционального благополучия дошкольников в экстремальных климатогеографических условиях

Fig. Ecological and psychological support of emotional well-being of preschoolers living in extreme climatic and geographical conditions

Основные блоки представленной модели соответствуют плану психологического сопровождения личности в экстремальных условиях и являются структурными элементами данного процесса, которые можно конкретизировать согласно условиям психолого-педагогического исследования.

Целью эколого-психологического сопровождения является формирование эмоционального благополучия дошкольников. Основные задачи: экологизация образовательной среды, реализация специальных психолого-педагогических условий, положительная динамика психо-физиологических характеристик дошкольников (снятие стресса, снижение уровня тревожности, увеличение работоспособности, развитие сенсомоторных навыков). Обозначим ключевые подходы и принципы: деятельностный, гуманистический, средовой подходы, принцип взаимосвязи эмоций и поведения, экпсихология развития.

Организационно-деятельностный блок модели представляет собой собственно технологию, которая реализуется в условиях ботанического сада с дошкольниками, проживающими в неблагоприятных климато-географических районах Крайнего Севера. Здесь представлены условия реализации, направления и формы работы, этапность проведения, субъекты деятельности. Собственно этот основной блок демонстрирует главные психолого-педагогические условия (в рамках экпсихологии развития учитывает формирование пространственной среды для регуляции эмоций и поведения), которые оказывают существенное влияние на формирование эмоционального благополучия:

- преодоление сенсорной депривации;
- преодоление мышечной (двигательной) пассивности;
- преодоление напряженных отношений ребенка со взрослыми и сверстниками и др.

К условиям реализации относятся: время проведения (самое неблагоприятное для дошкольников-северян), среда ботанического сада, которая является площадкой для проведения сопровождения, и обязательная включенность всех субъектов сопровождения.

Технологические аспекты имеют две составляющие: направления и формы работы (трудовая деятельность, творческая активность, контакты с живыми объектами, экологическое обучение и воспитание, рефлексия, получение знаний согласно возрасту, игровая подача материала, эмоциональная включенность, практическая значимость результатов) и этапность проведения (от простого к сложному).

Следующей составляющей организационно-деятельностного блока выступают субъекты деятельности (родители, воспитатели, дети). Эффективность формирования эмоционального благополучия дошкольников тесно связана с активностью совместного сотрудничества в триаде *воспитатель – ребенок – родитель* (иногда с привлечением дополнительных специалистов), единством выполнения психолого-педагогических условий, взаимной помощью и поддержкой всех субъектов эколого-психологического сопровождения.

Немаловажную роль в эколого-психологическом сопровождении играет оценочный блок, который включает в себя диагностические методы, критерии оценивания и основные компоненты оценивания.

В одну из задач данного блока входила подборка экспресс-методики для определения эффективности реализации программы, т. е. оценка эмоционального благополучия дошкольников при негативном воздействии факторов среды. По нашему мнению, методика должна удовлетворять следующим требованиям:

- отсутствие (или минимизация) текстовой составляющей;
- простота в использовании;
- скорость проведения;
- доступная интерпретация результатов;
- возможность количественной оценки и статистической обработки данных;
- адекватность доказательной базой для конкретной программы.

Программа эколого-психологического сопровождения влияет главным образом на психическое состояние ребенка за счет положительных эмоций при взаимодействии с растениями и животными. Эмоции играют существенную роль в регуляции и развитии не только психических процессов, но и личности в целом. А эмоциональные процессы и процессы развития личности – наиболее сложная проблема психологических исследований [Орехова 2006]. Многие авторы отмечают уникальную связь эмоций с цветосенсорикой [Собчик 2005; Тимофеев, Филимоненко 1995; Фрилинг, Ауэр 1973; Фрумкина 1984]. Обогащение сенсорных ощущений ребенка также является одной из задач сопровождения.

Диагностика детей, по нашему мнению, должна проводиться в двух направлениях: оценка психологической и физиологической составляющих. Оценку состояния детей мы рекомендуем осуществлять с учетом их возрастных особенностей, используя психологический инструментарий (проективные

методы) и функциональную диагностику состояния дошкольников. Именно такой комплекс будет обеспечивать наиболее полное доказательство эффективности проводимого сопровождения. Кроме того, к диагностическим методам мы отнесли оценку динамических изменений параметров среды. Среди множества показателей мы выбрали следующие: поток радиоизлучения, усредненный планетарный Кр-индекс (отражает геомагнитные изменения поля Земли при взаимодействии с заряженными частицами, излучаемыми Солнцем), поток нейтронов, достигающий приземного пространства, и давление. Оценка этих параметров чрезвычайно важна, т. к. затормозить или уменьшить их воздействие невозможно. Поэтому в самые неблагоприятные по геогелиомагнитной обстановке дни рекомендуем усилить воздействие специальных психолого-педагогических условий (описаны выше) с применением здоровьесберегающих технологий, что поможет частично нивелировать негативное средовое воздействие.

К критериям оценивания (вторая составляющая оценочного блока) нами были отнесены статистическая значимость результатов и сравнительный анализ.

Компонентами оценочного блока выступают дети как субъекты деятельности и характеристики внешней среды, т. е. изменение параметров именно этих компонентов мы предлагаем оценивать в ходе эколого-психологического сопровождения.

Последний результативный блок включает две составляющие: психофизиологические параметры и средовые характеристики. К психофизиологическим показателям мы относим особенности эмоционального состояния ребенка, уровень тревожности, внешние признаки эмоционального возбуждения, количество страхов, предпочтение различных категорий социальных эмоций и ценностных ориентаций, вегетативный баланс и напряжение механизмов регуляции. К средовым характеристикам, которые приводят к различным негативным последствиям у детей, мы отнесли метеочувствительность и сенсорную депривацию. Динамические изменения именно этих параметров будут приводить к положительному результату, т. е. к снижению негативного воздействия внешних факторов, тем самым приводя к формированию эмоционального благополучия.

Результативный блок отражает эффективность достижения цели, т. е. формирование эмоционального благополучия дошкольников, проживающих в экстремальных условиях Севера посредством нивелирования негативного влияния факторов среды.

Концепции, лежащие в основе модели эколого-психологического сопровождения дошкольников

Идея об исцеляющих и вдохновляющих свойствах природы – очень древняя концепция. Возможно, ее происхождение можно проследить от платоновско-аристотелевской традиции обучения в роще возле храма Аполлона Ликейского, в знаменитом Ликее. Для каждого занятия были выделены специальные участки, оформленные таким образом, чтобы вызывать у слушателей определенные эмоции, способствующие лучшему восприятию конкретного материала, или символически отображать идею, которую излагал лектор [Лихачев 2014].

Другая гипотеза происхождения связана с древне-китайской философской системой гармонизации человеческого существования с окружающей средой Фен Шуй.

В Новое время первые попытки психолого-педагогического сопровождения при помощи садовых ландшафтов зафиксированы в конце XVIII – начале XIX в. Испанские госпитали в 1806 г. использовали садоводство как метод реабилитации для умственно отсталых пациентов. Многие больницы имели свои огороды, где выращивались овощи и пряные травы для обеспечения свежей продукцией. Пациенты, которые были бедны, часто работали в этих садах в качестве оплаты за лечение. Доктора заметили, что эти пациенты часто выздоравливали быстрее, чем богатые пациенты, которым не было нужды работать в саду [Сизых и др. 2006]. Психиатрическая лечебница Фрэнс (Филадельфия, США) использует садоводство в качестве терапевтического средства с 1813 г. [Durham, Kenline 1996].

Терапевтическое садоводство и эколого-психологическое сопровождение начали развиваться в начале XIX в., когда проводилась реабилитация ветеранов Гражданской войны США, страдающих психическими расстройствами. Терапевтическое садоводство основывалось на принципах садово-паркового искусства и знаниях о функционировании человеческой психики и нервной системы. С самого начала в этой прикладной области присутствовала научная психологическая составляющая. Однако до начала XX в. не было необходимости в развитии теоретических основ, т. к. специалисты сталкивались с небольшим количеством случаев психических отклонений. Ситуация изменилась в XX в., когда массовые психические отклонения стали результатом двух Мировых войн и урбанизации, которая разрушает

связь человека с природой [Сизых и др. 2006]. Очевидно, что в сложившихся условиях доля научной составляющей психологического сопровождения с использованием природных объектов существенно возросла, сделав ее доминирующей.

В XIX в. в психологии возникло новое направление, основанное на работах французских философов, которое называлось *энвайронментализм*. Эта концепция подчеркивала важность влияния природной среды на человека и утверждала, что природное окружение строго определяет условия жизни людей. Поведение человека при этом рассматривалось как совокупность реакций на раздражители, источником которых являются климат, рельеф, растительность [Стерлигова 2012].

В 1916 г. американский социолог Р. Парк отмечал в своих работах введение экологических понятий в психологическую литературу, причем эти понятия использовались для описания взаимосвязи окружающей среды и поведения человека [Парк 1999].

Главным методологическим принципом Курта Левина, одного из основателей психологии окружающей среды, было смещение акцента исследования с объекта (человека и его поведения) к анализу взаимоотношения человека с объектами окружающей среды, изучению структуры этих связей [Жизненное пространство... 2020; Tolman 1948].

Термин *environmental psychology* (психология среды) ввел в 1943 г. Эгон Брунстик в рамках своей теории вероятностного функционализма. Эта теория утверждает, что психология должна уделять внимание окружающей среде организма не меньше, чем самому организму. Это обосновывалось тем, что адаптация организма (прежде всего поведенческая) базируется на вероятностных сигналах окружающей среды [Brunswick 1943; Gifford 2007].

На основе этих теорий Р. Баркер и Дж. Гибсон создали новое направление в психологии – экологическую психологию (*ecological psychology*). Ее методологической основой является изучение восприятия-действия как единого целого, при этом восприятие интерпретируется как получение экологически важной информации. Эта теория утверждала, что животные и человек воспринимают не столько свойства объекта, сколько возможности его использования [Гибсон 1988; Barker 1968; Gibson 1966]. Дж. Гибсон ввел понятие *аффорданс* – воспринимаемые свойства предмета или среды, которые позволяют использовать его определенным образом в соответствии с целями или интересами воспринимающего субъекта. Дж. Гибсон также

использовал эту концепцию для создания теории зрительного восприятия [Gibson 1979].

В конце 1950-х – 1960-е гг. после работ Дж. Гибсона и Р. Баркера началась широкая дискуссия о связи человека с окружающей средой посредством восприятия. Основными дискутирующими сторонами были сторонники экологической психологии, отстаивающие неразрывность восприятия и действия как основу адаптивного механизма человека и высших животных, и сторонники бихевиоризма, делающие акцент на изучении связей *стимул – реакция* (рефлексов).

Т. Дж. Дохерти делает экпсихологию базой для общественного движения, расширяя область ее исследований изучением связи между сохранностью природной среды, здоровьем людей и их психологическим благополучием [Doherty 2011]. Т. Росзак в этом же ключе исследует связь эмоциональной составляющей человека с состоянием его окружающей среды (естественной природы) [Roszak 1992].

На основе этих исследований в некоторых странах разрабатывается концепция общественного развития, предусматривающая учет качества природной среды как одного из факторов, положительно влияющих на здоровье каждого человека и общественное здоровье в целом. Так, А. Барлс отмечает, что одним из эффективных средств укрепления здоровья населения является интенсификация контактов человека с естественной природной средой [Burls 2007]. Можно признать, что в зарубежной психологической литературе в настоящее время существует консенсус о том, что эмоциональное благополучие человека положительно связано с благоприятностью окружающей среды [De Young 2010; Kellert 1998].

Л. Баззелл и К. Чалквист используют термин *экотерапия* как комплексное понятие, отражающее совокупность методов оздоравливающих воздействий, которые основаны на взаимодействии природной среды и человека. Такие воздействия, по мнению авторов, могут быть осуществлены в рамках психотерапевтических программ, включающих взаимодействия с животными (анималотерапия, *animal-assisted therapy*) и / или растениями (социально-терапевтическое садоводство, *гаденотерапия*), а также в рамках различной активности в дикой природе и приближенной к ней местности [Buzzell, Chalquist 2009].

Одна из тенденций современных США и Европы – вовлечение детей в садоводство и огородничество. Основная цель заключается не только в развитии у них

умений и навыков выращивания зелени, но и в формировании сознательного отношения к природе, отсюда разовьется привычка вести здоровый образ жизни, укреплять свое физическое и эмоциональное благополучие [Сизых и др. 2014].

В России еще с конца 1990-х гг. наблюдается повышенный интерес к изучению взаимодействия человека и окружающей среды, разрабатываются подходы и методы использования среды как инструмента обучения, психотерапии, социализации [Глебов 2008; Дерябо 1999; Дерябо, Ясвин 1996; Панов 2004].

В соответствии с данными В. И. Панова, для анализа онтогенеза и поведения человека ключевым аспектом является установление взаимосвязи между человеком и окружающей средой [Панов 2004].

Идеи тесной взаимосвязи ребенка с окружающей его природной средой находят свое отражение в педагогической литературе. Так, еще в XVIII в. И. Песталоцци полагал, что исходным моментом обучения ребенка является его чувственное познание окружающего мира. Ж.-Ж. Руссо отмечал, что способность воспринимать мир через ощущения, дающие представления о предметах, и любовь к себе являются ключевыми свойствами личности, развитию которых необходимо уделить особое внимание в воспитании. До двух лет приоритетным является физическое развитие ребенка. В период 2–12 лет ребенок пробует сам добывать знания, которые складываются из наблюдений за окружающей живой природой и собственного опыта.

В работе Е. И. Тихеевой и соавторов ключевое место отводилось использованию деятельности в природной среде для развития ребенка. Способы приобщения к миру природы должны включать знакомство детей с окружающим миром через прогулки и экскурсии. Кроме того, это знакомство должно продолжаться посредством создания специальных условий в детском саду [Тихеева и др. 1919]. Эту идею можно рассматривать как пример экологизации развивающей среды дошкольного учреждения, включающей в себя уголок природы и участок с растениями [Акулова и др. 2013].

В работах К. Д. Ушинского отмечена связь эмоционального развития детей, становления детской системы ценностей с их отношением к живой природе [Ушинский 1974]. Он представлял природу как мощнейший элемент в воспитании ребенка [Вяземский 2023].

Идеи гуманистического отношения к природе отражены в трудах В. А. Сухомлинского. Основная педагогическая задача сводилась к воспитанию у детей стремления к осознанию красоты жизни и борьбы против ее разрушения. В своих работах автор предлагал использовать занятия, включающие прямое общение с природой – экскурсии, элементы сельскохозяйственного труда и т. п. [Сухомлинский 2016]. Это способствует развитию в детях доброжелательности, сопереживания, чувства красоты [Грохольская 2018].

В работах А. С. Макаренко важным фактором воспитания, побуждающим детей к нравственному поведению, выступает красота окружающей среды. Как пример можно рассмотреть трудовую деятельность подростков в природной среде: выращивание цветов, оформление жилых и рабочих комнат. Общественно-полезный труд являлся одним из главных стержней педагогики А. С. Макаренко, в том числе и труд по формированию эстетичной среды, как в помещениях, так и на открытом воздухе. Это, по его мнению, являлось главной движущей силой в развитии эстетических, нравственных и волевых качеств подрастающего человека, которые в дальнейшем будут способствовать формированию его эмоционального благополучия¹.

В 1980-х гг. экологической проблемой в воспитании детей занималась М. В. Лучич. Она отмечала, что окружающий мир всегда вызывает у детей огромный интерес. Но чаще всего самого удивительного они просто не замечают. Следовательно, именно взрослый должен научить их видеть красоту и уникальность природы, относиться к ней с уважением [Лучич 1989].

По мнению С. О. Груниной и Т. В. Киселевой, богатейшей средой для развития сенсорных систем ребенка (слуха, зрения, обоняния, осязания, вкуса) является природа. Эффективное развитие у детей пространственного восприятия происходит при активном освоении разнообразных ландшафтов. Кроме того, приобретение такого навыка учит их без боязни перемещаться и ориентироваться во внешней среде, обогащает эмоциональную сферу. Терапевтические, реабилитационные и образовательные дисциплины используют растения, садоводство и другие виды деятельности на природе в качестве мотивационного стимула, который оказывает положительный эффект и улучшает социальное, психологическое и физическое благополучие детей. Взаимодействие не только

¹ Макаренко А. С. Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе. *Учительская газета*. 1941. URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000000/st015.shtml> (дата обращения: 31.01.2024).

с растениями, но и с животными оказывает благотворное влияние на детей. Такая активность помогает ребенку использовать свои собственные возможности, раскрыть в себе новые ресурсы и благодаря этому улучшить качество жизни [Грунина, Киселева 2011].

В работах Б. Левинсона показано, что контакты и игры с животными оправданы в работе с неопытными, скованными, замкнутыми детьми [Levinson 1984]. Следовательно, общение с животными в качестве основного компонента коррекционной работы может помочь детям начать контактировать с реальностью [Харчук 2007].

Б. В. Шеврыгин и А. В. Шеврыгина предлагают лечить с помощью прослушивания голосов птиц нервные болезни, бессонницу, различные неврозы и соматические заболевания [Шеврыгин, Шеврыгина 1998].

А. И. Захаров предложил методику проработки страхов у детей с использованием образов животных (теневые куклы). Реализуя страх в виде кукольного животного, ребенок овладевает ситуацией, и материализованный в кукле страх лишается своей эмоциональной напряженности, своей пугающей составляющей [Захаров 2007].

Процессы взаимодействия человека с животными и с живой природой в целом исследованы в работах [Водолазская, Агафонов 2008; Дерябо 1999]. Обобщая выводы этих авторов, можно выделить следующие функции общения человека с живой природой: психофизиологическая; психотерапевтическая; реабилитационная; эстетическая; когнитивная; коммуникативная; функция самореализации. Для общего описания этих взаимодействий С. Д. Дерябо вводится понятие *мир природы*. Оно определяется как совокупность конкретных природных объектов, взятых в их единстве и неповторимости [Дерябо 1999].

Таким образом, мы отмечаем, что взаимодействие человека с живой природой имеет большой психолого-педагогический потенциал, который может быть использован в различных эколого-психологических технологиях. Животный и растительный мир можно рассматривать как фактор онтогенеза личности, который способствует сохранению и укреплению ее здоровья, формирует общее состояние благополучия [Дерябо 1999]. Различные терапевтические, реабилитационные и образовательные дисциплины используют в качестве мотивационного инструмента для улучшения социального, психологического

и физического благополучия взрослых и детей разнообразные формы взаимодействия с растениями и животными (активное и пассивное), а также деятельность в природной среде. В программы экологической и средовой терапии зачастую интегрированы разные формы и методы, включая терапию дикой природы, терапевтический метод восстановления среды, метод экологического восприятия, садовую терапию, терапию приключениями, анималотерапию, ароматерапию. Для экологической терапии к тому же характерно использование природных зон – садов и парков, ботанических садов, заказников, анклавов дикой природы – в целях укрепления здоровья населения [Копытин 2016]. В целом можно заключить, что в мировой и отечественной психологии наблюдается тенденция к комплексным исследованиям, которые объединяют психологию с другими науками.

Использование ресурсов ботанических садов для психолого-педагогической работы

Принципы Международной стратегии ботанических садов касаются разработки научных основ использования растительных ресурсов, включают информационно-просветительскую и образовательную деятельность. С 2008 г. Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н. А. Аврорина Кольского научного центра РАН (ПАБСИ КНЦ РАН) активно внедряет в свою деятельность основные принципы этой стратегии² [Golding et al. 2010]. В ПАБСИ КНЦ РАН проводятся экскурсии, выставки, общественные мероприятия муниципального и регионального уровней, научные и экологические фестивали, разрабатываются и реализуются образовательные программы в области экологии и биологии. Эта деятельность точно соответствует определению экологического образования и просвещения.

Первая концепция, которую мы берем за основу при разработке эколого-психологического сопровождения на базе ботанического сада, это **экопсихология развития** – наука, изучающая особенности, закономерности и механизмы психического развития, проявляющиеся в условиях взаимодействия человека с окружающей средой [Панов 2004]. Эта концепция пытается объединить подход экологической психологии (Дж. Гибсон и др.), психологию образовательной среды (Л. С. Выготский и др.) и психологию экологического сознания (С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин и др.).

² International Agenda for Botanic Gardens in Conservation. 2nd ed. Richmond, UK: Botanic Gardens Conservation International, 2012. 49 p. URL: https://www.bgci.org/files/Worldwide/News/SeptDec12/international_agenda_web.pdf (accessed 31 Jan 2024).

Психика в этой концепции рассматривается диалектически: с одной стороны, как превращенная форма действительного существования пространственных свойств и отношений окружающей среды, с другой – как собственная форма, т. е. как актуально протекающий непосредственно-чувственный процесс психического отражения (восприятия) и перцептивного образа как его результата [Панов 2004].

Разрабатываемая В. И. Пановым концепция предполагает формирование экологического сознания путем изменения статуса окружающей среды с объекта познания на субъективное средство собственного развития путем создания индивидуальных отношений (коммуникативных и когнитивных) с миром природы, миром людей и с самим собой [Панов 2004]. Автор концепции предполагает, что психологическим базисом экологического сознания является личный опыт переживания единства индивида с объектом живой природы на разных уровнях: непосредственно-чувственном, эмоциональном, личностном.

Таким образом, по мнению В. И. Панова, системообразующим фактором, объединяющим человека и природу в единую систему, является некое коммуникативное взаимодействие индивида с миром природы, отвечающее следующим условиям:

1) создает ситуацию развития психических процессов индивида посредством расширения их диапазона естественного функционирования;

2) дает личный опыт переживания единства с природным объектом на разных психологических уровнях.

В результате такого коммуникативного взаимодействия предполагается создание единого субъекта совместного развития (формы бытия) *человек – мир природы*, который реализует общеприродные принципы развития [Панов 2004].

Формирование элементарного уровня экологического сознания начинается в старшем дошкольном возрасте, большей частью в процессе игровой деятельности и при общении со взрослыми. Функцию обеспечения целенаправленного, разностороннего, содержательного воздействия общества на детей выполняют образовательные учреждения. Кроме того, на ребенка огромное влияние оказывает семья, а также литература, кино, театр, Интернет. В дальнейшем строение экологического сознания усложняется посредством дифференцированности и совершенствования познавательных процессов, образуя сложную структуру – предметный мир, который представляется во все более обобщенном и абстрагированном виде, более полно и глубоко [Чердымова 2011].

При формировании сознательного отношения к природе необходимо принимать во внимание, что процесс этого развития связан с изменениями в различных сферах ребенка (эмоциональной, познавательной) и касается осуществляемой им практической деятельности и совершаемых поступков.

В. А. Ясвин выделяет 4 компонента отношения к природе:

1. Эмоциональный компонент характеризует отношение к миру природы, главным образом по шкале *нравится – не нравится*. Этот компонент отношения связан с оценочными суждениями, предпочтениями и чувствами человека, касающимися мира природы.

2. Познавательный компонент характеризуется степенью готовности и стремления получать, искать и перерабатывать информацию о мире природы.

3. Практический компонент определяется готовностью и стремлением к практическому взаимодействию с миром природы и характером этого взаимодействия.

4. Поступочный компонент характеризуется активностью человека, направленной на изменение окружения в соответствии со своим отношением к миру природы [Ясвин 1998].

Как показывают работы ряда авторов, для формирования и коррекции экологического сознания у детей чаще всего используются следующие основные психологические принципы: обучение и воспитание, направленные на формирование экологических представлений; рефлексия; общение с миром природы; идентификация; деятельность; создание экологизирующей образовательной среды; расширение способности к невербальному общению [Гагарин 2000; Дерябо, Ясвин 1996; Кавтарадзе, Брудный 2012; Панов 2004].

Вторая основополагающая концепция связана с трудами А. Мехрабиана (Мейерабяна) и Дж. А. Рассела [Mehrabian, Russell 1974]. Она заключается в определении эффективных (итоговых, обобщенных) эмоциональных характеристик окружающей среды и нахождении взаимосвязей с поведением. Данная концепция исходит из представления о связи непосредственно воспринимаемой информации с базовыми эмоциональными реакциями (раздражение, удовольствие, доминирование / подчинение). Эти базовые реакции являются связующей частью между первичной информацией и формированием поведенческой реакции на окружающую среду. Таким образом, комфортная окружающая среда вызывает в человеке следующие основные проявления: эмоциональная отзывчивость, интерес к природным объектам, желание и умение

заботиться о живом [Леонтьев 2007; Gauld, Shatter 1977; Mehrabian, Russell 1974].

С целью формирования эмоционального благополучия дошкольников, проживающих в экстремальных климатогеографических условиях, нами была организована практическая реализация модели эколого-психологического сопровождения в виде технологии для северных детей. Такого типа сопровождение было реализовано с учетом обозначенных выше специальных психолого-педагогических условий. Рассмотрим особенности реализации сопровождения на территории заполярного ботанического сада. Отметим, что в настоящее время функции ботанических садов значительно расширились: помимо образовательно-просветительской деятельности они успешно выполняют психолого-педагогические и реабилитационно-оздоровительные задачи [Кузеванов, Сизых 2010]. Одним из примеров такой деятельности является расположенный в Мурманской области Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н. А. Аврорина [Калашникова 2019].

В данной статье мы предлагаем ознакомиться с технологией, которая является реализацией модели эколого-психологического сопровождения детей старшего дошкольного возраста, проживающих в районах с экстремальными климатогеографическими условиями [Калашникова и др. 2016]. В основу технологии легли специальные психолого-педагогические условия. Фундаментальными принципами послужили следующие теории: экпсихология развития В. И. Панова, концепция влияния среды А. Мехрабиана и Дж. А. Рассела.

Технология эколого-психологического сопровождения направлена на нивелирование негативного воздействия факторов среды для улучшения эмоционального благополучия северных детей. Представленная система не претендует на универсальность, она направлена на реализацию комплексного подхода к созданию психолого-педагогических условий для уменьшения негативного воздействия факторов среды.

Мы выделили следующие компоненты данной программы: образовательный (знакомство с миром растений и животных); реабилитационный (взаимодействие с растениями и животными, активная творческая и трудовая деятельность); коммуникативный (стимуляция речевой активности и социальной адаптации); коррекционный (развитие крупной и мелкой моторики, сенсомоторных навыков, релаксация). В основе технологии эколого-психологического сопровождения лежит активное взаимодействие

с растениями и животными посредством использования авторских методик, которые были разработаны с учетом климатогеографических условий заполярных регионов.

Уникальность авторских разработок первого блока заключается в гармоничном сочетании трудовой деятельности и творческой активности в зимне-весенний период: применение основных агротехнических приемов и ассортимента однолетних растений при создании «живых» композиций в условиях помещения ботанического сада. Основной акцент при этом делается на развитие сенсомоторных навыков [Гонтарь и др. 2015].

По мнению многих авторов (А. С. Макаренко, В. А. Зезеевой, С. Н. Николаевой и др.), трудовая деятельность является средством всестороннего развития детей дошкольного возраста. Именно в этом возрасте у детей формируются привычки к трудовой деятельности, они учатся доводить дело до конца, становятся настойчивыми, самостоятельными и ответственными, учатся помогать друг другу и быть инициативными. Согласованность и точность движений в процессе трудовой деятельности, а также полученный наглядный результат помогают им создавать, ценить и беречь красивое, что способствует их нравственному и эстетическому развитию [Зезеева 2009; Николаева 2002].

Благоприятные условия для сенсорного развития создает активная деятельность с животными и растениями. Кроме того, по мнению ученых из Иркутского ботанического сада, применяемый в работе процесс рефлексии, направленный на себя и на окружающую природу, помогает человеку лучше понять свое место в мире. Дети любят ухаживать за растениями, наблюдать за их ростом и развитием, вступая с ними в процесс общения на другом уровне, канале восприятия, посредством запахов, выделяемых веществ, цвета, формы и т. д. [Сизых и др. 2014].

При разработке второго блока мы учитывали психологические особенности дошкольного возраста, соотносили их с основными фундаментальными концепциями и психолого-педагогическими условиями. Таким образом, на занятиях присутствует обязательный тактильный контакт с животными, работа с образцами животных (игрушки, изготовление поделок), игровой момент с элементами перевоплощения.

Различные поведенческие реакции животных: голос, движения, реакции на внешние стимулы, в особенности на других животных и людей, – порождают сильный эмоциональный ответ у детей.

По большей части такой положительный эмоциональный отклик у них вызывают высокоорганизованные животные с развитыми реакциями на людей и склонностью к социальным взаимодействиям – преимущественно высшие млекопитающие и некоторые птицы; членистоногие, рептилии и амфибии редко вызывают положительный отклик у детей, но довольно часто – реакции страха и агрессию. Дети оценивают как привлекательных таких животных, которые охотно вступают в контакт, играют и в целом демонстрируют сложные паттерны взаимодействия с людьми. Дети в свою очередь обычно тоже относятся позитивно к таким животным, ухаживают за ними, вступают в игру и крайне редко причиняют им осознанный вред. При этом дети проявляют осторожность в обращении с животными, дабы предупредить негативные реакции со стороны животного (агрессию, бегство, отказ от игры) [Зебзеева 2009].

Ключевой особенностью технологии является построение образовательного процесса таким образом, что животный мир изучается в последовательности от более простых организмов (рыбы, моллюски) до более сложных (кролики, кошки, олени) и высокоинтеллектуальных (лошади) животных. Так, дети получают научную информацию в доступных, согласно возрасту, форме и объеме. А животный мир предстает перед ними во всей своей целостности и красоте.

Реализация технологии в ходе образовательного процесса рассчитана на использование специализированных объектов, находящихся на территории ПАБСИ КНЦ РАН: теплица комнатных растений, оранжерея тропических и субтропических растений, живой уголок, гербарий. Специально для успешной реализации авторским коллективом создана специальная обучающая коллекция, включающая образцы коры деревьев, шишки, побеги разного возраста и др. Использование биообъектов в учебном процессе помогает детям устанавливать причинно-следственные связи и легче усваивать материал согласно их возрасту.

Технология включает 11 занятий, которые проводятся 1 раз в неделю. Каждое занятие состоит из 2 блоков: флора и фауна. Цикл занятий построен так, что ребенок посредством игры сразу включается в поисково-исследовательскую деятельность в области биологии и экологии с визуализацией конечной цели и обязательным практическим внедрением результатов работы в повседневную жизнь [Гонтарь и др. 2015].

В ходе реализации технологии развитию мелкой моторики уделяется особое внимание. В занятия включены не только пальчиковые игры и упражнения,

но и основные виды деятельности по работе с растениями (посев семян, пикировка сеянцев, составление букетов и др.) при изготовлении «живых» композиций.

Следует отметить, что на занятиях, проводимых в среде ботанического сада, происходит максимальное задействование органов чувств детей (разнообразные тактильные ощущения, многообразие цветовых зрительных образов, прослушивание голосов животных и др.) как при контакте с животными и растениями, так и при изготовлении поделок. Эта стимуляция необходима для предотвращения развития сенсорной депривации, которая возникает в период полярной ночи и при выходе из нее.

Для физического вовлечения детей в изучаемые темы были подобраны физминутки, пальчиковые игры, дыхательные, зрительные и релаксационные упражнения, раскрывающие тематику занятия.

С учетом высокой концентрации повреждающих факторов окружающей среды в Мурманской области и связанных с ними высоких рисков возникновения невротизации у детей дошкольного возраста, а также в целях профилактики и коррекции подобных расстройств использование эколого-психологического сопровождения является наиболее целесообразным и востребованным [Калашникова 2023а].

Ботанический сад представляет собой уникальное пространство, где дети знакомятся с природным миром и непосредственно взаимодействуют с ним. На территории сада имеются специально оборудованные помещения, что обеспечивает возможность организации наблюдений за живой природой и развития научно-практической деятельности детей в течение всего года [Калашникова 2019].

Согласно В. А. Ясвину, в настоящее время возникла настоятельная потребность в разработке целенаправленной педагогической системы, где передача детям определенного объема экологических знаний становится лишь одним из аспектов наряду с другими: эмоциональным воздействием природных объектов на ребенка, организацией педагогической практической работы с ними и стимулированием экологической активности [Ясвин 2019].

Не только функцию специализированной педагогической системы экологической направленности в Заполярье на сегодняшний день активно выполняет Полярно-альпийский ботанический сад-институт, но и осуществления эколого-психологического сопровождения детей, проживающих в Мурманской области. В ходе эколого-психологического сопровождения дошкольникам прививается интерес к объектам живой

природы, который в свою очередь рождает понимание, затем сочувствие, а в дальнейшем – ощущение ответственности и формирование экологического сознания. Это и есть, по сути, основная цель экопсихологии.

На территории ПАБСИ КНЦ РАН, где проводятся занятия по экологической терапии, осуществляется активное вовлечение детей в природную среду. Процессы самостоятельного создания «живых» композиций и выращивания газонов способствуют формированию специальных условий, которые позволяют детям перейти от роли наблюдателя к роли активного участника природных процессов, осознавая связь с природой и свою ответственность. Прогулки по оранжерее в период глубокого снежного покрова стимулируют развитие сенсорной системы детей. Таким образом, создание специфических психолого-педагогических условий на территории ботанического сада и проведение занятий на основе эколого-психологического сопровождения оказывают положительное влияние не только на эмоциональную сферу, но и на поведение дошкольников, способствуя формированию их психоэмоционального благополучия [Калашникова 2023b].

Заключение

Климатогеографическая среда Кольского Севера оказывает выраженное негативное влияние на формирование здоровья, в первую очередь детей. Наиболее неблагоприятными периодами в условиях Заполярья считается полярная ночь и период выхода из нее. У детей в это время происходят изменения обмена веществ, отмечается общая слабость, вялость, повышенная утомляемость. Общепринятым является мнение о повышении в период полярной ночи у детей частоты астеновегетативных и невротических расстройств.

При негативном воздействии климатогеографических факторов на детский организм необходимо создание психолого-педагогических условий в образовательной организации, системе дополнительного образования и семье, которые будут способствовать формированию эмоционального благополучия детей-северян.

Проанализированные психолого-педагогические условия, по нашему мнению, являются очень важными, но недостаточными для формирования эмоционального благополучия детей, проживающих в регионах с экстремальными климатогеографическими характеристиками. Мы делим психолого-педагогические условия на общие (характерные для дошкольных учреждений независимо от территории нахождения) и специальные (характерные для районов

с какими-либо специфическими условиями: климатическими, этнографическими, религиозными, культурными и пр.). К числу специальных нами отнесены мониторинг психоэмоционального состояния дошкольника, особенно в период выхода из полярной ночи, гибкая настройка пространственной среды образовательной организации и применение технологии эколого-психологического сопровождения в образовательном процессе.

Нами построена модель эколого-психологического сопровождения, представленная 4 основными блоками: целевым (цель сопровождения, задачи, основные подходы и принципы); организационно-деятельностным (условия реализации, основные технологические аспекты и субъекты деятельности); оценочным (диагностические методы, критерии оценивания и главные компоненты); результативным (основные компоненты воздействия). Основные блоки представленной модели соответствуют плану психологического сопровождения личности в экстремальных условиях и являются структурными элементами данного процесса, которые можно конкретизировать согласно условиям психолого-педагогического исследования.

С целью формирования эмоционального благополучия дошкольников, проживающих в экстремальных климатогеографических условиях, было организовано эколого-психологическое сопровождение детей на базе ботанического сада. Разработанная в ботаническом саду технология эколого-психологического сопровождения направлена на нивелирование негативного воздействия факторов среды для улучшения эмоционального благополучия северных детей. В основе данной программы лежит активное взаимодействие с растениями и животными при использовании авторских методик, которые разрабатывались с учетом климатогеографических характеристик заполярных регионов.

Подводя итоги, отметим, что нами разработаны психолого-педагогические условия для формирования эмоционального благополучия дошкольников в регионе с экстремальными климатогеографическими характеристиками. На основе выделенных специальных психолого-педагогических условий была создана модель эколого-психологического сопровождения. Разработанная здоровьесберегающая технология позволила реализовать выделенные условия в процессе организации психолого-педагогического сопровождения дошкольников в контексте сотрудничества ботанического сада с дошкольными образовательными организациями.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Калашникова – концептуализация, проведение исследования, написание рукописи, визуализация. К. Н. Белогай – обсуждение результатов, формулировка выводов, редактирование рукописи.

Contribution: I. V. Kalashnikova developed the research concept, performed the research, wrote the manuscript, and visualized the model. K. N. Belogai provided scientific guidance, formulated the conclusions, and proofread the manuscript.

Литература / References

- Акулова О. В., Бабаева Т. И., Березина Т. А., Вербенец А. М., Гогоберидзе А. Г., Грядкина Т. С., Деркунская В. А., Ивченко Т. А., Михайлова З. А., Никонова Н. О., Новицкая В. А., Полякова М. Н., Римашевская Л. С., Солнцева О. В., Сомкова О. Н., Таратухина М. С., Яфизова Р. И. Дошкольная педагогика с основами методик воспитания и обучения. СПб.: Питер, 2013. 464 с. [Akulova O. V., Babaeva T. I., Berezina T. A., Verbenets A. M., Gogoberidze A. G., Gryadkina T. S., Derkunskaia V. A., Ivchenko T. A., Mikhailova Z. A., Nikonova N. O., Novitskaya V. A., Polyakova M. N., Rimashevskaya L. S., Solntseva O. V., Somkova O. N., Taratukhina M. S., Yafizova R. I. *Preschool pedagogy with the basics of methods of education and training*. St. Petersburg: Piter, 2013, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxyuvv>
- Асмус Е. В. Психолого-педагогические условия сопровождения формирования эмоциональной сферы детей с речевыми нарушениями. *Современная наука: теоретический и практический взгляд: VI Междунар. науч.-практ. конф.* (Таганрог, 19 декабря 2016 г.) Таганрог: Перо, 2016. С. 26–31. [Asmus E. V. Psychological and pedagogical conditions for supporting the formation of the emotional sphere in children with speech disorders. *Modern Science: Theoretical and Practical View: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Taganrog, 19 Dec 2016. Taganrog: Pero, 2016, 26–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrembr>
- Бадудина О. И. Педагогические основы эмоционального благополучия дошкольников: дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 140 с. [Badulina O. I. *Pedagogical foundations of the emotional well-being of preschool children*. Cand. Ped. Sci. Diss. Moscow, 1998, 140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlnjvh>
- Бойко В. И. Психолого-педагогические условия эмоционального развития детей старшего дошкольного возраста. *Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2018: Междунар. студенч. науч.-практ. конф.* (Магнитогорск, 21–23 марта 2018 г.) Магнитогорск: МГТУ, 2018. С. 740–744. [Boyko V. I. Psychological and pedagogical conditions for the emotional development of children of senior preschool age. *Student and science: Humanities – 2018: Proc. Intern. Student Sci.-Prac. Conf.*, Magnitogorsk, 23 Mar 2018. Magnitogorsk: MMSTU, 2018, 740–744. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xozafn>
- Бокучава Д. Д., Бородин Т. Л., Виноградова В. В., Глезер О. Б., Золотокрылин А. Н., Соколов И. А., Титкова Т. Б., Черенкова Е. А., Ширяева А. В. Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России. М.: ИГ РАН, 2018. 154 с. [Bokuchava D. D., Borodina T. L., Vinogradova V. V., Glezer O. B., Zolotokrylin A. N., Sokolov I. A., Titkova T. B., Cherenkova E. A., Shiryayeva A. V. *Natural and climatic conditions and socio-geographical space of Russia*. Moscow: IG RAS, 2018, 154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtayeg>
- Весна Е. Б., Ширяева О. С. Психологическое благополучие личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности. *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2009. № 12. С. 31–41. [Vesna E. B., Shiryayeva O. S. Psychological well-being of a person in extreme natural and climatic living conditions. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2009, (12): 31–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvnnex>
- Водолазская Е. С., Агафонов В. А. Животные-целители: кошки от гипертонии, собаки для детского здоровья, верховая езда при болезнях позвоночника. М.: Эксмо, 2008. 222 с. [Vodolazskaya E. S., Agafonov V. A. *Animal healers: Cats treat hypertension; dogs are good for children; horse riding relieves spine issues*. Moscow: Eksmo, 2008, 222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlqxhv>
- Вяземский Е. Е. Вклад великого российского педагога К. Д. Ушинского в отечественную педагогику и образование. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2023.

- № 2. С. 18–26. [Vyazemsky E. E. Contribution of the great Russian educator K. D. Ushinsky to Russian pedagogy and education. *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, (2): 18–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/inpqku>
- Гагарин А. В. Воспитание природой: некоторые аспекты гуманизации экологического образования и воспитания. М.: МГППУ, 2000. 232 с. [Gagarin A. V. *Education by nature: some aspects of the humanization of environmental education and upbringing*. М.: MSUPE, 2000, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qijyucp>
- Герасимова Е. Н., Фаустова И. В. Основные направления психокоррекционной работы по преодолению эмоционального неблагополучия детей старшего дошкольного возраста. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2009. Т. 15. № 1. С. 174–178. [Gerasimova E. N., Faustova I. V. The main directions of psycho-correction work to overcome emotional distress of children in senior preschool age. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Serii: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naiia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2009, 15(1): 174–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mufcsh>
- Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с. [Gibson J. J. *An ecological approach to visual perception*. Moscow: Progress, 1988, 464. (In Russ.)]
- Глебов В. В. Экологическая психология. М.: РУДН, 2008. 1 CD-ROM. [Glebov V. V. *Environmental psychology*. Moscow: PFUR, 2008, 1 CD-ROM. (In Russ.)]
- Гонтарь О. Б., Святковская Е. А., Калашникова И. В., Салтан Н. В., Носатенко О. Ю., Шлапак Е. П., Жиров В. К. Программа дополнительного образования с коррекционными элементами «Экотерапия для детей в возрасте 5–7 лет с логоневрозом». Апатиты: КаэМ, 2015. 36 с. [Gontar O. B., Svyatkovskaya E. A., Kalashnikova I. V., Saltan N. V., Nosatenko O. Yu., Shlapak E. P., Zhirov V. K. *The program of additional education with correctional elements: Ecotherapy for 5–7-year-old children with logoneurosis*. Apatity: КаэМ, 2015, 36. (In Russ.)]
- Гребенщикова Т. В. Педагогическое сопровождение эмоционального благополучия ребенка в дошкольной образовательной организации. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 4. С. 72–78. [Grebenshchikova T. V. Pedagogical support of emotional well-being of a child in a preschool educational organization. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, (4): 72–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uovrrr>
- Грохольская О. Г. Педагогические идеи и новаторский опыт В. А. Сухомлинского. *История и педагогика естествознания*. 2018. № 3. С. 48–51. [Groholskaya O. G. Pedagogical ideas and innovative experience of V. A. Sukhomlinsky. *Istoriia i pedagogika estestvoznaniia*, 2018, (3): 48–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2226-2296-2018-10308>
- Грунина С. О., Киселева Т. В. Эко-терапия как средство коррекции страхов детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. М.: ФОРУМ, 2011. 64 с. [Grunina S. O., Kiseleva T. V. *Ecotherapy as a means of correcting the fears of children with disorders of the musculoskeletal system*. Moscow: FORUM, 2011, 64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmadrб>
- Дерябо С. Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М.: МПСИ, 1999. 308 с. [Deryabo S. D. *Ecological psychology: Diagnostics of ecological consciousness*. Moscow: MPSI, 1999, 308. (In Russ.)]
- Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 480 с. [Deryabo S. D., Yasvin V. A. *Environmental pedagogy and psychology*. Rostov-on-Don: Feniks, 1996, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cigojr>
- Другова Л. А. Системные факторы эмоциональных нарушений у детей и подростков, проживающих в условиях Крайнего Севера. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. Т. 16. № 40. С. 393–397. [Drugova L. A. System factors of emotional infringements among children and teenagers in the conditions of the Far North. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, 16(40): 393–397. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mippnv>
- Дьячкова М. Г., Беляков Н. Г. Основные тенденции формирования здоровья детей и подростков, проживающих в условиях Крайнего Севера Российской Федерации. *Экология человека*. 2005. № 4. С. 19–23. [Dyachkova M. G., Belyakov N. G. Main tendencies in health formation of children and adolescents living in conditions of Far North in Russian Federation. *Ekologiya Cheloveka*, 2005, (4): 19–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hrstmv>

- Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология, ред. Н. В. Гришина, С. Н. Костромина. СПб.: СПбГУ, 2020. 532 с. [*Living space in psychology: Theory and phenomenology*, eds. Grishina N. V., Kostromina S. N. St. Petersburg: SPbSU, 2020, 532. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slgyow>
- Захаров А. И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: Речь, 2007. 310 с. [Zakharov A. I. *Daytime and nighttime fears in children*. St. Petersburg: Rech, 2007, 310. (In Russ.)]
- Зебзеева В. А. Теория и методика экологического образования детей. М.: Сфера, 2009. 288 с. [Zebzeeva V. A. *Theory and methodology of environmental education for children*. Moscow: Sfera, 2009, 288. (In Russ.)]
- Ипполитова Н. В., Стерхова Н. С. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация. *General and Professional Education*. 2012. № 1. С. 8–14. [Ippolitova N. V., Sterkhova N. S. Analysis of the notion "pedagogical conditions": Essence and classification. *General and Professional Education*, 2012, (1): 8–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypeagd>
- Кавтарадзе Д. Н., Брудный А. А. Основы экологического мировоззрения как задача образования для устойчивого развития. М.: ФИРО, 2012. 63 с. [Kavtaradze D. N., Brudnyi A. A. *Fundamentals of ecological worldview as a task of education for sustainable development*. Moscow: FIED, 2012, 63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qkuxwd>
- Калашникова И. В. Купирование негативного влияния факторов окружающей среды Кольского Севера методом экологической терапии. *Ботанические сады в современном мире*, отв. ред. В. Т. Ярмишко. СПб.: СПбГЭТУ ЛЭТИ, 2023а. Вып. 4. С. 45–49. [Kalashnikova I. V. Relief of the negative influence of environmental factors of the Kola North by the method of environmental therapy. *Botanical gardens in the modern world*, ed. Yarmishko V. T. St. Petersburg: ETU, 2023a, iss. 4, 45–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/cl-36595-2023-4-45-49>
- Калашникова И. В. Образовательно-просветительская деятельность Полярно-альпийского ботанического сада-института им. Н. А. Аврорина как пример реализации непрерывного экологического образования в Заполярье. *Научно-педагогическое обозрение*. 2019. № 2. С. 168–178. [Kalashnikova I. V. Educational activity of the Polar Alpine Botanical Garden-Institute named after N. A. Avrorin as an example of the implementation of continuous ecological education in the Arctic. *Pedagogical Review*, 2019, (2): 168–178. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-2-168-178>
- Калашникова И. В. Экологизация образовательной среды как условие купирования нервно-психического напряжения детей дошкольного возраста в Заполярье. *Актуальные проблемы развития образования на современном этапе: XIII (L) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 20 апреля 2023 г.)*. Кемерово: КемГУ, 2023b. С. 140–144. [Kalashnikova I. V. Green educational environment relieves neuropsychic stress in preschool children in the Russian Arctic. *Actual problems of education development at the present stage: Proc. XIII (L) Intern. Sci. Conf.*, Kemerovo, 20 Apr 2023. Kemerovo: KemsU, 2023b, 140–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dookck>
- Калашникова И. В., Салтан Н. В., Гонтарь О. Б., Жиров В. К. Экологическая терапия как коррекционно-педагогический элемент в комплексном подходе при лечении логоневроза у дошкольников. *Образование и наука*. 2016. № 8. С. 127–144. [Kalashnikova I. V., Saltan N. V., Gontar O. B., Zhirov V. K. Ecological therapy as a correctional and pedagogical element of integrated approach in the treatment of logoneurosis among preschool children. *Obrazovanie i Nauka*, 2016, (8): 127–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-8-127-144>
- Копытин А. И. Арт-терапевтическая среда с точки зрения клинического, социального и экологического подходов. *Медицинская психология в России*. 2016. № 1. [Kopytin A. I. Art therapy environment from the point of view of clinical, social, and environmental approaches. *Med. psihol. Ross.*, 2016, (1). (In Russ.)] URL: http://mprj.ru/archiv_global/2016_1_36/nomer08.php (accessed 31 Jan 2024).
- Кошелева А. Д., Перегуда В. И., Шаграева О. А. Эмоциональное развитие дошкольников. М.: Академия, 2003. 166 с. [Kosheleva A. D., Pereguda V. I., Shagraeva O. A. *Emotional development of preschoolers*. Moscow: Academia, 2003, 166. (In Russ.)]
- Кузеванов В. Я., Сизых С. В. Экологические ресурсы ботанических садов: связь биоразнообразия и общества. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета*. 2010. № 3. С. 161–170. [Kuzevanov V. Ya., Sizykh S. V. Ecological resources of botanical gardens: Biodiversity vs. society. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta*, 2010, (3): 161–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvxakn>

- Лаптева Ю. А. Модель психолого-педагогического сопровождения эмоционального развития детей в современном детском саду. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 9. С. 57–63. [Lapteva Yu. A. Model of psychological and pedagogical support of emotional development of children in a modern kindergarten. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, (9): 57–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjyses>
- Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 510 с. [Leontiev D. A. *Psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of semantic reality*. Moscow: Smysl, 2007, 510. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxquuj>
- Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 516 с. [Lihachev D. S. *Notes about the Russian language*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2014, 516. (In Russ.)]
- Лучич М. В. Детям о природе. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1989. 144 с. [Lučić M. V. *Children's stories about nature*. Moscow: Prosveshchenie, 1989, 144. (In Russ.)]
- Николаева С. Н. Теория и методика экологического образования детей. М.: Академия, 2002. 336 с. [Nikolaeva S. N. *Theory and methodology of ecological education of children*. Moscow: Academia, 2002, 336. (In Russ.)]
- Николаева Т. С., Ядрихинская Л. С. Педагогические условия обеспечения эмоционального благополучия детей старшего дошкольного возраста в группе сверстников. *Педагогический опыт: теория, методика, практика*. 2014. № 1. С. 238–240. [Nikolaeva T. S., Yadrinhinskaya L. S. Pedagogical conditions for ensuring the emotional well-being of children of senior preschool age in a peer group. *Pedagogicheskii opyt: teoriia, metodika, praktika*, 2014, (1): 238–240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzpdgp>
- Орехова О. А. Цветовая диагностика эмоций ребенка. СПб.: Речь, 2006. 108 с. [Orekhova O. A. *Color diagnostics of a child's emotions*. St. Petersburg: Rech, 2006, 108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxofin>
- Панов В. И. Экологическая психология. Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 197 с. [Panov V. I. *Environmental psychology. The experience of building a methodology*. Moscow: Nauka, 2004, 197. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxjttx>
- Парк Р. Экология человека. *Теория общества: фундаментальные проблемы*, ред. А. Ф. Филиппов. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. С. 384–400. [Park R. E. *Human ecology. Theory of society: Fundamental problems*, ed. Filippov A. F. Moscow: Kanon-press-Ts, 1999, 384–400. (In Russ.)]
- Попова Е. А., Андронов С. В., Попов А. И. Изменения физиологических показателей жителей Крайнего Севера под влиянием астрономических возмущений. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 13. С. 74–77. [Popova E. A., Andronov S. V., Popov A. I. Changes of physiological parameters of the inhabitants of the Far North under the influence of astronomical perturbations. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (13): 74–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sszgbq>
- Попова О. Н., Щербина Ю. Ф. Климатогеофизическая характеристика Кольского Заполярья. *Экология человека*. 2012. № 5. С. 3–7. [Popova O. N., Shcherbina Yu. F. Climatic-geophysical characteristics of Kola Arctic Region. *Ekologiya Cheloveka*, 2012, (5): 3–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxhesn>
- Практическая психология образования, ред. И. В. Дубровина. М.: Сфера, 2000. 528 с. [Practical psychology of education, ed. Dubrovina I. V. Moscow: Sphera, 2000, 528. (In Russ.)]
- Семенова О. Е. Педагогические условия обеспечения эмоционального благополучия дошкольников в процессе позитивной социализации. *Новое слово в науке: стратегии развития: VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 марта 2019 г.)* Чебоксары: Интерактив плюс, 2019. С. 30–32. [Semenova O. E. Pedagogical conditions for emotional well-being of preschoolers during positive socialization. *A new word in science: Development strategies: Proc. VIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 7 Mar 2019*. Cheboksary: Interaktiv plus, 2019, 30–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zignil>
- Сизых С. В., Кузеванов В. Я., Песков В. П., Белозерская С. И. Садовая терапия: использование ресурсов ботанического сада для адаптации и реабилитации. Иркутск: ИГУ, 2006. 48 с. [Sizykh S. V., Kuzevanov V. Ya., Peskov V. P., Belozerskaya S. I. *Garden therapy: Using of botanic garden's resources for social adaptation and rehabilitation*. Irkutsk: ISU, 2006, 48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbyinv>
- Сизых С. В., Песков В. П., Карнышев А. Д., Шелкунова О. В., Кузеванов В. Я., Долгих В. В., Рычкова Л. В., Шенеман Е. А., Кузьмина Е. Ю. Садовая терапия. Иркутск: ИГУ, 2014. 259 с. [Sizykh S. V., Peskov V. P., Karnyshev A. D., Shelkunova O. V., Kuzevanov V. Ya., Dolgikh V. V., Rychkova L. V., Sheneman E. A., Kuzmina E. Yu. *Garden therapy*. Irkutsk: ISU, 2014, 259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulnjnd>

- Собчик Л. Н. Психология индивидуальности: теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2005. 621 с. [Sobchik L. N. *Psychology of individuality: Theory and practice of psychodiagnostics*. St. Petersburg: Rech, 2005, 621. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxnrzp>
- Стерлигова Е. А. Экологическая психология. Пермь: ПГНИУ, 2012. 212 с. [Sterligova E. A. *Environmental psychology*. Perm: PSU, 2012, 212. (In Russ.)]
- Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. М.: Концептуал, 2016. 312 с. [Sukhomlinskiy V. A. *I give my heart to children*. Moscow: Kontseptual, 2016, 312. (In Russ.)]
- Тимофеев В. И., Филимоненко Ю. И. Краткое руководство практическому психологу по использованию цветового теста М. Люшера. 3-е изд., испр. СПб.: Иматон, 1995. 29 с. [Timofeev V. I., Filimonenko Yu. I. M. *Luscher color test: A brief guide for a practical psychologist*. 3rd ed. St. Petersburg: Imaton, 29. (In Russ.)]
- Тихеева Е. И., Морозова М. Я., Чулицкая-Тихеева Л. И. Современный детский сад, его значение и оборудование. Пг.: Энергия, 1919. 208 с. [Tikheeva E. I., Morozova M. Ya., Chulitskaya-Tikheeva L. I. *Modern kindergarten, its meaning and equipment*. Petrograd: Energiia, 1919, 208. (In Russ.)]
- Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. Теоретические проблемы педагогики. М.: Педагогика, 1974. 584 с. [Ushinskiy K. D. *Selected pedagogical works. Vol. 1. Theoretical problems of pedagogy*. Moscow: Pedagogika, 1974, 584. (In Russ.)]
- Фадеева Т. В., Минияров В. М. Современные психолого-педагогические условия психологической адаптации детей старшего дошкольного возраста к поликультурной среде. *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. № 4. С. 176–184. [Fadeeva T. V., Miniyarov V. M. Modern psychological and training conditions of psychological adaptation of children of the senior preschool age to polycultural environment. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2011, (4): 176–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mosivb>
- Фаустова И. В. Психолого-педагогические условия преодоления эмоционального неблагополучия детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2011. 25 с. [Faustova I. V. *Psychological and pedagogical conditions for overcoming emotional distress in children of senior preschool age*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Elets, 2011, 25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qhqxod>
- Фрилинг Г., Ауэр К. Человек – цвет – пространство: прикладная цветопсихология. М.: Стройиздат, 1973. 117 с. [Freeling G., Auer K. *Man – Color – Space: Applied color psychology*. Moscow: Stroizdat, 1973, 117. (In Russ.)]
- Фрумкина Р. М. Смысл. Цвет. Сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с. [Frumkina R. M. *Meaning. Color. Similarity: Aspects of psycholinguistic analysis*. Moscow: Nauka, 1984, 175. (In Russ.)]
- Харчук Ю. И. Анималотерапия: домашние животные и наше здоровье. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 320 с. [Kharchuk Yu. I. *Animal therapy: Pets and our health*. Rostov-on-Don: Feniks, 2007, 320. (In Russ.)]
- Чердымова Е. И. Экологическое сознание дошкольников: анализ состояния. *Экопсихологические исследования-2*, ред. В. И. Панов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 139–149. [Cherdymova E. I. Ecological consciousness of preschoolers: A state analysis. *Ecopsychological research-2*, ed. Panov V. I. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, 139–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/geszcp>
- Чухрова М. Г., Хаснулин В. И., Гафаров В. В. Трансформация личности и ее связь с психосоматической патологией в экстремальных климатогеографических условиях. *Мир науки, культуры, образования*. 2009. № 7-1. С. 281–286. [Chukhrova M. G., Khasnulin V. I., Gafarov V. V. Personality transformation and its connection with psychosomatic pathology in extreme climatic and geographic conditions. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2009, (7-1): 281–286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/labtlr>
- Шеврыгин Б. В., Шеврыгина А. В. Животные – наши целители. М.: Гея, 1998. 187 с. [Shevrygin B. V., Shevrygina A. V. *Animals heal*. Moscow: Geia, 1998, 187. (In Russ.)]
- Ширяева О. С., Кондрашенкова С. В., Сурикова Я. А. Личность и экстремальная среда: от выживания к полноценному функционированию. *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. 2012. № 5. С. 233–239. [Shiryaeva O. S., Kondrashenkova S. V., Surikova Ya. A. Personality and extreme environment: From survival to full functioning. *Uchenye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, 2012, (5): 233–239. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfovcr>

- Ясвин В. А. Мир природы в мире игр: опыт формирования отношения к природе. М.: Заповедники, 1998. 40 с. [Yasvin V. A. *The world of nature in the world of games: Forming an attitude towards nature*. Moscow: Zapovedniki, 1998, 40. (In Russ.)]
- Ясвин В. А. Психологические основы экологического образования. *Образовательные технологии (г. Москва)*. 2019. № 2. С. 25–35. [Yasvin V. A. Psychological foundations of ecological education. *Obrazovatelnye tekhnologii (g. Moskva)*, 2019, (2): 25–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ebavru>
- Barker R. G. *Ecological psychology: Concepts and methods for studying the environment of human behavior*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968, 242.
- Brunswik E. Organismic achievement and environmental probability. *Psychological Review*, 1943, 50(3): 255–272. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/h0060889>
- Burls A. People and green spaces: Promoting public health and mental well-being through eco-therapy. *Journal of Public Mental Health*, 2007, 6(3): 24–39. <https://doi.org/10.1108/17465729200700018>
- Buzzell L., Chalquist C. *Ecotherapy: Healing with nature in mind*. San Francisco, CA: Sierra Club Books, 2009, 256.
- De Young R. Restoring mental vitality in an endangered world: Reflections on the benefits of walking. *Ecopsychology*, 2010, 2(1): 13–22. <https://doi.org/10.1089/eco.2009.0043>
- Doherty T. J. Ecopsychology as an International Journal. *Ecopsychology*, 2011, 3(1): 1–3. <http://dx.doi.org/10.1089/eco.2011.0011>
- Durham R. A., Kenline N. G. The Walter and Alice Borgeest Garden at Friends Hospital. *Journal of Horticultural Therapy*, 1996, (8): 53–55.
- Gauld A., Shatter J. *Human action and its psychological investigation*. London etc.: Routledge and Kegan Paul, 1977, IX, 237.
- Gibson J. J. *The ecological approach to visual perception*. Boston: Houghton Mifflin, 1979, 346.
- Gibson J. J. *The senses considered as perceptual systems*. Boston: Houghton Mifflin, 1966, 335.
- Gifford R. *Environmental psychology. Principles and practice*. 4rd ed. Victoria, BC: Optimal Books, 2007, 599.
- Golding J., Güsewell S., Kreft H., Kuzevanov V. Y., Lehvavirta S., Parmentier I., Pautasso M. Species-richness patterns of the living collections of the world's botanic gardens: A matter of socio-economics? *Annals of Botany*, 2010, 105(5): 689–696. <https://doi.org/10.1093/aob/mcq043>
- Kellert S. R. *A national study of outdoor wilderness experience*. Yale: School of Forestry and Environmental Studies, Yale University, 1998, 104.
- Levinson B. M. Human / companion animal therapy. *Journal of Contemporary Psychotherapy*, 1984, 14(2): 131–144. <https://doi.org/10.1007/BF00946311>
- Mehrabian A., Russell J. A. *An approach to environmental psychology*. Cambridge: The MIT Press, 1974, 266.
- Roszak T. *The voice of the Earth*. NY: Simon & Schuster, 1992, 367.
- Tolman E. C. Kurt Lewin: 1890–1947. *Psychological Review*, 1948, 55(1): 1–4. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/h0058521>

Модель образа жизни жителей регионов с экстремальными природно-климатическими условиями

Кулик Анастасия Андреевна

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,

Россия, Петропавловск-Камчатский

eLibrary Author SPIN: 8116-1838

anastasija81@yandex.ru

Мазуркевич Андрей Викторович

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,

Россия, Петропавловск-Камчатский

<http://orcid.org/0000-0002-4947-0498>

Scopus Author ID: 57195203730

Аннотация: Проведенный теоретический анализ по изучению личности в экстремальных условиях показал, с одной стороны, всевозрастающий интерес исследователей в области экстремологии к вопросам, связанным с воздействием различного рода экстремальных факторов на человека, с другой – дефицит эмпирических данных о закономерностях динамики психического состояния человека до, во время и после переживания экстремальной ситуации, а также с длительным проживанием на территориях с экстремальными природно-климатическими условиями. Цель – изучить образ жизни людей на территории с экстремальными природно-климатическими условиями. Респондентами выступили 66 жителей Камчатского края. Теоретический анализ и собранные эмпирические данные позволили построить модель образа жизни респондентов, проживающих в регионе с экстремальными природно-климатическими условиями. Структура модели описана через ядерные и периферические слои, фоновую семантическую структуру. Ядерная структура характеризуется гармонично выстроенным временным континуумом; реализацией практической деятельности и активностью субъекта, представленной базовыми характеристиками образа жизни. При нарушении баланса ядерных структур образа жизни нарушается сбалансированность временных локусов (несбалансированность временной перспективы); наличие фатализма и центрация на прошлом приводят к негативной оценке жизненного пути, компенсированной актуализацией ресурсов, при которых семантические слои наделяются положительным контекстом. **Ключевые слова:** образ жизни, образ мира, временная перспектива, экстремальная ситуация, экстремальные природно-климатические условия, жизненный сценарий

Цитирование: Кулик А. А., Мазуркевич А. В. Модель образа жизни жителей регионов с экстремальными природно-климатическими условиями. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 265–276. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-265-276>

Поступила в редакцию 03.11.2023. Принята после рецензирования 28.12.2023. Принята в печать 15.01.2024.

full article

Lifestyle Model in Regions with Extreme Environmental and Climate Conditions

Anastasia A. Kulik

Vitus Bering Kamchatka State University,

Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky

eLibrary Author SPIN: 8116-1838

anastasija81@yandex.ru

Andrey V. Mazurkevich

Vitus Bering Kamchatka State University,

Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky

<http://orcid.org/0000-0002-4947-0498>

Scopus Author ID: 57195203730

Abstract: The article introduces an analysis of human psychology in extreme conditions. On the one hand, scientific interest to extremology, i.e., the effect of extreme factors on people, is growing. On the other side, this analysis revealed a lack of empirical data on cognitive dynamics before, during, and after an extreme situation, as well as after spending a long time in extreme environmental and climate conditions. The research objective was to study the lifestyle of people (n = 66) who live in regions with extreme environmental and climate conditions. The theoretical analysis and the empirical data made it possible to construct a lifestyle model. Its structure consisted of core, peripheral,

and background semantic layers. The core structure included balanced temporal continuum, practical activity, personal activity, and basic lifestyle. The temporal locus became disrupted if the core lifestyle structures were out of balance. Fatalism and fixation on the past led to negative reassessment of one's life, which could be compensated by activating one's inner resources and endowing semantic layers with a positive context.

Keywords: lifestyle, worldview, temporal perspective, extreme situation, extreme environmental and climatic conditions, a life scenario

Citation: Kulik A. A., Mazurkevich A. V. Lifestyle Model in Regions with Extreme Environmental and Climate Conditions. *SibScript*, 2024, 26(2): 265–276. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-265-276>

Received 3 Nov 2023. Accepted after peer review 28 Dec 2023. Accepted for publication 15 Jan 2024.

Введение

Экстремальные ситуации и условия жизнедеятельности неизменно находятся в центре внимания психологической науки и практики. В частности, наибольший интерес по объективным причинам (практико-ориентированный акцент) вызывают такие их аспекты, как динамика когнитивно-аффективных состояний, изменение поведения и деятельности человека в диапазоне полюсов *адаптивность / дезадаптивность*, физиологические и психические состояния и пр. Несмотря на значительный объем достаточно обоснованных исследований о воздействии различных экстремальных факторов на человека, остается дефицит эмпирических данных о закономерностях динамики психического состояния человека до, во время и после переживания / проживания экстремальной ситуации и их теоретико-методологической структуризации.

Цель исследования – изучить образ жизни людей на территории с экстремальными природно-климатическими условиями (на основании ряда эмпирических исследований).

Взаимодействие человека с экстремальной природной стихией, равно как и его длительное нахождение в субэкстремальных условиях жизни и деятельности [Деркач, Зызыкин 2003], прежде всего изучается в логике и терминологии медицинской и клинической психологии, что, несомненно, оправданно, однако придает трактовкам и выводам исследований психопатологический аспект [Александровский и др. 1991: 60; Бойко, Новикова 2019; Душков 1987: 78; Короленко 1978: 112; Лазебная, Зеленова 2000; Розенова и др. 2020; Шадрина 2023].

Так, Ю. А. Александровский, В. А. Душков, изучая психопатологические эффекты, возникающие в функционировании человека в условиях воздействий стихийных бедствий, выявляют и описывают типичные психогении, возникающие как закономерное

следствие этих воздействий, а также их характерные особенности и клинически значимые проявления, рассматривают вопросы профилактики этих состояний, специфику трудового функционирования человека в экстремальных (чрезвычайных и кризисных) условиях. При внезапном развитии жизнеопасной ситуации основной эмоцией является страх как экстренная реакция на внезапный раздражитель, запускающая каскад последующих психологических трансформаций, приобретающих свой вектор, динамику и специфику в зависимости от личностных особенностей субъекта. Существенным фактором для этих трансформаций является и скорость развития объективных параметров сложной или даже катастрофической ситуации, невысокие значения которой преобразуют потенциально объективированный страх в обезличенную тревогу, способную к хронизации и переходу в статус невротического уровня реагирования на текущую экстремальную ситуацию. В период, когда сила воздействия экстремального фактора избыточна, индивидуальные формы реагирования играют меньшую роль, преобладают простые реакции в виде тревоги и астении [Александровский и др. 1989: 16; Душков 1987: 70].

Для конкретного региона большое значение имеют природные катастрофы, проявление которых зависит от геологических и других природных условий. Ожидаемо самыми опасными явлениями природной стихии, по мнению Дж. Голда, выступают те, которые связаны с самыми высокими энергетическими и скоростными характеристиками: наводнения, тайфуны, землетрясения. Землетрясение по своим разрушительным последствиям, числу жертв и деструктивному воздействию на среду обитания человека занимает одно из первых мест среди других природных катастроф [Голд 1990: 26]. Анализ природно-климатических и геолого-тектонических условий

показывает, что наиболее сейсмически опасными районами России являются Средняя Азия, Кавказ и Дальний Восток. Вместе с тем Камчатский край и Курильские острова признаны наиболее сейсмоопасной зоной (вся территория полуострова Камчатка подразделяется на зоны от 6 до 10 баллов, где диапазон ожидаемой сейсмической нагрузки фиксируется от 6 до 10 баллов, а большая часть полуострова, где проживают сотни тысяч людей, находится в зоне повышенного сейсмического риска), большая часть территории Камчатки находится в зоне повышенного сейсмического риска [Александрова, Михайлова 2003].

Проживая в таких вероятно угрожающих условиях, как отмечает Г. Л. Погосян, человек не только включает потенциальную катастрофу в свою картину мира, но и формирует особое отношение к ней, пытаясь предвидеть / предугадать ее наступление и последствия, с ней связанные, выстроить, пусть и гипотетически, последовательность своих действий при ее наступлении [Погосян 1995].

Современные исследования в области экстремальной психологии убедительно доказали положение о том, что личность изменяется при переживании экстремальной ситуации [Жадыров 2011; Падун, Котельникова 2012: 102]. Психологическими механизмами, обеспечивающими специфические изменения личности, включая аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты, выступают стресс, особенно в его дистрессовом варианте, посттравматическое стрессовое расстройство, психогенные реактивные расстройства личности, включая невротические формы проявления, а также механизмы совладания с вышеуказанными феноменами психики, такие как классические психологические защиты и индивидуализированные копинг-стратегии.

Анализируя литературу, можно выделить следующие параметры психологических изменений личности, группы при столкновении с экстремальной ситуацией различного типа:

- условные рефлексы, навыки, научения, классическое и оперантное обусловливание (подход И. П. Павлова, Э. Торндайка, Б. Скиннера);
- механизм личностных изменений посредством фиксации, укоренения и развития невротических симптомов и комплексов (психоаналитическая концепция З. Фрейда и др., последователи неофрейдизма);
- для отечественной психологии ключевым механизмом трансформаций является интериоризация схем деятельности в процессе личностного

онтогенеза (труды Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, П. Я. Гальперина и др.);

- установки (концепция Д. Н. Узнадзе);
- социальные диспозиции (В. А. Ядов);
- изменение профессионально важных качеств и / или профессиональных деформаций личности (В. Д. Шадриков, Б. Н. Величковский и др.);
- в моделях Г. Келли, Ф. Франселла изменения личности происходят через трансформации когнитивных схем и паттернов поведения;
- динамика изменений образа мира как ключ к пониманию изменений личности рассматривается в концептах Е. Ю. Артемьевой;
- через необратимые изменения образа мира и образа жизни – В. П. Серкиным [Серкин 2016].

Перспективной для методологического основания исследования образа жизни представляется последняя теоретическая модель изучения трансформаций личности в экстремальных условиях, рассматривающая не только один из онтологически глубинных личностных конструктов (образ мира), но принципиально учитывающая его сущностную взаимосвязь с активно изучаемым в настоящее время психологическим понятием – образом жизни: именно такая схема выводит осмысление личностных трансформаций в экстремальных условиях из области абстрактных теоретических построений в пространство практического использования и оказания психологической помощи пострадавшим от экстремальной среды, дополняя и концептуализируя уже имеющиеся подходы к данной проблеме. Несомненным преимуществом данной модели является и то, что именно в ней вводится в научно-психологический анализ положение о важности субъектного отношения к проявлениям экстремальной среды: в том случае, если экстремальность, хоть и достаточно большая, затрагивает внешние (перцептивные) и срединные (семантические) слои образа мира, но не затрагивает глубинного, ядерного слоя (мотивация, ценности, смыслы), конституирующего личностные особенности и интенции, тогда ситуация / условия могут вовсе не восприниматься экстремальными, быть приемлемыми для личности, не быть преградой для адаптивного функционирования и самоактуализации и самореализации личности [Серкин 2016].

Рассмотрим основные подходы к изучению образа мира и образа жизни.

Впервые понятие *образ мира* было введено в научный оборот А. Н. Леонтьевым в рамках психологии восприятия, где исходным пунктом и одновременно

результатом любого познавательного акта выступает образ, что послужило основой в изучении взаимосвязи восприятия и образа мира. В концепции А. Н. Леонтьева были выделены три основные образующие сознания – личностный смысл, значение и чувственная ткань. Тем самым подчеркивается, что образ мира определяется не только пространственно-временными характеристиками реальности, но и значениями для субъекта того, что отражается [Леонтьев 1983; 1986].

Концепция образа мира А. Н. Леонтьева получила дальнейшее развитие в трудах Е. Ю. Артемьевой, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, В. В. Петухова, В. П. Серкина, С. Д. Смирнова, Ю. К. Стрелкова, и др. Были разработаны структурные и функциональные аспекты образа мира. В структуре образа мира по различным основаниям исследователи выделяют несколько уровней (пластов). Так, С. Д. Смирнов выделил поверхностные и ядерные (глубинные) слои образа мира [Смирнов 1981]. В. В. Петухов дополняет и модифицирует структуру, предложенную С. Д. Смирновым, классифицируя по функциям ядерные структуры – как фундаментальные опоры существования человека в качестве сознательного существа, отражающие его действительные связи с миром и не зависящие от рефлексии по их поводу (*представления мира*), и поверхностные – связанные с познанием мира как специальной целью, с построением того или иного представления о нем (*представления о мире*) [Петухов 1984].

При рассмотрении структурных компонентов образа мира следует отметить концепцию, разработанную Е. Ю. Артемьевой, Ю. К. Стрелковым, В. П. Серкиным [Артемьева 2007; Серкин 2005: 123; 2012; Стрелков 2008: 179]. Основанием для выделения слоев субъективного опыта является спецификация их по форме фиксации следа деятельности: первый, самый поверхностный слой – перцептивный мир (Ю. К. Стрелков); второй слой образа мира – семантический. Семантический слой является переходным между поверхностными и ядерными структурами. Самый глубокий слой, соотносимый с ядерными структурами образа мира и формируемый при участии и самом существенном вкладе понятийного мышления, – слой амодальных структур, образующихся при обработке семантического слоя [Артемьева 2007: 21].

Понятие *образ жизни* сравнительно недавно стало использоваться как научно обоснованный термин и выступать методологическим конструктом в современных психологических исследованиях. В смежных с психологией областях (социологии, педагогике,

политологии и пр.) термин часто использовался, скорее, в житейской формулировке, описывая довольно простые характеристики, близкие предмету исследования того или иного научного знания. В психологии образ жизни рассматривается с точки зрения единства внутренних и внешних условий, которые в своем многообразии могут оказывать влияние на становление индивидуального образа жизни человека. Основой для выделения образа жизни в самостоятельную научную категорию и соотношения его с образом мира человека выступили работы Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова, С. Л. Рубинштейна и др. В них образ жизни рассматривается через призму активности субъекта, направленную на взаимодействие с различными явлениями производства материальной жизни общества, что составляет социальную ситуацию развития. Б. Ф. Ломов дополняет тезис: образ жизни – это некие социальные функции индивида, призванные обеспечивать формирование, трансформацию и закрепление свойств, образующих индивидуальный психологический склад [Ломов 1984]. Образ жизни динамичен, он развивается, происходит смена его детерминант [Кулик 2020].

Важными во всех описательных характеристиках образа жизни выступают механизмы саморегуляции субъекта, связанные с его отношением к условиям жизни и деятельности [Серкин 2005: 135].

Наиболее полно образ жизни описан в работах В. П. Серкина. Он определяет образ жизни как систему деятельностей (интегративная характеристика активности), которые человек актуально реализует как субъект индивидуальной деятельности или в которые включен (субъектом которых является общество, группа) в течение определенного жизненного периода, этапа или цикла [Серкин 2012: 46]. Структура образа жизни, по его мнению, детерминируется и образом мира, и планом реальных взаимодействий и, в свою очередь, детерминирует развитие образа мира [Шулькова 2012].

В. П. Серкин выделяет следующие уровни активности в структуре образа жизни:

- уровень внутренней деятельности (субъективность пространства и времени);
- уровень коммуникации (конвенциональность пространства и времени);
- уровень практической деятельности (конструирование пространства и времени) [Серкин 2005: 135; 2012: 46].

Таким образом, рассмотрение образа мира совместно с образом жизни позволяет получить более полное представление о функционировании людей

в экстремальных условиях жизнедеятельности (социальных, климатических, профессиональных и пр.) [Серкин 2009]. Воздействие неблагоприятных экстремальных и субэкстремальных факторов (природно-климатических, геофизических, социально-экономических т. д.), обусловленных спецификой региона проживания, влияют на оценку человеком качества и условий проживания, смещая ее к резко негативному полюсу (тяжелые, осложняющие и т. д.), что обуславливает снижение субъективной оценки качества жизни. Негативная оценка условий жизнедеятельности свойственна значительной части населения, проживающей на северных территориях и местностях, приравненных к ним. Ситуация комплексно осложняется и другими факторами: культурно-историческими, социально-демографическими, политико-экономическими и геоклиматическими. Необходимо отметить, что взаимодействие человека и среды, происходящее на фоне и в условиях ее экстремальных величин, запускает ранее слабо или не задействованные механизмы актуализации ресурсов личности, необходимых для эффективной реализации различных видов деятельности, релевантных текущему моменту личностных и общественных задач, а также существенно влияющее на психологическое благополучие человека. Одной из региональных территорий, на которых можно количественно и качественно оценить указанные феномены, является Камчатский край – регион, находящийся под непрерывным воздействием практически всех указанных негативных экстремальных и субэкстремальных факторов [Кулик, Мазуркевич 2022].

Методы и материалы

Для построения модели образа жизни респондентов, проживающих в регионе с экстремальными природно-климатическими условиями, мы использовали опросник временной перспективы личности Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [Сырцова и др. 2008], семантический дифференциал *образ жизни* (В. П. Серкин) [Серкин 2004: 80–95]. Совокупность параметров, заложенных в опросник временной перспективы, и дескрипторов семантического дифференциала *образ жизни* позволяют в полной мере выявить структурные и содержательные характеристики образа жизни, определяющие протекание всех процессов жизнедеятельности.

Респондентами выступили 66 жителей Камчатского края (табл. 1).

Табл. 1. Социально-демографическая характеристика группы испытуемых, %

Tab. 1. Social and demographic profile of respondents, %

Характеристика	%
<i>Место рождения</i>	
Камчатский край	71
Другие регионы	29
<i>Оценка уровня жизни (на основе самоотчетов респондентов)</i>	
Высокий	54
Средний	34
Низкий	12
<i>Семейное положение</i>	
Женат / замужем	55
В незарегистрированных отношениях	17
Разведен / разведена	11
Холост / не замужем	15
Вдовец / вдова	2
<i>Образование</i>	
Высшее	82
Среднее специальное	18
<i>Пол</i>	
Мужской	13
Женский	87
<i>Работают по специальности</i>	
Педагог	25
Психолог	21
Экономист	14
Юрист	6
Инженер	11
Государственный служащий	5
Программист	6
Переводчик	3
Продавец	3
Безработный	6
<i>Планируемое место жительства</i>	
Планируют переезд	56
Не определились	20
Останутся в Камчатском крае	24

В качестве основных методов при построении модели образа жизни использовались кластерный и факторный анализ, позволяющий выявить целостную систему взаимосвязей между параметрами изучаемого явления.

Результаты

На **первом этапе** работы с эмпирическими данными были выделены те дескрипторы семантического дифференциала *образ жизни*, которые по критерию *f*-Фишера показали значимость при сравнении дисперсий (на универсальных дескрипторах дисперсия значимо меньше, чем осредненная дисперсия по семантическому дифференциалу). Алгоритм, согласно логике которого определялась семантическая универсалия стимула, подробно описан и обоснован в статье [Мазуркевич 2013]. **Второй этап** состоял в применении процедуры кластеризации шкал методики «Временная перспектива личности» Ф. Зимбардо совместно со шкалами-дескрипторами полученной семантической универсалии стимула *образ жизни*. Кластеризация проводилась методом межгрупповых связей на базе корреляций Пирсона между параметрами. Данный прием позволил выявить структурно-

иерархические связи универсальных для образа жизни дескрипторов с его фундаментальными временными аспектами, что позволило в дальнейшем построить темпорально-семантическую иерархическую модель образа жизни. В результате кластеризации было выделено два кластера, каждый из которых включал в себя как временные, так и семантические компоненты (рис. 1).

Первый кластер, условно обозначенный как *базовый образ жизни*, включил в себя компоненты всех трех базовых модальностей времени жизни субъекта: позитивное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее. Семантику базового образа жизни составили универсальные дескрипторы *враждебный / дружеский, голодный / сытый, счастливый / несчастный, безнравственный / нравственный*. Средние арифметические по шкалам универсалии данного кластера имеют значения, существенно смещенные в сторону условно положительного полюса (дружеский – 2,35; сытый – 2,02; счастливый – 2,09; нравственный – 1,97), что указывает на в целом позитивное отношение к своей жизни, ее содержательному, событийному наполнению в целостном сочетании внешних и внутренних факторов.

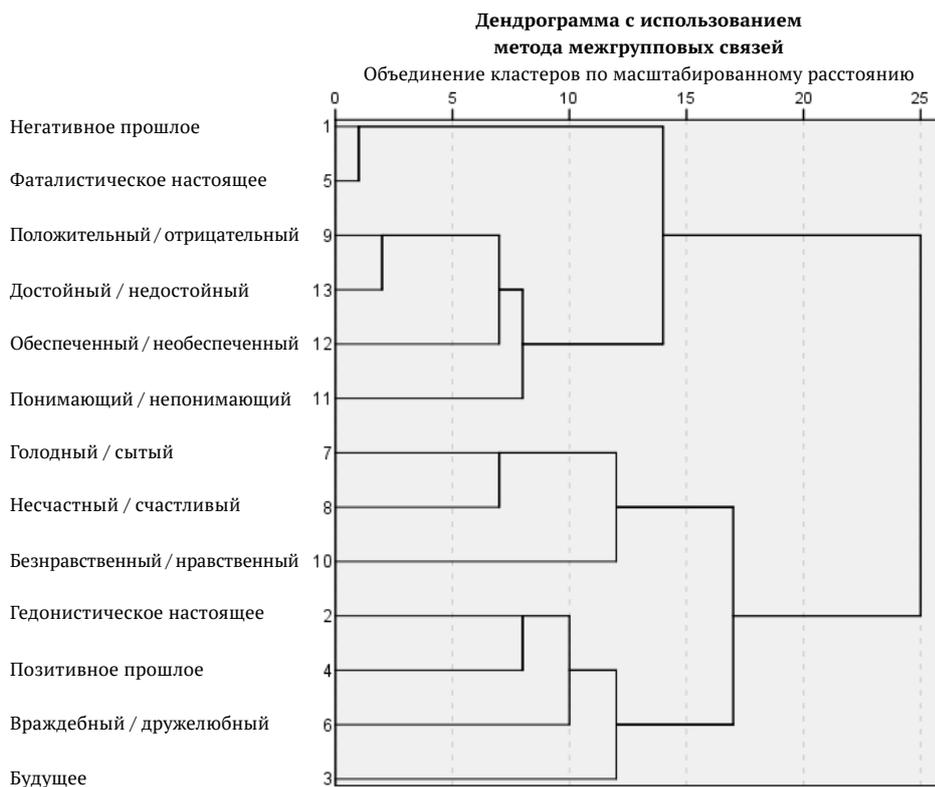

Рис. 1. Кластерная структура временной перспективы личности и семантической универсалии *образ жизни*
Fig. 1. Cluster structure of personality's temporal perspective and lifestyle as a semantic universal

Второй кластер, условно обозначенный как *неизбежный негативный опыт*, включил в себя два оставшихся компонента временной перспективы личности – негативное прошлое и фаталистическое настоящее. Данный факт демонстрирует несбалансированность временной перспективы, в которой убежденность в неподвластности жизни человека его сознательному контролю / целеполаганию и ключевой роли событийной предпрешенности может формировать высокий депрессивно-тревожный фон жизненного пространства, а опора на произошедшие события с выделением в них необратимых ошибок (негативизм может быть связан с реальным неприятным опытом / либо может быть связан и с более поздней негативно окрашенной реконструкцией изначально нейтральных и даже благоприятных событий) может выступать фактором эмоциональной нестабильности. Семантику этого кластера составили дескрипторы семантической универсалии: *положительный / отрицательный, достойный / недостойный, обеспеченный / необеспеченный, понимающий / непонимающий*.

Отметим, что средние арифметические по указанным дескрипторам, так же как и в базовом образе жизни, имеют существенные значения, расположенные в стороне условно положительного полюса (положительный – 2,07; обеспеченный – 1,26; достойный – 2,02; понимающий – 2,05). Данный факт указывает на то, что, вероятно, респонденты осмысляют свой негативный жизненный опыт прошлого не исключительно как нечто неизбежное (по методике временной перспективы личности), но принимая и понимая его как необходимое содержание своей жизни. Вероятно, подобный результат является вариантом срабатывания компенсаторных копингов, направленных на переосмысление опыта прошлого и / или его рационализацию.

Третий этап состоял в факторизации дескрипторов семантического дифференциала. В результате применения к данным семантического дифференциала *образ жизни* факторного анализа методом главных компонент с варимакс-вращением и последовательной оптимизацией структуры (исключение малосвязанных с остальными дескрипторами описательных шкал на эксплораторном этапе факторизации и проверка итоговой структуры на конфирматорном) были выделены 12 факторов, объясняющих 73,88 % дисперсии, что свидетельствует о высоком уровне полноты и устойчивости факторной модели (табл. 2).

Табл. 2. Содержательные характеристики факторов
Tab. 2. Content characteristics of factors

Характеристика	Ср. зн.
Фактор 1. Комфортный (9,78 %)	
Дискомфортный / комфортный	0,803
Новый / старый	-0,604
Скучный / интересный	0,586
Положительный / отрицательный	-0,577
Привлекательный / непривлекательный	-0,545
Обеспеченный / необеспеченный	-0,519
Творческий / рутинный	-0,512
Бессмысленный / осмысленный	0,491
Несчастливый / счастливый	0,435
Фактор 2. Настоящий (7,86 %)	
Профанный / настоящий	0,800
Неуверенный / уверенный	0,709
Неподвижный / подвижный	-0,644
Бессмысленный / осмысленный	0,571
Фактор 3. Пессимистичный (7,34 %)	
Уважительный / неуважительный	0,827
Веселый / грустный	0,728
Оправданный / неоправданный	0,643
Несчастный / счастливый	-0,405
Фактор 4. Безопасность (6,77 %)	
Миролюбивый / агрессивный	-0,764
Злой / добрый	0,656
Опасный / безопасный	0,606
Напряженный / расслабленный	0,575
Фактор 5. Беспокойный (6,18 %)	
Беспокойный / спокойный	-0,775
Рациональный / иррациональный	0,714
Целостный / разрозненный	0,504
Фактор 6. Уникальный (6,11 %)	
Скучный / интересный	0,530
Обычный / особый	0,699
Консервативный / радикальный	0,610
Насыщенный / ненасыщенный	-0,549
Творческий / рутинный	-0,542

Характеристика	Ср. зн.
Фактор 7. Активность (5,88 %)	
Неподвижный / подвижный	0,408
Сонный / бодрый	0,825
Активный / пассивный	-0,707
Враждебный / дружелюбный	0,479
Фактор 8. Хаотичный (5,53 %)	
Целостный / разрозненный	0,501
Постоянный / меняющийся	0,748
Эгоистический / альтруистический	-0,746
Беспорядочный / упорядоченный	-0,525
Фактор 9. Трусливый (5,27 %)	
Новый / старый	0,468
Активный / пассивный	0,429
Трусливый / смелый	-0,827
Истинный / ложный	0,490
Согласованный / противоречивый	0,480
Фактор 10. Непонимающий (4,87 %)	
Понимающий / непонимающий	0,707
Открытый / замкнутый	0,525
Фактор 11. Авторитарный (4,12 %)	
Демократический / авторитарный	0,845
Статичный / динамичный	0,467
Фактор 12. Безответственность (4,05 %)	
Ответственный / безответственный	0,730
Бессмысленный / осмысленный	-0,442

Прим.: выделены те полюса дескрипторов семантического дифференциала, которые являются кофакторными (сонаправленными своему фактору).

Оценка значимости факторной структуры показала довольно сглаженное распределение дисперсий между выделенными факторами, что свидетельствует о такой структурной организации жизненного пространства респондентов, при которой различные базовые аспекты жизни и деятельности сосуществуют в сопоставимой степени важности. Когнитивная оценка образа жизни отличается доминированием позитивного контекста (большинство характеристик смещено в сторону положительного полюса), что свидетельствует о достаточном уровне активации (энергетизации) различных сфер

жизни, активность субъекта направляется на цели, которые требуют безусловной реализации, несмотря на объективные сложности условий жизнедеятельности. Если рассматривать целостно образ жизни (содержательные и структурные характеристики), то можно выделить диссонирующие параметры:

1. С одной стороны, жители региона собственное жизненное пространство субъективно воспринимают как уникальное, комфортное, наполненное смыслами, динамичное и безопасное (когнитивная оценка образа жизни). Содержание факторов 1, 2, 4, 6, 7 отражает *активность субъекта, категорию безопасности, смыслов*. Подобный результат свидетельствует о вычленении неких базовых структур образа жизни, связанных с непосредственной реализацией конкретных целей, мотивов и потребностей респондентов, вследствие чего субъективное ощущение комфорта и самореализации в конкретных условиях становится более допустимым и возможным.

2. С другой стороны, эмоциональная оценка в большей степени формирует пессимистичный, в некоторых аспектах депрессивный контекст (факторы 3, 5, 8, 9: беспокойный, трусливый, пессимистичный, хаотичный). Можно предположить, что респонденты склонны к актуализации определенных совладающих механизмов поведения, при которых эмоциональная неудовлетворенность может быть снижена за счет рационализации определенных параметров жизни.

Важным параметром образа жизни является активность субъекта за счет реализации деятельностей (в терминологии В. П. Серкина – уровень практической деятельности – конструирование пространства и времени [Серкин 2012]), что также может выступать параметром снижения общей неудовлетворенности и негативной оценки жизненного пространства. В целом наличие противоречивых и полярных содержательных характеристик может свидетельствовать о наличии некоторой невротизации населения, порожденной неоднозначностью и противоречивостью субъективной интерпретации значимых событий на различных уровнях личностной и социальной организации образа жизни. Обращаясь к исследованиям образа жизни лиц, пребывающих в сложных экстремальных условиях либо тяжелых профессиональных условиях (вахтовый метод работы на Севере), можно констатировать, что большие изменения образа жизни ведут и к большим изменениям образа мира человека.

В исследованиях [Серкин 2014; Яницкий и др. 2021] продемонстрировано, что люди, которым нравится жить на Северо-Востоке России, не воспринимают

климатические и инфраструктурные особенности региона как экстремальные, а люди, собирающиеся уезжать, в первую очередь указывают на экстремальность этих условий. Уровень психологической экстремальности ситуации для субъекта определяется уровнем изменений ядерного слоя образа мира. Другими словами, даже при измеримо больших изменениях параметров перцептивного и семантического слоев образа мира ситуация, не затрагивающая мотивацию, систему ценностей и смыслов субъекта, является для него слабо экстремальной или даже вовсе не экстремальной.

Далее дескрипторы семантического дифференциала *образ жизни*, образующие факторы, были объединены с кластерной структурой временной перспективы личности и семантической универсалией образа жизни. Таким образом, мы получили визуализацию ядерной, периферийной и фоновой семантических структур образа жизни (рис. 2).

Основанием для объединения семантической универсалии образа жизни, временной перспективы и факторной структуры семантического пространства образа жизни является тот факт, что шкалы-дескрипторы семантической универсалии являются также элементами факторной структуры. То есть дескрипторы входят, с одной стороны, в семантическую универсалию, а с другой – в факторную структуру семантического пространства. Следовательно, они сложносистемным образом объединены с другими шкалами и создают

различающееся по своей иерархической значимости (ядро и периферия), но общее для них семантическое поле вокруг структурного ядра образа жизни. Модель образа жизни состоит из ядерной, периферийной и фоновой семантических структур.

Ядерная структура: глубинные сложно рационализируемые параметры образа мира респондента, состоящие из пространственно-временных характеристик личности и базовых параметров образа жизни. Определяется как сопряжение параметров временной перспективы личности и дескрипторов семантической универсалии *образ жизни*.

Периферийные слои / структуры: семантическая структура образа жизни, рационализируемые и вербально проявляемые сложно организованные семантические параметры образа жизни (семантика), задающие неразрывно связанный с временной перспективой личности ее расширенный семантический контекст. Определяется как система дескрипторов семантического дифференциала *образ жизни*, не вошедших в семантическую универсалию *образ жизни*, но связанных с ней в факторизованной структуре семантического дифференциала *образ жизни*.

Фоновая семантическая структура: разрозненные, монодескрипторные семантические единицы, выполняющие роль предварительной, ориентировочной оценки мира внешнего и внутреннего психического на предмет соотнесенности с образом жизни человека. Представляют собой единичные дескрипторы

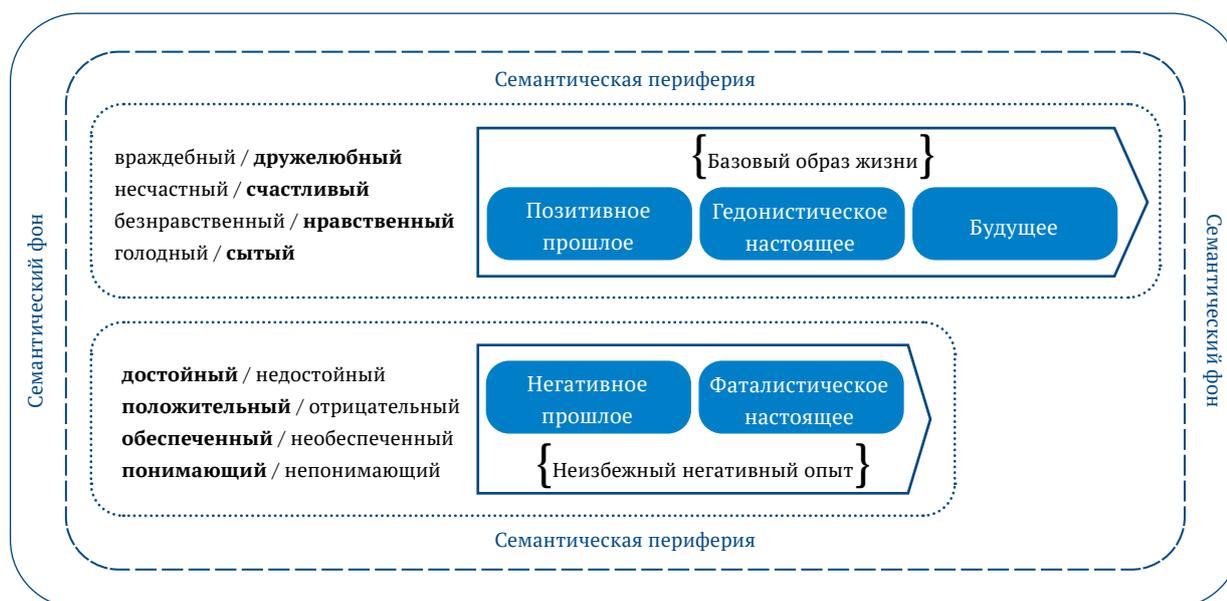

Рис. 2. Модель образа жизни респондентов, проживающих на территории с экстремальными природно-климатическими условиями

Fig. 2. Lifestyle model for regions with extreme environmental and climate conditions

семантического дифференциала *образ жизни*, не вошедшие ни в семантическую универсалию, ни в конфирматорную факторную структуру семантического дифференциала *образа жизни*: **компромиссный** / непримиримый (среднее значение параметра = -1,6); **постоянный** / меняющийся (-0,65); **независимый** / зависимый (-0,51); эгоистичный / **альтруистичный** (0,53); **социальный** / **самодостаточный** (0,14). Данные дескрипторы в семантическом пространстве респондентов образуют разрозненные монопараметрические элементы (шкалы семантической оценки образа жизни), которые, однако, можно совокупно обозначить как *просоциальная автономия*. Фон, на наш взгляд, характеризует готовность субъектов (респондентов) к компромиссному взаимодействию с внешним миром, проявляется в определенной альтруистичности субъектов (что особенно важно для событийной неопределенности и сложности текущего времени) при условии константности, независимости и самодостаточности личности.

Заключение

Модель образа жизни людей на территории с экстремальными природно-климатическими условиями характеризуется гармонично выстроенным временным континуумом (темпоральные характеристики образа жизни), реализацией практической деятельности и активностью субъекта, представленной базовыми характеристиками образа жизни. Вместе с тем при нарушении баланса ядерных структур образа жизни нарушается сбалансированность временных

локусов (несбалансированность временной перспективы), наличие фатализма и центрация на прошлом приводят к негативной оценке жизненного пути, однако запускается актуализация ресурсов, при которых семантические слои наполняются положительным контекстом по типу *что не делается – все к лучшему* или *все, что нас не убивает – делает сильнее*.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Финансирование: Работа выполнена в рамках реализации гранта по конкурсу научно-исследовательских грантов Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга за 2023 год, научный проект № 17-12 «Образ мира и образ жизни в сложных условиях жизнедеятельности».

Funding: The research was supported by the Vitus Bering Kamchatka State University, research project No. 17-12: Worldview and lifestyle in extreme living conditions.

Литература / References

- Александрова Л. А., Михайлова В. П. Психологические ресурсы эффективной адаптации к сложным условиям климатогеографической среды. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2003. № 3. С. 75–83. [Aleksandrova L. A., Mikhailova V. P. Psychological resources for effective adaptation to difficult conditions of the climatic and geographical environment. *Vestnik Kemerenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, (3): 75–83. (In Russ.)]
- Александровский Ю. А. и др. Психиатрическая помощь при землетрясениях. Методические рекомендации. М., 1989. 30 с. [Aleksandrovskii Y. A. et al. *Psychiatric care for earthquakes. Guidelines*. Moscow, 1989, 30. (In Russ.)]
- Александровский Ю. А., Лобастов О. С., Спивак Л. И., Шукин Б. П. Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991. 96 с. [Aleksandrovskii Y. A., Lobastov O. S., Spivak L. I., Shchukin B. P. *Psychogenies in extreme conditions*. Moscow: Meditsina, 1991, 96. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zdknfn>
- Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 126 с. [Artemieva E. Yu. *Psychology of subjective semantics*. 2nd ed. Moscow: LKI, 2007, 126. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxrffv>
- Бойко О. В., Новикова Н. В. Индивидуально-психологические особенности переживания личностью ситуации военного конфликта. *Вестник Вятского государственного университета*. 2019. № 4. С. 94–105. [Boiko O. V., Novikova N. V. Individual psychological characteristics of a person's experience of a military conflict situation. *Herald of Vyatka State University*, 2019, (4): 94–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.060>

- Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с. [Gold J. *Psychology and geography. Foundations of behavioral geography*. Moscow: Progress, 1990, 304. (In Russ.)]
- Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях. М.: РАГС, 2003. [Derkach A. A., Zazykin V. G. *Professionalism of activities in special and extreme conditions*. Moscow: RAGS, 2003, 267. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxgxvp>
- Душков В. А. География и психология: подход к проблемам. М.: Мысль, 1987. 285 с. [Dushkov V. A. *Geography and psychology: Approach to problems*. Moscow: Mysl, 1987, 285. (In Russ.)]
- Кадыров Р. В. Проблемы экстремальности в современной психологической науке. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2011. № 1. С. 40–55. [Kadyrov R. V. The problem of extreme situations in the modern psychological science. *Lichnost v ekstremalnykh usloviakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatelnosti*, 2011, (1): 40–55. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qblmtp>
- Короленко Ц. П. Психофизиология человека в экстремальных условиях. Л.: Медицина, 1978. 271 с. [Korolenko Ts. P. *Human psychophysiology in extreme conditions*. Leningrad: Meditsina, 1978, 271. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kjdaot>
- Кулик А. А. Специфика образа жизни людей, проживающих в сложных климатогеографических условиях. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 1. С. 139–151. [Kulik A. A. Lifestyle of people living in harsh climatic and geographical conditions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 139–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151>
- Кулик А. А., Мазуркевич А. В. Темпоральные аспекты образа жизни жителей Камчатского края. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 446–453. [Kulik A. A., Mazurkevich A. V. Temporal aspects of lifestyle in the Kamchatka Territory. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 446–453. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-446-453>
- Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Травматический психологический стресс и его последствия. *Прикладная психология*. 2000. № 2. С. 24–31. [Lazebnaya E. O., Zelenova M. E. Traumatic psychological stress and its consequences. *Prikladnaya psikhologiya*, 2000, (2): 24–34. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bpvfkm>
- Леонтьев А. Н. К психологии образа. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 1986. № 3. С. 72–76. [Leontiev A. N. Psychology of image. *Lomonosov Psychology Journal*, 1986, (3): 72–76. (In Russ.)]
- Леонтьев А. Н. Образ мира. In: Леонтьев А. Н. *Избранные психологические произведения*. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261. [Leontiev A. N. Worldview. In: Leontiev A. N. *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1983, vol. 2, 251–261. (In Russ.)]
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с. [Lomov B. F. *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka, 1984, 444. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvmasb>
- Мазуркевич А. В. Процессуальная конкретизация и математическое обоснование метода семантических универсалий. *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2013. № 1. С. 112–123. [Mazurkevich A. V. Processual specification and mathematic grounding of semantic universals method. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2013, (1): 112–123. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ridxhb>
- Падун М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. М.: ИП РАН, 2012. 206 с. [Padun M. A., Kotelnikova A. V. *Mental trauma and worldview: Theory, empirics, and practice*. Moscow: IP RAS, 2012, 206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qctfgb>
- Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 1984. № 4. С. 13–21. [Petukhov V. V. Worldview and psychology of thinking. *Lomonosov Psychology Journal*, 1984, (4): 13–21. (In Russ.)]
- Погосян Г. Л. Социальные последствия природных катастроф. *Социологический журнал*. 1995. № 4. С. 31–35. [Pogosyan G. L. Social outcomes of natural catastrophs. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 1995, (4): 31–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uahaxj>
- Розенова М. И., Екимова В. И., Кокурин А. В., Огнев А. С., Ефимова О. С. Стресс и страх в экстремальной ситуации. *Современная зарубежная психология*. 2020. Т. 9. № 1. С. 94–102. [Rozenova M. I., Ekimova V. I., Kokurin A. V., Ognev A. S., Efimova O. S. Stress and fear in extreme situations. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2020, 9(1): 94–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090110>

- Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни. *Мир психологии*. 2009. № 4. С. 109–119. [Serkin V. P. World image and life's mode interrelation. *Mir psikhologii*, 2009, (4): 109–119. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kagudq>
- Серкин В. П. Изменение представлений о себе, своем образе мира и образе жизни при переживании экстремальной ситуации. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. № 3. С. 174–183. [Serkin V. P. Changing the self-image, the image of the world and way of life experiencing an emergency situation. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2016, (3): 174–183. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxdjdd>
- Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. Магадан: Сев. Междунар. ун-т, 2005. 331 с. [Serkin V. P. *The image of the world and the way of life*. Magadan: Sev. Mezhdunar. un-t, 2005, 331. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwisxr>
- Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни. *Психологический журнал*. 2012. Т. 33. № 4. С. 78–90. [Serkin V. P. Professional specificity of world image and life style. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2012, 33(4): 78–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pddbsj>
- Серкин В. П. Профессиональные, региональные и этнокультурные особенности образа мира и образа жизни. In: Серкин В. П., Матвеева Л. В., Мочалова Ю. В., Петракова Е. Е., Аникеева Т. Я., Абаев Н. В., Дугарова Т. Ц., Иванова Е. А., Цзин В., Санжаева Р. Д., Вавакина Т. С., Позняков В. П., Овруцкий А. В., Бардиер Г. Л., Болотина Т. В., Мишина И. А., Новицка Э., Дятлова Е. В. *Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия*. Иркутск: ИГУ, 2014. С. 51–63. [Serkin V. P. Professional, regional and ethnocultural characteristics of the image of the world and lifestyle. In: Serkin V. P., Matveeva L. V., Mochalova Yu. V., Petrakova E. E., Anikeeva T. Ya., Abaev N. V., Dugarova T. Ts., Ivanova E. A., Jing W., Sanzhaeva R. D., Vavakina T. S., Poznyakov V. P., Ovrutskiy A. V., Bardier G. L., Bolotina T. V., Mishina I. A., Nowicka E., Dyatlova E. V. *Images, traditions and culture of interethnic peace and harmony*. Irkutsk: ISU, 2014, 51–63. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tfowlm>
- Серкин В. П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с. [Serkin V. P. *Methods of psychosemantics*. Moscow: Aspekt Press, 2004, 207. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/razocb>
- Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 1981. № 2. С. 15–29. [Smirnov S. D. The world of images and the image of the world. *Lomonosov Psychology Journal*, 1981, (2): 15–29. (In Russ.)]
- Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология. 2-е изд., стер. М.: Academia, 2008. 360 с. [Strelkov Yu. K. *Engineering and professional psychology*. 2nd ed. Moscow: Academia, 2005, 360. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxtiqr>
- Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109. [Syrtsova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. Adaptation of F. Zimbardo time perspective inventory. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, 29(3): 101–109. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/inmjij>
- Шадрина М. В. Основные принципы оказания психологической помощи людям, попавшим в экстремальную ситуацию. *Universum: психология и образование*. 2023. № 9. С. 17–20. [Shadrina M. V. The basic principles of providing psychological aid to people in the extreme situation. *Universum: Psychology and Education*, 2023, (9): 17–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2023.111.9.15920>
- Шунькова С. В. Особенности образа мира и образа жизни геологов (профессионалов и студентов). *Организационная психология*. 2012. Т. 2. № 2. С. 22–33. [Shunkova S. V. Specificity of the image of the world and a way of life of the geologist (professionals and students). *Organizatsionnaya Psikhologiya*, 2012, 2(2): 22–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpwpoj>
- Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабашчук Р. О., Маслова О. В., Микляева А. В., Терещенко В. В., Филенко И. А., Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В. Образ мира как психологическая система и его природно-средовые детерминанты. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 80. С. 6–29. [Yanitskiy M. S., Seryu A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O., Maslova O. V., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V., Filenko I. A., Sanzhaeva R. D., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V. The image of the world as a psychological system and its environmental determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (80): 6–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/80/1>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gaboir>

Эмоциональный интеллект субъекта потенциальной научно-технической элиты России

Карабущенко Наталья Борисовна

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Россия, МоскваУниверситет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 6859-3889

Scopus Author ID: 57190950556

Паршутин Игорь Александрович

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8229-2328

Бобков Александр Николаевич

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Россия, Москва

alexbobkov95@yandex.ru

Аннотация: Высокоинтеллектуальная среда, а именно напряженный умственный труд, быстрое освоение нового материала, способность создания собственного продукта (проектная деятельность) и готовность к конкуренции и соперничеству, может привести к повышенному нервно-психическому напряжению, которое должно сохраняться длительное время. Для студентов ведущих технических вузов актуален и злободневен вопрос оптимальных способов преодоления сложных ситуаций. В статье анализируются теоретические подходы к изучению эмоциональной сферы и эмоционального интеллекта личности. Описывается и методологически обосновывается психологическая модель научно-технической элиты современной России. Модель включает эмоционально-волевой, потребностно-мотивационный, ценностно-смысловой, социально-психологический и когнитивно-деятельный компоненты. Основное внимание уделяется эмпирическому исследованию эмоционально-волевого аспекта у представителей потенциальной инженерной и научно-технической элиты в техническом вузе. Цель – выявить психологические особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий студентов начальных курсов. Выборку составили студенты инженерно-технических направлений первого курса Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» ($n = 111$). Применялся следующий психодиагностический инструментарий: копинг-тест (методика Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой), тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭМИн). Анализ данных производился с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics V.22.0 с использованием метода математической статистики (Kruskal-Wallis H-test). Выявлено, что студенты целенаправленно анализируют сложные ситуации, прорабатывают различные варианты выхода из них, планируют и мысленно проигрывают собственное поведение, прибегая к прошлому опыту и имеющимся ресурсам. В целом использование данных преодолевающих моделей конструктивно сказывается на развитии личности инженера. Однако неразвитость эмоциональной сферы, скудость в проявлении чувств могут сказаться на межличностных и внутригрупповых отношениях. Результаты анализа указывают на необходимость развития эмоциональной сферы студентов-ядерщиков и инженеров и расширения спектра используемых ими стратегий совладания со стрессом.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, научно-техническая элита, элита, эмоции, психологические исследования

Цитирование: Карабущенко Н. Б., Паршутин И. А., Бобков А. Н. Эмоциональный интеллект субъекта потенциальной научно-технической элиты России. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 277–286. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-277-286>

Поступила в редакцию 12.10.2023. Принята после рецензирования 14.12.2023. Принята в печать 18.12.2023.

full article

Emotional Intelligence of Russia's Potential Scientific and Technical Elite

Natalia B. Karabushchenko

National Research Nuclear University MEPhI, Russia, Moscow

Zhirinovskiy University of World Civilizations, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 6859-3889

Scopus Author ID: 57190950556

Igor A. Parshutin

National Research Nuclear University MEPhI, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8229-2328

Alexander N. Bobkov

National Research Nuclear University MEPhI, Russia, Moscow

Abstract: A highly intellectual environment involves intense mental activity, rapid acquisition of new material, creativity, competition, and rivalry. All these aspects may cause a long-time neuropsychic stress. Students of leading technical universities need to be able to overcome such difficult situations. The authors reviewed theoretical approaches to emotional intelligence. They designed a psychological model of scientific and technical elite of modern Russia. The model included emotional-volitional, demand-motivational, value-meaning, socio-psychological, and cognitive-activity components. This paper focuses on the empirical study and confirmation of the emotional-volitional component in potential engineering, scientific, and technical elite, i.e., junior students of Russia's leading technical universities. The research revealed some psycho-logical peculiarities in their emotional intelligence and coping-strategies. The sample consisted of first-year engineering and technical students of the National Research Nuclear University MEPhI (n = 111). The psychodiagnostic tools included the coping test developed by R. Lazarus and S. Folkman and adapted by T. L. Kryukova, E. V. Kuftyak, and M. S. Zamyshlyayeva; D. V. Lyusin's test of emotional intelligence. The data analysis relied on IBM SPSS Statistics V.22.0 and the Kruskal-Wallis H-test method of mathematical statistics. The students proved able to consciously analyze difficult situations, work out solutions, plan and predict the outcomes of their behavior, as well as to resort to past experience and available resources. In general, these overcoming models had a constructive effect on the development of an engineer's personality. However, the underdevelopment of the emotional sphere and poor expression of feelings affected interpersonal and intragroup relationships. Students of nuclear engineering should develop their emotional sphere and expand the range of coping strategies in stressful situations.

Keywords: emotional intelligence, scientific and technological elite, elite, emotions, psychological research

Citation: Karabushchenko N. B., Parshutin I. A., Bobkov A. N. Emotional Intelligence of Russia's Potential Scientific and Technical Elite. *SibScript*, 2024, 26(2): 277–286. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-277-286>

Received 12 Oct 2023. Accepted after peer review 14 Dec 2023. Accepted for publication 18 Dec 2023.

Введение

Эмоциональный интеллект рассматривается как психологическая парадигма, которая изучается уже несколько десятилетий. Систематический анализ эмоций и их влияния на наше поведение, принятие решений и межличностные отношения является ключевым фактором для достижения успеха в различных областях жизни. Наиболее значимым аргументом является то, что эмоциональный интеллект помогает нам лучше понимать и управлять нашими собственными эмоциями. Умение распознавать и правильно реагировать на свои эмоции может значительно повысить нашу эффективность и производительность в работе, учебе и повседневной жизни. Это также способствует улучшению физического и психического благополучия.

Эмоциональный интеллект играет важную роль в межличностных отношениях. Умение понимать и эмпатично воспринимать эмоции других людей помогает нам устанавливать более качественные и глубокие связи с окружающими людьми. Это особенно полезно в бизнесе, где умение эффективно взаимодействовать с коллегами, клиентами и партнерами может определить успех и неуспех.

Стоит отметить, что эмоциональный интеллект имеет большое значение для лидерства и руководства. Лидер, обладающий высоким уровнем эмоционального интеллекта, способен эффективно мотивировать и вдохновлять свою команду, устанавливать доверительные отношения и решать конфликты.

Это способствует созданию позитивной и продуктивной рабочей среды [Карабущенко, Штырев 2020].

Термин *эмоциональный интеллект* восходит к термину *социальный интеллект*. Если Е. Л. Thorndike определял эмоциональный интеллект как способность понимать людей [Thorndike 1920], то Н. Gardner и Т. Hatch используют этот термин в своей теории множественного интеллекта для обозначения межличностного и внутриличностного интеллекта [Gardner, Hatch 1989]. По мнению I. Ruisel, эмоциональный интеллект – это разновидность социального интеллекта, который широко признается важным в большинстве случаев [Ruisel 1992]. Работы D. Wechsler [Wechsler 1943] способствовали изучению некогнитивного интеллекта, в том числе и эмоционального интеллекта, предполагая, что совокупность интеллекта обязательно должна включать в себя измерение когнитивных и неинтеллектуальных эффектов [Rapisarda 2002]. Р. Salovey и J. D. Mayer ввели специфическое определение эмоционального интеллекта, а затем упростили его до способности воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и рассуждать с помощью эмоций, регулировать эмоции у себя и других [Salovey, Mayer 1990].

Некоторые специалисты считают D. Goleman родоначальником концепции эмоционального интеллекта благодаря его получившей широкую известность главе книги «Эмоциональное и интеллектуальное рабочее место», на самом деле она является адаптацией идей Р. Salovey и J. D. Mayer и многих других ученых, ранее проводивших исследования в этой области. В 1997 г. D. Goleman заявил, что мы должны управлять своими эмоциями, не позволяя им захлестнуть нас, мотивировать себя на выполнение работы, быть творческими и чувствовать то, что чувствуют другие, эффективно управляя своими эмоциями [Sharma, Tiwari 2023]. D. Goleman определяет эмоциональный интеллект как способность распознавать свои чувства и чувства других людей, мотивировать себя и хорошо управлять своими эмоциями, чтобы иметь лучшее для себя и своих отношений [Goleman 1998]. Также уместно упомянуть лаконичное определение М. Neely-Martinez: эмоциональный интеллект – это совокупность некогнитивных навыков, способностей и компетенций, которые влияют на способность человека справляться с требованиями и давлением окружающей среды [Neely-Martinez 1997].

Вслед за J. D. Mayer и соавторами [Mayer et al. 2000] другие исследователи, такие как R. Bar-On, D. Goleman и его коллеги, дополнили эту концепцию различ-

ными типами личностных качеств и навыков. R. Bar-On утверждает, что эмоциональный интеллект – это набор некогнитивных способностей, компетенций и навыков, которые влияют на способность человека успешно справляться с требованиями и давлением окружающей среды [Bar-On 1988]. В других исследованиях эмоциональный интеллект рассматривается как черта личности [Petrides 2010; Petrides et al. 2007]. N. S. Schutte et al. определяют его как констелляцию эмоциональных самоощущений, расположенных на нижних уровнях иерархии личности, измеряемую с помощью опросника эмоционального интеллекта [Schutte et al. 1998]. В других научных исследованиях, заслуживающих упоминания, приводятся такие понятия, как эмоциональная грамотность; личностная грамотность; межличностный интеллект и социально-эмоциональные компетенции [Cooper 1997; Gardner 2011; Steiner, Perry 1997]. Так, следуя определению D. Goleman, эмоциональный интеллект рассматривается в терминах компетенций и навыков, определяя компетенцию эмоционального интеллекта как способность распознавать собственные чувства и чувства других людей [Boyatzis 2009; Dasborough et al. 2022]. Таких компетенций три: когнитивные компетенции, компетенции социального интеллекта и компетенции эмоционального интеллекта.

После рассмотрения теоретической перспективы эмоционального интеллекта в первых исследованиях была предпринята попытка связать эмоциональный интеллект с различными переменными, которые не наблюдаются непосредственно (в том числе факторными, составными и латентными переменными или конструктами), чтобы оценить способность индивида к эмоциональному интеллекту. В связи с этим исследователи начали разрабатывать несколько моделей и шкал эмоционального интеллекта [Aritzeta et al. 2020; Bar-On 1997; Salovey, Mayer 1990]. Существующие шкалы в целом обладают соответствующими психометрическими свойствами, хотя некоторые из них имеют свои недостатки.

В целом для оценки эмоционального интеллекта используются три подхода. Смешанные модели, или модели черт, измеряют эмоциональный интеллект индивида с помощью опросников и самоотчетов, рассматривая этот конструкт как черту личности, включающую социальные, эмоциональные и организационные аспекты или компетенции. Модели способностей, напротив, рассматривают эмоциональный интеллект как результат способности решать определенные

эмоциональные проблемы, сопоставляя эти ответы с заранее установленными балльными оценками по специальным меркам [Extremera et al. 2019; Lopes et al. 2006]. Третий подход – внешняя оценка, которая предполагает обращение к кому-либо, кроме респондента, с просьбой высказать свое мнение и оценку того, как он воспринимает оцениваемого человека. Этот метод предполагает оценку навыков межличностного общения, что дополняет и подтверждает две предыдущие методики и позволяет избежать проблем, связанных с социальной желательностью некоторых людей [Mindeguia et al. 2021; Rezvani et al. 2019].

Что касается самоотчетов, то теоретическая концептуализация Р. Salovey и J. D. Mayer привела к созданию классического варианта Шкалы мета-настроения трейта-48 (TMMS-48). Позднее N. S. Schutte et al. создали опросник Self Report Inventory (SSRI) [Schutte et al. 1998]. Аналогичным образом С.-S. Wong и К. S. Law в итоге разработали Шкалу эмоционального интеллекта Вонга и Лоу (WLEIS) для оценки эмоционального интеллекта [Wong, Law 2002].

Другие показатели самоотчета относятся к эмоциональным, социальным и профессиональным функциям. R. Bar-On разработал шкалу Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i), которая включает пункты, призванные гарантировать, что участники не искажают возможные последствия социальной желательности [Bar-On 1997]. В работе К. V. Petrides и А. Furnham на основе шкалы R. Bar-On разработан показатель, определяющий эмоциональный интеллект как набор личностных черт, социально-эмоциональных компетенций, мотивационных аспектов и когнитивных навыков [Petrides, Furnham 2003]. Они создали опросник Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue). Аналогично, базовая модель D. Goleman – Опросник эмоциональной компетентности (ECI) – изначально включала в себя ряд эмоциональных компетенций. В итоге R. E. Boyatzis и другие сократили измерения упомянутой оценки, включив в нее только деловые компетенции работников и руководителей [Boyatzis 2009; Goleman 2020]. Все эти версии в целом имеют приемлемый уровень согласованности, и, по мнению E. N. Pacheco et al., в большинстве из них используются сокращенные версии показателей из оригинальной модели [Pacheco et al. 2019].

Для смягчения потенциальных погрешностей, которые могут проявляться в самоотчетах, были разработаны показатели способностей и результативности, основанные на задачах и результатах деятельности,

поскольку человек может считать, что воспринимаемый эмоциональный интеллект связан с высокой социальной желательностью. Наиболее распространенной мерой эффективности является многофакторная шкала эмоционального интеллекта Майера-Карузо-Саловея, основанная на теоретических концепциях, разработанных J. D. Mayer и Р. Salovey, которая в целом обладает высокой прогностической способностью. Со временем J. D. Mayer и другие предложили еще одну версию теоретической модели – Тест эмоционального интеллекта Майера-Саловея-Карузо (MSCEIT), в которую уже не входят шкалы с низкой надежностью [Mayer et al. 2000; Sharma, Tiwari 2023].

Существуют различные противоречия, связанные с концепцией эмоционального интеллекта. К. R. Murphy и J. D. Mayer et al. утверждают, что наличие множества различных конструктов приводит к подозрениям относительно их взаимосвязи, что негативно сказывается на легитимности термина *эмоциональный интеллект* [A critique... 2014; Mayer et al. 2008]. Е. А. Locke критикует большое разнообразие смещающихся и непонятных определений эмоционального интеллекта и предлагает заменить термин на интроспективные способности [Locke 2005]. В том же ключе С. Cherniss и J. M. Conte критикуют тот факт, что существующие методы оценки измеряют интеллект на основе различных концептуализаций этого понятия и что между ними отсутствует консенсус [Cherniss 2010; Conte 2005]. J. M. Conte рассуждает о том, можно ли вообще сравнивать эти понятия.

В целом эти шкалы обладают высокой степенью надежности и внутренней согласованности, однако в шкалах не указано, оценивают ли они понятия, которые уже измеряются другими, более устоявшимися конструктами. М. А. Brackett и J. D. Mayer пришли к выводу о низкой корреляции между конструктами модели MSCEIT и модели EQ-i [Brackett, Mayer 2003]. Ставится вопрос о том, измеряют ли эти модели одну и ту же концепцию [Brackett, Mayer 2003; Matthews et al. 2004]. D. Rosete и J. Ciarrochi не обнаружили значимых корреляций между общим баллом конструкта EI и любым из 16 факторов личности в модели MSCEIT, основанной на способностях [Rosete, Ciarrochi 2005]. О. Wilhelm утверждает, что несмотря на возможные разногласия, MEIS и MSCEIT являются наиболее полными оценками эмоционального интеллекта. По его мнению, MSCEIT является наиболее амбициозной и подходящей на сегодняшний день моделью для общей оценки способностей, связанных с эмоциями [Wilhelm 2005].

В отечественной психологии ключевые идеи, способствующие становлению понятия *эмоциональный интеллект*, представлены в работах Д. В. Люсина. Автор предполагает, что способность человека понимать свои эмоции и управлять ими напрямую зависит от его общей ориентации на эмоциональную сферу. Эта ориентация включает не только интерес к внутреннему миру других людей, но и к собственному. Кроме того, она включает склонность к анализу психологического поведения и ценностям, присваиваемым эмоциональным переживаниям. Таким образом, понятие *эмоциональный интеллект* может быть рассмотрено как концепция, объединяющая когнитивные способности и личностные характеристики. В качестве результатов эмоциональный интеллект представляет собой психическое свойство, которое развивается в процессе жизни под влиянием нескольких факторов, которые определяют его уровень и индивидуальные особенности [Люсин 2007]. Три основные группы таких факторов: когнитивные способности, включающие скорость и точность обработки эмоциональной информации; представления о ценностях и важности эмоций как источников информации; особенности эмоциональности, такие как эмоциональная устойчивость и чувствительность.

Дальнейшее развитие концепции эмоционального интеллекта может и должно способствовать пониманию и детальному рассмотрению таких научно-практических проблем, как профилактика, коррекция и реабилитация девиантного поведения, эмоционального выгорания, профессиональной деформации, развитие творческих способностей, социализации личности, повышение стрессоустойчивости [Блинникова, Бобков 2018].

Проблема изучения субъекта элиты также имеет глубокие корни в психологической науке, отличаясь междисциплинарностью и уклоном в профессиональную плоскость. Однако исследований в области развития и формирования потенциальной элиты инженерного и научно-технического профиля недостаточно. В этой связи теоретико-методологические основы могут быть почерпнуты из общих представлений о сущности феномена элиты: обоснование поведенческой составляющей субъекта молодежной элиты (О. И. Мотков, Л. Х. Дзахова, С. А. Сергеева, М. И. Воловикова), концепции развития элитных качеств личности, воспитания ответственности, формирования элитного сознания, морально-нравственных позиций, ценностных элитных ориентаций (Н. Б. Карабущенко, В. К. Пичугина,

М. К. Ветошкина, А. И. Савенков, З. Х. Кайтукова, А. Н. Руденко); систематизация психологических качеств лидера, направленных на достижение цели (О. В. Орлов, А. Л. Журавлев, В. Л. Маришук, А. И. Китов, Г. А. Нефедов); выявление факторов, определяющих формирование ценностных ориентаций молодежи (Ю. Р. Вишнеvский, М. К. Горшков, Р. Крумм, Н. И. Лапин, Ф. Э. Шереги, А. А. Черкасова); исследования психологических особенностей альтруистического и помогающего поведения (Б. И. Додонов, А. В. Запорожец, Я. З. Неверович, Е. В. Субботский, Е. П. Ильин).

При этом появляется необходимость осмысления тех требований, которые предъявляет общество к личности современного инженера, конструктора, теоретика от точных наук. Применение теоретической модели профессиональных элит остается актуальным [Карабущенко 2016]. Однако, учитывая специфику и особенности профессиональной деятельности, психологическая модель научно-технической элиты претерпевает в ходе эмпирических исследований изменения и качественные преобразования. Один из структурных блоков модели включает ряд составляющих: эмоционально-волевую, потребностно-мотивационную, ценностно-смысловую, социально-психологическую, когнитивно-деятельностную, позволяющих раскрыть важнейшие психологические особенности личности специалиста инженерно-технического профиля.

В статье рассмотрены: эмоционально-волевой компонент, подчеркивающий значение развитого эмоционального интеллекта у субъекта научно-технической элиты, готовность в стрессовых ситуациях использовать эффективные копинг-стратегии, способность урегулировать конфликты и сложные ситуации, а в экстремальных условиях принимать грамотные, взвешенные решения, направленные на снижение рисков и обеспечение безопасности. Важно выявить особенности проявления этой составляющей у представителей молодежной (потенциальной) научно-технической и инженерной элиты России.

Методы и материалы

Выборка из 111 студентов инженерно-технических направлений 1 курса Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» была распределена по 3 группам: институт нанотехнологий в электронике, спинтронике и фотонике (ИНТЭЛ) (n = 15); инженерно-физический институт биомедицины (ИФИБ) (n = 27); институт лазерных и плазменных технологий (ЛАПЛАЗ) (n = 69).

В исследовании применялся следующий психодиагностический инструментарий: копинг-тест (методика Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой) [Крюкова и др. 2005], тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭмИн) [Люсин 2009].

Анализ данных производился с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics V.22.0 с использованием метода математической статистики (Kruskal-Wallis H-test).

Результаты

Сравнительный анализ трех групп инженерно-технического профиля с применением методики, направленной на изучение эмоционального интеллекта личности (ЭмИн), показал интересные результаты. Статистически значимые различия были выявлены только по шкале *контроль экспрессии* ($H = 9,42$; $p = 0,009$). У студентов ИНТЭЛ (ср = 66,83) и ЛАПЛАЗ (ср = 59,89) более выражена способность контроля внешнего проявления эмоций, чем у студентов ИФИБ (ср = 40,04). Представители инженерно-технических специальностей отличаются эмоциональной сдержанностью, упорством в достижении цели, усидчивостью, высокой работоспособностью. Для инженерных профессий вообще характерна скупость в проявлении чувств, хотя внутренне человек может испытывать яркие эмоции и глубокие переживания. Специфика деятельности в системе *человек – техника* предполагает доминирование рациональной составляющей, использование аналитических способностей, критического мышления, логических построений. Образно говоря, машина не терпит эмоциональных всплесков. Российские предприятия и корпорации оснащены современной техникой с использованием искусственно интеллекта, следовательно работа инженера должна быть направлена на отлаживание системы, контроль за эффективностью ее работы, а также на создание нового интеллектуального продукта, обеспечивающего развитие отрасли. При этом следует отметить, что выпускники головного представительства МИФИ в большей мере востребованы в научной сфере (трудоустраиваются в НИИ и НИР подразделения при госкорпорациях), где работа предполагает интеллектуальные усилия и кропотливый труд без эмоциональных качелей, которые могут пагубно влиять на результат.

Далее охарактеризуем рядоположенные шкалы, по которым не были обнаружены статистически значимые различия, но отдельные тенденции вызывают

исследовательскую заинтересованность. Шкалы *понимание чужих эмоций* ($H = 1,71$; $p = 0,426$) и *управление чужими эмоциями* ($H = 3,35$; $p = 0,187$) указывают на то, студенты ИФИБ (ср = 60,19 и 60,54 соответственно) более склонны к пониманию эмоциональных состояний других людей, чем студенты ИНТЭЛ (ср = 46,77 и 42,4) и ЛАПЛАЗ (ср = 56,37 и 57,18). С одной стороны, представители первой группы в рамках будущей профессиональной деятельности будут включены в систему *человек – человек*. Им придется взаимодействовать как с медицинскими работниками, так и с пациентами. Развитое понимание чужих переживаний и эмоций позволит выпускникам ИФИБ совершенствовать свои коммуникативные способности и эмпатические навыки, находить общий язык с коллегами в коллективе. С другой стороны, преобладание девушек на данном направлении объясняет готовность понимать и контролировать эмоции другого человека. У женщин более развита эмоциональная сфера, они способны уловить оттенки различных чувств и глубоких переживаний. В помогающих профессиях это крайне необходимая способность, в инженерных профессиях – менее значимая. Однако, если специалист стремится к руководству и лидерству, то данный навык позволяет ему понять не только атмосферу коллектива, но и состояние каждого подчиненного.

Следующая пара: *понимание своих эмоций* ($H = 2,72$; $p = 0,257$) и *управление своими эмоциями* ($H = 0,94$; $p = 0,624$) – интересна тем, что представители ИФИБ (ср = 64,17 и 56,19 соответственно) более чувствительны к пониманию собственных переживаний, чем студенты ИНТЭЛ (ср = 48,53 и 48,67). Студенты ЛАПЛАЗ (ср = 54,43 и 57,52) неплохо справляются с управлением собственными эмоциями, что напрямую коррелирует с контролем экспрессии. И если на результаты представителей ИФИБ оказывает влияние гендерная специфика, то у студентов ЛАПЛАЗ – явный крен в сторону управления, сдерживания, контроля. Данная тенденция подтверждается шкалой *управление эмоциями* ($H = 1,55$; $p = 0,462$), большая выраженность по которой прослеживается у представителей ЛАПЛАЗ (ср = 58,86). А склонность к сопереживанию, пониманию чувств другого человека студентами ИФИБ (ср = 62,63) подтверждается шкалой *понимание эмоций* ($H = 2,92$; $p = 0,233$).

Последняя пара: *межличностный эмоциональный интеллект* ($H = 1,94$; $p = 0,379$) и *внутриличностный эмоциональный интеллект* ($H = 0,69$; $p = 0,708$) – также подтверждает выявленные нами ранее тенденции. Студенты ИФИБ (ср = 60,09 и 53,41 соответственно)

заинтересованы в развитии коммуникативных навыков, словоохотливы и эмоционально менее сдержанны, но при этом внимательны к состоянию и переживаниям партнеров по общению. Представители ЛАПЛАЗ (ср = 56,59 и 57,94) на уровне осмысления и внутреннего контроля работают со своими эмоциями, им подвластна экспрессия, способность сохранять невозмутимость и внешнее спокойствие.

С целью изучения способности студентов преодолевать трудные жизненные ситуаций нами был использован копинг-тест. Статистически значимые различия были обнаружены только по шкале *положительная переоценка* ($H = 6,47$; $p = 0,039$). Надо отметить, что наиболее выраженные показатели мы наблюдаем у студентов ИФИБ (ср = 59,46) и сразу за ними идущих студентов ЛАПЛАЗ (ср = 58,9) при довольно слабых проявлениях у студентов ИНТЭЛ (ср = 36,43). Представители первых двух групп способны негативные переживания переосмыслить положительно, даже в самых сложных, критических ситуациях найти рациональное зерно и стимул для личностного и профессионального роста. Данный копинг является одним из наиболее конструктивных. Став дипломированными специалистами, обучающиеся МИФИ смогут преодолевать не только задачи, связанные с профессиональной деятельностью, но и определяющие их жизнедеятельность. Внешние социально-экономические, политические риски будут восприниматься как этап необходимых преобразований, а межличностные проблемы – как источник саморазвития. Развитая способность положительной переоценки позволяет человеку достичь философского осмысления любой проблемы, выйти за пределы собственного эго. В этой связи нужно обратить внимание на студентов ИНТЭЛ и предложить проработать в групповом психологическом тренинге данный копинг.

Во всех остальных шкалах не были обнаружены статистически значимые различия, однако на уровне тенденций прослеживаются некоторые специфические проявления. По шкале *бегство-избегание* ($H = 3,54$; $p = 0,171$) большая выраженность этой стратегии прослеживается у студентов ИФИБ (ср = 61,63), чем ИНТЭЛ (ср = 42,47) и ЛАПЛАЗ (ср = 56,74), что может негативно сказаться на учебной деятельности и дальнейшей жизни в целом. Уход от проблемы или фантазирование по поводу ее разрешения, прокрастинация или отвлеченные умозаключения не снимают и не облегчают возникшую трудность. Накопленные нерешенные жизненные задачи могут перерасти в невроз, усиливая тем самым тревожность

и раздражительность личности. Если бегство становится часто используемым копингом, то это прямое свидетельство незрелости и инфантильности личности, не желающей осознанно брать на себя ответственность. Данная преодолевающая стратегия несет в себе деструктивную основу, поэтому с обучающимися ИФИБ нужно провести профилактическую беседу, тем более что они в этом нуждаются. Шкала *поиск социальной поддержки* ($H = 2,10$; $p = 0,35$) более выражена у студентов ИФИБ (ср = 59,8), чем ИНТЭЛ (ср = 45,3) и ЛАПЛАЗ (ср = 56,84). Поиск социальных ресурсов, сочувствия, конкретной помощи, реализованной в делах и поступках, – свидетельство преобладания данного копинга, крайняя форма которого выражается в беспомощности самого человека, не способного решить проблему без одобрения авторитетного окружения. Отсутствие социальной опоры подталкивает личность к избегающей стратегии.

Интересная тенденция прослеживается по шкале *дистанцирование* ($H = 1,22$; $p = 0,543$). Наибольшая выраженность стратегии наблюдается у студентов ИНТЭЛ (ср = 61), чем ИФИБ (ср = 59,89) и ЛАПЛАЗ (ср = 53,39). Отношение к возникающим трудностям переходит в плоскость обесценивания проблемы. За маской надменности и снобизма, равнодушного отношения к кризисным ситуациям скрывается способность отдалиться от сложностей настолько, чтобы не принимать их всерьез. Из этого проистекает склонность к рационализации, остроумному юмору, переключению внимания.

Следует обратиться также к шкалам, которые в большей мере характеризуют студентов ЛАПЛАЗ, к ним относятся *самоконтроль* ($H = 3,28$; $p = 0,194$) и *планирование решения проблемы* ($H = 4,29$; $p = 0,117$). Показатели студентов ИНТЭЛ (ср = 42,1 и 44,23 соответственно) и ИФИБ (ср = 57,96 и 50,54) менее выражены, чем у представителей ЛАПЛАЗ (ср = 58,25 и 60,7). Особенности эмоционального интеллекта в части контроля экспрессии, сдерживания эмоций, подавления чувств напрямую коррелирует с копингом самоконтроля личности у студентов ЛАПЛАЗ. Они целенаправленно управляют своими эмоциями, подчиняя их конкретной задаче: преодоление негативных переживаний и достижение нужного результата. При этом особому самоконтролю подвергается поведение, а сдержанность и самообладание – характерные черты социальных проявлений личности. Данная способность позволяет сохранять холодность ума и здравость мысли, что свидетельствует об использовании копинг-стратегии *планирование решения проблемы*.

Заключение

Высокоинтеллектуальная среда предъявляет свои требования к студентам МИФИ: напряженный умственный труд, быстрое освоение нового материала, способность создания собственного продукта (проектная деятельность) и готовность к конкуренции и соперничеству. Все это может привести к повышенному нервно-психическому напряжению, которое должно сохраняться длительное время. У каждого человека ресурсы психики различны, поэтому одни реагируют на стресс деструктивно, другие находят оптимальные способы преодоления сложных ситуаций. Для студентов ведущих технических вузов это наиболее актуально и злободневно. Способность справляться со стрессом позволит не только успешно закончить университет, но проявить себя в профессиональной деятельности.

Студенты целенаправленно анализируют сложные ситуации, прорабатывают различные варианты выхода из них, планируют и мысленно проигрывают собственное поведение, прибегая к прошлому опыту и имеющимся ресурсам. В целом использование данных преодолевающих моделей конструктивно сказывается на развитии личности инженера. В ситуации критической, особенно на атомных электростанциях, это послужит хорошей службой. Однако есть и обратная сторона медали – неразвитость эмоциональной сферы, скудость в проявлении чувств, что может сказаться на межличностных и внутригрупповых отношениях.

На основе проведенного эмпирического исследования и анализа данных мы можем сформулировать практические рекомендации. Особое внимание следует уделить развитию эмоциональной сферы студентов ИНТЭЛ и ЛАПЛАЗ. Серьезный переко-

с в сторону контроля собственных эмоций, излишняя сдержанность, скудость в выражении чувств, возможно, будут полезны в профессиональной деятельности, но в обычной жизни окажут влияние на взаимоотношения с ближним окружением, спровоцируют возникновение чувства одиночества.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Н. Б. Карабущенко – разработка научной концепции, обработка и интерпретация эмпирических результатов, выводы и практические рекомендации, помощь в проведении эмпирического исследования. И. А. Паршутин – проведение эмпирического исследования, создание базы данных, обработка полученных эмпирических результатов. А. Н. Бобков – теоретический анализ психологической литературы, обоснование актуальности представленного исследования.

Contribution: N. B. Karabushchenko developed the research concept, processed and interpreted the empirical results, formulated the conclusions and practical recommendations, and assisted in the empirical research. I. A. Parshutin conducted the empirical research, compiled the database, and processed the empirical results. A. N. Bobkov reviewed available publications and justified the relevance of the research.

Литература / References

- Блинникова И. В., Бобков А. Н. Влияние профессионального опыта и эмоционального интеллекта на оценки эмоциогенных ситуаций врачами и психологами. *Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России*: V Междунар. науч.-практ. конф. (Пятигорск, 5–7 октября 2018 г.) Иваново: Научный мир, 2018. Ч. 1. Симпозиум «Субъект и личность в психологии саморегуляции». С. 55–61. [Blinnikova I. V., Bobkov A. N. Effect of professional experience and emotional intelligence on assessments of emotionogenic situations by physicians and psychologists. *Personal resource of the subject of labor in a changing Russia*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Pyatigorsk, 5–7 Oct 2018. Ivanovo: Nauchnyi mir, 2018, pt. 1. Symposium on Subject and Personality in the Psychology of Self-Regulation, 55–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30888/978-5-6041451-4-2.1.7>
- Карабущенко Н. Б. Психология профессиональных элит в вузе. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. 282 с. [Karabushchenko N. B. *Psychology of professional elites in higher education*. St. Petersburg: Aleph-Press, 2016, 282. (In Russ.)]
- Карабущенко Н. Б., Штырев М. М. Психологические особенности мотивационных установок личности молодого лидера. *Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы*: Всерос. науч.

- конф. (Ярославль, 8–20 октября 2020 г.) Ярославль: ЯрГУ; Филигрань, 2020. С. 509–513. [Karabushchenko N. B., Shtyrev M. M. Psychological features of motivational attitudes of the youth leader's personality. *Yaroslavl Psychological School: History, Modernity, Perspectives: Proc. All-Russian Sci. Conf.*, Yaroslavl, 8–20 Oct 2020. Yaroslavl: YarSU; Filigran, 2020, 509–513. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/irgkyz>
- Крюкова Т. Л., Куфтык Е. В., Замышляева М. С. Адаптация методик, изучение совладающего поведения Way of Coping Questionnaire (Опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкмана). *Психологическая диагностика*. 2005. № 3. С. 57–76. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V., Zamyshlyeva M. S. R. Lazarus and S. Folkman's Way of Coping Questionnaire: Adaptation. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2005, (3): 57–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ygchhn>
- Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные. *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*, ред. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков. М.: ИП РАН, 2009. С. 264–278. [Lyusin D. V. EmIn Questionnaire of emotional intelligence: New psychometric data. *Social and emotional intelligence: From processes to dimensions*, eds. Lyusin D. V., Ushakov D. V. Moscow: IP RAS, 2009, 264–278. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/slanqy>
- Люсин Д. В. Стратегии переработки информации при распознавании эмоций. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2007. Т. 4. № 4. С. 140–148. [Lyusin D. V. The strategies of information processing during emotion recognition. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2007, 4(4): 140–148. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jwmcs1>
- A critique of emotional intelligence: What are the problems and how can they be fixed?*, ed. Murphy K. R. Psychology Press, 2014, 388.
- Aritzeta A., Mindeguia R., Soroa G., Balluerka N., Gorostiaga A., Elorza U., Aliri J. Team emotional intelligence in working contexts: Development and validation of the Team-Trait Meta Mood Scale (T-TMMS). *Frontiers in Psychology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00893>
- Bar-On R. *Emotional Intelligence Inventory (EQ-i): Technical Manual*. Toronto: Multi-Health Systems, 1997.
- Bar-On R. *The development of an operational concept of psychological well-being*. PhD Diss. Rhodes University, 1988.
- Boyatzis R. E. Competencies as a behavioral approach to emotional intelligence. *Journal of Management Development*, 2009, 28(9): 749–770. <https://doi.org/10.1108/02621710910987647>
- Brackett M. A., Mayer J. D. Convergent, discriminant, and incremental validity of competing measures of emotional intelligence. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, 29(9): 1147–1158. <https://doi.org/10.1177/0146167203254596>
- Cherniss C. Emotional intelligence: Toward clarification of a concept. *Industrial and Organizational Psychology*, 2010, 3(2): 110–126. <https://doi.org/10.1111/j.1754-9434.2010.01231.x>
- Conte J. M. A review and critique of emotional intelligence measures. *Journal of Organizational Behavior*, 2005, 26(4): 433–440. <https://doi.org/10.1002/job.319>
- Cooper R. K. Applying emotional intelligence in the workplace. *Training & Development*, 1997, 51(12): 31–39.
- Dasborough M. T., Ashkanasy N. M., Humphrey R. H., Harms P. D., Credé M., Wood D. Does leadership still not need emotional intelligence? Continuing "The Great EI Debate". *The Leadership Quarterly*, 2022, 33(6). <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2021.101539>
- Extremera N., Quintana-Orts C., Sánchez-Álvarez N., Rey L. The role of cognitive emotion regulation strategies on problematic smartphone use: Comparison between problematic and non-problematic adolescent users. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, 16(17). <https://doi.org/10.3390/ijerph16173142>
- Gardner H. *Frames of mind: The theory of multiple intelligences*. 3rd ed. NY: Basic Books, 2011, 528.
- Gardner H., Hatch T. Educational implications of the theory of multiple intelligences. *Educational Researcher*, 1989, 18(8): 4–10. <https://doi.org/10.3102/0013189X018008004>
- Goleman D. *Emotional intelligence*. 25th ed. Bloomsbury Publishing, 2020, 352.
- Goleman D. *Working with emotional intelligence*. NY: Bantam, 1998, 383.
- Locke E. A. Why emotional intelligence is an invalid concept. *Journal of Organizational Behavior*, 2005, 26(4): 425–431. <https://doi.org/10.1002/job.318>

- Lopes P. N., Grewal D., Kadis J., Gall M., Salovey P. Evidence that emotional intelligence is related to job performance and affect and attitudes at work. *Psicothema*, 2006, 18 Suppl: 132–138.
- Matthews G., Zeidner M., Roberts R. D. *Emotional intelligence: Science and myth*. Cambridge: MIT press, 2004, 719.
- Mayer J. D., Caruso D. R., Salovey P. Selecting a measure of emotional intelligence: The case of ability scales. *Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace*, eds. Bar-On R., Parker J. D. A. Jossey-Bass/Wiley, 2000, 320–342.
- Mayer J. D., Roberts R. D., Barsade S. G. Human abilities: Emotional intelligence. *Annual Review of Psychology*, 2008, 59: 507–536. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093646>
- Mindeguia R., Aritzeta A., Garmendia A., Martinez-Moreno E., Elorza U., Soroa G. Team emotional intelligence: Emotional processes as a link between managers and workers. *Frontiers in Psychology*, 2021, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.619999>
- Neely-Martinez M. The smarts that count. *HR Magazine*, 1997, 42(11): 72–77.
- Pacheco E. N., Rey L., Sánchez-Álvarez N. Validation of the Spanish version of the Wong Law emotional intelligence scale (WLEIS-S). *Psicothema*, 2019, 31(1): 94–100. <https://doi.org/10.7334/psicothema2018.147>
- Petrides K. V. Trait emotional intelligence theory. *Industrial and organizational psychology*, 2010, 3(2): 136–139. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/j.1754-9434.2010.01213.x>
- Petrides K. V., Furnham A. Trait emotional intelligence: Behavioural validation in two studies of emotion recognition and reactivity to mood induction. *European Journal of Personality*, 2003, 17(1): 39–57. <https://doi.org/10.1002/per.466>
- Petrides K. V., Furnham A., Mavroveli S. Trait emotional intelligence: Moving forward in the field of EI. *Emotional intelligence: Knowns and unknowns*, eds. Matthews G., Zeidner M., Roberts R. D. Oxford: Oxford University Press, 2007, 151–166.
- Rapisarda B. A. The impact of emotional intelligence on work team cohesiveness and performance. *The International Journal of Organizational Analysis*, 2002, 10(4): 363–379. <https://doi.org/10.1108/eb028958>
- Rezvani A., Barrett R., Khosravi P. Investigating the relationships among team emotional intelligence, trust, conflict and team performance. *Team Performance Management*, 2019, 25(1/2): 120–137. <https://doi.org/10.1108/TPM-03-2018-0019>
- Rosete D., Ciarrochi J. Emotional intelligence and its relationship to workplace performance outcomes of leadership effectiveness. *Leadership & Organization Development Journal*, 2005, 26(5): 388–399. <https://doi.org/10.1108/01437730510607871>
- Ruisel I. Social intelligence: concepts and methodological problems. *Studia Psychologica*, 1992, 34(4-5): 281–296.
- Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence. *Imagination, cognition and personality*, 1990, 9(3): 185–211. <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>
- Schutte N. S., Malouff J. M., Hall L. E., Haggerty D. J., Cooper J. T., Golden C. J., Dornheim L. Development and validation of a measure of emotional intelligence. *Personality and individual differences*, 1998, 25(2): 167–177. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(98\)00001-4](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(98)00001-4)
- Sharma S., Tiwari V. Emotional intelligence and career success: Does resilience matter? *Global Business and Organizational Excellence*, 2023, 42(6): 138–153. <https://doi.org/10.1002/joe.22196>
- Steiner C., Perry P. *Achieving emotional literacy*. Simon & Schuster Audio, 1997.
- Thorndike E. L. Intelligence and its uses. *Harper's magazine*, 1920, 140: 227–235.
- Wechsler D. Non-intellective factors in general intelligence. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1943, 38(1): 101–103. <https://doi.org/10.1037/h0060613>
- Wilhelm O. Measures of emotional intelligence: Practice and standards. *Emotional intelligence: An international handbook*, eds. Schulze R., Roberts R. D. Hogrefe & Huber Publishers, 2005, 131–154.
- Wong C.-S., Law K. S. The effects of leader and follower emotional intelligence on performance and attitude: An exploratory study. *The Leadership Quarterly*, 2002, 13(3): 243–274. [https://doi.org/10.1016/S1048-9843\(02\)00099-1](https://doi.org/10.1016/S1048-9843(02)00099-1)

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gtfuij>

Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера

Наумов Петр Юрьевич

Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, Балашиха
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>
Scopus Author ID: 57813189400
petr.naumov.777@mail.ru

Холиков Иван Владимирович

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0003-0421-5829>
Scopus Author ID: 6507345554

Аннотация: Система ценностей будущего офицера сосредотачивает в себе комплекс ценностных ориентаций и смыслов, источниками возникновения которых в психическом поле субъекта являются внешние объекты. К таковым объектам относится в том числе международное право, одной из подсистем которого является международное гуманитарное право. Эти нормы составляют среду и обстановку, в которых реализуется квазипрофессиональная и учебная деятельность будущего офицера. С одной стороны, помимо регулирования определенных общественных отношений, международные гуманитарные правовые нормы, входя в сферу субъектной деятельности, обретают положительную значимость, то есть становятся ценностями, характеризующими офицера, его личность. С другой – международные правовые акты как квинтэссенция гуманистических принципов, целей и идей являются объективным источником целой совокупности общечеловеческих ценностей и смыслов, следование которым в реальной психической и внешней объективированной деятельности характеризует офицера как интеллигента. Гипотезой исследования явилось предположение о том, что внедрение в процессы обучения и воспитания будущих офицеров комплексного познания и понимания норм международного гуманитарного права позволит развивать личностные ценности. Указанная гипотеза верифицирована эмпирически. Применены гипотетико-дедуктивный и сравнительно-правовой методы; анализ и синтез научной литературы и нормативных правовых актов; абстрагирование и аналогия; обобщение и концептуализация; структурный и функциональный анализ; психологический и педагогический эксперименты. К научным результатам настоящего исследования относятся выявление, систематизация и классификация ценностей и смыслов, которые сосредоточены в международных правовых актах, образующих гуманитарное право. Эмпирические результаты, полученные в ходе экспериментального внедрения учебных и воспитательных мероприятий в педагогический процесс военного вуза, свидетельствуют о том, что у респондентов экспериментальной группы значимо повысилась ценность традиций, самостоятельность, ценность достижений и безопасность, диагностирован значимо более высокий уровень коммуникативных и организаторских склонностей. Это внедрение было основано на использовании потенциала норм международного гуманитарного права для развития системы ценностей будущих офицеров.

Ключевые слова: интеллигентность, международное право, ценность, смысл, ценностные ориентации, аккумуляция, функционирование, значимость, личность офицера, субъектное отношение

Цитирование: Наумов П. Ю., Холиков И. В. Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 287–298. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-287-298>

Поступила в редакцию 12.03.2024. Принята после рецензирования 01.04.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Value-Based Attitude Towards International Humanitarian Law as Part of Personality Development of Military Students

Petr Yu. Naumov

Central Military Clinical Hospital of National Guard Troops
of the Russian Federation, Russia, Balashikha<https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>

Scopus Author ID: 57813189400

petr.naumov.777@mail.ru

Ivan V. Kholikov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Russia, Moscow<https://orcid.org/0000-0003-0421-5829>

Scopus Author ID: 6507345554

Abstract: A value system is a complex of value orientations and meanings that have their roots in the outside world. For military students, international humanitarian law is an important part of personal value system. These norms shape the environment for quasi-professional and academic activities of future military lawyers and officers. International humanitarian legal norms regulate certain social relations, thus entering the sphere of subjective activity and acquiring positive significance. As a result, they become part of an officer's personality. International legal acts are a quintessence of humanistic principles, goals, and ideas. In this respect, they are an objective source of universal human values and meanings. Hence, they characterize an officer as an intellectual. If introduced into military education curriculum, international humanitarian law could facilitate the development of personal values in future officers and military lawyers. To verify this hypothesis, the authors applied standard research methods to legal documents, as well as conducted a psychological and pedagogical experiment. They identified, systematized, and classified the values and meanings concentrated in the international legal acts of humanitarian law. The military students that studied the international humanitarian law respected traditions and valued security; they were more independent and achievement-oriented, as well as demonstrated a much higher level of communicative and organizational skills than the control group. Therefore, international humanitarian law proved to have a great potential for developing personality values in future officers as part of military education.

Keywords: intellectuality, international law, value, meaning, value orientations, storage, functioning, significance, officer's identity, subject relationship

Citation: Naumov P. Yu., Kholikov I. V. Value-Based Attitude Towards International Humanitarian Law as Part of Personality Development of Military Students. *SibScript*, 2024, 26(2): 287–298. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-287-298>

Received 12 Mar 2024. Accepted after peer review 1 Apr 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Сегодня Вооруженные Силы, иные войска, воинские формирования и органы России, а также военнослужащие, входящие в их состав, предназначены для выполнения широкого спектра задач (в том числе выполняемых с оружием в руках и (или) с риском для жизни): обеспечение обороны страны и безопасности государства, защита прав (свобод) человека и гражданина, борьба с терроризмом и поддержание международного мира и безопасности. Основным профессиональным и управленческим костяком среди различных составов военнослужащих являются офицеры (младшие, старшие, высшие), первоначальная профессиональная подготовка которых при получении высшего образования организована

в военных образовательных организациях высшего образования [Холиков и др. 2022с].

Помимо профессиональных знаний, навыков, способностей и готовности к действиям в любой обстановке (в том числе боевой), офицеру необходимо быть воспитанной, гармонично развитой личностью и обладать сформированной системой ценностей, квинтэссенцией которых является интеллигентность, консолидирующая значимые субъектные качества в сознании и проявляющая их в деятельности [Наумов 2022]. Система ценностей и личностных смыслов офицера сосредотачивает в себе комплекс ценностных ориентаций, источниками возникновения которых в психическом поле субъекта являются внешние

объекты, в том числе международные нормативные правовые акты, образующие систему международного гуманитарного права. Указанные правовые нормы образуют среду и обстановку для реализации деятельности офицера, поскольку в условиях вооруженных конфликтов (международных и немеждународного характера) применяются нормы международного гуманитарного права.

Концептуальное познание знаковых научных разработок в области международного гуманитарного права и его влияние на формирование и развитие личности будущего офицера наглядно свидетельствуют, что нормы международного гуманитарного права являются мощным инструментом в развитии системы ценностей субъектов [Абашидзе 2022; Богатырев, Каламкарян 2018; Бухтияров и др. 2023; Гаврилов и др. 2022; Глухов и др. 2022; Дамаскин, Холиков 2017; Каламкарян, Мигачев 2016; Капустин 2014; 2018; Капустин, Журавлева 2020; Корякин 2022; Кудашкин и др. 2021; Ледях 2014; 2017; Матюшина и др. 2021; Савенков 2022; Савенков, Кудашкин 2021; Сальников и др. 2023; Хабриева 2021; Холиков 2018; Холиков, Шишко 2021; Холиков и др. 2022а; 2022б; 2022с; Яковлев и др. 2000].

Для теоретического познания и эмпирического исследования по диагностике эффективности внедрения в образовательную деятельность военных вузов разработок в области международного гуманитарного права использованы разработки в области аксиологического подхода в философии и психологии [Баева 2018; Бубнова, Хорошавкина 2004; Гусейнов 2018; Зинченко В. П. 2011; 2015; Зинченко Ю. П. 2011; Иванов и др. 2020; Иванова 2021; Леонтьев А. Н. 2001; Леонтьев Д. А. 2014; Петровский, Чукарин 2020; Теплов 2008; Утюганов 2019; Холиков и др. 2022а; Шохин 2006; Яницкий 2020], а также авторские разработки [Наумов 2012; 2021; Наумов, Новиков 2015; Наумов, Повshedная 2020].

Методы и материалы

Достижение цели по развитию ценностей будущего офицера и разрешение комплекса взаимосвязанных с этим психологических и педагогических задач возможно на основании системного познания внешних формально определенных объективных источников ценностей и смыслов, к которым, безусловно, следует отнести нормы права, составляющие систему международного гуманитарного права.

Рассматривая ценности будущего офицера как психологический феномен с точки зрения системного

и комплексного подхода, необходимо рассмотреть и диагностировать не только присвоенные и освоенные будущим офицером в ходе реализации механизмов социализации и культурации ценностно-смысловые внутриличностные структуры. В современных образовательных системах для организации и осуществления обучения, воспитания и гармоничного развития личности применяются различные психологические и педагогические средства, а также создаются определенные условия. Их целью является комплексная организация, оптимизация, эффективное функционирование и совершенствование педагогической деятельности и, следовательно, достижение необходимых (заданных, нормативно определенных) психологических результатов [Наумов 2021].

В работе применены гипотетико-дедуктивный и сравнительно-правовой метод; анализ и синтез научной литературы и нормативных правовых актов; абстрагирование и аналогия; обобщение и концептуализация; структурный и функциональный анализ; психологический и педагогический эксперимент.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что внедрение в процессы обучения и воспитания будущих офицеров комплексного познания и понимания норм международного гуманитарного права позволит развивать личностные ценности. Указанная гипотеза верифицирована эмпирически.

Эмпирическое исследование проведено на базе военных институтов войск национальной гвардии РФ при изучении предмета «Международное право», проводимого кафедрой теории и истории государства и права по теме *Международное гуманитарное право*, которая реализована в ходе следующих занятий: лекция – 2 часа; групповое занятие – 2 часа; семинар – 2 часа; ролевая игра – 2 часа.

Использовались следующие психодиагностические методики: тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра [Акимова и др. 1993] – для диагностики уровня развития интеллектуальных качеств; тест ценностей Шаломы Шварца (Ценностный опросник Ш. Шварца) [Schwartz 1992]; авторская экспериментальная методика КОС (В. В. Синявский, В. А. Федорошин) [Козлов и др. 2018: 330–333] – для выявления коммуникативных и организаторских склонностей.

В исследовании приняли участие курсанты 3 курса, обучающихся по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» (уровень специалитета, специализация – военно-правовая): экспериментальная группа (ЭГ) – 95 человек; контрольная группа (КГ) – 87 человек.

Нормативное правовое обоснование исследования

Нормы международного права как один из важнейших источников правовых норм на территории России закреплены конституционными нормами, а потому могут выступать и как правовые ценности, получая субъективацию на основании личностной оценки.

Из комплексного анализа ч. 4 ст. 15 Конституции РФ следует, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы¹. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Системообразующими нормативными правовыми актами в области международного гуманитарного права, которые сосредотачивают (аккумулируют) в себе ценности и смыслы профессиональных военных, являются Конституция РФ, ФЗ «О международных договорах РФ»², Устав ООН³, Конвенция о защите прав человека и основных свобод⁴, Международные декларации⁵, Женевские Конвенции⁶, многие из которых заключены по итогам Второй Мировой войны, и Дополнительные протоколы к ним⁷, иные международные правовые акты⁸, а также Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженных Сил РФ⁹, Наставление по правовой работе

в войсках национальной гвардии РФ¹⁰ и иные нормативные правовые акты.

Нормы международного гуманитарного права аккумулируют (закрепляют) в себе ключевые общечеловеческие смыслы, которые являются таковыми независимо от того, мирное это время или военное. К этим ценностно-смысловым ориентирам относятся: безопасность; ответственность; самостоятельность; доброта; дисциплинированность; солидарность; нравственность; справедливость; честность; гуманизм; уважение основных прав и свобод человека, в том числе после его смерти.

Необходимость устойчивого знания и неукоснительного соблюдения военными всеми составов¹¹ норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, прямо вытекает из п. 8 ст. 2, п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 22, ст. 26 ФЗ «О статусе военнослужащих»¹², статей 22, 23, 77, 83 Устава внутренней службы ВС РФ¹³ (УВС ВС РФ), статей 3, 4, 53 Дисциплинарного устава ВС РФ¹⁴.

За нарушение норм международного гуманитарного права для военнослужащих в соответствии со ст. 28 ФЗ «О статусе военнослужащих», статьями 26–32 УВС ВС РФ и иными актами предусмотрены различные современные виды юридической ответственности (уголовная, дисциплинарная, административная, материальная и др.).

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

² О международных договорах РФ. ФЗ № 101-ФЗ от 15.07.1995. *СПС КонсультантПлюс*.

³ Устав Организации Объединенных Наций. Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. (с изм. и доп. от 20.12.1971). *СПС КонсультантПлюс*.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950. (с изм. от 24.06.2013). *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ Декларация о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушливые и вредоносные газы (Гаага, 29.07.1899); Декларация о неупотреблении легко разворачивающихся или сплюсывающихся пуль (Гаага, 29.07.1899). *ИПП Гарант*.

⁶ О защите гражданского населения во время войны (Женева, 12.08.1949); Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 12.08.1949); Об обращении с военнопленными (Женева, 12.08.1949). *ИПП Гарант*.

⁷ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 08.06.1977. *ИПП Гарант*.

⁸ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18.10.1907); Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Нью-Йорк, 04.12.1989); Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (26.11.1968); Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14.05.1954); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17.12.1979); Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма ETS № 196 (Варшава, 16.05.2005). *ИПП Гарант*.

⁹ Наставление по международному гуманитарному праву ВС РФ. Утв. приказом Министра обороны РФ № 360 от 08.08.2001. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁰ Наставление по правовой работе в войсках национальной гвардии РФ. Утв. приказом Росгвардии № 524 от 08.12.2017. *СПС КонсультантПлюс*.

¹¹ Составы военнослужащих приведены в: О воинской обязанности и военной службе. ФЗ № 53-ФЗ от 28.04.1998. Ст. 46. *СПС КонсультантПлюс*.

¹² О статусе военнослужащих. ФЗ № 76-ФЗ от 27.05.1998. *СПС КонсультантПлюс*.

¹³ Устав внутренней службы ВС РФ. Утв. Указом Президента РФ № 1495 от 10.11.2007 «Об утверждении общевоинских уставов ВС РФ». *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁴ Дисциплинарный устав ВС РФ. Утв. Указом Президента РФ № 1495 от 10.11.2007 «Об утверждении общевоинских уставов ВС РФ».

Результаты

Выпускники военных институтов при обучении получают в том числе и профессию юриста по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специализация – военно-правовая), а также получают и иные специальности, становясь военными врачами, артиллеристами, танкистами, разведчиками и т.д. Следовательно, такой выпускник военного института при управлении подразделением, выполнении боевых и повседневных задач обязан знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, обучать ему своих подчиненных, а при прохождении службы на должностях юридического профиля или в качестве юридического советника при участии в боевых действиях обязан давать необходимые разъяснения командирам (начальникам) по вопросам, касающимся применения норм международного гуманитарного права. Указанная норма закреплена в ст. 77 УВС ВС РФ. Для формирования навыков использования норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, и воспитания ценностного отношения к нему в военных институтах организованы и проводятся учебные и воспитательные мероприятия, направленные на решение этих задач.

Для формирования компетентности будущих офицеров в области применения норм международного гуманитарного права и ценностного отношения к ним, т.е. качеств и свойств личности, характеризующих будущего офицера, проведена экспериментальная работа в стенах военной образовательной организации.

Содержание педагогического процесса по использованию потенциала международного гуманитарного права в развитии ценностей будущего офицера при экспериментальном исследовании заключалось в следующем. На третьем курсе в реальный учебный процесс военного вуза по дисциплине «Организация военно-политической работы» внедрена тема *Психологическое сопровождение применения норм международного гуманитарного права в вооруженном конфликте*, состоящая из трех занятий: лекция – 2 часа; практическое занятие – 4 часа; семинар – 2 часа. Также на третьем курсе обучения по дисциплине «Военная психология», проводимой кафедрой военной педагогики и психологии, в педагогический процесс военного вуза внедрено занятие по теме *Ценности и смыслы международного гуманитарного права*, состоящее из трех занятий: лекция – 2 часа; семинар – 2 часа; ролевая игра – 2 часа.

Экспериментальные мероприятия были спланированы, организованы и проведены при осуществлении воспитательной работы с курсантами, а также при проведении мероприятий повседневной деятельности и службы. Так, в ходе воспитательной работы по правовой тематике с курсантами отрабатывались практические задания и решались задачи, посвященные применению норм международного гуманитарного права в реальных профессионально-бытовых и боевых ситуациях.

Для решения диагностических задач эмпирического исследования была разработана трехкомпонентная система оценки уровня развития качеств, характеризующих будущего офицера и его ценности (интеллектуальные, ценностные, коммуникативные тесты).

На первом этапе исследования респонденты ЭГ и КГ имели примерно одинаковые показатели по субтестам интеллекта, значимые различия между группами не обнаружены. Развитие их интеллекта характеризуется средним уровнем (табл. 1). Согласно представленным данным, можно отметить, что не существует значимых различий в ценностных ориентациях у респондентов ЭГ и КГ (табл. 2). Развитие коммуникативных и организаторских склонностей у респондентов ЭГ и КГ находилось на среднем уровне с тенденцией к низким показателям. Значимые различия на первом этапе также не обнаружены (табл. 3).

На следующем этапе исследования был проведен формирующий эксперимент, в ходе которого в образовательную деятельность и воспитательный процесс последовательно-параллельным методом были внедрены представленные в теоретической части статьи авторские разработки. По завершении работы при помощи аналогичных методик среди респондентов ЭГ и КГ было проведено контрольное психодиагностическое обследование (табл. 4–6). После проведения формирующего эксперимента показатели интеллектуального развития респондентов ЭГ значительно выросли по ряду субтестов, а именно повысилась общая осведомленность, комбинаторные способности, подвижность мыслительных процессов. У респондентов ЭГ на втором этапе наблюдаются значимо более высокие показатели по субтесту *числовые ряды*, что свидетельствует о развитии вычислительных способностей, стремлении к упорядоченности дел и задач. Возросшие показатели по субтесту *пространственное обобщение* свидетельствуют о развитии пространственных представлений, конструктивных

Табл. 1. Анализ структуры интеллекта до начала эксперимента, $p = 0,05$ Tab. 1. Structure of intelligence before the experiment, $p = 0.05$

Шкала	ЭГ (n = 95)			КГ (n = 87)			t-Stud
	М	m	δ	М	m	δ	
Дополнение предложений (или осведомленность)	13,54	0,28	2,74	13,38	0,30	2,83	0,380
Исключение слова (или исключение лишнего)	11,84	0,28	2,71	11,26	0,30	2,83	1,402
Аналогии (или поиск аналогий)	9,97	0,25	2,41	9,91	0,32	2,99	0,149
Обобщение (или определение общего)	9,43	0,39	3,89	9,94	0,42	3,89	0,884
Арифметические задачи (или арифметический)	10,61	0,35	3,42	9,84	0,35	3,28	1,553
Числовые ряды (или определение закономерностей)	8,80	0,28	2,77	9,31	0,34	3,19	1,147
Пространственное обобщение (или геометрическое сложение)	10,43	0,35	3,41	10,40	0,39	3,71	0,055
Пространственное воображение	9,67	0,49	4,78	9,07	0,54	5,08	0,825
Память (или мнемонические способности, запоминание)	10,53	0,26	2,55	10,41	0,29	2,69	0,289

Табл. 2. Анализ исследования ценностных ориентаций до начала эксперимента, $p = 0,05$ Tab. 2. Value orientations before the experiment, $p = 0.05$

Шкала	ЭГ (n = 95)			КГ (n = 87)			t-Stud
	М	m	δ	М	m	δ	
Конформность	3,94	0,19	1,84	3,91	0,20	1,85	0,105
Традиции	4,36	0,23	2,27	4,32	0,24	2,19	0,109
Доброта	4,06	0,18	1,76	4,03	0,19	1,77	0,109
Универсализм	4,18	0,20	1,94	4,06	0,21	1,91	0,425
Самостоятельность	4,16	0,22	2,15	4,07	0,23	2,16	0,278
Стимуляция	4,54	0,21	2,00	4,51	0,21	1,95	0,106
Гедонизм	5,36	0,20	1,96	5,34	0,20	1,91	0,045
Достижение	4,32	0,19	1,81	4,33	0,20	1,87	0,064
Власть	5,53	0,20	1,94	5,59	0,21	1,96	0,207
Безопасность	3,95	0,17	1,62	4,03	0,18	1,63	0,361

Табл. 3. Анализ исследования коммуникативных и организаторских склонностей до начала эксперимента, $p = 0,05$ Tab. 3. Communicative and organizational skills before the experiment, $p = 0.05$

Шкала	ЭГ (n = 95)			КГ (n = 87)			t-Stud
	М	m	δ	М	m	δ	
Коммуникативные склонности	2,76	0,11	1,04	2,87	0,11	1,04	0,748
Организаторские склонности	2,26	0,08	0,81	2,23	0,09	0,83	0,272

Табл. 4. Анализ структуры интеллекта после проведения эксперимента, $p = 0,05$

Tab. 4. Structure of intelligence after the experiment, $p = 0.05$

Шкала	ЭГ (n = 95)			КГ (n = 87)			t-Stud
	М	m	δ	М	m	δ	
Дополнение предложений (или осведомленность)	14,99	0,30	2,81	13,65	0,26	2,55	3,346
Исключение слова (или исключение лишнего)	12,39	0,32	2,99	11,73	0,29	2,79	1,537
Аналогии (или поиск аналогий)	12,35	0,32	2,99	10,45	0,23	2,29	4,766
Обобщение (или определение общего)	10,01	0,42	3,89	9,59	0,39	3,81	0,739
Арифметические задачи (или арифметический)	11,23	0,35	2,28	10,98	0,37	3,59	0,494
Числовые ряды (или определение закономерностей)	10,09	0,34	3,19	8,39	0,28	2,76	3,818
Пространственное обобщение (или геометрическое сложение)	12,32	0,40	3,71	10,11	0,36	3,51	4,131
Пространственное воображение	10,99	0,54	5,08	10,04	0,57	5,55	1,198
Память (или мнемонические способности, запоминание)	11,97	0,29	2,69	10,51	0,25	2,47	3,797

Табл. 5. Анализ исследования ценностных ориентаций после проведения эксперимента, $p = 0,05$

Tab. 5. Value orientations after the experiment, $p = 0.05$

Шкала	ЭГ (n = 95)			КГ (n = 87)			t-Stud
	М	m	δ	М	m	δ	
Конформность	4,22	0,29	1,85	4,21	0,18	1,73	0,019
Традиции	6,13	0,20	2,19	4,75	0,26	2,53	3,922
Доброта	4,28	0,24	1,77	4,23	0,18	1,79	0,188
Универсализм	4,06	0,19	1,91	4,43	0,19	1,90	1,318
Самостоятельность	5,65	0,21	2,16	4,67	0,23	2,23	2,995
Стимуляция	4,34	0,23	1,95	4,32	0,23	2,23	0,067
Гедонизм	5,23	0,21	1,91	5,24	0,22	2,11	0,013
Достижение	5,35	0,20	1,87	4,31	0,17	1,69	3,932
Власть	5,68	0,21	1,96	5,28	0,21	2,02	1,352
Безопасность	4,36	0,17	1,63	3,88	0,15	1,51	2,056

Табл. 6. Анализ исследования коммуникативных и организаторских склонностей после проведения эксперимента, $p = 0,05$

Tab. 6. Communicative and organizational skills after the experiment, $p = 0.05$

Шкала	ЭГ (n = 95)			КГ (n = 87)			t-Stud
	М	m	δ	М	m	δ	
Коммуникативные склонности	3,24	0,11	1,04	2,68	0,09	0,91	3,830
Организаторские склонности	2,85	0,10	0,83	2,45	0,08	0,82	3,271

Прим.: Полужирным шрифтом отмечены возросшие показатели.

практических способностей. Значимо повысились показатели мнемонических способностей (субтест *память*). Также значимо повысились ценность традиций, самостоятельность, ценность достижений и безопасность. Диагностирован значимо более высокий уровень коммуникативных и организаторских склонностей. Такая динамика произошла за счет расширения диапазона коммуникативных и организаторских навыков. Таким образом, проведенное исследование показало эффективность формирующего эксперимента по большинству диагностируемых в рамках гипотезы показателей.

Заключение

Теоретические обобщения сведений из нормативных правовых актов и научной литературы, а также проведенное эмпирическое исследование наглядно свидетельствуют о том, что профессиональному военному (будущему офицеру) необходимы знания и умения в применении норм международного гуманитарного права при осуществлении повседневной служебной деятельности и в боевой обстановке. Эффективность и целенаправленность применения указанных норм зависит от ценностного отношения будущего офицера к нормам международного гуманитарного права и осознания их как одной из важнейших

социально-организационных и интеллектуальных ценностей. В совокупности сформированные знания и умения применения этих норм и ценностное отношение к ним характеризуют будущего офицера как интеллигентного человека, отстаивающего даже в боевой обстановке идеалы и принципы добра, гуманизма и справедливости. Эмпирическое исследование показало, что у респондентов экспериментальной группы значимо повысилась ценность традиций, самостоятельность, ценность достижений и безопасность, также диагностирован значимо более высокий уровень коммуникативных и организаторских склонностей.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Абашидзе А. Х. Изменение современного международного права в условиях цивилизационного противостояния. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2022. Т. 9. № 4. С. 69–74. [Abashidze A. Kh. The changing of contemporary international law in the context of civilizational confrontation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*, 2022, 9(4): 69–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nurnjx>
- Акимова М. К., Борисова Е. М., Козлова В. Т., Логинова Г. П. Руководство к применению теста структуры интеллекта Рудольфа Амтхауэра. Обнинск: Детство, 1993. 20 с. [Akimova M. K., Borisova E. M., Kozlova V. T., Loginova G. P. *Guide to the use of the Rudolf Amthauer intelligence structure test*. Obninsk: Detstvo, 1993, 20. (In Russ.)]
- Баева Л. В. Компаративный анализ ценностей России и Европы в контексте исследования экзистенциальной безопасности. *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2018. Т. 22. № 2. С. 183–196. [Baeva L. V. Comparative analysis of values of Russia and Europe in the context of the issues of existential safety. *RUDN Journal of Philosophy*, 2018, 22(2): 183–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-2-183-196>
- Богатырев В. В., Каламкарян Р. А. Правоприменительный режим имплементации норм международного права в правовой системе Российской Федерации. *Государство и право*. 2018. № 11. С. 79–89. [Bogatyrev V. V., Kalamkaryan R. A. Enforcement regime of implementation of international law in the legal system of the Russian Federation. *Gosudarstvo i Pravo*, 2018, (11): 79–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013207690002183-3>
- Бубнова С. С., Хорошавкина А. В. Многомерные методы исследования ценностных ориентаций. *Состояние и проблемы измерений: 9-я Всеросс. науч.-техн. конф. (Москва, 23–25 ноября 2004 г.)*. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2004. С. 138–139. [Bubnova S. S., Khoroshavkina A. V. Multidimensional methods for studying value orientations. *State and problems of measurements: Proc. 9th All-Russian Sci.-Technic. Conf., Moscow, 23–25 Nov 2004*. Moscow: BMSTU, 2004, 138–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxvbyz>

- Бухтияров И. В., Холиков И. В., Большакова В. М., Наумов П. Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А. А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, – материалы дискуссии). *Медицина труда и промышленная экология*. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73. [Buhtiyarov I. V., Kholikov I. V., Bolshakova V. M., Naumov P. Yu. Experience of conceptualization of military aspects of medical law (discussion of chapter 14 of the textbook "Medical law of Russia", editor-in-chief A. A. Mokhov, Prospect Publishing House, 2022, – discussion materials). *Meditsina Truda i Promyshlennaya Ekologiya*, 2023, 63(1): 67–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73>
- Гаврилов С. О., Глебов И. Н., Чукин С. Г., Холиков И. В., Наумов П. Ю. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» тома III монографии «Военное право»). *Государство и право*. 2022. № 12. С. 59–67. [Gavrilov S. O., Glebov I. N., Chukin S. G., Kholikov I. V., Naumov P. Yu. Law at the bifurcation point: Discussion of the conceptual study military problems of international law (discussion in the format of the "round table" based on the materials of chapter 6 "Military problems of international law" volume III of the monograph "Military law"). *Gosudarstvo i Pravo*, 2022, (12): 59–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S102694520023301-2>
- Глухов Е. А., Корякин В. М., Кудашкин А. В., Кудашкин В. В., Мельник Н. Н., Сазонова К. Л., Тарадонов С. В., Холиков И. В., Шарапов С. Н. Военное право. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: ЦПК, 2022. 712 с. [Glukhov E. A., Koryakin V. M., Kudashkin A. V., Kudashkin V. V., Melnik N. N., Sazonova K. L., Taradonov S. V., Kholikov I. V., Sharapov S. N. *Military law. Vol. III. Main problems and promising directions of military legal research*. Moscow: TsPK, 2022, 712. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snmelj>
- Гусейнов А. А. Мораль и право: линии разграничения. *Lex russica*. 2018. № 8. С. 7–22. [Guseynov A. A. Morality and law: A demarcation line. *Lex russica*, 2018, (8): 7–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwxcff>
- Дамаскин О. В., Холиков И. В. Военные аспекты международного гуманитарного права. *Военное право*. 2017. № 2. С. 214–221. [Damaskin O. V., Kholikov I. V. Military aspects of international humanitarian law. *Voennoe pravo*, 2017, (2): 214–221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhpysl>
- Зинченко В. П. О целях и ценностях образования. *Новые цели и ценности образования: опыт, проблемы, перспективы развития*: IV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17–18 апреля 2015 г.) М.: Инновации и эксперимент в образовании, 2015. Т. 1. С. 8–9. [Zinchenko V. P. Goals and values of education. *New goals and values of education: experience, problems, and development prospects*: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 17–18 Apr 2015. Moscow: Innovatsii i eksperiment v obrazovanii, 2015, vol. 1, 8–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlmmkr>
- Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания. *Вопросы философии*. 2011. № 8. С. 85–98. [Zinchenko V. P. Values in consciousness structure. *Voprosy Filosofii*, 2011, (8): 85–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oamlmp>
- Зинченко Ю. П. Методологические проблемы фундаментальных и прикладных психологических исследований. *Национальный психологический журнал*. 2011. № 1. С. 42–49. [Zinchenko Yu. P. Methodological problems of fundamental and applied psychological research. *National psychological journal*, 2011, (1): 42–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ojokvb>
- Иванов М. С., Утюганов А. А., Яницкий М. С., Серый А. В. Безопасность в системе ценностно-смысловых ориентаций офицеров российской национальной гвардии: на примере курсантов – будущих офицеров. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 3. С. 440–458. [Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Security as part of the system of value-semantic orientations of Russian national guard officers: A case study of cadets – officer candidates. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020, 17(3): 440–458. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-440-458>
- Иванова С. В. Постгуманизм vs гуманизация образования. *Ценности и смыслы*. 2021. № 5. С. 6–23. [Ivanova S. V. Posthumanism vs humanization of education. *Values and Meanings*, 2021, (5): 6–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-5-6-23>
- Каламкарян Р. А., Мигачев Ю. И. Параметры институционального развития современного международного права. *Государство и право*. 2016. № 2. С. 61–70. [Kalamkaryan R. A., Migachev Yu. I. Parametrs of the institutional development of the modern international law. *Gosudarstvo i Pravo*, 2016, (2): 61–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsufap>

- Капустин А. Я. Международное право и вызовы XXI века. *Журнал российского права*. 2014. № 7. С. 5–19. [Kapustin A. Ya. International law and challenges of the 21st century. *Journal of Russian Law*, 2014, (7): 5–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/4819>
- Капустин А. Я. Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы. *Государство и право*. 2018. № 7. С. 120–132. [Kapustin A. Ya. International courts: Trends and impact on national legal systems. *Gosudarstvo i Pravo*, 2018, (7): 120–132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013207690000217-0>
- Капустин А. Я., Журавлева И. П. Действие международного права в национальной правовой системе: в поиске лучшего понимания. *Московский журнал международного права*. 2020. № 1. С. 26–43. [Kapustin A. Ya., Zhuravleva I. P. The operation of international law in the national legal system: In search for better understanding. *Moscow Journal of International Law*, 2020, (1): 26–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-26-43>
- Козлов В. В., Мазилов В. А., Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Ин-т психотерапии и клинической психологии, 2018. 720 с. [Kozlov V. V., Mazilov V. A., Fetiskin N. P. *Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups*. 2nd ed. Moscow: Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology, 2018, 720. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvtrlv>
- Корякин В. М. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование. *Государство и право*. 2022. № 1. С. 207–210. [Koryakin V. M. The current state of military law: A new fundamental scientific study. *Gosudarstvo i Pravo*, 2022, (1): 207–210. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S102694520018195-5>
- Кудашкин А. В., Аулов В. К., Бараненков В. В., Бараненкова И. В., Батырь В. А., Бутрим И. И., Воробьев А. Г., Воронов А. Ф., Глухов Е. А., Дикарев И. С., Емельянова А. И., Зайков Д. Е., Зателепин О. К., Землин А. И., Калинин В. М., Качалов В. И., Конохов М. В., Корякин В. М., Кудашкин В. В., Мельник Н. Н., Петухов Н. А., Савенков А. Н., Самодуров Д. И., Свиных Е. А., Синяева Н. А., Сливков А. С., Сморчкова Л. Н., Степаненко Н. Е., Тарадонов С. В., Туганов Ю. Н., Харabet К. В., Холиков И. В., Чекмарев Г. Ф., Шанхаев С. В., Шеншин В. М., Шнякина Т. С. Военное право. Т. II. Современное состояние военного права (институты военного права). М.: ЦПК, 2021. 888 с. [Kudashkin A. V., Aulov V. K., Baranenkova I. V., Batyr V. A., Butrim I. I., Vorobyev A. G., Voronov A. F., Glukhov E. A., Dikarev I. S., Emelyanova A. I., Zaikov D. E., Zatelepin O. K., Zemlin A. I., Kalinin V. M., Kachalov V. I., Konokhov M. V., Koryakin V. M., Kudashkin V. V., Melnik N. N., Petukhov N. A., Savenkov A. N., Samodurov D. I., Svininykh E. A., Sinyaeva N. A., Slivkov A. S., Smorchkova L. N., Stepanenko N. E., Taradonov S. V., Tuganov Yu. N., Kharabet K. V., Kholikov I. V., Chekmarev G. F., Shankhaev S. V., Shenshin V. M., Shnyakina T. S. *Military law. Vol. II. Current state of military law and institutions of military law*. Moscow: TsPK, 2021, 888. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wodytl>
- Ледях И. А. Мораль в системе Международного гуманитарного права. *Взаимодействие права и морали: Междунар. науч. конф. (Москва, 20 мая 2014 г.)* М.: МГУ, 2014. С. 31–37. [Ledyakh I. A. Morality in the system of International Humanitarian Law. *Interaction of law and morality: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 20 May 2014*. Moscow: MSU, 2014, 31–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ssyynh>
- Ледях И. А. Обязательство соблюдения норм международного гуманитарного права в защиту жертв войны. *Труды Института государства и права РАН*. 2017. Т. 12. № 1. С. 141–158. [Ledyakh I. A. The obligation to respect norms of international humanitarian law on protection of war victims. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2017, 12(1): 141–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwrktx>
- Леонтьев А. Н. Значение и смысл. *Мир психологии*. 2001. № 2. С. 13–20. [Leontyev A. N. Meaning and sense. *Mir psikhologii*, 2001, (2): 13–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aqegxa>
- Леонтьев Д. А. Словообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. *Мир психологии*. 2014. № 1. С. 104–117. [Leontiev D. A. Meaning making and its contexts: Life, structure, culture, experience. *Mir psikhologii*, 2014, (1): 104–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scxuzb>
- Матюшина Е. С., Бардина А. С., Аршинин М. Н., Еремеева Т. С. Социальная ценность норм международного гуманитарного права. *Молодежь XXI века: шаг в будущее: XXII Регион. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20 мая 2021 г.)* Благовещенск: БГПУ, 2021. С. 391–392. [Matyushina E. S., Bardina A. S., Arshinin M. N., Eremeeva T. S. Social value of the norms of international humanitarian law. *Youth of the XXI century: A step into the future: Proc. XXII Region. Sci.-Prac. Conf., Blagoveshchensk, 20 May 2021*. Blagoveshchensk: BSPU, 2021, 391–392. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysstrx>

- Наумов П. Ю. Консолидация ценностей и смыслов интеллигентности офицера в законодательстве России и общевоинских уставах. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2022. Т. 11. № 3-1. С. 225–233. [Naumov P. Yu. The consolidation of values and meanings of officers' intellectuality in Russian legislation and general military regulations. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2022, 11(3-1): 225–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nmompn>
- Наумов П. Ю. Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность. *В мире научных открытий*. 2012. № 7. С. 192–206. [Naumov P. Yu. Approaches to understanding of essence of values and their systems: History and the present. *V mire nauchnykh otkrytii*, 2012, (7): 192–206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbvsvn>
- Наумов П. Ю. Психологическая структура интеллигентности будущего офицера: системный подход и междисциплинарный анализ. *Вестник Мининского университета*. 2021. Т. 9. № 2. [Naumov P. Yu. Psychological structure of the officer's intelligence: Theoretical review and system analysis. *Vestnik of Minin University*, 2021, 9(2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-2-10>
- Наумов П. Ю., Новиков Н. С. Жизнь или смерть: ценностные константы и экзистенциальная миссия «человека войны». *В мире научных открытий*. 2015. № 9-4. С. 1361–1375. [Naumov P. Yu., Novikov N. S. Activity as death: Constant value and existential mission "man of war". *V mire nauchnykh otkrytii*, 2015, (9-4): 1361–1375. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcktv1>
- Наумов П. Ю., Повshedная Ф. В. Психологическая природа интеллигентности офицера. *Вестник Мининского университета*. 2020. Т. 8. № 2. [Naumov P. Yu., Povshednaya F. V. Psychological nature of intelligence officer. *Vestnik of Minin University*, 2020, 8(2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-2-12>
- Петровский В. А., Чукарин Б. А. Выразительные движения как условие переосмысления ценностей. *Мир психологии*. 2020. № 1. С. 160–175. [Petrovsky V. A., Chukarin B. A. Expressive gestures as a way to reconsider values. *Mir psikhologii*, 2020, (1): 160–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pteosa>
- Савенков А. Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права. *Государство и право*. 2022. № 2. С. 103–117. [Savenkov A. N. The global crisis of modernity as a subject of philosophy of law. *Gosudarstvo i Pravo*, 2022, (2): 103–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S102694520019125-8>
- Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Военное право: постановка проблемы и пути решения. *Государство и право*. 2021. № 4. С. 7–34. [Savenkov A. N., Kudashkin A. V. Military law: Statement of the problem and solutions. *Gosudarstvo i Pravo*, 2021, (4): 7–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S102694520014362-9>
- Сальников В. П., Большакова В. М., Захарцев С. И. Институционализация военного права как отрасли права в пост-неклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций», 2022). *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. № 1. С. 251–261. [Salnikov V. P., Bolshakova V. M., Zakhartsev S. I. The institutionalization of military law as a branch of law in post-non classical scientific rationality (review of the monograph "Military law"). *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2023, (1): 251–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lccltk>
- Теплов Б. М. Ум полководца. *Вестник Академии военных наук*. 2008. № 1. С. 161–169. [Teplov B. M. The mind of a commander. *Vestnik Akademii voennykh nauk*, 2008, (1): 161–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ilkikh>
- Утюганов А. А. Формирование ценностно-смысловых ориентаций у курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 62-4. С. 302–305. [Utyuganov A. A. Formation of value and semantic orientations of cadets in the National Guards of the Russian Federation Forces. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2019, (62-4): 302–305. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaqqxb>
- Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции. *Вопросы философии*. 2021. № 12. С. 5–17. [Khabrieva T. Y. Identification of law in modern social regulation. *Voprosy Filosofii*, 2021, (12): 5–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-5-17>
- Холиков И. В. Гуманитарная роль российской военной медицины на международном и национальном уровнях. *Пути к миру и безопасности*. 2018. № 1. С. 197–206. [Kholikov I. V. Russian military medicine in international and national humanitarian operations. *Pathways to Peace and Security*, 2018, (1): 197–206. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-197-206>

- Холиков И. В., Большакова В. М., Наумов П. Ю., Зелепукин Р. В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А. Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии). *Государство и право*. 2022а. № 10. С. 51–62. [Kholikov I. V., Bolshakova V. M., Naumov P. Yu., Zelepukin R. V. Values and meanings of the main judicial act xx century: Axiological concepts of the book A. N. Savenkov "Nuremberg: A verdict for name of peace" (discussion materials). *Gosudarstvo i Pravo*, 2022a, (10): 51–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S102694520021788-7>
- Холиков И. В., Милованович А., Наумов П. Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход. *Журнал российского права*. 2022б. Т. 26. № 11. С. 132–148. [Kholikov I. V., Milovanovich A., Naumov P. Yu. Dynamics of functioning of international law in the conditions of transformation of modern world order: Post non-classic approach. *Journal of Russian Law*, 2022b, 26(11): 132–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.122>
- Холиков И. В., Наумов П. Ю., Большакова В. М., Мамедова И. А., Савченко-Бельский В. Ю. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения. *Уголь*. 2022с. № 10. С. 66–71. [Kholikov I. V., Naumov P. Yu., Bolshakova V. M., Mamedova I. A., Savchenko-Belsky V. Yu. Federal state control (supervision) over compliance with legislation in the field of ensuring the safety of fuel and energy complex facilities: A new stage regulation and enforcement. *Ugol*, 2022c, (10): 66–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2022-10-66-71>
- Холиков И. В., Шишко А. А. Становление международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта. *Военное право*. 2021. № 6. С. 326–334. [Kholikov I. V., Shishko A. A. Formation of international legal protection of cultural property in the event of an armed conflict. *Voennoe pravo*, 2021, (6): 326–334. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/warkii>
- Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: РУДН, 2006. 460 с. [Shokhin V. K. *Philosophy of values and early axiological thought*. Moscow: PFUR, 2006, 460. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwpelv>
- Яковлев С. С., Холиков И. В., Батырь В. А. О медико-юридических аспектах международного гуманитарного права (к 190-летию со дня рождения Н. И. Пирогова). *Военно-медицинский журнал*. 2000. Т. 321. № 11. С. 47–51. [Yakovlev S. S., Kholikov I. V., Batyr V. A. Medico-legal aspects of international humanitarian law: 190th anniversary of N. I. Pirogov's birthday. *Voенно-meditsinskii zhurnal*, 2000, 321(11): 47–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbkhil>
- Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. [Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: Structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206>
- Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, ed. Zanna M. NY: Academic Press, 1992, vol. 25, 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jkqfpb>

Факторная модель компетентности жизнестроительства старшекласников

Ольхова Юлия Владимировна

Красноярский государственный педагогический университет

имени В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 2542-8996

yurta_85@mail.ru

Сафонова Марина Вадимовна

Красноярский государственный педагогический университет

имени В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

<https://orcid.org/0000-0002-7925-274X>

Scopus Author ID: 57219247722

Аннотация: Приведены результаты исследования компетентности жизнестроительства старшекласников. Исследование проводилось в 2019–2022 гг. на базе общеобразовательных школ г. Красноярск. Респондентами выступили обучающиеся 9–11 классов ($n = 200$). Цель – выделить и описать факторы проявления компетентности жизнестроительства старшекласников как стратегии жизнестроительства, продемонстрировать связь выделенных стратегий с концепцией бытия-в-мире М. Хайдеггера, Л. Бисвангера и концепцией фундаментальных экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле. Компетентность жизнестроительства понимается как интегральное свойство личности, характеризующее ее стремление и способность реализовывать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для ответственного создания и реализации жизненных планов. Включает в себя следующие компоненты: мотивационный, когнитивный, эмоционально-волевой, ценностно-смысловой, операциональный, рефлексивный и проактивный. Факторизация проводилась методом главных компонент при повороте Варимакс с нормализацией Кайзера. В результате факторного анализа определено 8 факторов – стратегий жизнестроительства: 1) целеустремленность, осмысленность, готовность к жизненному планированию; 2) сотрудничество; 3) рефлексивное управление деятельностью; 4) соотносённость с миром; 5) владение собой и ситуацией; 6) самореализация; 7) динамическое равновесие; 8) самостановление. Данные факторы указывают на связь процесса жизнестроительства старшекласников с реализацией четырех экзистенциальных фундаментальных мотиваций по А. Лэнгле и форм бытия-в-мире по М. Хайдеггеру, Л. Бисвангеру. Отмечается связь стратегий жизнестроительства со всеми формами бытия-в-мире; стремление старшекласников к исполнению мотивации к физическому выживанию и духовному преодолению бытия, к получению радости от жизни и переживанию ценностей, к персональной аутентичности и справедливости; недостаточность в силу возраста предпосылок для исполнения четвертой экзистенциальной мотивации – мотивации к обретению экзистенциального смысла.

Ключевые слова: экзистенциальный подход, жизненный путь, жизненный план, компетентность жизнестроительства, фундаментальные экзистенциальные мотивации, бытие-в-мире

Цитирование: Ольхова Ю. В., Сафонова М. В. Факторная модель компетентности жизнестроительства старшекласников. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 299–313. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-299-313>

Поступила в редакцию 21.08.2023. Принята после рецензирования 06.12.2023. Принята в печать 18.12.2023.

full article

Factor Model of Life-Planning Competence in High School Students

Yulia V. Olkhova

V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University,

Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 2542-8996

yurta_85@mail.ru

Marina V. Safonova

V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University,

Russia, Krasnoyarsk

<https://orcid.org/0000-0002-7925-274X>

Scopus Author ID: 57219247722

Abstract: Life-planning competence is an integral personality trait that characterizes one's desire and ability to implement one's potential, i.e., knowledge, skills, experience, character traits, etc., in order to achieve one's life objectives. It consists of motivational, cognitive, emotional, volitional, axiological, semantic, operational, reflective, and proactive

components. The present research featured the life-planning competence in high school students ($n = 200$; 2019–2022) of the city of Krasnoyarsk, Russia. The resulting strategies demonstrated a connection with the concept of being-in-the-world by M. Heidegger and L. Binswanger, as well as A. Längle's concept of fundamental existential motivations. The statistical analysis involved the principal component method with Varimax rotation and Kaiser sampling. The factor analysis revealed eight factors: 1) purposefulness, meaningfulness, and readiness for life planning; 2) cooperation; 3) reflexive activity control; 4) correlation with the world; 5) control of oneself and the situation; 6) self-awareness; 7) dynamic balance; 8) self-development. These factors connected the process of life-planning with the four existential fundamental motivations identified by A. Längle and the forms of being-in-the-world described by M. Heidegger and L. Binswanger. The high school students demonstrated a motivation for physical survival and spiritual overcoming of existence, as well as a desire to enjoy life, experience values, find self-identity, and seek justice. As teenagers, they lacked the fourth existential motivation, i.e., motivation to obtain existential meaning.

Keywords: existential approach, life path, life plan, life-planning competence, fundamental existential motivations, being-in-the-world

Citation: Olkhova Yu. V., Safonova M. V. Factor Model of Life-Planning Competence in High School Student. *SibScript*, 2024, 26(2): 299–313. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-299-313>

Received 21 Aug 2023. Accepted after peer review 6 Dec 2023. Accepted for publication 18 Dec 2023.

Введение

В психологии понимание возможности человека осознавать собственную жизнь как предмет собственного выбора появилось впервые в индивидуальной теории личности А. Адлера и аналитической теории личности К. Г. Юнга через понятия стиля и смысла жизни. Первая концепция жизненного пути была создана Ш. Бюлер, которая смотрела на жизненный путь человека как на разворачивание в процессе жизни заложенных в человеке ценностей и смыслов [Buhler, Massarik 1968: 263]. Идеи самодетерминации личности далее развивались в гуманистической и экзистенциальной психологии. Но несмотря на накопленный в психологии опыт отношения к человеку как к субъекту собственной жизни и деятельности, в системе образования до сих пор преобладает тенденция понимания личности обучающегося как набора заданных извне качеств, умений, реализуемых видов деятельности [Алиева, Рустамова 2019: 579; Николенко 2021: 140].

Во ФГОС второго поколения понимание обучающегося как субъекта собственной жизни, в том числе как субъекта собственного образования, было представлено понятием жизненного плана, присутствовавшего в требованиях к образовательным результатам: выпускник должен обладать способностью ставить цели и строить жизненные планы. Жизненный план рассматривается в современной психологии как направленная активность личности, включающая этап целеполагания и основанная на представлении о себе как о субъекте деятельности во всех сферах жизни, окружающем мире и своем месте в нем

[Максимова 2007]. Обращение к такому пониманию жизненного плана в системе образования в значительной степени обеспечивало отношение к обучающемуся как к самодетерминированной личности, способной строить собственную жизнь [Ниязбаева 2022: 43].

Последние федеральные стандарты утратили понятие жизненного плана. В них сохранился ряд качеств, имеющих отношение к построению жизненных планов: способность оценивать ситуацию и принимать решения на основе морально-нравственных норм и ценностей, осознание личного вклада в построение будущего, готовность к активной деятельности, способность совершать ответственный выбор и брать ответственность за собственное решение, принимать себя и других, принимать цели совместной деятельности [Даутова, Муштавинская 2022: 5–15]. Однако эти качества описываются как отдельные, они представлены в разных категориях образовательных результатов, связь между ними отсутствует [Басюк 2017: 34].

Экзистенциальный подход к личности в системе образования состоит в признании целостности личности обучающегося, в признании за ним возможности и способности управлять собственной жизнью, в отношении к образовательному пространству как пространству жизни и выбора всех субъектов отношений. Понятие жизненного плана в данном контексте обеспечивает связь образования с реальной жизнью его субъектов и является фундаментом для реализации в образовании принципов экзистенциального подхода: холизма, эмпирической свободы,

креативности, рациональности, субъектности, проактивности, гетеростаза, трансцендентности, ориентации на психическое здоровье [Аннушкин 2016; Каримова, Подлиняев 2016: 114–116; Подлиняев, Аннушкин 2016: 73–74].

Нами жизненный план понимается как совокупность действий по достижению цели, определенной на основе представлений о себе, о мире, о своем отношении к миру. В нашем исследовании в рамках экзистенциального подхода старшеклассник рассматривается как субъект собственного жизненного пути, жизненный план – как единица его жизненного пути, а деятельность по построению жизненных планов в процессе прохождения жизненного пути – как жизнестроительство.

К. А. Абульханова-Славская выделяет четыре понятия, характеризующие *жизненный путь*: жизненная стратегия – процесс построения собственной жизни; жизненная позиция – индивидуальный характер реализации жизненных отношений, ценностей, идеалов; жизненная перспектива – возможность оптимального жизненного продвижения на основе индивидуальных обстоятельств и условий жизни; жизненная линия – последовательность реализации личностью своей жизненной позиции во времени [Абульханова-Славская 1991: 12–20]. Таким образом, проходя жизненный путь, личность решает, как она будет строить жизнь, на основе каких ценностей и идеалов, реализует эти решения в отношениях с собой и другими людьми с учетом внутренних условий и внешних обстоятельств.

Мы определяем жизнестроительство как деятельность личности по построению жизни из собственных ценностей, идеалов, принципов с учетом внешних условий и обстоятельств. Жизнестроительство проявляется в построении и реализации личностью собственных жизненных планов.

Для исследования особенностей жизнестроительства старшеклассников было введено понятие *компетентность жизнестроительства* – интегральное свойство личности, характеризующее ее стремление и способность реализовывать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для ответственного создания и реализации жизненных планов [Ольхова, Сафонова 2019: 134]. Определение основывается на различии понятий *компетенция* и *компетентность*, данном А. В. Хуторским через их принадлежность к различным мирам человека: компетенция принадлежит к внешнему миру и определяется как внешне заданная норма,

а компетентность принадлежит внутреннему миру и определяется как личное качество. Компетенция – это «отчужденное, наперед заданное социальное требование к образовательной подготовке ученика», компетентность – «совокупность личностных качеств ученика (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности» [Хуторской 2017: 9–10]. С. Р. Коголовский отмечает, что в экзистенциальной парадигме отмечается переход от компетенции как заданной извне характеристики к компетентности как личностному качеству [Коголовский 2019: 71].

В основу положено определение компетентности Ю. Г. Татура, в котором она рассматривается как интегральное свойство личности, используемое для реализации определенной деятельности [Татур 2004: 6–7].

Мы проанализировали состав компетентности по И. А. Зимней, А. В. Хуторскому и Ю. Г. Татуре, на основании определения компетентности жизнестроительства определили ее компоненты и их характеристики:

1. Мотивационный компонент – ведущие мотивы запуска жизненного планирования. Это ответ на вопрос, что запускает или потенциально может запускать процесс создания и реализации жизненных планов.

2. Когнитивный – знания, представления о себе, о мире вокруг, о своих отношениях с миром; знания о способах достижения собственных целей, о способах планирования деятельности, о социальных последствиях собственной деятельности и способах изменения мира через собственную деятельность.

3. Эмоционально-волевой – эмоции, испытываемые человеком при создании и реализации собственных жизненных планов, при восприятии изменений, производимых деятельностью, в человеке и окружающем мире. Способы перевода эмоциональных состояний на язык действия, знания о способах управления собственными эмоциями и применение этих знаний в деятельности.

4. Ценностно-смысловой – отношение к самому себе, к окружающему миру, осознание собственного места в мире, принятие или отрицание способности менять этот мир, ключевые жизненные принципы.

5. Операциональный – способ реализации собственных целей в рамках жизненного плана, их последовательность.

6. Рефлексивный – мнение человека о результативности деятельности в целом, результативности

отдельных ее компонентов, знания об изменениях, производимых деятельностью, в человеке и окружающем его мире, описание их причин.

7. Проактивный – действия по закреплению положительных последствий деятельности и (или) ликвидации отрицательных.

1–6 компоненты могут присутствовать в описании любой компетентности, однако их содержание в данном случае уточнено в соответствии с определением компетентности жизнестроительства. Проактивный компонент добавлен нами в структуру компетентности жизнестроительства с целью удержания внимания на ответственности личности за собственные действия. Важность ответственности личности, обладающей какой-либо компетентностью, отмечается Ю. Г. Татуром, однако в его работах как компонент компетентности не выделяется [Ольхова, Сафонова 2019: 133].

В рамках экзистенциального подхода к категории жизненного планирования отмечается связь жизнестроительства с идеей бытия-в-мире (М. Хайдеггер, Л. Бисвангер), которая описывает бытие человека как одновременное присутствие в трех формах мира: предметном мире, окружающей среде; в мире взаимоотношений с другими людьми; в мире отношений со своим собственным Я [Бисвангер, Кун 2014: 8–14]. Процесс жизнестроительства для конкретного человека происходит одновременно в трех этих формах бытия-в-мире: построение жизни связано с восприятием объективных данностей и реализацией возможных изменений во внешнем мире, в отношениях с другими и с собой исходя из собственных ценностей, идеалов и принципов [Басюк 2017: 32].

Н. В. Иванова отмечает, что внутренний мир человека отражается в его целях, которые проявляются в деятельности. Поставленная и осознаваемая цель, по ее мнению, является ключом к пониманию направления деятельности личности, отражает ее внутренний мир и ее отношение к внешнему [Иванова 2009: 149]. Экзистенциальные психологи подчеркивают, что каждый человек имеет свой собственный мир [Леонтьев 2019: 30; Меньшикова, Левченко 2015: 7]. Это дает нам понимание того, что при работе с категорией жизнестроительства речь идет не об обучении (способам, средствам), а об исследовании, рефлексии и сопровождении опыта построения и реализации жизненных планов [Кузнецова 2008].

Важно в рамках данной статьи отметить связь жизнестроительства с концепцией самостановления А. Лэнгле: самостановление – это обретение

в соотношении внешнего и внутреннего мира собственной самооценности, обоснование ее внутренне (в чувствующем отношении к самому себе) и утверждение вовне (в поступках и общении с другими людьми) [Лэнгле 2020: 48]. По А. Лэнгле, в процессе самостановления личность проходит четыре фундаментальных экзистенциальных мотивации: к физическому выживанию и духовному преодолению бытия, к получению радости от жизни и переживанию ценностей, к персональной аутентичности и справедливости, к экзистенциальному смыслу.

Цель – выделить и описать факторы проявления компетентности жизнестроительства старшеклассников как стратегии жизнестроительства, продемонстрировать связь выделенных стратегий с концепцией бытия-в-мире М. Хайдеггера, Л. Бисвангера и концепцией фундаментальных экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле.

Методы и материалы

Компетентность жизнестроительства рассматривается нами как интегральное свойство личности – система взаимосвязанных личностных характеристик, обеспечивающих субъекту создание и реализацию жизненных планов. В основу подбора методик был положен компонентный состав компетентности жизнестроительства. Диагностический комплекс: тест-опросник «Мотивация успеха и мотивация боязни неудачи» А. А. Реана [Реан 1999]; опросник ценностей Ш. Шварца, У. Билски [Schwartz, Bilsky 1987]; методика исследования самоотношения С. Р. Панталева [Панталева 1993]; опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП-98) В. И. Моросановой [Моросанова 1998]; методика «Предпочитаемые переживания» Б. И. Додонова [Додонов 1978]; тест смысловых жизненных ориентаций в адаптации Д. А. Леонтьева [Леонтьев 2008]; методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири [Собчик 1990]; методика «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева и др. [Леонтьев и др. 2009], опросник «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера [Rotter 1966]; методика «Шкала ответственности» Л. И. Дементий [Дементий 2005].

Исследование проводилось в 2019–2022 гг. на базе общеобразовательных школ г. Красноярск. В качестве респондентов выступили обучающиеся 9–11 классов (n = 200 человек).

Факторизация проводилась методом главных компонент при повороте Варимакс с нормализацией Кайзера.

Результаты

В ходе проведения факторного анализа были выявлены 8 наиболее значимых факторов с общей кумулятивной дисперсией 41,173 %: 1) целеустремленность, осмысленность, готовность к жизненному планированию, 2) сотрудничество, 3) рефлексивное управление деятельностью, 4) соотнесенность с миром, 5) владение собой и ситуацией, 6) самореализация, 7) динамическое равновесие, 8) самостановление.

Первый фактор – биполярный, весом 12,17, объединил 13,52 % дисперсии. Он включает в себя характеристики, связанные с 5 компонентами компетентности жизнестроительства: мотивационным, когнитивным, ценностно-смысловым, операционным и проактивным. Фактор получил название *целеустремленность, осмысленность, готовность к жизненному планированию*, он раскрывает субъектный и деятельный характер создания и реализации жизненных планов старшеклассниками (табл. 1). В основе жизнестроительства лежит мотивация успеха, устойчивые представления о себе и о мире вокруг: когнитивный компонент компетентности характеризуется низкой внутренней конфликтностью и низким самообвинением, высокой уверенностью в себе и самооценностью, способностью полагаться на себя (саморуководство), чувством принятия миром (отраженное самоотношение), способностью сохранять себя под влиянием внешних факторов (закрытость).

Ценностно-смысловой компонент характеризуется осмысленностью жизни, способностью ставить цели и ориентироваться на результат, при этом чувствуя удовольствие от процесса, уверенность в управляемости жизни (локус контроля *жизнь*) и в собственных возможностях (локус контроля Я). Особенности операционального компонента состоят в возможности учитывать внешние условия (моделирование) и в склонности к лидерству (сочетание отрицательного вклада подчиняемого стиля поведения и положительного вклада авторитарного стиля с гибкостью говорит, скорее, о лидерстве, чем о склонности к власти и диктату). Проактивный компонент характеризуется склонностью к интернальному локусу контроля и ответственностью.

Такая стратегия жизнестроительства может быть достаточно эффективной: мотивация на успех, четкие представления о себе и мире, целеполагание и результативность, лидерство и ответственность. Однако отсутствие в факторе характеристик эмоционально-волевого и рефлексивного компонентов может привносить в данную стратегию

некоторый дискомфорт: целеустремленность, поддержание активности и результативности без внимания к собственным эмоциям и регуляции состояния могут приводить к истощению ресурсов. Важно отметить отсутствие в операциональном компоненте характеристик, связанных с планированием и оцениванием деятельности, что может отрицательно сказаться на восприятии непредвиденных обстоятельств в ходе реализации жизненного плана.

Можно зафиксировать, что построение жизненных планов в большей степени происходит во внешнем мире и мире других людей, при этом отношения с самим собой отодвигаются на второй план.

Второй фактор – биполярный, весом 5,34, объединил 5,94 % дисперсии, получил название *сотрудничество* (табл. 2). В его состав входят характеристики ценностно-смыслового и операционального компонентов компетентности жизнестроительства. Фактор демонстрирует стремление старшеклассников к поддержанию близких связей (высокий ранг ценности доброты) и к дружелюбному, альтруистическому, зависимому стилю взаимоотношения с другими людьми. При этом низкий ранг ценности традиций говорит о том, что ценности конкретного человека или группы людей в данной стратегии являются более значимыми, чем общепринятые нормы.

В данной стратегии цели жизненных планов определяются либо стремлением к поддержанию отношений с другими людьми, либо целями других людей и не являются целями самого субъекта жизнестроительства. Жизнестроительство происходит в плоскости отношений с другими людьми, не затрагивая другие формы бытия-в-мире.

Третий фактор – униполярный, весом 4,26, объединил 4,74 % дисперсии и получил условное название *рефлексивное управление деятельностью* (табл. 3). Он состоит из характеристик трех компонентов компетентности жизнестроительства: операционального, рефлексивного и проактивного. Жизнестроительство представляет собой реализацию деятельности и ее анализ. Для субъекта жизнестроительства существует его дело и ничего, кроме этого дела.

Фактор описывает склонность к саморегуляции, обдумыванию последовательности действий (программирование), оцениванию результатов и проявлению гибкости. Проявляется системная рефлексия и интернальный локус контроля. Субъект жизнестроительства гибко, рефлексивно, осмысленно, сосредоточенно реализует собственную деятельность.

Табл. 1. Фактор *целестремленность, осмысленность, готовность к жизненному планированию*

Tab. 1. Factor of purposefulness, meaningfulness, and readiness for life planning

Отрицательные вклады		Положительные вклады	
Методика	Показатель и вклад	Показатель и вклад	Методика
Мотивационный компонент			
-	-	Мотивация успеха (0,6)	Мотивация успеха и мотивация боязни неудачи А. Реан
Когнитивный компонент			
Методика исследования самооотношения С. Р. Пантилеева	Самообвинение (0,71)	Самоуверенность (0,76)	Методика исследования самооотношения С. Р. Пантилеева
	Внутренние конфликты (0,69)	Саморуководство (0,65)	
	-	Отраженное самооотношение (0,64)	
	-	Самоценность (0,61)	
	-	Самопривязанность (0,56)	
-	-	Закрытость (0,49)	
Ценностно-смысловой компонент			
-	-	Осмысленность жизни (0,82)	Тест смысло-жизненных ориентаций в адаптации Д. А. Леонтьева
-	-	Цели (0,82)	
-	-	Результат (0,8)	
-	-	Локус контроля – Жизнь (0,77)	
-	-	Локус контроля – Я (0,74)	
-	-	Процесс (0,74)	
Операциональный компонент			
Диагностика межличностных отношений Т. Лири	Подчиняемый стиль взаимодействия с другими людьми (0,516)	Моделирование (0,49)	Стиль саморегуляции поведения (ССП-98) В. И. Моросановой
-	-	Авторитарный стиль взаимодействия с другими людьми (0,48)	Диагностика межличностных отношений Т. Лири
-	-	Гибкость (0,46)	Стиль саморегуляции поведения (ССП-98) В. И. Моросановой
Проактивный компонент			
-	-	Локус контроля (0,51)	Уровень субъективного контроля Дж. Роттера
-	-	Ответственность (0,45)	Шкала ответственности Л. И. Дементий

Табл. 2. Фактор *сотрудничество*

Tab. 2. Factor of cooperation

Отрицательные вклады		Положительные вклады	
Методика	Показатель и вклад	Показатель и вклад	Методика
Ценностно-смысловой компонент			
–	–	Ценность доброты (0,41)	Опросник ценностей Ш. Шварца, У. Билски
Операциональный компонент			
–	–	Дружелюбный стиль взаимодействия с другими людьми (0,78)	Диагностика межличностных отношений Т. Лири
–	–	Альтруистический стиль взаимодействия с другими людьми (0,76)	
–	–	Зависимый стиль взаимодействия с другими людьми (0,62)	
Опросник ценностей Ш. Шварца, У. Билски	Ценность традиций (0,52)	–	–

Табл. 3. Фактор *рефлексивное управление деятельностью*

Tab. 3. Factor of reflexive management of activities

Положительные вклады	
Показатель и вклад	Методика
Операциональный компонент	
Саморегуляция (0,81)	Стиль саморегуляции поведения (ССП-98) В. И. Моросановой
Программирование (0,77)	
Планирование (0,62)	
Оценивание результатов (0,54)	
Гибкость (0,42)	
Рефлексивный компонент	
Системная рефлексия (0,45)	Дифференциальный тип рефлексии Д. А. Леонтьева
Проактивный компонент	
Локус контроля (0,41)	Уровень субъективного контроля Дж. Роттера

В фактор не попали предпосылки возникновения деятельности (характеристики мотивационного, ценностно-смыслового компонентов), не включены характеристики эмоционально-волевого компонента и особенности коммуникативного стиля. Описываемая стратегия жизнестроительства связана с управлением индивидуальной деятельностью, не связанной с отношениями с другими людьми и отношениями с самим собой – это деятельность

в предметном мире, в окружающей среде. Субъект способен видеть себя со стороны, но не способен видеть себя изнутри и в контакте с другими. Такая стратегия жизнестроительства может быть успешной в ситуациях, требующих собранности и целенаправленных действий в условиях ограниченного ресурса, однако не может быть единственной стратегией, поскольку не захватывает другие формы бытия-в-мире.

Четвертый фактор – биполярный, весом 3,73, объединил 4,42 % дисперсии и получил условное название *соотнесенность с миром* (табл. 4). В его состав вошли характеристики ценностно-смыслового и рефлексивного компонентов компетентности жизнестроительства. Он описывается предпочтением ценности стимуляции (высокий ранг ценности стимуляции) – тягой к внешним вызовам, получению запроса и обратной связи от мира в виде стимулов. Одновременно с этим – отказом от ценности конформности и безопасности. Это означает, что стимуляция выступает не формой слияния с миром, а формой получения обратной связи и формой соотнесения себя с миром, что подтверждается наличием в факторе системной рефлексии.

Фактор *соотнесенность с миром* фиксирует тенденцию к анализу стимулов, ситуаций, которые

преподносит мир, с собственным жизненным планом. В этом факторе жизнестроительство происходит на границе внешнего и внутреннего миров. Такая стратегия жизнестроительства позволяет «услышать» мир вокруг, понять собственное место в мире. Она не связана с действием или с конструированием образов, но связана с балансом внешнего и внутреннего.

Пятый фактор – униполярный, весом 3,42, объединил 3,81 % дисперсии и получил название *владение собой и ситуацией* (табл. 5). В его состав входят характеристики трех компонентов компетентности жизнестроительства: когнитивного, ценностно-смыслового и операционального. Фактор характеризуется сосредоточенностью на себе (закрытость и эгоистический стиль взаимодействия с другими людьми), предпочтением ценности власти и способности управлять миром, агрессивным стилем

Табл. 4. Фактор *соотнесенность с миром*

Tab. 4. Factor of correlation with the world

Отрицательные вклады		Положительные вклады	
Методика	Показатель и вклад	Показатель и вклад	Методика
Ценностно-смысловой компонент			
Опросник ценностей Ш. Шварца, У. Билски	Ценность конформности (0, 54)	Ценность стимуляции (0,54)	Опросник ценностей Ш. Шварца, У. Билски
	Ценность безопасности (0,41)	–	
Рефлексивный компонент			
–	–	Системная рефлексия (0,4)	Дифференциальный тип рефлексии Д. А. Леонтьева

Табл. 5. Фактор *владение собой и ситуацией*

Tab. 5. Factor of control of oneself and situation

Положительные вклады	
Показатель и вклад	Методика
Когнитивный компонент	
Закрытость (0,41)	Методика исследования самооотношения С. Р. Пантеева
Ценностно-смысловой компонент	
Ценность власти (0,52)	Опросник ценностей Ш. Шварца, У. Билски
Операциональный компонент	
Эгоистический стиль взаимодействия с другими людьми (0,68)	Диагностика межличностных отношений Т. Лири
Агрессивный стиль взаимодействия с другими людьми (0,64)	
Самостоятельность (0,61)	Стиль саморегуляции поведения (ССП-98) В. И. Моросановой
Авторитарный стиль взаимодействия с другими людьми (0,49)	Диагностика межличностных отношений Т. Лири

взаимодействия с другими людьми, самостоятельностью и авторитаризмом. Такой стиль жизнестроительства позволяет сосредоточиться на собственной цели, идти к ней, не оглядываясь на отношения с людьми, использовать отношения как способ для достижения цели. Он может быть как эффективен, так и не эффективен в зависимости от представлений человека о себе и мире, от поставленных целей и способности к рефлексии и ответственности.

Фактор 5 противоположен фактору 2 (сотрудничество), как будто это две противоположные характеристики на оси отношений субъекта жизнестроительства с другими людьми: от стремления к слиянию с другими и реализации целей других людей до сосредоточения на самом себе и реализации собственной цели безотносительно целей других.

Шестой фактор – биполярный, весом 3,07, объединил 3,42 % дисперсии и получил условное название *самореализация* (табл. 6). Это выбор целеустремленности на ценностном уровне: предпочтение ценности достижения и отказ от ценности универсализма. Предпочтение собственных стремлений стремлениям мира, выделение себя из внешнего мира, из мира других людей. Такая стратегия может быть началом самоопределения и построения собственной картины мира, может оказать положительное влияние на жизнь человека. Однако становится очевидной необходимость в поиске взаимодействия с внешним миром и миром других людей.

В этом факторе на первый план выходят отношения с собой и как будто бы исключаются отношения с внешним миром и другими людьми.

Седьмой фактор – униполярный, весом 2,39, объединил 2,66 % дисперсии и получил название *динамическое равновесие* (табл. 7). Фактор состоит из одной характеристики эмоционально-волевого компонента и описывает стратегию «затишья после бури»: отказ от чувства интереса к миру, от познания и исследования, от желания формулировать гипотезы и их доказывать. Может характеризоваться либо ощущением пустоты, либо ощущением баланса: кода ощущений от мира достаточно, чтобы в данный момент не стремиться получать новые стимулы, контакты. Фактор 7 противопоставляется фактору 4 (соотнесенность с миром) как две противоположные характеристики на оси отношений с миром: от отказа взаимодействия с миром до активного поиска сигналов, знаков, стимулов, посылаемых миром.

Восьмой фактор – биполярный, весом 2,36, объединил 2,62 % дисперсии и был условно назван *самостоятельное становление* (табл. 8). Этот фактор состоит из противоположных характеристик эмоционально-волевого компонента и связан с эмоцией достижения цели: чувство удовлетворенности от реализации собственной ценности противопоставляется удовольствию от восприятия внешних ценностей (природе, искусству, культуре). Это удовольствие от отделения себя от мира, от признания собственной ценности, от обретения

Табл. 6. Фактор *самореализация*

Tab. 6. Factor of self-realization

Отрицательные вклады		Положительные вклады	
Методика	Показатель и вклад	Показатель и вклад	Методика
Ценностно-смысловой компонент			
Опросник ценностей Ш. Шварца, У. Билски	Ценность универсализма (0,62)	Ценность достижения (0, 62)	Опросник ценностей Ш. Шварца, У. Билски

Табл. 7. Фактор *динамическое равновесие*

Tab. 7. Factor of dynamic balance

Отрицательные вклады	
Методика	Показатель и вклад
Эмоционально-волевой компонент	
Предпочитаемые переживания Б. И. Додонов	Чувство горячего интереса, наслаждения при познании нового, при знакомстве с поразительными научными фактами, радость и глубокое удовлетворение при постижении сути явления, подтверждении ваших догадок и предложений (0,69)

Табл. 8. Фактор самостановление

Tab. 8. Factor of self-development

Отрицательные вклады		Положительные вклады	
Методика	Показатель и вклад	Показатель и вклад	Методика
Эмоционально-волевой компонент			
Предпочитаемые переживания Б. И. Додонова	Своеобразное сладкое чувство, возникающее при восприятии природы и музыки, стихов, других произведений искусства (0,56)	Чувство удовлетворения, гордости, подъема духа, когда можешь доказать свою ценность как личности или превосходство над соперниками, когда тобой искренне восхищаются (0,50)	Предпочитаемые переживания Б. И. Додонова

плодов реализации собственного жизненного плана. Этот фактор демонстрирует одновременное нахождение человека во всех трех формах бытия-в-мире.

Выделение факторов дает нам возможность увидеть тенденции проявления особенностей компетентности жизнестроительства старшеклассников как стратегий их жизнестроительства. Мы обнаружили две пары полярных факторов. В области отношений с другими людьми: фактор 5 (владение собой и ситуацией) и фактор 2 (сотрудничество). В области отношений с миром: факторы 4 (соотнесенность с миром) и 7 (динамическое равновесие). Два фактора описывают деятельностную составляющую жизненного планирования: фактор 1 (целеустремленность, осмысленность, готовность к жизненному планированию) и фактор 3 (рефлексивное управление). Два фактора характеризуют достижение цели: на ценностном уровне – фактор 6 (самореализация) и на эмоциональном уровне – фактор 8 (самостановление), они не полярны, а, скорее, дополняют друг друга.

Обсуждение

Результаты факторного анализа соотносятся с концепцией фундаментальных экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле: в процессе самостановления человек вступает в диалог с миром, в процессе которого дает себе ответы на вопросы четырех экзистенциальных мотиваций (табл. 9).

С первой фундаментальной экзистенциальной мотивацией соотносится фактор 1 (целеустремленность, осмысленность, готовность к жизненному планированию), описывающий готовность к соотнесенности с миром. Обозначенная в нем стратегия обеспечивает старшеклассникам чувство принятия мира, доверия к миру и возможности его преобразовывать собственными действиями.

Также с первой экзистенциальной мотивацией соотносятся фактор 4 (соотнесенность с миром) и фактор 7 (динамическое равновесие), которые описывают ситуации получения обратной связи от мира (фактор 4) и состояние «заземления» (фактор 7), отрешенности от мира. Мир для старшеклассников достаточно сложен и непредсказуем: жаркий интерес и потребность во внешних стимулах соседствует с отстраненностью и закрытостью. Баланс между присутствием и отказом от контакта с миром еще не достигнут, но продемонстрирована актуальность его обретения.

Процент дисперсии охватывает только часть выборки, что говорит о том, что старшеклассники обнаруживают тенденцию к построению отношений с миром, но в основной массе такие отношения еще имеют несложившийся характер.

Со второй экзистенциальной мотивацией соотносятся факторы 5 (владение собой и ситуацией) и фактор 2 (сотрудничество). В ней ставятся вопросы о способности человека быть эмоционально открытым, о способности вступать в близкие отношения и через это ощущать глубину и ценность жизни. Это стратегии, связанные с построением отношений с другими людьми. Мы видим противоположность сущности представленных факторов, что говорит о том, что старшеклассники «примеряют» на себя разные стратегии построения отношений, но стратегия, приводящая к подлинной близости, пока не найдена.

Также со второй экзистенциальной мотивацией можно связать фактор 3 (рефлексивное управление деятельностью), относящийся к составляющей этой мотивации – время. Судя по фактору 3, у старшеклассников есть ответ на вопрос, какой деятельности они готовы уделять время и через какую деятельность у них возникает ощущение принятия жизни –

Табл. 9. Описание фундаментальных экзистенциальных мотиваций по А. Лэнгле [Лэнгле 2020: 79–112]

Tab. 9. Fundamental existential motivations by A. Längle [Längle 2020: 79–112]

Фундаментальная экзистенциальная мотивация	Составляющие	Вопросы, которые задает себе человек	Фундаментальное приобретение мотивации
Мотивация к физическому выживанию и духовному преодолению бытия, то есть к тому, чтобы <i>мочь быть, иметь силы быть</i>	Пространство	Достаточно ли мне пространства, чтобы быть здесь?	Фундаментальное доверие – доверие к себе и к миру: «Этот мир хорошо держит меня, я в надежных руках»
	Опора	Что дает моей жизни опору?	
	Защита	Чувствую ли я защищенность, принимают ли меня другие люди, есть ли у меня родина, дом?	
Мотивация к получению радости от жизни и переживанию ценностей, то есть к тому, чтобы <i>нравилось жить</i>	Близость	Могу ли я устанавливать и поддерживать близость со всем, что меня окружает: вещами, растениями, животными, людьми? Могу ли я позволить другому человеку эмоционально приблизиться ко мне?	Фундаментальная ценность бытия в мире, глубочайшее чувство ценности жизни
	Время	Чему я уделяю время?	
	Отношения	Есть ли у меня отношения, на которые я не жалею времени и, находясь в которых, чувствую близость?	
Мотивация к персональной аутентичности и справедливости, то есть к тому, чтобы <i>иметь право быть таким, какой ты есть</i>	Уважительное внимание	Кто меня замечает, обращает на меня внимание, относится ко мне с уважением?	Самоценность, доступ к бытию Person, глубочайшая ценность Я
Мотивация к экзистенциальному смыслу и созданию того, чтобы <i>действовать должным образом</i>	Поле деятельности	Есть ли область активности, где я нужен, где могу быть продуктивным?	Ключевое приобретение: феноменологическая установка, экзистенциальный подход к своему бытию – установка открытости по отношению к миру, который позволяет человеку слышать запрос ситуации
	Структурная взаимосвязь	Ощущаю ли я себя принадлежащим к некой большой системе взаимосвязей, которая придает моей жизни структуру и ориентацию?	
	Ценность, которая должна быть воплощена в будущем	Есть ли что-то ценное, что должно произойти в моей жизни в будущем?	

нравится жить. У старшеклассников есть потребность в освоении второй экзистенциальной мотивации, что вопросы относительно времени имеют некоторые ответы, а процесс нахождения ответов на вопросы об отношениях с другими людьми и близости находится в актуальной фазе и требует разрешения.

С третьей фундаментальной экзистенциальной мотивацией соотносятся факторы 6 (самореализация) и 8 (самостояние). Третья экзистенциальная мотивация обеспечивает возможность быть самим

собой. Находя ответы на вопросы третьей экзистенциальной мотивации, человек обретает глубочайшую ценность собственного Я. Фактор 6 (самореализация) описывает стратегию противопоставления собственных достижений остальному миру, фактор 8 (самостояние) – чувство удовлетворенности от признания собственной ценности в противовес внешним ценностям и достижениям. Стратегия обретения собственной ценности явно видна, однако на данном этапе жизни эта тенденция еще не обеспечивается

способностью интегрировать собственную самость в мир. Чувство самоценности обеспечивается за счет противопоставления себя миру, что говорит об актуальности обретения этой мотивации одновременно с отсутствием необходимых для этого средств.

Факторов, связанных с четвертой экзистенциальной мотивацией, обеспечивающей интеграцию человека с миром, не было обнаружено. Это говорит о том, что в старшем подростковом и юношеском возрасте еще не обозначились предпосылки для ее проявления. А жизнестроительство представляет собой в основном процесс освоения внешнего мира, поиск адекватных стратегий отношений с другими людьми и осознания собственной самоценности.

Заключение

Факторная структура компетентности жизнестроительства описывает устойчивые стратегии жизнестроительства старшеклассников, подчеркивают субъектность старшеклассников в построении и реализации жизненных планов.

Нами отмечена следующая связь компетентности жизнестроительства старшеклассников с концепцией бытия-в-мире. Факторы 1, 3, 4, 7 фиксируют отношения старшеклассников с внешним миром, факторы 2 и 5 – с миром других людей, факторы 6 и 8 – с собственным внутренним миром, однако нет такого фактора, такой стратегии жизнестроительства, которая бы обеспечивала старшекласснику присутствие сразу в трех формах бытия-в-мире и была бы гармоничной. Для того чтобы обеспечить баланс, необходимо использование нескольких стратегий. Это должно быть учтено при проектировании образовательного пространства для старшеклассников.

Соотнесение стратегий жизнестроительства с фундаментальными экзистенциальными мотивациями по А. Лэнгле свидетельствует о направленности жизнестроительства старшеклассников на три экзистенциальные мотивации: к физическому выживанию и духовному преодолению бытия, к получению радости от жизни и переживанию ценностей, к персональной аутентичности и справедливости. Четвертая экзистенциальная мотивация – к экзистенциальному смыслу – осталась не включенной в процесс жизнестроительства. Отсутствие у старшеклассников установки на открытость миру объясняет отсутствие стратегий жизнестроительства, обеспечивающих присутствие одновременно во всех трех формах бытия-в-мире, – нет еще предпосылок для открытой встречи с миром и уверенного обретения своего места в нем.

Включенность в один фактор характеристик из разных компонентов жизнестроительства и отсутствие компонентов, не включенных ни в один фактор, подтверждает обоснованность компетентностного подхода и понимание компетентности жизнестроительства как интегрального свойства личности.

Ориентация старшеклассников на обретение отношений с внешним миром, с другими людьми и самими собой подчеркивает необходимость проектирования современных образовательных пространств в экзистенциальном подходе, необходимость постановки вопросов развития способности строить и реализовывать жизненные планы [Самсоненко 2019: 61]. Передача знаний современным старшеклассникам становится невозможной без признания их субъектности и их стремления осознать собственную жизнь и влиять на мир вокруг [Голованова, Дерманова 2018: 284].

Обозначенные в факторной структуре компетентности жизнестроительства стратегии требуют специального обустройства всех компонентов образовательной среды школы (организационно-технического, предметно-пространственного и социального) с учетом потребностей старшеклассников в субъектном выборе, самостоятельной деятельности, отношениях с другими людьми, рефлексии и саморазвитии [Ольхова, Сафонова 2022: 301–302]. Экзистенциальный подход, в котором «на первый план выступает личность, способная принять ответственность за осуществляемые жизненные выборы и за свое существование в целом» [Володин 2022: 124], оказывается наиболее предпочтительным для современного образования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Ю. В. Ольхова – концептуализация, разработка методологии, проведение исследования, анализ данных, написание статьи. М. В. Сафонова – концептуализация, разработка методологии, ратификация, редактирование статьи.

Contribution: Yu. V. Olkhova developed the research concept and methods, designed the research, analyzed the data, and wrote the manuscript. M. V. Safonova developed the research concept and methods, ratified the results, and proofread the manuscript.

Литература / References

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. [Abulkhanova-Slavskaya K. A. *The strategy of life*. Moscow: Mysl, 1991, 160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sgbtrn>
- Алиева М. Н., Рустамова Р. А. Сущность понятий компетенции и компетентности. *Теория и практика современной науки*. 2019. № 6. С. 578–583. [Alieva M. N., Rustamova R. A. Contribution of competence and competency. *Teoriia i praktika sovremennoi nauki*, 2019, (6): 578–583. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fmrryl>
- Аннушкин Ю. В. Экзистенциальный подход в образовании как альтернатива социодинамической парадигме. *Universum: психология и образование*. 2016. № 3-4. [Annushkin Yu. V. Existential approach in education as an alternative to sociodynamic paradigm. *Universum: Psychology and Education*, 2016, (3-4). (In Russ.)] URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/3037> (accessed 20 Jul 2023). <https://www.elibrary.ru/vsbccp>
- Басюк В. С. Личностные результаты освоения основных образовательных программ обучающимися в условиях реализации ФГОС общего образования. *Развитие личности*. 2017. № 3. С. 29–43. [Basyuk V. S. Personal results of educational programs' mastering according to FSES of general education. *Razvitie lichnosti*, 2017, (3): 29–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hosycd>
- Бинсвангер Л., Кун Р. Экзистенциальный анализ. М.: Ин-т Общегум. исслед., 2014. 272 с. [Binswanger L., Kuhn R. *Existential analysis*. Moscow: In-t Obshshegum. issled., 2014, 272. (In Russ.)]
- Володин В. В. Экзистенциальный подход к организации образовательного процесса: основные положения. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022. № 10. С. 118–125. [Volodin V. V. Existential approach to organization of educational process: Fundamental principles. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2022, (10): 118–125. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dglxfl>
- Голованова Н. Ф., Дерманова И. Б. Самоосуществление и удовлетворенность жизнью подростка: психолого-педагогический аспект. *Известия Саратовского университета Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2018. Т. 7. № 3. С. 278–285. [Golovanova N. F., Dermanova I. B. Self-Realization and satisfaction with life in Adolescents: Psychological and pedagogical aspects. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018, 7(3): 278–285. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-3-278-286>
- Даутова О. Б., Муштавинская И. В. Федеральный государственный образовательный стандарт: теория и практика организации учебно-воспитательного процесса. М.: Русское слово, 2022. 184 с. [Dautova O. B., Mushtavinskaya I. V. *Federal state educational standard: Theory and practice of organizing the academic process*. Moscow: Russkoe slovo, 2022, 184. (In Russ.)]
- Дементий Л. И. Ответственность как ресурс личности. М.: Информ-Знание, 2005. 188 с. [Dementiy L. I. *Responsibility as a personal resource*. Moscow: Inform-Znanie, 2005, 188. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uhqkmj>
- Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с. [Dodonov B. I. *Emotion as a value*. Moscow: Politizdat, 1978, 272. (In Russ.)]
- Иванова Н. В. Целеполагание жизни как фактор развития личности современного студенчества. *Психология человека в современном мире. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений*: Всерос. науч. конф. (Москва, 15–16 октября 2009 г.) М.: ИП РАН, 2009. С. 149–154. [Ivanova N. V. Goal-setting of life as a factor in the development of students' personality of. *Human psychology in the modern world. Vol. 5. Personality and group in conditions of social change*: Proc. All-Russia Sci. Conf., Moscow, 15–16 Oct 2009. Moscow: IP RAS, 2009, 149–154. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxyrbx>
- Каримова Т. С., Подлиняев О. Л. Экзистенциальный подход и возможности использования его положений в образовательном пространстве вуза правоохранительного профиля. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2016. № 2. С. 112–118. [Karimova T. S., Podlinyaev O. L. The existential approach and possibilities of the using its states in the educational space of the higher school of the law-enforced profile. *Vestnik of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, (2): 112–118. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/whharl>
- Когаловский С. Р. Компетенции против компетентности? *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. № 2. С. 69–77. [Kogalovskiy S. R. Competence against competency? *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2019, (2): 69–77. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/faicym>

- Кузнецова Ю. С. Развитие адекватного отношения к жизненному пути и времени в юношеском возрасте. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 76-2. С. 154–159. [Kuznetsova Yu. S. Developing adequate attitude to life path and time in teenagers. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (76-2): 154–159. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jxumzf>
- Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2008. 18 с. [Leontiev D. A. *Test the mining of life orientations*. Moscow: Smysl, 2008, 18. (In Russ.)]
- Леонтьев Д. А. Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии. *Культурно-историческая психология*. 2019. Т. 15. № 1. С. 25–34. [Leontiev D. A. Human being and lifeworld: From ontology to phenomenology. *Cultural-Historical Psychology*, 2019, 15(1): 25–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/CHP.2019150103>
- Леонтьев Д. А., Лаптева Е. М., Осин Е. Н., Салихова А. Ж. Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности. *Рефлексивные процессы и управление: VII Междунар. симпозиум*. (Москва, 15–16 октября 2009 г.) М.: Когито-Центр, 2009. С. 145–150. [Leontiev D. A., Lapteva E. M., Osin E. N., Salikhova A. Zh. Developing a methodology for the differential diagnosis of reflexivity. *Reflexive processes and management: VII Intern. Symposium*, Moscow, 15–16 Oct 2009. Moscow: Kogito-Tsentr, 2009, 145–150. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzxotb>
- Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. 4-е изд. М.: Генезис, 2020. 159 с. [Längle A. *Person. Existential-analytical theory of personality*. 4th ed. Moscow: Genesis, 2020, 159. (In Russ.)]
- Максимова Е. В. Специфика формирования жизненных планов будущих сотрудников правоохранительных органов. *Сибирский педагогический журнал*. 2007. № 11. С. 214–220. [Maksimova E. V. Life planning in law enforcement officers. *Siberian Pedagogical Journal*, 2007, (11): 214–220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/plrxnp>
- Меньшикова Л. В., Левченко Е. В. Об истории становления понятия «жизненный мир» в психологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2015. № 2. С. 4–9. [Menshikova L. V., Levchenko E. V. About the historical formation of the concept of "life-word" in psychology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2015, (2): 4–9. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tyfygv>
- Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 1998. 191 с. [Morosanova V. I. *Individual style of self-regulation: phenomenon, structure, and functions in human voluntary activity*. Moscow: Nauka, 1998, 191. (In Russ.)]
- Николенко О. Ю. Элементы компетентностной модели ученика в соотношении с компонентами функциональной грамотности: контент-анализ федерального государственного образовательного стандарта. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2021. № 4. С. 138–144. [Nikolenko O. Yu. Elements of schoolchildren's competence model in relation to the components of functional literacy: Content analysis of the Federal State Educational Standard. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2021, (4): 138–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-33-138-144>
- Ниязбаева Н. Н. Экзистенциальный поворот в педагогике и образовании: свобода, смыслы, самоосуществление. *Историко-педагогический журнал*. 2022. № 1. С. 36–44. [Niyazbayeva N. N. Existential turn in pedagogy and education: Freedom, meanings, self-realization. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, 2022, (1): 36–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oasgvc>
- Ольхова Ю. В., Сафонова М. В. Компетентность жизнестроительства: категория жизненного планирования в компетентностном подходе. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2019. № 4. С. 127–142. [Olkhova Yu. V., Safonova M. V. Competence of life-building: The category of life planning in the competence approach. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2019, (4): 127–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2019-50-4-169>
- Ольхова Ю. В., Сафонова М. В. Психолого-педагогические условия становления компетентности жизнестроительства старшеклассников в образовательной среде школы. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2022. № 5. С. 297–303. [Olkhova Yu. V., Safonova M. V. Psychological and pedagogical conditions for the development of life building competence in senior school students. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, 2022, (5): 297–303. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-38>
- Пантилеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с. [Pantileev S. R. *Methodology of selfattitude research*. Moscow: Smysl, 1993, 32. (In Russ.)]

- Подлиняев О. Л., Аннушкин Ю. В. Перспективы экзистенциального подхода в современном образовании. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. 2016. Т. 15. С. 72–80. [Podlinyaev O. L., Annushkin Yu. V. Perspectives of the existential approach in modern education. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2016, 15: 72–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsxatd>
- Реан А. А. Психология изучения личности. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 288 с. [Rean A. A. *Psychology of personality studies*. St. Petersburg: Izd-vo Mikhailova V. A., 1999, 288. (In Russ.)]
- Самсоненко Л. С. Изучение жизненных планов у современных старшеклассников. *Балканское научное обозрение*. 2019. Т. 3. № 3. С. 58–61. [Samsonenko L. S. Studying the life plans in modern high school students. *Balkan Scientific Review*, 2019, 3(3): 58–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34671/SCH.BSR.2019.0303.0014>
- Собчик Л. Н. Методы психологической диагностики. Вып. 3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. М., 1990. 48 с. [Sobchik L. N. *Methods of psychological diagnostics. Vol. 3. Diagnostics of interpersonal relationships. Modified version of T. Leary's interpersonal diagnostics*. Moscow, 1990. 48 p. (In Russ.)]
- Татур Ю. Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 18 с. [Tatur Yu. G. *Competency-based approach in describing results and designing standards for higher professional education*. Moscow: Research center for quality problems in training specialists, 2004, 18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwuyex>
- Хуторской А. В. Модель компетентностного образования. *Высшее образование сегодня*. 2017. № 12. С. 9–16. [Khutorskoy A. V. Model of competence-based education. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2017, (12): 9–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.17.12.P.09>
- Buhler C. M., Massarik F. *The course of human life: A study of goals in the humanistic perspective*. NY: Springer, 1968, 422.
- Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, 1966, 80(1): 1–28. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/h0092976>
- Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, 53(3): 550–562. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0022-3514.53.3.550>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jxpcqi>

Субъективная оценка характера взаимодействия отцов с детьми-подростками

Скорова Лариса Владимировна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0000-0002-7849-8625>

Scopus Author ID: 57208554057

larisa.skorova@gmail.com

Новгородцева Яна Владимировна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0009-0008-8018-2911>

Аннотация: Динамичность социально-культурных процессов, происходящих в современном мире, способствует качественному пересмотру содержания ролей, семейных отношений, понимания родительства. Наблюдается разделение сфер психологического взаимодействия между родителями, трансформация статуса отца. В связи с этим значимым представляется исследование характера взаимодействия современных отцов со своими детьми-подростками. Характеристики взаимодействия отца и ребенка-подростка изучались с помощью методик PARI Е. С. Шефер и Р. К. Белл (в адаптации Т. В. Нещерет), «Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская), родительская идентичность и установки – с использованием опросника Дж. Плека. Согласованность характеристик взаимодействия отцов с детьми определялась коэффициентом Спирмена, различия в характеристиках взаимодействий в оценках отцов и детей устанавливались с использованием U-критерия Манна-Уитни. Представлены результаты оценки отцами и их детьми (40 пар *отец – подросток*) характеристик взаимодействия друг с другом. Обосновано, что, по мнению подростков, основным показателем взаимодействия отца с ребенком является отсутствие строгости в их отношениях, а по мнению отцов – эмоциональная близость родителя и подростка. Различий в оценке взаимодействий между отцами и детьми не обнаружено. Отцы и дети-подростки демонстрируют единство в оценке своих отношений: отец является нестрогим, а особенностями их взаимодействия является принятие, сотрудничество и последовательность со стороны отца. Значимым параметром, описывающим особенности взаимодействия в диаде *отец – ребенок-подросток*, является эмоциональная близость, которая является зоной особого внимания со стороны специалистов, работающих с запросом от родителей по коррекции детско-родительских отношений на этапе подросткового кризиса ребенка.

Ключевые слова: отцовство, детско-родительские отношения, взаимодействие отцов с детьми, отношения отцов с подростками, субъективная оценка подростков отношений с родителями, характеристики отношений

Цитирование: Скорова Л. В., Новгородцева Я. В. Субъективная оценка характера взаимодействия отцов с детьми-подростками. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 314–322. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-314-322>

Поступила в редакцию 14.01.2024. Принята после рецензирования 28.02.2024. Принята в печать 04.03.2024.

full article

Subjective Assessment of Father – Teenage Child Interaction

Larisa V. Skorova

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0002-7849-8625>

Scopus Author ID: 57208554057

larisa.skorova@gmail.com

Yana V. Novgorodtseva

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0009-0008-8018-2911>

Abstract: The current dynamic socio-cultural processes lead to a qualitative revision of family roles, family relationships, and parenthood. The psychological interaction between parents has changed, as has the father's status. This study featured the interaction between 40 fathers and their teenage children. The authors used the PARI method by E. S. Schaefer and R. K. Bell as adapted by T. V. Neshcheret, the Parent-Child Interaction method developed by I. M. Markovskaya,

and J. Pleck's Fatherhood and Masculinity Questionnaire. The consistency was determined by the Spearman's correlation coefficient while the differences in the assessments provided by fathers and children were measured using the Mann – Whitney U test. For the teenagers, the main interaction indicator appeared to be the lack of strictness whereas their fathers stressed the emotional closeness. The comparative analysis revealed no significant differences between the assessments given by the fathers and the children: the father was described as not strict, accepting, cooperative, and consistent. Emotional closeness proved to be the most significant parameter in the father – teenage child interaction. Emotional closeness requires special attention from specialists that help parents and children overcome the adolescent crisis.

Keywords: fatherhood, parent – child relationships, father – child interaction, relationships between fathers and their adolescent children, subjective assessment relationships between teenagers and parents, characteristics of relationships

Citation: Skorova L. V., Novgorodtseva Ya. V. Subjective Assessment of Father – Teenage Child Interaction. *SibScript*, 2024, 26(2): 314–322. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-314-322>

Received 14 Jan 2024. Accepted after peer review 28 Feb 2024. Accepted for publication 4 Mar 2024.

Введение

Феномен отцовства в современной психологической науке и практике не случайно привлекает внимание исследователей. В условиях динамичности происходящих социально-культурных процессов в современном мире меняется содержание ролей, семейных отношений и родительства, происходит разделение сфер психологического взаимодействия между родителями, трансформируется статус отца. Многие исследователи указывают на кризис отцовства, который характеризуется, в частности, неопределенностью границ и форм проявления отца в отношениях с детьми. Значимым представляется исследование характера взаимодействия современных отцов со своими детьми-подростками.

Влияние отца на развитие личности ребенка изучалось психоаналитиками [Гулина, Васильева 2018; Клепцов, Клепцова 2023], представителями теории семейных систем [Варга, Хамитова 2005] и психологии детско-родительских отношений [Борисенко, Портнова 2006] и др. Исследование проблем отцов и отцовства привлекает особое внимание исследователей в последние десятилетия. Так, описаны феномены вовлеченного отцовства [Авдеева, Хоффман 2019; Янак 2018; Lamb et al. 1987], социального отцовства [Шевченко 2023], ответственное родительство [Безрукова 2016], модели отцовства [Безрукова, Самойлова 2022; Чикалова 2016], типы отцов [Архиреева 2012; Бекетова, Мамедова 2022; Schneider 1989] и отцовского поведения [Marks, Palkovitz 2004]. Отмечается сдвиг от традиционного к новому отцовству, эмоциональная вовлеченность отцов в заботу о ребенке наряду с сомнениями в родительской компетентности [Безрукова, Самойлова 2022; Клепцов, Клепцова 2021].

Обоснованы значимость вклада отца в развитие и взросление ребенка [Авдеева, Хоффман 2019; Бекетова, Мамедова 2022; Борисенко, Портнова 2006; The role of the father... 2010], прочность отношений с детьми у вовлеченных отцов [Безрукова, Самойлова 2022], детерминированность отцовских качеств ценностными ориентациями, признаваемыми обществом на конкретном этапе его развития [Безрукова 2016], успешности детей от благоприятной психологической атмосферы, создаваемой отцами дома [Baker 2016; Downer et al. 2008], условия становления положительного отношения отца к ребенку (внутренняя мотивация и сформированные семейные ценности) [Архиреева 2012]. Описаны родительский потенциал отцов [Безрукова 2016], этапы развития отцовства [Клепцов, Клепцова 2021]. Представлена эволюция научных исследований отцовства в социально-психологическом аспекте [Шевченко 2023], определены основные направления исследования роли отца в родительстве [Антипова 2019]. Осуществлен анализ архетипов отцовства, выделены функции мужчины в отцовстве [Клепцов, Клепцова 2021]. Отмечается смена представлений об отцовстве в обществе и противоречивость установок в отношении отцовства у современных мужчин [Клепцов, Клепцова 2021]. Представлены результаты исследований, в которых обосновываются трудности отцов в воспитании детей и общении с ними, отмечается недостаточное осознание им своей роли в жизни ребенка [Бекетова, Мамедова 2022], описываются взаимодействия между отцом и ребенком [Карельская 2015; Рождественская 2010].

Однако значительное количество исследований роли отца посвящено отношениям с детьми дошкольного возраста. Отмечается, что отцы большое внимание уделяют эмоциональной поддержке своих детей, создают стабильные социальные отношения [Латышева 2013; Токарева и др. 2014; Шевченко 2023]. В качестве основных характеристик ответственного отцовства указываются эмоциональная близость с детьми, вовлеченность в непосредственный уход, общение и игры с ребенком, забота, ответственность за развитие [Шевченко 2023], взаимодействие, реагирование на потребности ребенка, ответственность о благополучии детей [Lamb et al. 1987]. Отмечается, что выраженную строгость в отношениях с детьми демонстрируют менее 50 % родителей [Колодина 2016]. Перспективным считается комплексный анализ феномена отцовства в системе детско-родительских отношений [Чикалова 2016].

Цель данного исследования – выявить характеристики взаимодействия отца с детьми подросткового возраста. Мы исходили из предположения о том, что отцы осознают свою роль в становлении личности подростка и одной из особенностей их взаимодействия с детьми является отсутствие строгости в отношениях. Кроме того, мы полагали, что существует связь между характеристиками отношений отца с подростками с видением этих отношений самими подростками.

Для верификации гипотезы нами были проанализированы основные подходы к описанию типов отцовства и характеристик взаимодействия отцов с детьми, исследованы уровень вовлеченности отца в жизнь ребенка, идентичность родителя в семье и характеристики, описывающие взаимодействие отца с подростком.

Феномен отцовства рассматривается как компонентное образование, включающее вовлеченность отца в жизнь ребенка, идентичность его семейной роли и характеристики взаимодействия с подростком.

Методы и материалы

В зависимости от поставленных задач использовались теоретические и диагностические методы. Оценка установки на вовлеченное отцовство в жизнь ребенка осуществлялась с использованием Шкалы отцовских установок (Дж. Плек) [Борисенко 2007]. Отцам предлагалось оценить высказывания по 4-балльной шкале. Показатель менее 8 баллов свидетельствовал

о невключенности в жизнь ребенка и избегании ответственности, нежелании общаться с ним, менее 16 – неответственном отношении к ребенку, менее 23 – непонимании отцом своей роли в развитии личности, 24 и более – вовлеченном отцовстве, понимании отцом своей роли в развитии ребенка. Полученные ответы позволили определить установки на вовлеченное отцовство по следующим характеристикам:

- исключенность из жизни ребенка и избегание ответственности, нежелание отца общаться с ребенком, в данном случае ребенок воспринимается отцом как обуза;
- избегание или редкое общение, неответственное отношение к ребенку;
- непонимание роли отца в развитии личности ребенка, общение по случаю;
- вовлеченность в жизнь ребенка, ответственное отношение к родительству и понимание роли отца в развитии личности.

Изучение родительской идентичности отца в семье осуществлялось с использованием шкал Опросника родительской идентичности (Дж. Плек) [Борисенко 2007]. По 5-балльной шкале отцы оценивали утверждения по 2 шкалам родительской идентичности (в уходе за ребенком и в роли кормильца). На основании суммирования баллов по шкалам определялась идентификация отцом своей семейной роли как родителя, осуществляющего уход за ребенком или как родителя-кормильца своей семьи.

Оценка отцовско-детского контакта с точки зрения его оптимальности осуществлялась с помощью методики измерения родительских установок (PARI) Е. С. Шефер и Р. К. Белл (в адаптации Т. В. Нещерет)¹. В исследовании использовался блок шкал, направленный на выявление отношений родителей к детям. Отцам предлагалось оценить утверждения (по 4-балльной шкале), касающиеся воспитания детей. В целях данного исследования отцам было предложено оценивать утверждения в отношении своих собственных детей, а не детей вообще. Оценка отцовско-детского контакта с точки зрения его оптимальности осуществлялась путем сравнения средних оценок по шкалам:

- оптимальный эмоциональный контакт: побуждение словесных проявлений, вербализации, партнерские отношения, развитие активности ребенка, уравнивательные отношения между родителями и ребенком;

¹ Методика PARI (Е. С. Шефер, К. Белл; адаптация Т. В. Нещерет). *Психологические тесты*, ред. А. А. Карелин. М.: ВЛАДОС, 2001. Т. 2. С. 130–143.

- излишняя эмоциональная дистанция отца со своим ребенком: раздражительность, вспыльчивость, суровость, излишняя строгость, уклонение от контакта с ребенком;
- излишняя концентрация на ребенке: чрезмерная забота, установление отношений зависимости, преодоление сопротивления, подавление воли, создание безопасности / опасение обидеть, исключение внесемейных влияний, подавление агрессивности, чрезмерное вмешательство в мир ребенка, стремление ускорить развитие ребенка.

Особенности взаимодействия отцов с сыном / дочерью выявлялись с использованием методики «Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская) [Марковская 1998], вариант для подростков и их родителей по шкалам: нетребовательность – требовательность родителя, мягкость – строгость родителя, автономность – контроль родителя по отношению к ребенку, эмоциональная дистанция – близость ребенка к родителю, отвержение – принятие ребенка родителем, отсутствие – наличие сотрудничества, несогласие – согласие между ребенком и родителем, непоследовательность – последовательность родителя, авторитетность родителя, удовлетворенность отношениями ребенка с родителем. Отцы и их дети-подростки одновременно осуществляли оценку своего видения взаимодействия (отцы с детьми, дети с отцами). Отцам и их детям присваивался один шифр, чтобы можно было оценить схожесть или, наоборот, разногласия на видение характера взаимодействия со стороны отца и ребенка.

Кроме того, использовалась шкала лжи с целью исключения из выборки тех респондентов, которые искажают факты и информацию при ответах на вопросы.

Обработка результатов исследования осуществлялась с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена и U-критерия Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие: мужчины-отцы в возрасте 40–46 лет, с высшим образованием, имеющие детей подросткового возраста, а также их дети в возрасте 12–15 лет. Выборка формировалась с учетом состава семьи (полные семьи), наличия 2-х детей (один из них подросток), месту и условиям проживания (город, обеспеченные семьи). В выборку вошли успешные отцы, имеющие достижения в профессиональной деятельности и заинтересованные в выстраивании продуктивных отношений со своими взрослеющими детьми. В выборке было представлено равное коли-

чество подростков-мальчиков и девочек. На первом этапе исследования приняли участие 219 отцов и 111 подростков, из которых сформировалось 40 пар (отец – подросток), показавшие низкий результат по шкале лжи.

Результаты

Результаты исследования отцовских установок показали, что абсолютное большинство отцов понимают свою роль в развитии личности своего ребенка и демонстрируют вовлеченность в его жизнь. Все отцы идентифицируют себя с родителем, осуществляющим уход за ребенком и отвечающим за его воспитание и развитие, а не с родителем-кормильцем. Характер отношений с детьми, по мнению отцов, мягкий: три четверти считают себя нестрогим родителем в отношении со своим подростком, половина отцов принимают подростка таким, какой он есть, чуть больше половины опрошенных отцов проявляют сотрудничество во взаимодействии с подростком. При этом лишь 35 % отцов отметили свою последовательность в отношениях с ребенком.

При оценке отцами своего контакта с детьми-подростками по шкалам, описывающим оптимальный эмоциональный контакт (побуждение словесных проявлений / вербализации, партнерские отношения, развитие активности ребенка, уравнивательные отношения между родителями и ребенком), они набрали 13–15 баллов из 20 возможных, признак считается не выраженным, но имеющим тенденцию к росту. По шкалам, описывающим излишнюю эмоциональную дистанцию с ребенком (раздражительность / вспыльчивость, суровость / излишняя строгость, уклонение от контакта с ребенком), отцы получили от 10 до 12 баллов, что также не является выраженным признаком, но он имеет тенденцию к снижению. По шкалам, описывающим излишнюю концентрацию на ребенке (чрезмерная забота / установление отношений зависимости, преодоление сопротивления / подавление воли, создание безопасности / опасение обидеть, исключение внесемейных влияний, подавление агрессивности; подавление сексуальности; чрезмерное вмешательство в мир ребенка; стремление ускорить развитие ребенка), отцы набрали от 12 до 14 баллов – признак не является выраженным, но имеет тенденцию к снижению.

Полученные результаты позволяют констатировать, что отцы используют поощрительные вербальные проявления (поддерживают, хвалят подростка), характер взаимодействия отцов с подростком чаще имеет партнерские отношения (взаимодействие

на равных). Кроме того, отношения отцов с подростками – нестрогие, не избегающие контакта друг с другом, остро не выражено раздражение и гиперопека, не происходит подавление воли, что важно для подростка. Таким образом, мы можем наблюдать тенденцию – стремление отцов к улучшению эмоционального контакта, снижению эмоциональной дистанции с ребенком и излишней концентрации на подростке.

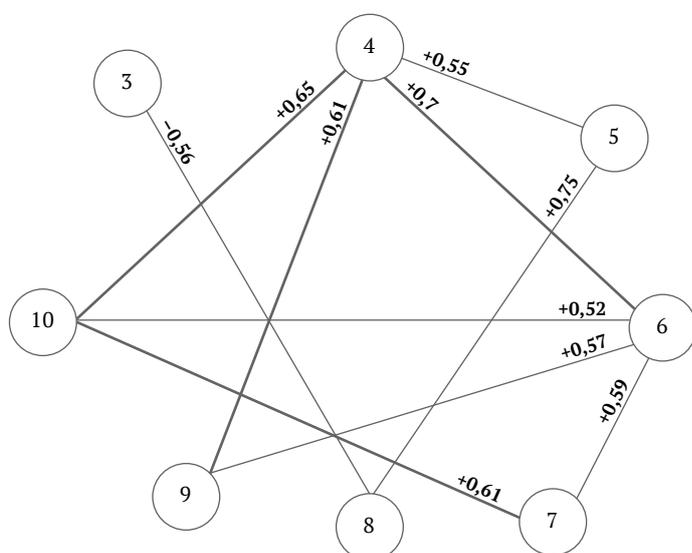
Рассмотрим результаты видения отцами характера своих отношений с детьми. На основании оценки отцами особенностей отношений со своими детьми были установлены корреляционные связи между параметрами взаимодействия с детьми-подростками (рис. 1). На рисунке жирными линиями обозначены более сильные взаимосвязи между шкалами, в отличие от тонких линий, где связь есть, но она слабее.

Взаимосвязь характеристик взаимодействия отцов с детьми-подростками осуществлялась с помощью процедуры корреляционного анализа значений характеристик взаимодействия по шкалам методики «Взаимодействие родитель – ребенок». Наибольшее количество связей выявлено по параметру *эмоциональная дистанция ребенка к родителю* (шкала 4) с такими характеристиками взаимодействия, как отвержение ребенка родителем (шкала 5; $r = 0,55$; $p = 0,05$), сотрудничество (шкала 6; $r = 0,7$; $p = 0,002$), авторитет родителя (шкала 9; $r = 0,61$; $p = 0,04$) и удовлетворенность отношениями родителя с ребенком (шкала 10; $r = 0,65$; $p = 0,3$). Это свидетельствует о том, что отец принимает своего ребенка, если испытывает к нему

эмоциональную близость; при эмоциональной близости отца с ребенком-подростком в их отношениях есть сотрудничество; авторитет отца растет и он испытывает больше удовлетворенности от отношений со взрослеющим ребенком.

Выявлено, что отвержение родителем ребенка (шкала 5) связано с непоследовательностью родителя (шкала 8) ($r = 0,75$; $p = 0,02$): чем больше отец принимает своего взрослеющего ребенка, тем последовательнее он в своих действиях. Кроме того, согласие между ребенком и родителем (шкала 7) положительно связано с удовлетворенностью отношениями родителя с ребенком (шкала 10) ($r = 0,61$; $p = 0,05$): удовлетворенность отношениями с ребенком у отца растет пропорционально согласию в их отношениях. Сотрудничество (шкала 6) связано с согласием (шкала 7; $r = 0,59$; $p = 0,3$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,57$; $p = 0,5$) и удовлетворенностью отношениями родителя с ребенком (шкала 10; $r = 0,52$; $p = 0,3$ соответственно): при сотрудничестве с ребенком у отца возрастает согласие в отношениях и авторитет.

Отрицательная корреляция обнаружена между автономностью родителя по отношению к ребенку (шкала 3) и непоследовательностью родителя (шкала 8; $r = -0,56$; $p = 0,05$): чем больше автономности проявляет отец по отношению к своему подростку, тем больше проявляется последовательности в его действиях; если в этих отношениях отец непоследователен, не постоянен в своих требованиях, контроль со стороны родителя возрастает.

Прим.: 3 – автономность / контроль родителя по отношению к ребенку; 4 – эмоциональная дистанция / близость ребенка к родителю; 5 – отвержение / принятие родителем ребенка; 6 – отсутствие / наличие сотрудничества; 7 – несогласие / согласие между ребенком и родителем; 8 – непоследовательность / последовательность родителя; 9 – авторитет родителя; 10 – удовлетворенность отношениями отца с ребенком
 Note: 3 – parent-to-child autonomy / control; 4 – child-to-parent emotional distance / closeness; 5 – rejection / acceptance of the child by the parent; 6 – absence / presence of cooperation; 7 – disagreement / agreement between the child and the parent; 8 – inconsistency / consistency of the parent; 9 – authority of the parent; 10 – satisfaction with the relationship between the father and the child

Рис. 1. Согласованность характеристик взаимодействия с ребенком по оценке отцов (r)
 Fig. 1. Consistency of characteristics of interaction with the child as assessed by fathers (r)

Таким образом, наибольшее количество связей, описывающих характеристики взаимодействия отцов с подростками, обнаружено по шкале эмоциональная дистанция – близость ребенка к родителю. Вероятно, можно говорить о том, что эмоциональная близость отцов к своим детям-подросткам является одной из ведущих характеристик взаимодействия, которая может способствовать качественному изменению всех других особенностей подростково-отцовского взаимодействия.

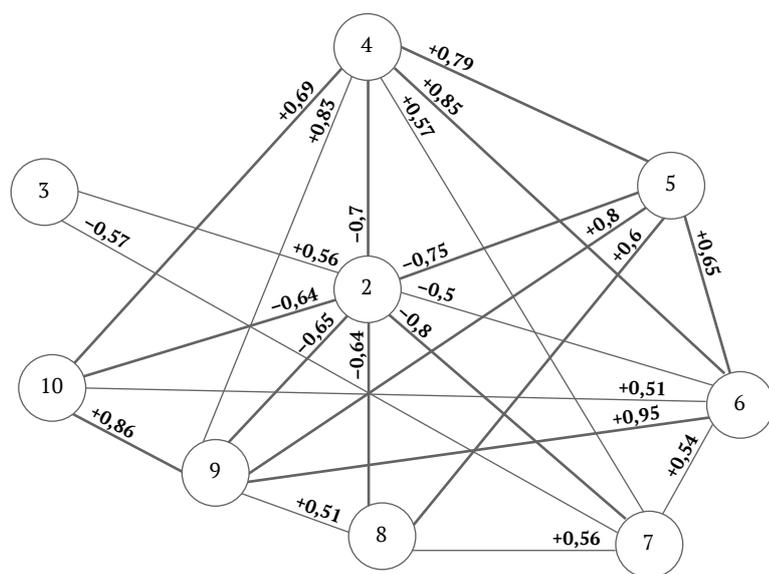
Оценка подростками характера отношений с отцами также позволила установить связи между шкалами, описывающими параметры их взаимодействия (рис. 2). На рисунке жирными линиями обозначены более сильные взаимосвязи между шкалами, в отличие от тонких линий, где связь есть, но она слабее.

Наибольшее количество значимых связей выявлено по шкале 2 (мягкость – строгость родителя): положительная – с автономностью по отношению к ребенку (шкала 3; $r = 0,56$; $p = 0,3$): чем менее строгий отец, тем больше автономии в их отношениях с подростками; отрицательная – с эмоциональной дистанцией ребенка к родителю (шкала 4; $r = -0,7$; $p = 0,2$), отвержением ребенка родителем (шкала 5; $r = -0,75$; $p = 0,3$), сотрудничеством (шкала 6; $r = -0,5$; $p = 0,4$), несогласием между ребенком и родителем (шкала 7; $r = -0,8$; $p = 0,3$), непоследовательностью родителя (шкала 8; $r = -0,64$; $p = 0,4$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = -0,65$; $p = 0,4$) и удовлетворенностью

отношениями ребенка с родителем (шкала 10; $r = -0,64$; $p = 0,5$): нестрогий отец способствует таким особенностям взаимодействия, как эмоциональная близость, принятие, сотрудничество, согласие и последовательность; при снижении строгости в отношениях между папой и ребенком растет его авторитет и удовлетворенность подростка отношениями с отцом.

Отрицательная корреляция обнаружена между автономностью родителя по отношению к ребенку (шкала 3) и несогласием между ребенком и родителем (шкала 7; $r = -0,57$; $p = 0,5$): с увеличением автономности между подростком и отцом появляется больше согласия в их отношениях, а с увеличением контроля отцом подросток проявляет сопротивление, и их взаимодействие характеризуется несогласием.

Выявлена положительная связь эмоциональной дистанции ребенка к родителю (шкала 4) с отвержением ребенка родителем (шкала 5; $r = 0,79$; $p = 0,1$), отсутствием сотрудничества (шкала 6; $r = 0,85$; $p = 0,1$), несогласием между ребенком и родителем (шкала 7; $r = 0,57$; $p = 0,3$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,83$; $p = 0,1$) и удовлетворенностью отношениями ребенка с родителем (шкала 10; $r = 0,69$; $p = 0,2$): чем больше эмоциональной близости в отношениях с отцом испытывает подросток, тем больше в их взаимоотношениях принятия, сотрудничества и согласия, растет авторитет родителя в глазах ребенка, и подросток испытывает удовлетворенность отношениями со своим отцом.

Прим.: 2 – мягкость / строгость родителя; 3 – автономность / контроль родителя по отношению к ребенку; 4 – эмоциональная дистанция / близость ребенка к родителю; 5 – отвержение / принятие родителем ребенка; 6 – отсутствие / наличие сотрудничества; 7 – несогласие / согласие между ребенком и родителем; 8 – непоследовательность / последовательность родителя; 9 – авторитет родителя; 10 – удовлетворенность отношениями отца с ребенком

Note: 2 – softness / severity of the parent; 3 – parent-to-child autonomy / control; 4 – child-to-parent emotional distance / closeness; 5 – rejection / acceptance of the child by the parent; 6 – absence / presence of cooperation; 7 – disagreement / agreement between the child and the parent; 8 – inconsistency / consistency of the parent; 9 – authority of the parent; 10 – satisfaction with the relationship between the father and the child

Рис. 2. Согласованность характеристик взаимодействия с отцом по оценке подростков (r)

Fig. 2. Consistency of characteristics of interaction with father as assessed by teenagers (r)

Обнаружена положительная связь отвержения ребенка родителем (шкала 5) с отсутствием сотрудничества (шкала 6; $r = 0,65$; $p = 0,2$), непоследовательностью родителя (шкала 8; $r = 0,6$; $p = 0,2$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,8$; $p = 0,1$): чем больше подросток испытывает принятия со стороны отца, тем больше проявляет сотрудничества и последовательности в отношениях с ним, повышается авторитет и удовлетворенность отношениями с отцом.

Кроме того, установлены положительные связи сотрудничества (шкала 6) с несогласием между ребенком и родителем (шкала 7; $r = 0,54$; $p = 0,5$), авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,95$; $p = 0,05$) и удовлетворенностью отношениями ребенка с родителем (шкала 10; $r = 0,51$; $p = 0,1$): сотрудничество в отношениях отца и подростка способствует росту авторитета первого и удовлетворенности отношениями с отцом второго.

Выявлено, что несогласие между ребенком и родителем (шкала 7) связано с непоследовательностью родителя (шкала 8; $r = 0,56$; $p = 0,3$): последовательность отца в отношениях с ним повышает авторитет для ребенка. Последовательность родителя (шкала 8) связана с авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,51$; $p = 0,5$): в глазах подростка последовательность отца в отношениях с ним повышает авторитет для ребенка. Удовлетворенность отношениями ребенка с родителем (шкала 10) связана с авторитетом родителя (шкала 9; $r = 0,86$; $p = 0,2$): с ростом авторитета отца повышается удовлетворенность подростка отношениями с ним.

Таким образом, наибольшее количество связей, описывающих характеристики взаимодействия подростков со своими отцами, обнаружено по шкале *мягкость – строгость родителя*, что может свидетельствовать о том, что для подростков важным представляется установление отцом адекватных (нестрогих) правил во взаимоотношениях, нежесткое принуждение к чему-либо. Вероятно, эта характеристика, по мнению подростков, может определять другие особенности отношений с отцом.

Анализ значений характеристик взаимодействий отцов с детьми (U-критерия Манна-Уитни) показал отсутствие различий между отцами и детьми ($p > 0,5$). В связи с этим можно предположить, что в характеристиках взаимодействия отцов со своими детьми-подростками нет разногласий.

Анализ результатов исследования послужил основой для разработки программы психологического

просвещения отцов, направленной на развитие продуктивных отношений с ребенком, переживающих подростковый кризис. С этой целью был разработан Телеграм-канал «Отцы и дети»², в структуре которого было выделено пять блоков: Просто о сложном; Кризисный возраст: как пережить; Родительская аптечка; Сказки и притчи (философские и психологические сказки и притчи об отношениях отцов и детей); Вопросы и ответы: обсуждаем, что тревожит в отношениях с детьми. Полученная от отцов обратная связь (в виде опроса в канале после 6 месяцев его функционирования) свидетельствует об интересе к представленной информации (100 %), использовании ее в отношениях с детьми (86 %). Все отцы отметили, что стали лучше понимать своих детей.

Заключение

Результаты исследования показали вовлеченность отцов в жизнь ребенка, ответственное отношение к родительству и понимание своей роли в развитии личности подростка. Отец идентифицирует свою семейную роль как роль родителя, отвечающего за воспитание и развитие ребенка. Отцы стремятся к улучшению эмоционального контакта, снижению эмоциональной дистанции с ребенком и излишней концентрации на подростке. Отцы и дети-подростки демонстрируют единство в оценке своих отношений: отец является нестрогим, а особенностями их взаимодействия является принятие, сотрудничество и последовательность со стороны отца. Отцы и подростки в равной степени удовлетворены своими отношениями друг с другом.

Исследование субъективной оценки обнаружило, что основной характеристикой отношений с детьми-подростками, по мнению отцов, выступает их эмоциональная близость, которая может способствовать качественному изменению всех других особенностей подростково-отцовского взаимодействия, по мнению подростков, такой характеристикой является отсутствие строгости в отношениях. Полученные результаты могут свидетельствовать и о формировании образа мягкого отца в представлении подростков. Этот феномен требует дальнейшего исследования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

² Отцы и дети. URL: https://t.me/+_FdOpPJ_MwU3MGVi (дата обращения: 20.12.2023).

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. В. Скорова – разработка дизайна исследования, сбор эмпирического материала, обобщение материалов, написание и редактирование

статьи. Я. В. Новгородцева – сбор эмпирического материала, обработка и анализ данных.

Contribution: L. V. Skorova designed the research, collected the empirical material, generalized the materials, wrote and proofread the article. Ya. V. Novgorodtseva collected the empirical material, as well as processed and analyzed the data.

Литература / References

- Авдеева Н. Н., Хоффман Б. Я. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями. *Современная зарубежная психология*. 2019. Т. 8. № 4. С. 69–78. [Avdeeva N. N., Hoffman B. Ya. Current research on adolescents' relationships with parents. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2019, 8(4): 69–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080407>
- Антипова О. Л. Психология отцовства: тенденции исследования роли отца в родительстве. *Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение*. 2019. № 1-2. С. 27–31. [Antipova O. L. Psychology of paternity: Trends in research of the role of the father in the parent. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*, 2019, (1-2): 27–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwivrj>
- Архиреева Т. В. Личностные детерминанты отношения отца к ребенку. *Вопросы психологии*. 2012. № 5. С. 52–61. [Arkhireyeva T. V. Personality determinants of a child's attitude to the father. *Voprosy Psikhologii*, 2014, (5): 52–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyhlen>
- Безрукова О. Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы. *Социологические исследования*. 2016. № 3. С. 118–127. [Bezrukova O. N. Values of parenthood: Structure, types, resources. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, (3): 118–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxvztp>
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 94–106. [Bezrukova O. M., Samoylova V. A. Fatherhood in modern Russia: Meanings, values, practices and intergenerational translation. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022, (2): 94–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0>
- Бекетова Е. Н., Мамедова Л. В. Классификация ролевых моделей отцовства. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2022. Т. 11. № 4-1. С. 219–226. [Beketova E. N., Mamedova L. V. Classification of role models of fatherhood. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 11(4-1): 219–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvrild>
- Борисенко Ю. В. Психология отцовства. М.–Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2007. 220 с. [Borisenko Ju. V. *Psychology of fatherhood*. Moscow-Obninsk: IG-SOTsIN, 2007, 220. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tbjamd>
- Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе. *Вопросы психологии*. 2006. № 3. С. 122–131. [Borisenko Ju. V., Portnova A. G. The problem of fatherhood in modern society. *Voprosy Psikhologii*, 2006, (3): 122–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcbpzp>
- Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. *Московский психотерапевтический журнал*. 2005. № 2. С. 137–146. [Varga A. Ya., Khamitova I. Yu. Murray Bowen's theory of family systems. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2005, (2): 137–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kgcffb>
- Гулина М. А., Васильева Н. Л. «Отцы и дети»: психоаналитический взгляд на роль отца в развитии личности ребенка. *Консультативная психология и психотерапия*. 2018. Т. 26. № 4. С. 151–168. [Gulina M. A., Vasilyeva N. L. "Fathers and children": Psychodynamic view on father's role in child's development. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018, 26(4): 151–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260410>
- Карельская Л. П. Тенденции развития современного института отцовства. *Наука и образование: современные тренды*. 2015. № X. С. 30–38. [Karelskaya L. P. Trends in the development of the modern institution of fatherhood. *Nauka i obrazovanie: sovremennye trendy*, 2015, (X): 30–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vspxit>
- Клепцов Н. Н., Клепцова Е. Ю. Отцовство в юнгианской психологии. *Человеческий капитал*. 2023. № 4. С. 180–185. [Kleptsov N. N., Kleptsova E. Yu. Fatherhood in Jungian psychology. *Human capital*, 2023, (4): 180–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/HC.2023.04.20>

- Клепцов Н. Н., Клепцова Е. Ю. Феномен отцовства в современном обществе. *Человеческий капитал*. 2021. № 2. С. 81–89. [Kleptsov N. N., Kleptsova E. Yu. The phenomenon of fatherhood in modern society. *Human capital*, 2021, (2): 81–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/HC.2021.02.07>
- Колодина А. В. Представления родителя о ребенке как фактор детско-родительских отношений. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2016. № 2. С. 69–77. [Kolodina A. V. Representation of the parent of the child as factor of the child parental relations. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2016, (2): 69–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdxztl>
- Латышева Ю. А. Феномен отцовства: современные исследования. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2013. Т. 19. № 1. С. 47–51. [Latesheva Yu. A. The phenomenon of paternity: Modern research. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Serii: Pedagogika. Psikhologii. Sotsialnaia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2013, 19(1): 47–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcellz>
- Марковская И. М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми. *Журнал практического психолога*. 1998. № 3. С. 24–25. [Markovskaya I. M. Questionnaire for studying the interaction between parents and children. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 1998, (3): 24–25. (In Russ.)]
- Рождественская Е. Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? *Социологический журнал*. 2010. № 3. С. 75–89. [Rozhdestvenskaya E. Yu. Fatherhood: A liberal trend from "father" to "daddy"? *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2010, (3): 75–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/noatjg>
- Токарева Ю. А., Носкова М. В., Свеженцева Е. А. Феномен современного отцовства: психология детско-родительского взаимодействия отца с ребенком. Екатеринбург: УГМА, 2014. 283 с. [Tokareva Yu. A., Noskova M. V., Svezhentseva E. A. *The phenomenon of modern fatherhood: Psychology of child-parent interaction between father and child*. Ekaterinburg: USMA, 2014, 283. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrjyej>
- Чикалова Е. А. Отцовство в фокусе западных социологических и психологических исследований: проблемы и перспективы. *Петербургская социология сегодня*. 2016. № 7. С. 201–215. [Chikalova E. A. Fatherhood in focus of Western sociological and psychological research: Problems and prospects. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2016, (7): 201–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhrygr>
- Шевченко И. О. Эволюция научных исследований отцовства. *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14. № 3. С. 175–196. [Shevchenko I. O. Evolution of scientific research on fatherhood. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023, 14(3): 175–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12>
- Янак А. Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2018. № 2. С. 124–131. [Yanak A. L. Father involvement in different types of families. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2018, (2): 124–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwppood>
- Baker C. E. When daddy comes to school: Father–school involvement and children’s academic and social–emotional skills. *Early Child Development and Care*, 2016, 188(2): 208–219. <https://doi.org/10.1080/03004430.2016.1211118>
- Downer J., Campos R., McWayne C., Gartner T. Father involvement and children’s early learning: A critical review of published empirical work from the past 15 years. *Marriage & Family Review*, 2008, 43(1-2): 67–108. <https://doi.org/10.1080/01494920802010264>
- Lamb M. E., Pleck J. H., Charnov E. L., Levine J. A. A biosocial perspective on parental behavior and involvement. *Parenting across the life span: Biosocial dimensions*, ed. Altmann J. NY: Routledge, 1987, 111–142.
- Marks L., Palkovitz R. American fatherhood types: The good, the bad, and the uninterested. *Fathering*, 2004, 2(2): 113–129.
- Schneider W. *Die neuen Vater. Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft*. Augsburg: AV-Verlag, 1989, 177.
- The role of the father in child development*, ed. Lamb M. E. Hoboken: Wiley, 2010, 672.

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 12.04.2024.

Дата выхода в свет 24.04.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 19,53. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

